

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Гарри ГАРРИСОН
Коллин КАПП

ТРЕТЬИ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

9

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Зарубежная остросюжетная фантастика

**Гарри ГАРРИСОН
Коллин КАПП**

ТРЕТЬИ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

Таллинн «Библиотека «Лооминг» 1993

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериал «Звездные войны» является интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняется Законом.

Перепечатка данного сериала с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

Г. Гаррисон, К. Капп

«Третьи звездные войны». Перевод с англ. Составитель А. Саяпин.— Таллинн: «Библиотека «Лооминг», 1993,—352 стр., ил. («Библиотека зарубежн. кримин. и приключенческого романа») Выпуск 9.

Продолжаем публикацию сериала «Звездные войны». В десятом томе серии мы предлагаем Вам три суперновых космических боевика, впервые публикуемых на русском языке.

В первом романе знаменитого Гарри Гаррисона «Пункт вторжения - Земля» наша планета подвергается космическому нападению со стороны коварных пришельцев. Уничтожен ряд русских и американских городов. КГБ и спецслужбы США объединяются, чтобы совместными усилиями противостоять космическим агрессорам...

В романе известного писателя-фантаста Колина Каппа «Агент Галактики»: агент отдела специальных заданий Звездной Службы — Брайн направляется в самое логово врага с секретным заданием: выжигать координаты базы Разрушителей. Флот Службы, подкреплённый крейсерами Федеральных Служб, готов уничтожить целую планетную систему, лишь бы добраться до базы Разрушителей. Только такой ценой можно было уничтожить сеющую страх в Галактике Федерацию Разрушителей...

Во втором романе этого же автора, являющегося логическим продолжением первого и посвящён названию «Оружие Хаоса» — субинспектор Джим Влэхейт вместе с озабоченной молодой девушкой-телепаткой, великолепно владеющей приемами восточного единоборства, и невидимым, являющимся его личным существом-симбиотом, обладающим сверхъестественными способностями, получают секретное задание: найти и уничтожить Оружие Хаоса — странное изменяющее реальность оружие, которое стало угрожать безопасности всей Галактики...

Г, К 470310100 —1 / Без объявл. /
904 / 15 / 93

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-7979-0475-6

ПУНКТ ВТОРЖЕНИЯ — ЗЕМЛЯ

ПРОЛОГ

ПРИБЫТИЕ

Объект появился над Тихим океаном перед самым рассветом, взорвался над горизонтом и, пронзительно вой, со скоростью метеорита пересек береговую линию Калифорнии. Он несся со скоростью, близкой к пятикратной звуковой, и по всем законам физики непременно должен был загореться. Но он не загорелся. Когда предмет находился над Канзасом, он резко снизил скорость до трех махов. Он двигался так стремительно, что был над территорией штата Аризона еще до того, как первый грохот его сверхзвукового полета ударил по грунту. Взрыв отразился от окон, ввел в действие бесчисленное количество сигнализационных систем против взлома, заставил каждую собаку на пути своего следования пронзительно взвыть. В то же самое мгновение военный радар раннего обнаружения ожил. Атака впра!.

Истребители-перехватчики покинули взлетные полосы. Реактивным снарядам класса "Земля-Воздух" был дан нулевой отсчет, межконтинентальные ракеты застыли в готовности в пусковых шахтах. Сигнал к атаке был почти дан. Не было ничего парадоксального в траектории, которой придерживался атакующий снаряд. Он пришел из неправильного места, с неправильной скоростью и на неправильной высоте. Менее чем за тридцать минут он пересек всю территорию Соединенных Штатов, сопровождаемый на своем пути нацеленными ракетами. Но и они не стартовали.

— С этой штукой все неверно, — сказал за всех контролер военного радара. — Мы не знаем, что это за птица, способная летать таким образом, но, в любом случае, это не русские.

— Будем надеяться, — криво усмехнулся дежурный офицер, взирая на красный телефон перед собой и ожидая ответ на свой неурочный звонок. Президент должен быть сейчас на "горячей" линии с Москвой, получая ответ на свой очень важный вопрос.

Он прижал трубку к уху немедленно, как только прозвенел звонок и, внимательно слушая, кивнул.

— Да, сэр, — сказал он, повесив трубку. — Вы были правы. Это не русские. Они удивлены так же, как и мы: разведка убеждена, что это не может быть их объект. Но если не они?..

Он многозначительно произнес мысль вслух о возможном происхождении летательного аппарата, подобного этому. Аналогичным образом поступили и все остальные. Они наблюдали и ждали. Но не долго.

Сприводящей в замешательство внезапностью, как и ранее произведенное изменение скорости, аппарат снизился до тысячи футов, пересекая штат Нью-Джерси. Он повернул на север, направляясь к острову Манхэттен.

Он не делал никаких виражей. Он просто изменил курс на девяносто градусов. На радаре экрана курс выглядел буквой "Г".

Он держал курс к Всемирному Торговому Центру, самому высокому зданию в мире.

Шарон Фаркнер в это самое мгновение стояла у южного окна на девяностом этаже. Ее невидящий взгляд замер на привлекательном виде, раскрывающемся отсюда, мысли были заняты необходимыми покупками, которые она хотела сделать по пути домой. Блик света на горизонте привлек ее внимание. Она пристально взглянула на черное пятнышко, растущее внизу, увеличивающееся буквально с каждым ударом сердца. Нечто огромное и черное направилось прямо на нее, затем мимо, сопровождаемое взрывом звука. Отверстие диаметром в фут пропороло здание в десяти футах от нее, хотя всего лишь небольшая часть объекта слегка коснулась торговой башни. При этом вспорхнули куски пластика и поднялось облако пыли. Затем в открывшуюся брешь в стене хлынул поток солнечного света. Она упала на крышку стола, затем медленно и безвольно сползла на пол.

Как будто торговые башни были его целью, объект начал снижаться, как только прошел мимо них. Его скорость медленно уменьшалась со сверх звуковой до звуковой, после того, как он пересек 42-ю Стрит. Он был на высоте менее фута над небоскребами Среднего Города, когда стал падать, подобно камню, на 52-ю Стрит. Его темная тень пятном выделялась на фоне солнца. Люди испуганно смотрели вверх, когда он падал на них, будто преднамеренно выбрав Центральный Зоологический парк местом своего крушения. Предмет обрушился на покатый склон внизу, пропахал глубокую борозду в земле до того как остановился. Его приземлением был стерт с лица земли посетитель парка, так же, как и нянька, толкавшая перед собой коляску с ребенком. Это были единственные жертвы.

В наступившей вслед за падением мертвой тишине слышны были крики и пронзительные свистки полицейских. В отдалении завывали первые сирены.

1. НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ С НЕБЕС

Нью-Йорк — город, который знает, как быстро двигаться. За пять минут полицейский кордон оттеснил зевак на сто ярдов от приземлившегося объекта. Два фотографа снимали через плечи толпы, а неистово водящий по окружающему объективом кинокамеры телеоператор был стащен с дерева.

Одновременно с касанием объекта земли светящаяся реклама на "Дейли Ньюс" возвестила: "Мы платим наличными любому, кто телефонирует нам достоверную информацию, полученную частным путем."

Вместе с пятью пожарными машинами на место происшествия прибыли патрульные полицейские автомобили. И когда, через добрых тридцать минут приземлился военный вертолет, ситуация была полностью под контролем.

— Надо взять здесь все под свое командование, — сказал генерал, распахивая дверцу кабины вертолета.

— Вы арестованы, — сказал седой капитан полиции. Его лицо выражало всю гамму эмоций куска гранита. Он указал пальцем, подобным заряженному пистолету, на пилота вертолета. — В вашем распоряжении десять секунд на то, что бы взлететь и покинуть эту зону. Шевелитесь.

— Вы не имсете!.. — заорал генерал одновременно с тем, как два полицейских вывернули ему руки за спину и защелкнули наручники на его запястьях.

Пилоту было достаточно одного взгляда на все это, чтобы запустить двигатель. Звук вращавшихся роторов заглушил голос орущего во всю глотку генерала.

Роб Хейвард достиг полицейского кордона как раз вовремя, чтобы стать свидетелем происшедшего. Он позволил себе одну кривую ухмылку удовольствия перед тем, как стереть все эмоции с лица. Вытащив из бумажника удостоверение личности, он двинулся через заградительную линию.

— Я — полковник Роберт Хейвард, секретная служба Военно-Воздушных Сил. Это мое удостоверение личности.

Капитан полиции взглянул на появившегося рядом с ним человека. Высокий, крепкий, с голубыми глазами на загорелом лице. Нос многократно сломан. Капитан впился взглядом в удостоверение личности.

— Что вы хотите, полковник? — спросил он. — Я могу снабдить вас некоторой информацией. Этот объект пересек Западный берег около часа назад. Мы засекли его здесь. Мы не имеем ни малейшего представления, что это такое...

— Официальная исследовательская бригада и армейский персонал на пути сюда, чтобы сменить вас. Все санкционировано президентом. Но пока они не прибыли, я настоятельно рекомендовал бы вам отодвинуть кордон еще на сотню ярдов и очистить улицу и здания в прилегающем районе.

Капитан кивнул.

— Я принимаю эти рекомендации, полковник. Сейчас займусь этим.

Ему пришлось повысить голос, чтобы заглушить хриплые выкрики скованного генерала.

Роб Хейвард наклонился вплотную и заговорил снова:

— Ваш пленник — генерал Хокер, командир гарнизона острова Говернор. Как вы думаете, нельзя ли освободить его под мою ответственность? Снаружи полицейского кордона, конечно.

— Я знаю, кто этот сукин сын. Вы получите его, если он вам нужен, — слабая улыбка исчезла так же быстро, как и появилась на его суровом лице. — Я только хотел поставить все точки над i в вопросе юриспруденции.

Было уже темно, когда военные соединения заменили полицию, но лучи прожектора сделали парк так же хорошо освещенным, как днем. Изменений не было. Покрытый бороздами девяностофунтовый клин голубого металла лежал неподвижным и немым. Оружие различного калибра было направлено на него, и все вокруг регистрировала масса записывающего оборудования. Роб Хейвард стоял вместе с немно-

гочисленной группой офицеров и ученых, которые решали, каким быть следующему шагу.

— Мы можем найти добровольца, чтобы он подошел и постучал молотком по этой штуке, — сказал генерал, стоявший среди них.

— Нам следовало бы подумать о несколько ином способе коммуникации, — презрительно фыркнул один из ученых. — Радиотрансляция, изменения частоты, ультрафиолетовые и инфракрасные...

— Тридцатимиллиметровое корабельное оружие позволит им узнать, что мы здесь, — сказал адмирал.

Роб Хейвард не лез в эту беседу. Он находился в затруднительном положении. Как руководитель Военно-воздушной разведки Восточного побережья, он не часто посещал Нью-Йорк и намеревался воспользоваться этим случаем. Его записывающая команда уже заняла исходные позиции. Старшие восные чины должны были обеспечить открытое движение. Он мог только наблюдать, пока события не войдут в сферу его юрисдикции.

Громкоговоритель, расположенный на коммуникационном трейлере, ожил, и зазвучал голос одного из операторов:

— Мы приняли коротковолновую трансляцию от объекта. И звуки...

Его голос потонул в металлическом грохоте, исходящем от предмета. Последовал грохот взрыва, когда металлическая плита отделилась от стенки и упала на землю. Солдаты с оружием наготове согнулись в напряженном ожидании, пальцы замсрли на курках.

— Не открывать огонь! — зазвучал повелительный голос. — Пока не последует приказ стрелять, не открывать огонь!

Человек, который сказал это, генерал Беллтайн, вышел вперед и повернулся лицом к солдатам. Старомодная трость постукивала по его бедру, пока он говорил. Их пальцы расслабились. Только когда он полностью удостоверился, что его команда понята, он повернулся и стал смотреть вместе со всеми в тишине на открывшееся отверстие.

Больше ничего не случилось. По истечении минуты, генерал подозвал одного из своих адъютантов и дал команду. Человек поспешил к поджидающим офицерам, внимательно вглядываясь в их лица. Они нетерпеливо смотрели на него. Он подошел к Роберту Хейварду и отдал честь.

— Генерал хочет вас видеть, полковник.

Роб тоже отдал честь и последовал за ним.

— Указание из Пентагона, — сказал Беллтайн. — Если эта штука не выскажет признаков агрессии, которая должна быть сразу же подавлена, я приведу в действие план "Л-67". Это вы и ваша команда, правильно?

— Да, генерал. "Л-67" — один из абстрактных планов, выдуманных для подобных случаев.

— Не говорите мне, будто вы предполагали, что подобное может случиться.

— Мы не предполагали, что что-нибудь случится, сэр. Просто мы имеем некоторое количество планов для различных экстремальных ситуаций. Могу я продолжать?

— Ваша команда на месте?

— Да, сэр.

— Тогда вперед! Удачи вам!

Роб коротко проговорил что-то в радиопередатчик, повернулся к двойной линии солдат и машин. "Л-67". Один из призрачных планов, над которыми все смеялись. Что, если приземлится летающая тарелка? Ха-ха. Ни один из них не смеется сейчас. Наверняка даже не улыбается.

Он откинул клапан палатки и вошел внутрь. Сержант уже держал портупею Роба с притороченным снаряжением.

Сержант Грут был шести футов и шести дюймов ростом. Большой, черный, он представлял собой того, кем выглядел. Он оставил Южную Африку, когда ему было меньше двадцати лет. Полиция там до сих пор разыскивает его. Попав в Америку, он немедленно записался в армию Соединенных Штатов. Его послужной список мог ошеломить любого, как и его репутация эксперта по рукопашному бою. Он работал с Робом в течение более чем шести лет, и их отношения были почти дружескими.

— Что мы знаем об этой штуке? — спросил Грут.

— Абсолютно ничего. Там есть открытая дверь. Мы пойдем вслепую. Ты готов, Шетли?

Капрал Шетли кивнул, застегивая ремни тяжелого коммуникационного ранца, расположенного за его плечами... Он был высоким и худым, с резко выдающимся адамовым яблоком. Он выглядел, и голос его звучал, как будто он пародировал, правда неудачно, контрабандиста из гор Теннесси. Он был специалистом в области радиоэлектроники, способным починить голыми руками любой прибор, созданный человеческим умом. Расположив на коленях катушку, он отмотал немного кабеля.

— Запись начата, — произнес он, включая телевизионную камеру с дополнительными адаптерами.

— Тогда пошли, — Роб плотно затянул ремни шлема и включил фонарь, прикрепленный к нему.

Они вышли друг за другом, точно так же, как практиковались сотни раз.

Отделение прикрытия ожидало их. Они заняли позиции в тылу без какого-либо приказа. По мере их продвижения солдат за солдатом оставались охранять тонкий коммуникационный кабель, который тянулся назад, к аппаратуре записи в палатке. Конечно, шла трансляция и по радио, но сигнал будет отрезан сразу же, как только они окажутся внутри металлического корпуса.

Кордон войск открыл проход, когда они приблизились, затем замкнулся за их спинами. Роб шел первым, остановившись только когда был на расстоянии протянутой руки от корпуса.

— Вход прямо передо мной, — сказал он. Микрофон подхватил его слова и передал на запись. — Отверстие прямоугольной формы, восьми футов высотой. Металлическая стенка по крайней мере в фут толщиной... Такой же металлический пол. Голубой цвет без указателей и надписей. Коридор поворачивает. Больше нет ничего видимого.

Он двинулся, перепрыгнул низкий порог и со стуком приземлился внутри. После этого, не медля, продолжал двигаться, пока не достиг поворота коридора. Там он остановился и подождал, пока подойдут остальные.

— Коммуникация? — спросил он.

— Все функционирует, полковник. Получится прекрасный домашний фильм.

— Будьте рядом. Если понадобится поддержка, я хочу получить ее быстро.

Хрюканье, не поддающееся расшифровке, было единственным ответом, но он знал, что Грут имеет в виду. Конечно же, он мог получить любую помощь, как только она ему понадобится.

— Продолжаем двигаться по коридору.

Он снова возглавил процессию. Один медленный шаг, затем внезапная остановка, когда Шетли заговорил:

— Прием и трансляция потеряны. Коммуникация осуществляется только по проводам.

— Впереди двери. Я останавливаюсь у ближайшей. Ручка отсутствует. В центре — диск оранжевого цвета. Я собираюсь коснуться диска...

Роб медленно протянул руку, зная, что массивный сержант Грут стоит за его спиной. Он так и не коснулся двери. Когда его пальцы были всего лишь в шести дюймах, сработал механизм. Раздался резкий щелкающий звук, и дверь провалилась в порог.

Когда они заглянули внутрь, Роб не смог подавить внезапный вздох. За его спиной Шетли что-то промышал и выругался сквозь зубы. Только Грут сохранил спокойствие, но ствол его автоматического пистолета сорок пятого калибра совершал медленные искательные движения, пока Роб не отодвинул его.

— Нам не понадобится оружие, — сказал он хрипло, затем прочистил горло. — Для записи. Дверь сейчас открыта, и мы рассматриваем то, что определенно представляет собой рубку этого летательного аппарата. Здесь есть много инструментов различного вида плюс экраны обзора, которые воспроизводят четкие картинки окружающего. Пилоты, если это они, оба определенно мертвы. Один из них на полу, за креслом. Другой сидит, но наклонен в сторону. Оба имеют многочисленные повреждения. Один, который лежит на полу, окружен лужей крови, возможно, так как разлитая по полу жидкость... зеленая. Эти существа — не люди в нашем понимании. Я подхожу ближе.

Роб медленно вошел в комнату. Его команда держалась на шаг позади. Пистолет Грута следил из стороны в сторону, на случай непредвиденной атаки. Атаки не последовало. Только двое у контрольного пульта... Роб двинулся ближе, затем махнул Шетли, который слегка отстал.

— Камеру ближе, капрал.

— Я сейчас одену телескопические линзы, полковник. Я предпочел бы не приближаться слишком...

— Я хочу, чтобы камера была прямо за мной.

— Только держите голову в стороне, если хотите получить приличные кадры.

— Еще бы я не хотел! Стой здесь. Держи этот вид. Субъект по внешнему виду около семи футов в длину. На нем надета какая-то упряжь с инструментами, прикрепленными к ней. Другая одежда отсутствует. Он покрыт по всей поверхности тела спутанным темным мехом, поэтому анатомические детали рассмотреть не представляется возможным. На его теле некоторое количество порезов и ушибов. Кожа на нем...

Руки темные, с шестью, нет, с семью пальцами. Ногти отсутствуют, но можно рассмотреть маленькие когти на концах у каждого пальца. Голова имеет два глаза. Видимые уши отсутствуют. Щели для носа прикрыты кожаным клапаном. Рот открыт. Губы как... у акулы. Зубы острые и зазубренные, расположены в два ряда. В общем, совершенно, ну... безобразный вид. Это единственное определение, подходящее для него. Я не хотел бы встретиться с таким темной ночью.

Роб отвернулся, полностью не осознавая, что дрожит. Создание имело отталкивающий облик даже и без сочащихся ужасных ран.

— Я вернусь в эту комнату после того, как осмотрю остальные помещения корабля.

Роб вышел из рубки и продолжил путь по коридору, делая необходимые комментарии по мере продвижения. Его команда следовала за ним.

— Снова в коридоре. Маркировки и артефакты какого-либо вида отсутствуют. Имеются еще четыре двери. Все аналогичны первой. Я пытаюсь открыть их одну за другой. Сейчас приближаюсь к первой из них.

Роб колебался, сам не зная, почему, возможно, не желая встречаться лицом к лицу с тем, что скрывалось за дверью. Он почувствовал, как зашевелились волосы на затылке. Эмоции... Он протянул руку вперед.

Дверь щелкнула и ушла из поля зрения. Мерзкое, покрытое мехом тело прыгнуло вперед. Оно взвыло на высокой ноте, глаза открытые и блестящие.

Оружие в руке существа качнулось в их сторону.

2. ВНУТРИ КОРАБЛЯ

Рефлекс страха толкнул Роба в сторону. Пока он падал, то видел линию пламени, протянувшуюся от оружия существа. За своей спиной он услышал крик боли. И тут же над его ухом загрохотал сорок пятый калибр. Грут всаживал пулю за пулей в атаковавшего. Тяжелые пули отбросили существо назад, развернули его, размочалили ему голову. По одной пуле в каждый глаз, и еще больше — в тело. Существо согнулось и с шумом упало.

Роб перекатился в сторону, чтобы существо ненароком не задело его.

Нападавший упал лицом вниз, затем содрогнулся, когда под его телом что-то глухо взорвалось. После этого тело лежало неподвижно. В последовавшей тишине стук падающей обоймы из пистолета прозвучал почти оглушающе. Раздался клацающий звук, когда Грут вставил новую обойму.

— Если вы отодвинетесь в сторону, полковник, я переверну существо. Будьте уверены, что с ним покончено. Десять пуль сделали свое дело.

С нацеленным и готовым к действию пистолетом в правой руке Грут наклонился над существом и перевернул его одним сильным движением левой. Невидящие глазницы уставились на него.

— Похоже, что оружие взорвалось, — сказал он, указывая на искаленную руку существа и разрушенное оружие.

Роб кивнул.

— С ним покончено. Давайте-ка проверим комнату.

Грут вошел внутрь быстро и бесшумно и через несколько секунд вернулся.

— Полно машин, подобных тем, что мы видели. Что-либо достаточно большое, чтобы спрятать такое существо, отсутствует. Во всяком случае, пусто.

Роб устранил опасность с флангов, и как только это было сделано, он вспомнил о вскрике боли, который послышался раньше. Он повернулся к Шетли и увидел, что тот лежит. Его рука сжимала залитое кровью плечо, но камсра по-прежнему была нацелена и записывала.

— Всего лишь зацепило. Не о чем беспокоиться, — сказал Шетли.

— Посмотрим, Грут, прикрой нас.

Шетли вздрогнул, когда Роб расстегнул ремни коммуникационного ранца и стал снимать с него одежду. Аккуратная дырка. Как бы ни было устроено оружие, оно проделало отверстие в теле капрала точно под ключицей. Роб попытался вспомнить анатомию. Кажется, там была куча мускулов, и они крепились здесь. Крупные кровеносные сосуды отсутствовали, хотя отверстие могло пройти и через лопатку. Кровь уже свернулась, когда он посыпал входное отверстие порошком, содержащим антибиотики, и наложил давящую повязку.

— Просунь руку сквозь жилет. Вот здесь. Он послужит тебе в качестве перевязи. Мы отправим тебя назад...

— Не сейчас, я могу работать с камерой и одной рукой. Мы начали это дело, полковник. Давайте его заканчивать вместе.

Роб размышлял в течение секунды, затем согласно кивнул. Команда была подобрана определенным образом. Члены ее знали, как работать вместе. Если Шетли потянет, то лучшее, что они могли сделать, — это закончить работу.

— Олл райт. Мы продолжим. Но просигналь в ту же секунду, когда тебе будет нелегко. Договорились?

— Да, сэр.

— Хорошо.

он помог Шетли подняться на ноги, извлек свой пистолет и завершил осмотр комнаты, убедившись в безопасности.

— Сейчас мы пройдем через остальную часть корабля, но считайте, что обстановка боевая. Становитесь по сторонам, когда откроется дверь. Стреляйте по любому движущемуся предмету. Готов, сержант?

Грут медленно кивнул, не сводя взгляда со стен пустого коридора перед собой. Его пистолет был нацелен и готов к действию.

Роб выбрал направление, а остальные заняли соответствующие позиции позади него, медленно и осторожно приближаясь к следующей двери. Шетли стоял последним, вне опасной зоны, с камерой наготове. Остальные заняли позиции по двум сторонам от следующей двери.

Роб приблизил ствол своего пистолета вплотную к кругу на двери, затем отскочил в сторону, когда она резко открылась. Грут одним движением вошел внутрь, и Роб последовал за ним.

Удивительные машины заполняли большую часть помещения. Тварям здесь негде было спрятаться.

— Осталось еще три двери, — сказал Роб, когда они вышли назад в коридор. — Мы возьмем их точно таким же способом.

После напряжения последовало расслабление. Так было два раза, один за другим. Наконец, они были у последней двери. Они заняли позиции еще раз, и полковник вытянул руку с пистолетом. Ничего не произошло даже после того, как ствол коснулся металлической поверхности.

— Смотрите, — сказал он, надавив на неподвижный круг металла, — С чего бы это?

Роб думал несколько долгих мгновений, затем коснулся кнопок на своем шлеме.

— Вы слышите меня, Сектор Поддержки? Вы видели все? Хорошо. Мне нужен доброволец, чтобы он принес оксидэтиленовый факел. Прямо сейчас. Что?..

— Ответ отрицательный, сэр. Другого способа не существует. Мы отойдем, когда закончим. Еще одна дверь, и все это ваше. Хорошо. Мы будем здесь, пока факел не прибедет.

Шткли откинулся назад и сел, привалившись к металлической стене. Они ждали. Только Грут остался подозрителен, но и его лоб сморщился от напряжения мысли.

— Полковник, кто такие эти чертовы волосатые твари?

— Не имею ни малейшего представления, сержант, кроме того, что уверен — они не с Земли. Точно так же, как и эта летающая машина.

— Твари с Марса?

— Ни с Марса, ни с Венеры или какого-либо другого места нашей Солнечной системы. Они извне. С других звезд, так сказать. Когда очисти́м этот корабль, то посмотрим, сможет ли техническая команда выяснить о них больше.

— Мне это не нравится. Ничуть не нравится, — сказал Грут.

— Не могу не согласиться...

Оба они повернулись на сильный шум сзади, затем расслабились, когда увидели солдата,двигающегося настолько быстро, насколько позволяла тяжесть факела.

— Положи его и уходи.

— Есть, сэр.

Он отстегнул факел и установил его на полу, затем повернулся и ретировался, не дождавшись, пока Роб закончит фразу.

— Вы встанете сзади и прикроете меня, полковник, как делали это раньше.

Высокий сержант вынул черные защитные очки из кармашка и надел их, затем воспламенил факел. Бриллиантово-голубое пламя брызнуло во все стороны. Грут подправил факел, пока не остался доволен его настройкой, затем низко пригнулся около двери. Роб устроился сбоку, держа пистолет наготове. После нескольких секунд напряженного ожидания металл запылал и начал плавиться. В конце концов, когда появилось небольшое отверстие в верхней части двери, сержант стал расширять его вниз. Работа шла медленно: металл был крепок. Но постепенно отверстие все же расширялось.

Когда красный круг достиг средней части двери, он, должно быть, коснулся какого-то механизма. Последовала вспышка искр, и дверь

пришла в движение. Грут резко отпрыгнул в сторону, выключив факел и выхватив автоматический пистолет, в одном движении. Роб изогнулся с другой стороны дверного проема, держа свой пистолет наготове.

Внутри было темно, если не считать света, проникающего внутрь на несколько футов. Там ничего не двигалось. Роб медленно снял шлем и положил его на пол, затем включил фонарь, укрепленный в верхней части шлема, и отскочил.

Луч осветил нечто темное. Какие-то механизмы. Роб изловчился и двинул шлем носком ботинка. Все то же самое. Он опять посветил, только уже в другом направлении. Что-то светлое на фоне стены.

— Оно движется! — воскликнул Грут. — Оно движется, и я не знаю, что это! Освети, я попытаюсь войти внутрь!

Сержант был невероятно подвижен, чего нельзя сказать, глядя на его размеры. Он оказался по ту сторону порога в мгновение ока. Он отошел в тень, когда Роб направлял луч света в указанном направлении и тот застыл на фигуре, которую они заметили в полутьме. Грут направил на нее свой пистолет, держа палец на спусковом крючке.

Две белых руки подняты. Нет, не подняты, прикованы к стене. Голова повернута к ним. Глаза шевельнулись.

— Товарищ... Помогай...

— Это русский, — пробормотал Грут, ошеломленно трясая головой. — Он говорит по-русски!...

3. ВСТРЕЧА С ИНОПЛАНЕТЯНИНОМ

Полковник Роб Хейвард подобрал шлем и пристроил его так, чтобы свет падал на прикованную фигуру.

— Возможно, он только говорит по-русски, — сказал Роб, — Но он определенно не русский. Это могу видеть даже я. Что он сказал?

— Товарищ, помогай. Друг, помоги. Но я не друг этому...

Достаточно было одного взгляда в полутьме, чтобы убедиться, что говорившее существо даже отдаленно не напоминало человека. Сейчас, в ярких лучах света, было видно, что у существа не было волос и морщин на коже, если только это была кожа, а не грубый пластик. Овальная голова крепилась непосредственно к плечам, без какого-либо следа шеи. Два больших глаза, фасеточные, как у насекомого, неподвижно взирали на них. Рот представлял собой широкую щель в нижней части лица. По бокам черепа несимметрично располагались отверстия, одно из которых время от времени открывалось, но потом регулярно закрывалось. Руки создания начинались в районе плеч, хотя в них наличествовал один лишний сустав. Они заканчивались двумя пальцами, похожими на большие человеческие. Металлические кольца удерживали руки наверху, располагаясь сразу же за этими, странной формы, кистями. Они крепились цепью к стене над существом.

Одно из отверстий сбоку на голове существа медленно открылось. Существо заговорило. При этом рот оставался закрытым.

— Это есть... другой язык, на котором вы говорите?

Слова были вполне понятны, хотя были произнесены с сильным акцентом и сопровождались грубым дребезжащим звуком.

— Да, мы говорим по-английски, — сказал Роб, затем бросил быстрый взгляд через плечо на капрала Шетли. — Ты зафиксировал все это?

— Громко и чисто, полковник. Но не думайте, что я понял что-нибудь из происходящего.

— Я... есть... больно... — задребезжало существо. — Это есть мои руки, которым больно.

— Как тебя зовут? — спросил Роб, игнорируя требования существа.

На данный момент расклад сил выглядел с его точки зрения вполне удовлетворительным.

— Я зовусь Хес'бю. Я есть из оины. Мне больно.

— Мы позаботимся о твоей боли через минуту, Хес'бю. Ты только сначала должен ответить на несколько вопросов. Затем все будет в порядке. Ты знаешь что-нибудь об очень больших и безобразных существах, которые управляют этим кораблем?

Его слова произвели потрясающий эффект на существо. Его глаза потускнели, а руки задрожали в кандалах.

— Блеттер... — прошипел он, и в это же время впервые открылся рот в какой-то неимоверной гримасе. Рот был заострен по кромке, подобно клюву попугая, и внутри было темно. По всему его лицу вновь пробежала дрожь, и глаза опять блеснули в луче фонаря. — Мучительно... — сказал он.

Роб принял внезапное решение. Все равно, позже или раньше, пришлось бы освобождать Хес'бю от оков. Если это сделать раньше, то такой поступок мог бы расположить инопланетянина к ним. Это впоследствии очень поможет, так как существует масса вопросов, требующих ответов.

— Мы освободим тебя от цепей, — сказал он. — Здесь есть приспособления для этого?

— Прямо надо мной, в верхней части комнаты. Это есть плата управления, которой надо касаться.

Механизм представлял собой уменьшенную копию оранжевого диска на дверях. Грут вытянулся и коснулся рукой диска. Цепи спрятались внутри стены, и кандалы освободились. Грут отступил назад, все еще держа наготове пистолет.

Руки Хес'бю безвольно повисли, и он с шумом обрушился вниз, головой на пол. Этот обморок продолжался всего секунду, а затем он поднялся одним гибким движением. Когда он встал, Роб заметил, что обе его ноги сделаны из суставчатого сверкающего металла. Все в этом существе было чужим, и накопилось столько вопросов, что Роб не знал, с чего начать. Он включил систему коммуникации.

— Трейлер еще не прибыл? Дайте мне знать, как только дверь корабля будет запечатана. А я постараюсь получить информацию, какую смогу.

Он прервал связь и повернулся к Хес'бю.

— У меня есть несколько вопросов, на которые ты должен ответить.

— Не спрашивай их. Я не имею ответов для тебя. Мне больно...

Роб заговорил, уверенно имитируя акцент Хес'бю. Он сделал это, повинувшись внезапному импульсу, но не был разочарован результатом

своего поступка. Они помогли пленнику, спасли его жизнь, и все, что просили в ответ, — передать кое-какую информацию. И то, что он имитировал чужой голос, также было и тестом. Но наделено ли существо достаточным разумом, чтобы понять смысл его кривляний? Последовало маленькое напоминание о том, что они спасли Хес'бю.

Чужак смотрел на Роба в течение долгого мгновения, затем опустил голову.

— Ты хочешь напомнить мне о боли. И что вы помогли мне. Но есть слишком много, что вы не можете понять. Я имею трудность. Я имею... есть клятва... верное слово? Да? Клятва, которая не может быть открыта. Трудности. Вопрос. Блеттер. Они живы?

— Нет. Двое в рубке управления мертвы. Третий пытался атаковать нас и был убит. Есть ли еще другие?

— Нет. Только трое. Сейчас я должен привести в порядок свои мысли, потом я расскажу вам то, что вам необходимо знать.

Начальники Роба пристально следили за этим диалогом, и через мгновение его наушники ожили. Инструкции были однозначными.

— Я получил приказ доставить тебя с корабля в стерильный трейлер, ожидающий снаружи. Там установлено коммуникационное оборудование для команды, которая будет допрашивать тебя.

— Некоторые из твоих слов... они нелегки для понимания.

Роб холодно улыбнулся.

— Я назначен для контакта. Моя работа закончится, как только я доставлю тебя в сохранности к месту назначения. Затем эксперты сменят меня и будут разговаривать с тобой.

Хес'бю кивнул, но ничего не сказал. Роб направился в коридор, и остальные последовали за ним. Руки сержанта Грута все время оставались вблизи пистолета. Он не верил никому и ничему.

Хес'бю взглянул на мертвого блеттера, когда они проходили мимо трупа, но ничего не сказал. В тишине он взглянул в рубку управления.

Воздушный шлюз запечатал выход из корабля, и они оказались в стерильном трейлере сразу, как только покинули корабль. Пока закрывалась и опечатывалась дверь, Хес'бю подошел к ближайшему окну и выглянул наружу. Сразу засверкали блики вспышек фотографов, ожидающих снаружи. Яркий блеск, должно быть, причинил боль глазам чужака, так как он отвернулся, прижав к ним руки. Затем он отступил внутрь трейлера.

— Что это? — спросил Хес'бю, указывая на телевизионные камеры и ряд экранов, которые Шетли установил перед ним.

— Ты сядешь здесь и повернешься лицом к камере, — объяснил Роб.

— Команда начала передачи появится на экранах, и тебе будут заданы вопросы.

— Они не будут здесь, сам, живьем?

— Живьем? Нет. Это будет происходить на расстоянии.

Хес'бю повернулся, и его металлическая нога клацнула по полу, когда он направился в дальний конец трейлера, оказавшись вне зоны видимости камер.

— Вы должны сказать им нет, — сообщил он. — Я буду говорить с вами, и ни с кем еще.

Роб сделал знак капралу Шетли.

— Включи снова портативную, — сказал он и опять повернулся. — Властям не понравится подобное решение. Они захотят знать, почему.

— Ответ прост. В вашем языке существует то же самое слово, что и в моем. Честь. Ты сам вошел в корабль и обнаружил меня, и дрался, и убил блеттера. Ты пришел живьем. Это честь, — он махнул в направлении мониторов. — Изображение электричеством — не честь. Я буду разговаривать с тобой.

Зазвонил телефон, и Роб неохотно подошел, чтобы ответить. Генерал Беллтайн удивил его.

— Я только что разговаривал с президентом. Он в курсе всего, что случилось, начиная с того момента, как ты вошел в корабль. Он желает поздравить тебя с тем, как ты управился с ситуацией. Также он просил информировать тебя о том, что устранил своих советников в этом вопросе и хочет, чтобы ты продолжал работать с чужаком. Собственно, нам не нужны эксперты для того, чтобы задавать вопросы, требующие настоящего ответа. Приступайте, полковник.

— Спасибо, сэр. Я сделаю все, что в моих силах.

Все было верно, он принял ответственность. Оказалось почти элементарно войти в корабль и столкнуться лицом к лицу с неизвестным. Они все, начиная с президента и кончая Пентагоном, могли наблюдать теперь за событиями через его плечо. Любая ошибка была бы замечена. Ну и черт с ними! Все, что необходимо сделать, — это задать вопросы, и он сделает все возможное. Трудно предугадать, что получилось бы, если они захотят получить дополнительную информацию. Ведь и очевидные вопросы требовали ответов.

— Олл райт, Хес'бю, — сказал он. — Я — единственный, кто будет разговаривать с тобой.

Чужак утвердительно кивнул.

— Первое, и самое важное. Кто такие блеттеры, существа, которые управляли кораблем?

— Они — вид существ, которые ненавидят все остальные разумные формы жизни. Они, как сумасшедшая болезнь. Они покинули свою звездную систему тысячи тысяч лет назад по вашей временной шкале. С тех пор убивают.

— А ваша раса, оины, какое отношение вы имеете к ним?

— Мы пытаемся выжить. Мы деремся и отступаем.

— Как ты объяснишь свое присутствие на борту разбившегося корабля?

— Была битва, большая битва, в течение которой мой собственный корабль был уничтожен. Я потерял сознание, иначе они никогда не смогли бы взять меня живым.

— Ты знаешь, почему они пришли сюда? Приземлились на Земле?

— Я могу только предполагать, так как не разговаривал ни с одним из них. Я видел тела в контрольной рубке. Корабль был, очевидно, подбит... это правильное слово в вашем языке? Это наше оружие, оно изменяет вещи, когда попадает в цель. Они были ранены, умирали, их корабль вышел из-под контроля...

Хес'бю подпрыгнул.

— Я смотрел наружу. Там большие здания. Здесь поблизости большой город?

— Мы в центре Нью-Йорка. Это один из самых больших и важных городов на Земле...

— Я должен попасть на корабль!

Чужак пересек комнату, пока говорил. Он поковырялся в устройстве, запечатывавшем дверь. Грут извлек пистолет и прицелился, но Роб махнул ему, чтобы он убрал оружие.

— Что-то не так?

— Внутри!

Дверь открылась, и Хес'бю рванулся наружу, за ним Роб и остальные. Хес'бю пробежал по коридору и ворвался в контрольную рубку. Там он остановился, осматривая ряды приборов... Он определенно обнаружил то, что хотел. Он подошел к панели и уже протянул руку, когда Роб окликнул его:

— Стой! Ты видишь оружие в моей руке? Оно точно такое же, как и то, что убило блеттера в коридоре. Я могу убить тебя им. Если ты коснешься чего-либо на панели, я открою огонь. Убери руки.

Хес'бю опустил руки, медленно повернувшись к ним.

— Не останавливай меня. Я должен...

— Что сделать? И почему?

— Заставить это не работать. Это контроль здесь, на главном пульте. Смотри. Это должно быть остановлено. Это почему они приземлились здесь.

— Почему?

— Чтобы, умирая, уничтожить. Зная, что они умирают, они превратили свой корабль в гигантскую бомбу, чтобы уничтожить этот город и все вокруг. Пожалуйста, времени не осталось. Выключить это!

4. РАПОРТ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ

— Не трогай ничего здесь! Я открою огонь, если ты чего-нибудь коснешься!

Роб включил коммуникатор.

— Свяжите меня с генералом Беллтайном. Срочно. Генерал? Вы слышали. У вас есть инструкции? Я подожду.

Слова звучали в тишине. Все четверо напряженно ожидали. Роб и сержант с пистолетом наизготовку. Капрал Шетли сделал один шаг назад, затем остановился. Здесь не было пути для отступления. Стена тянулась и тянулась...

— Есть! — сказал Роб на неслышную команду. Он опустил пистолет. — Они сказали, чтобы ты действовал. У них нет выбора, кроме как поверить тебе.

Хес'бю повернулся при первых же словах. Его спаренные пальцы ткнули что-то на пульте. Он сделал три быстрых движения и отошел назад.

Прозвучало внезапное клацанье, особенно громкое в напряженной тишине. Огни на пульте потухли.

— Сделано.

— Хес'бю на глазах осел.

— Мы можем вернуться в комнату вопросов.

Хес'бю попросил воды, и ему дали стакан. По крайней мере, на один вопрос отвечено, подумал Роб. Они дышат нашим воздухом, так что должны иметь основанный на окислении метаболизм, подобный нашему, тем более, что они пьют воду.

Он отпил немного воды и сам, но предпочел бы, чтобы это был крепкий скотч. Все же надо было делать работу. Он подумал о следующем вопросе, и не знал, как задать его.

— Когда мы впервые увидели вас, вы разговаривали по-русски. А затем сменили язык на английский. Как вы узнали эти языки?

— Радио. Ваши трансляции очень сильные. Наши эксперты перехватывают их и дают уроки языков, наиболее слышимых. Мы выучили их. Интересное дело.

"Интересно! — подумал Роб, — Какой же разум должны иметь оины, чтобы выучить эти языки, особенно не напрягаясь? И какая причина для этого?"

Он громко задал последний вопрос:

— Почему вы перехватывали наши трансляции и учили наши языки?

— Потому что мы боялись в течение долгого времени, в течение многих столетий, что эта планета станет следующей. В нашей борьбе против блеттеров мы отступаем, и они нас преследуют. Нас оттесняют все дальше и дальше от наших родных миров, и битвы нам даются все труднее. В своем отступлении мы по незнанию привели врага к вашей планете. Мы имеем честь. Мы чувствуем вину в том, что мы сделали, даже хотя и непреднамеренно. Поэтому мы изучили ваши языки и подготовились ко дню, когда нам придется говорить. Мы не думали, что все случится подобным образом, но этот день настал.

Размышляя, Роб прищурил глаза. Ему не понравилось то, что он услышал.

— Вы хотите сказать, что идут какие-то военные действия? Вы хотите привлечь эту планету на свою сторону в битве галактического конфликта? Вы пытаетесь втравить нас в войну?

— Нет, вовсе нет. Мы пытаемся сообщить вам, что скоро вы будете атакованы. Мы поможем вам всем, чем только сможем, чтобы вы могли защищаться.

Это очень щедрый подарок с вашей стороны, принимая во внимание, что вы сами привели захватчиков сюда.

— Непреднамеренно!

— Конечно, но все же, вы сделали это. Что, если мы решим не ввязываться в ваш конфликт?

— Это не вопрос, который вы можете решить с блеттерами! Они открыли вас, они уничтожат вас. Все живые разумные существа — их враги. Бомбы разрушения из космоса. Мы можем снабдить вас планетарным оружием защиты, если вы позволите.

Роб вздохнул и потянулся. Он внезапно понял, насколько утомился.

— Какое счастье, — сказал он, — что решать придется не мне. Я просто задаю вопросы. Власти решат, какие шаги будут предприняты. Я вернусь через секунду.

Роб направился в подсобный отсек трейлера и отыскал там медицинскую сумку. Он извлек упаковку стимулятора, и проглотил две пилюли. Эта игра в вопросы-ответы наверняка продлится долго.

Прошло добрых пять часов перед тем, как Хес'бю внезапно объявил, что не намерен больше отвечать на вопросы, так как переутомился. Они все нуждались в отдыхе. Все, за исключением сержанта Грута.

— Поспите немного, сэр, — сказал он, — Я подежурю здесь чуток и посмотрю за нашим другом. Вы тоже, Шетли. Настройте записывающую аппаратуру, чтобы она функционировала самостоятельно.

— Вы уверены? — сказал Роб.

— Не вспотею. полковник. Много о чем есть подумать.

— Да и нам всем.

— Что правда — то правда. У меня в голове вертится вопрос или два, например, почему эти индюки имеют стальные ноги?

— Хороший вопрос. Ты можешь задать его. Скажи мне о любой другой идее, если она придет тебе на ум. Я думаю, что генералы и ставка тоже найдут, что спросить. А сейчас я намерен немножко вздремнуть, но разбуди меня, как только Хес'бю пошевелится.

Казалось, прошло только мгновение перед тем, как он почувствовал твердую руку, трясущую его за плечо. Роб заморгал и увидел Грута, стоящего перед ним и держащего перед ним чашку черного кофе.

— Хес'бю проснулся? — спросил он, причмокнув.

— Нет, сэр. Прошло только два часа, но генерал Бсдтайн на проводе.

— Олл райт, я сейчас подойду. — Роб кивнул, затем глотнул кофе и взял телефонную трубку. — Генерал?

— Похоже, появилась еще одна экстремальная ситуация, Роб. Я пока не могу еще точно сказать, потому что медики не выдали экспертизы относительно нашего визитера и существ с корабля. Я пришлю к тебе кое-кого, он кратко тебя проинструктирует. А вместе с ним доктора для твоего человека.

— Да, сэр.

Он мало что мог сказать. Какая еще экстремальная ситуация могла возникнуть? Он не мог придумать, но знал, что скоро будет способен выяснить это. Последовали еще две пилюли, заглоченные вместе с кофе. Они заставили его сердце биться с болезненной силой, но, по крайней мере, пробудили в нем жизнь. Внезапно раздался шелест, когда открывалась запечатанная дверь. Он попытался прогнать остатки сна из глаз, затем оглянулся и в удивлении заморгал, когда рядом с гигантским телом сержанта Грута разглядел девушку.

Черные глаза, длинные черные волосы, лицо округлое, но приятное, и не лишенное грации полное тело...

— Надя Андрианова, — сказала она, кивнув, — А вы — полковник Роберт Хейвард. Мы встречаемся впервые.

Она подошла и крепко пожала его руку, как это делают французы — один раз вверх и вниз. Хотя они никогда не встречались до этого, Роб видел ее однажды издали на приеме в посольстве. Приятель из секретной службы показал ему на нее: "Красивая, неправда ли? Кожа — как персик с кремом. Разум, как стальной капкан для бобров. Начала в качестве переводчика КГБ. Продолжала изучать языки. Сейчас говорит, по край-

ней мере, на пятнадцать. Изучала анализ, и сейчас возглавляет советскую секцию разведки в Вашингтоне. Мы хотели бы, чтобы она была в нашей команде."

"Полевой агент?" — спросил он.

"Нет, ничего подобного. Более ценная, чем дюжина шпионов. Все вполне легально. Читает все изданное в этой стране, начиная с прогнозов погоды и кончая местными газетами, и обобщает всю информацию. Очень яркая леди."

И сейчас она здесь. В центре того, что, как считал Роб, было секретной операцией... Это вводило в замешательство, особенно когда он еще не проснулся.

— Пожалуйста, садитесь, — предложил Роб. — Не хотите ли немного кофе?

"Великолепно, — думал он, играя роль гостеприимного хозяина. — Это все, что в данный момент он способен сказать!"

— Спасибо, нет. Но я не откажусь от чая, черного, крепкого, немного сахара, — ответила она.

— Я позабочусь, — сказал Грут.

— Вы знаете, что творится снаружи? — спросила Надя, скидывая на пол большой рюкзак со своего плеча. Она положила его рядом с креслом, затем села напротив Роба и скрестила ноги.

"Прекрасно," — подумал он, и скрыл лицо в чашке с кофе.

— Что вы имеете в виду? — спросил, он глотая.

— Ваше интервью с чужаком. Вам известно, что оно транслировалось в Организацию Объединенных Наций?

— Они забыли сказать мне. Генерал уверял, что все совершенно секретно.

— Едва ли.

Ее ноздри слегка расширились, словно я презренил.

— Ваша страна и моя поддерживают непрерывную связь с тех пор, как воздушный аппарат чужаков нарушил ваши границы. Военные попытались сделать так, чтобы оставить все в секрете, но ваш президент мудро остановил их.

Роб прекрасно представлял все то, что крылось за ее словами. В департаменте хотели подмять все под себя. И либеральный президент, который верил в открытое правительство. Пресса, засыпающая весь мир своими домыслами. Соседние страны, оказывающие давление с целью заполучить информацию.

Она кивнула, как будто следила за его мыслями.

— Они дали отчет прессе. Без всяких подробностей, конечно. Но Ассамблея Объединенных Наций наблюдала за всем. Благодаря этому сотрудничеству моя страна смогла внести ценный вклад. Вы, конечно, знаете о научном спутнике "П я т н а д ц а т ь"?

Роб кивнул.

— Радиотелескоп для исследования звезд, висящий на геостационарной орбите над Черным морем.

— Все текущие научные исследования были прекращены, когда появился корабль чужаков. Его использовали в качестве высокочувствительного исследовательского радара и приемника. Мы не

открыли больше ни одного летающего объекта в ближнем космосе, но, конечно, исследования идут крайне медленно и займут много времени.

— Но вы пришли сюда с чем-то, или не пришли бы вовсе...

— Естественно. Было перехвачено некоторое количество радиопередач. Они записаны. Кажется, они исходили с направления Юпитера. Некоторые записи довольно чистые, и они были подвергнуты анализу. Я помогала в этом. По моему мнению, в дальнейшем подтвержденному отделением языков Московского университета, тот язык не принадлежит ни к одной группе человеческих языков.

— Тогда следующий шаг очевиден, — Роб встал и потянулся. — Мы посмотрим, может ли наш друг перевести его для нас. У вас есть копия? Надя покопалась в своем большом рюкзаке и извлекла маленький магнитофон. Она положила его на стол и засунула в него кассету, нажав кнопку воспроизведения.

Послышался свист статики, затем грохочущий голос произнес:

— Н'слт нвеб бнню ксйххсбн бсу...

Роб потряс головой в недоумении, и Надя выключила магнитофон.

— Уверен, что ничего подобного я не слышал. Это явно не код...

— Не выключайте. Проиграйте больше, — сказал Хес'бю, появляясь в проеме, ведущем в спальный отсек трейлера.

— Вы знаете, что это за передача? — спросила Надя.

Ее спокойствие, кажется, не было ничуть поколеблено присутствием чужака.

— Это мой язык. Переговоры между кораблями. Я не знал, что в этой солнечной системе у нас есть корабли. Возможно, они преследовали корабли блсттеров... Я бы хотел услышать больше.

Роб взглянул на недавно перевязанного капрала Штгли, который широко зевал, но уже настраивал свою записывающую аппаратуру.

— Записалось? — спросил Роб.

— На пленке и передано по проводам, сэр.

— Отлично, — Роб снова повернулся к Хес'бю. — Мы сейчас проиграем ленту, но только в том случае, если вы дадите синхронный перевод.

— Да, конечно. Проиграйте сейчас.

Большая часть записи оказалась невразумительной, хотя чужак трудноловиво все перевел. Связь между кораблями представляла собой техническое обсуждение орбит, текущие команды, некоторое количество того, что можно было назвать личным трепом. Хес'бю перевел все и сильно разволновался.

— Происходит что-то важное. Первостепенное... экстренное сообщение. Это может быть только вопрос первостепенной важности.

Многосторонний разговор прекратился, и наступила непродолжительная тишина перед тем, как вторгся единственный голос, быстро говоривший трескучие фразы.

Хес'бю в молчании наклонился вперед и напряженно слушал. Он даже не сделал попытки перевести. Роб ожидал в течение нескольких мгновений, затем наклонился и выключил магнитофон.

— Нет, не делайте этого! — взмолился Хес'бю, — Продолжайте проигрывать!

— Вы не переводите.

— Я знаю. Да. Но еще... один момент. Я прошу. Затем полный перевод. Сообщение не полное.

Роб колебался. Затем снова коснулся клавиши воспроизведения.

— Мы хотим этот перевод.

Хес'бю невидяще уставился в стену по мере того, как из магнитофона выстрескивались фразы. Его рот постепенно приоткрылся. Затем он сделал жест одной парой пальцев, совершив щелкающее движение, похожее на движение ножниц. Его рот с громким звуком захлопнулся.

— Сообщение закончилось, — сказал он. — Они хотят вступить в контакт с вашими властями, сразу же со всеми властями всех языков, всего вашего мира. Это сообщение для них, чтобы они услышали...

— Что там говорится? — перебил Роб. — Скажи нам сейчас. Власти услышат.

— Приход скоро. Это были разведывательные корабли моего народа, которые наблюдали атакующий флот блеттеров. Их курс определен. Они летят сюда, к Земле. Война сейчас приближается к вашей планете. Вы не можете остановить ее. Я очень сожалею.

Хес'бю поколебался, его пальцы нервно пошелкали, затем он продолжил:

— Разведчики уверены, что в этой флотилии есть большой корабль для атаки. Если это так, то это очень, очень, очень плохо. Дурная новость для вашей планеты. Очень плохая, в самом деле.

5. ПОИСКИ

Дверь трейлера внезапно распахнулась, и яркие солнечные лучи хлынули в полутемное помещение. Генерал Беллтайн стоял в проходе, согнув свою шикарную трость обеими руками.

— Медики объявили конец карантина, — сообщил он, — Произведено анатомирование тел с корабля. Исключена опасность какого-либо заражения. Их метаболизм слишком чужд нам. Мы решили продолжать допрос в Пентагоне.

Он указал тростью на Надю, как только она начала говорить.

— Не беспокойтесь, юная леди. Это совместная операция. Ваша команда уже там. Средства массовой информации еще не имеют полной информации, но, определенно, сведения просочатся из ООН. Мы хотим видеть вас, полковник Хейвард и Хес'бю, в Вашингтоне, раньше, чем сюда хлынут толпы фанатиков. Давайте двигаться.

Самолет вертикального взлета и посадки только что приземлился, когда они вышли на вытоптанную лужайку, моргая от яркого света. Снаружи уже поджидал автомобиль с запущенным двигателем. Солдаты образовали вокруг трейлера цепь лицом наружу, держа оружие наготове. Как только пассажиры разместились в автомобиле, водитель, тоже полковник, вдавил акселератор.

Генерал Беллтайн кратко проинструктировал их в течение этого короткого рейса.

— Предстоят большие сложности по всему миру, когда дело выплывает наружу. Объединенные Нации созвали экстренную сессию, но мы не

можем ждать ее. Президент сидит на "горячей линии" с Москвой, и имеется полное согласие насчет двухстороннего сотрудничества между нашими странами. Нам необходимо быстро действовать, и мы не можем ждать Объединенные Нации. Советский Союз и Соединенные Штаты объединились в чрезвычайном оборонном мероприятии. К моменту, когда вы достигнете Пентагона, первые шаги будут уже сделаны. Вот мы и прибыли.

Уже знакомый самолет с вертикальным взлетом являлся модифицированной моделью истребителя-бомбардировщика и был переоборудован для перевозки пассажиров. В тесной кабине было только шесть кресел. Три из них оказались пустыми, после того, как они расселись, и генерал закрыл дверь снаружи. Дверь в кабину пилотов осталась закрытой.

— Пожалуйста, сядьте, и пристегните ремни, — раздался голос из динамика над их головами. — Взлет через тридцать секунд.

Хес'бю все еще возился с ремнем, когда двигатели заработали. Роб наклонился к нему и помог застегнуться, и едва успел откинуться на спинку сидения, как самолет шевельнулся и поднялся. Это ощущение очень напоминало подъем в скоростном лифте. Пассажиров вдавило в сидения, когда самолет подпрыгнул в воздух, а затем, покачивая крыльями, стал набирать высоту.

— Я не понял деталей того, что говорил ваш босс, — сказал Хес'бю. — Я не знаком с формами вашего правительства.

— Он объяснил экстренные действия, которые были предприняты, — сказала Надя. — Объединенные Нации — это группа представителей суверенных государств Земли. Они медлительны в принятии решений. В любом случае, два самых крупных и самых важных государства пришли к соглашению взять все оборонные инициативы, которые необходимы на данный момент, на себя. Это эмпирическое решение. Ты понимаешь?

— Да.

— Замечательно, — она вытащила свой миниатюрный магнитофон и включила его. — Ты должен сейчас начать обучать меня своему языку.

— Он очень труден, — сказал Хес'бю, поворачиваясь и глядя в окно.

— Я очень легко усваиваю языки, не беспокойся. Начали. Твой язык изменяемый или агглюнативный?

— Я не понимаю этих терминов.

— Тогда мы будем делать это самым простым способом. В английском настоящее время глаголов таково: я говорю, ты говоришь, он говорит — единственное число. Множественное число — мы говорим, вы говорите, они говорят. Это называется спряжением глаголов в настоящем времени. Какой ваш глагол к слову "говорить"?

— Клиррнн, — сказал Хес'бю с некоторой неохотой.

Слово имело странный клацающий звук в середине и заканчивалось скрежещущим глотательным кашлем.

— Очень хорошо, — Надя повторила слово совершенно правильно, и близко к звучанию оригинала, так что Роб не смог обнаружить отличий.

Это, должно быть, также произвело впечатление и на Хес'бю, поскольку он бросил быстрый взгляд на нее снова отвернулся.

Надю ничуть не сдерживала видимая неохота с его стороны продолжать урок. Она упорствовала в своем лингвистическом допросе, снабжая запись быстрыми фонетическими пометками в блокноте. Ко времени, когда самолет коснулся земли рядом с Пентагоном, она проделала обширную работу.

Вооруженный эскорт провел их от самолета к конференцзалу глубоко в здании. Брови Роба поползли вверх, когда он увидел руководителей высокого ранга вокруг стола. Было некоторое количество высших советских генералов, грудь которых сияла квадратными ярдами декоративной отделки. Они смотрели через стол красного дерева на американских коллег. Американский госсекретарь сидел напротив советского министра иностранных дел.

— Я никогда не думал, что увижу такую толпу в одной комнате вместе, — прошептал Роб, когда он и Надя заняли свои места в дальней части стола.

Хес'бю сел на почетном месте во главе.

— Если человечество переживет эту передрыгу, возможно, у нас будет мирное будущее, — сказала Надя.

— Постучи по дереву, — сказал он, стукнув костяшками пальцев по столу.

— Извините, полковник, — сказал армейский капитан, стоявший позади Роба и наклонившийся к нему, — Команда ученых — в данный момент приоритет в планировании дан команде ученых. Не могли бы вы и мисс Андрианова пройти со мной?

— Будем счастливы, — сказал Роб. — Слишком много чинов здесь. И у нас немного того, чего они не знают и что мы могли бы добавить.

Здесь не было военных униформ, как не было и порядка. Встреча ученых. Когда вооруженная охрана открыла дверь в комнату, Реба поглотила море звуков. Никто, казалось, не обратил внимания, когда Роб и Надя вошли. Мужчины в тройках, нагрудные карманы которых были набиты ручками, громко дискутировали на разных языках. На возвышение был водружен проектор для демонстрации слайдов, и продолжалась горячая дискуссия о том, каким снимкам отдать предпочтение. Один из ученых, пожилой и лысый, с блестящими капельками пота на лбу, протиснулся к Робу.

— Полковник Хейвард? — спросил он, протягивая руку. — Мои поздравления. Вы проделали огромную работу, и мы все поздравляем вас. Я Тиллштен, и предполагается, что я — председатель этого бардака.

— Очень приятно встретить вас, профессор Тиллштен. Это мой collega, Надя Андрианова.

В самом деле, Робу было приятно встретиться с этим человеком. Тиллштен, несомненно, являлся самым известным физиком со времен Эйнштейна, создатель теории устойчивого хлопка сотворения мира. Если он возглавлял этот комитет, то комитет должен быть составлен из лучших научных умов, собранных за столь короткое время. Все — жуткие индивидуальности, если принять, что уровень шума может служить каким-нибудь индикатором.

— Я позволил им выпустить пар до вашего прибытия, — сказал Тиллштен. — Сейчас мы можем приступить к работе, если вы и Надя будете так любезны сесть рядом со мной.

Тиллштен, несомненно, председательствовал во многих комитетах до того. Он взял контроль над аудиторией, не прибегая к парламентским выражениям. На столе перед ним лежал деревянный поддерживающий громадный председательский молоток размером с ракетную битку. Тиллштен с воодушевлением постукал им. Последовавшие в результате этого взрывы звука погрузили комнату в тишину.

— Если делегаты соизволят сесть, — сказал он, — встреча будет начата. Вопрос первый на повестке дня — суммирование наших знаний. Вы все видели записи экстраординарного проникновения полковника Хейварда в корабль чужаков. Он ответит на любые вопросы позже. Джентльмены, наша задача не в выборе политического курса относительно вторжения жизненных форм из космоса. Военные и национальные правительства позаботятся об этом. Мы должны снабдить их полной научной оценкой новых фактов, чтобы помочь им в обсуждении. Первыми выскажутся биологи, затем физики. Доктор ван Нимес возглавляет нашу биологическую команду...

Высокий биолог выделял пункты своего доклада с медленной неслучайной обстоятельностью.

— Мы сложили вместе информацию двух чужих рас — оинов и блеттеров. В настоящее время мы знаем больше о блеттерах. Благодаря счастливому стечению обстоятельств нам удалось анатомировать их. Поэтому с них я и начну. Слайды.

Комната погрузилась в темноту, и появился первый снимок на большом экране, который спустился с потолка. Поразительно чистое, полное цвета и отгаливающее изображение мертвого чужака в полный рост. Это был тот, которого они убили, понял Роб, увидев, что глаза выбиты выстрелами. Биолог использовал указку по мере объяснения имеющих отношение к делу деталей.

— Рост два метра. Человеческая форма — в первом приближении. Тело покрыто тем, что, на первый взгляд кажется волосами, но, определенно, не является ими. Слайд. Обратите внимание на срез этих "волос", сфотографированный с помощью микроскопа. Здесь вы можете видеть обильное кровяное снабжение, кровь зеленая, на медной основе, в отличие от железа в гемоглобине. Капилляры окружают большое количество стомат, или отверстий, в теле волоса. В сущности, то, что мы имеем здесь, является некоторого рода вывернутыми наружу легкими, со стомой, подобной этой, открывающейся в атмосфере, действующей, как альвеолус в земном легком. Тотальная способность в двадцать-тридцать раз больше, чем у человеческого легкого, что позволяет предположить, что либо давление, либо количество кислорода в мире, из которого это существо происходит, гораздо ниже, чем на Земле. Обратите внимание на эту белую ленту у корня волосистой структуры. Мускульная ткань. Существо "дышит", двигая структурой вперед и назад на воздухе, чтобы замесить кислород внутри стоматы. Когда блеттер жив, можно стать свидетелем интересного зрелища существа, окруженного шкурой из торчащих псевдоволос, все в непрерывном движении. Слайд.

Фотография следовала за фотографией. Это была отвратительная последовательность, по мере того, как пост мортум¹ вскрывали чужака и расчленяли его на составные части. В комнате стояла абсолютная тишина, и собравшиеся ученые наблюдали в ужасном разочаровании: физики и инженеры в нормальных условиях не знакомы с деталями анатомического стола. Доктор ван Нимес указывал относящиеся к делу черты по мере того, как они появлялись.

— Организация дыхания, так же, как и другие биологические разгадки, приводят нас к пониманию, что блеттер, скорее всего примитивно организован биологически. Я не ссылаюсь на их умственные способности. Их технология, очевидно, далеко обошла нашу. Я не говорю о физиологии. Глаза не просто присоединены к мозговой ткани. Они являются отростками самого мозга, который, в свою очередь, не более, чем маленькое ядро в верхней части нервного узла, здесь и здесь, проходящего по всей длине тела. Бифуркация. Здесь — для рук, и здесь — для ног. Если в наших телах нервные импульсы переносятся к мозгу афферент — и эфферент-нейронами, у этих существ мозг сам протянулся к конечностям. Нога здесь может приводиться в движение частью мозга в самой же ноге. Свет.

Когда зажегся свет, ассистенты ван Нимеса раздали толстые пакеты фотокопий.

— Мы отложим дискуссию на некоторое время, — сказал он. — Вы найдете все детали анатомирования и наши выводы на бумагах, которые вам сейчас раздали. Пожалуйста, изучите их. Сейчас мы переходим к анализу другой расы чужаков — оинам... Тут наша информация не так полна, так как мы не имеем образчика для анатомирования. Но, как бы там ни было, мы имеем несколько образцов ткани, собранных с кресла, на котором сидело существо, так же, как и рентгеновское и ультразвуковое сканирование изображения, сделанные скрытыми аппаратами.

"Хитро", — подумал Роб, взяв фотографии Хес'бю, а выступление продолжалось. Он едва прислушивался к отчету биологов. Это действительно была не его область. И что-то угнетало его. Какая-то мысль беспокоила его, какой-то вопрос, на который необходимо было получить ответ. Может, это ноги Хес'бю? Сержант Грут интересовался ими. Возможно. Он прислушался, когда ван Нимес показывал ноги на экране.

— Ноги, очевидно, являются металлическими протезами. Мы не знаем, заменяют ли они нормальные ноги, или они функционируют, как члены, для существа, которое не владеет таковыми. Я послал запрос, и Хес'бю должен быть задан вопрос об этом как можно раньше. Во всяком случае, вы можете обратить здесь внимание на орган, вот этот, частично скрытый, который позволяет нам сделать заключение, что этот субъект — самец. Если земные аналогии могут быть использованы.

Нест, это не ноги. Что-то еще. Роб не мог вспомнить, что именно его беспокоило, поэтому пока загнал эту мысль подальше. Но воспоминание продолжало угнетать.

1 Пост мортум (лат.) — после смерти.

Определенно, те же самые мысли угнетали и сержанта Грута, так как, как только биолог закончил говорить, вошел один из охранников и, обнаружив Роба, наклонился и прошептал ему на ухо:

— Извините меня, полковник, но у нас имеется сообщение для вас.

Роб кивнул и последовал за ним. Лейтенант военной полиции ждал в холле. Он отсалютовал и протянул бумагу Робу.

— Не могли бы вы расписаться вот здесь о доставке, сэр? Донесение специального курьера из Нью-Йорка.

Роб черкнул свое имя, затем получил запечатанный конверт. Он разорвал его и обнаружил единственный сложенный листок со своим именем, небрежно написанным на нем. Он узнал почерк. Сержант Грут. Он развернул листок и прочитал краткое сообщение внутри:

"Ни один из моих выстрелов не прошел вблизи оружия, когда эта тварь набросилась на нас. Я проверил труп, чтобы удостовериться. Так почему же взорвалось оружие?"

Да! Это было как раз то, что раздражало его подсознание. Факт, который не имел определенного объяснения. Случилась масса вещей, причем очень быстро. Но, казалось, для всего были причины.

За исключением оружия. Почему оно взорвалось?

6. РОКОВОЕ СООБЩЕНИЕ

Роб проспал в течение добрых шести часов без сновидений. Ко времени, когда он, наконец, сбегал со встречи, он бодрствовал в течение двух суток. И был занят большую часть этого времени. Научная конференция не закончилась, и военная тоже до сих пор продолжалась, когда он уехал. Никто не обратил на него внимание, когда он исчез.

Он тяжело зевал, пока распаривал тело, чтобы проснуться, под горячим душем. Затем с силой растерся полотенцем, предварительно облившись холодной водой. Когда он вышел, то чувствовал себя вполне довольным, что кто-то, а не он, должен быть озабочен вторжением и разрушением планеты. Возможно, так как в ситуации до сих пор имелись непонятные нюансы.

Да, действительно, был корабль. И чужаки. Но реальность галактической войны до сих пор не осознавалась. Идея слишком абстрактная. Для ее восприятия нужно время. Возможно, что-то уже решили в то время, пока он спал. Надя обещала оставаться в курсе событий и сообщить ему все.

Он сел на край кровати и набрал номер информационной службы, чтобы определить ее местопребывание.

Как и всем другим членам любого из двух комитетов, ей не было позволено покидать Пентагон. Роберт был размещен в секции квартир для неженатого офицерского состава, а Надя остановилась в служебном крыле для медсестер клиники экстренной помощи. Она подняла трубку после второго гудка.

— Доброе утро, — сказал он. — Не будете ли вы так любезны присоединиться ко мне за завтраком?

— Великолепная идея, полковник Хейвард... Роб, если вы не возражаете...

— Конечно, Роб. Где мы встретимся?

— В кафетерии номер шесть. Я мог бы объяснить вам, как туда добраться, но вы наверняка потеряетесь. Это все-таки Пентагон. Попросите гида для себя. Я буду ждать вас там через пятнадцать минут. О'кей?

— Согласна.

Роб с благодарностью пил черный кофе, когда прибыла Надя. Он пододвинул к ней вторую чашку, и она признательно кивнула, когда села на стул напротив него. Ее кожа побледнела, и под глазами темнели синяки.

— Вы вовсе не ложились? — спросил он.

— Нет. Нужно было слишком многое сделать. Я работала над языком оинов и добилась значительного прогресса. Расшифровка фонограммы их трансляции и одновременный перевод Хес'бю очень сильно помогли. Этот кофе прекрасно восстанавливает силы.

— Хотите что-нибудь съесть?

— Если это займет немного времени.

— Я восхищен тем, что вы можете что-то понять в этих хлюпающих звуках. И разве Хес'бю не говорил, что язык очень труден?

— Он говорил. Но он был неправ. Язык такой же простой и прекрасно организованный, как эсперанто. Достаточно однажды схватить основные принципы, и дело только за решением словарного запаса.

Роб нахмурил брови в задумчивости.

— Тогда, значит, Хес'бю солгал вам?

— Не исключено. Или это может быть вопросом культуры — неприлично говорить о языке женщинам или чужим. Что точно — нельзя сказать с уверенностью. Мы слишком мало знаем об этих созданиях. Но мы должны узнать больше, и как можно быстрее.

Выяснилось, что несколько космолетов его народа на пути сюда. После продолжительной борьбы мнений было разрешено Хес'бю вступить в контакт с его народом. Они ответили и послали корабль с вышестоящими офицерами. Он, определенно, всего лишь пилот. Очищен национальный аэропорт Вашингтона, и они должны скоро приземлиться.

— Мне хотелось бы посмотреть на это.

— Вы увидите. Они установили телекамеры для прямой трансляции сюда. А сейчас я хочу поскорей съесть этот завтрак.

Они были настолько голодны, что с волчьим аппетитом проглотили свиной бекон и яичницу-болтунью с вкраплениями перца. Роб не мог вспомнить, когда он ел в последний раз. Он налил еще чашку кофе для логического завершения завтрака, затем откинулся назад и глубоко вздохнул.

— Все, что нам сказал Хес'бю, может быть неправдой, — сказала Надя.

Роб снова вздохнул, на этот раз с некоторым удовольствием.

— Я знаю. Я думал о том же самом. Конечно, это также может быть неправдой. Но у нас нет способа его проверить. Без помощи медиума бесполезно вести беседу с мертвым блеттером.

— Позволь мне быть адвокатом дьявола, так как я подняла этот вопрос. К чему лгать Хес'бю?

— А почему он должен говорить нам правду? Мы не можем быть уверены в том или в другом. Каждый из нас натренирован для отыскания скрытых фактов, которые могут открыть глубинный смысл чего-то. Не имеет значения, где они будут обнаружены. Сложить вместе, на первый взгляд, не связанные кусочки информации, чтобы раскрыть великую правду. Возможно, поэтому мы оба сейчас беспокоимся. Давай-ка окинем пристальным взглядом то, что нам известно. Не принимая во внимание то, что нам было сказано.

— Это беспокоит и меня. Как ты сказал, давай проверим достоверные факты. Факт первый, — сказала Надя, подняв указательный палец; — корабль из космоса пропахал борозду в Центральном Парке. В этом не может быть сомнений. Факт второй: он содержал представителей двух различных групп чужаков — некоторые мертвые, некоторые живые. Один из них вооружен, другой, по-видимому, является пленником. Это факты, физические факты. Ни одно слово, произнесенное Хес'бю, не может быть правдой или ложью. Мне хотелось бы иметь больше этих фактов. Мне хотелось бы знать, почему корабль приземлился там, где приземлился. Мне хотелось бы знать, почему он опустился на Землю вообще. Мне хотелось бы знать, кто управлял полетом корабля.

— На это достаточно легко ответить, — сказал Роб, — Блеттеры были в контрольной...

Его слова затаили по мере того, как глаза расширялись. Затем он улыбнулся, глядя на Надю.

— Ты обладаешь очень ухитрым и скверным, грязным и подозрительным складом ума агента секретной службы.

— А разве у тебя другой склад ума?

— Конечно, такой же. Вот почему все эти вещи беспокоят также и меня. Что-то здесь неправильно. Два блеттера могли быть мертвы, когда корабль приземлился. Хес'бю мог управлять кораблем, совершить на нем посадку, притащить их в рубку, а затем открыть люк. Ко времени, когда я вполз на корабль, он мог спокойно пройти на корму и приковать себя цепями.

— Но вы подверглись атаке третьего блеттера...

— Да, и кое-что в этом беспокоит меня с тех пор. Ты видела записку Грута. Так почему же оружие этого существа взорвалось?

— Скажи мне.

— Я скажу! Ты была на анатомической лекции. Порции мозга блеттера — не только нервная система существа — протянулись в конечности, в ноги. И в руки. Ты знаешь что-нибудь о микроэлектронике?

— Почти ничего, — призналась она.

— Ну а я знаю. И я знаю, что при настоящем состоянии нашей технологии, уж не говоря о технологии, настолько обогнавшей нашу, как технология чужаков, в оружие могут быть встроены цепи, которые определенным образом реагируют на нервные цепи существа, держащего это оружие. Чужак мог быть без сознания, когда я открыл дверь. Цепь,

вмонтированная в оружие, могла замкнуться, и оружие выстрелило, одновременно швырнув блеттера на нас. У нас не было выбора. Мы выстрелили в ответ, как можно было легко предугадать. Миссия была закончена, и оружие взорвалось, чтобы уничтожить оружие стороннего контроля.

— Это очень притяннутая за уши теория, — сказала Надя серьезно.

— Нет, не совсем. И это не притяннуто за уши относительно всего, вместе взятого. И разве не может эта теория объяснить, как Хес'бю проделал все это?

— Вполне может. И если мы примем эту теорию, останется вопрос, к чему вся эта шарада.

— Ответ слишком очевиден. Для того, чтобы мы объявили войну блеттерам, хотим мы этого или нет. Нам были предъявлены доказательства, которые ничего не доказывают.

— Что ты имеешь в виду?.. — голос ее становился хриплым по мере того, как она говорила, — Ты имеешь в виду, что мы, возможно, выберем сторону в галактической войне, воспользовавшись утверждением единственного существа. И это утверждение может оказаться ложным.

— Правильно. И не следует говорить "возможно". Все выглядит так, что мы будем вовлечены. И мне это не нравится. Я хочу слышать какие-нибудь доказательства другой стороны до того, как мы сделаем решающий шаг, который может привести к разрушению нашего мира.

— Я тоже хотела бы услышать. Но что мы можем сделать?

Роб улыбнулся.

— Слетать в космос и спросить их?

— Навряд ли.

— Тогда следующий шаг — это довести наши подозрения до нашего начальства. До тех пор, пока есть какая-нибудь другая возможность, власти должны быть чрезвычайно осторожны относительно любых решений, которые могут сделать...

— Смотрите! — кричал кто-то, — Смотрите, там!

Ни Роб, ни Надя не присоединились к стремительному движению толпы у телевизора. Они могли видеть все достаточно ясно со своего места. Роб испытал чувство благоговения, глядя на космический корабль в центре экрана; точно такое же чувство он испытывал во время приключения "Аполлона". Точно это не было затаскано в научно-фантастических фильмах, поэтому реальность казалась тривиальной.

Темное пятнышко падало с неба, наливаясь и увеличиваясь в размерах. Затем замерло в воздухе и медленно опустилось последние несколько футов на Землю.

— Не совсем удачное время, чтобы консультировать власти о чем-либо, — сказала Надя.

— Согласен. Но, по крайней мере, мы должны все это записать. Я собираюсь послать срочное сообщение через мой департамент, рекомендуя, чтобы это шло сразу же вверх.

— Дай мне копию. Я собираюсь ее сообщить моему народу через Политбюро. У меня есть сомнения, что кто-нибудь обратит на нее внимание, но по крайней мере, она будет там в виде записки. Затем, каким должен быть наш следующий шаг?

— Отдохни немного. Этим ты займешься прямо сейчас. Я собираюсь попытаться пробить себе дорогу на встречу с посланником оинов, как только встреча начнется, наш друг Хес'бю окажется лишним. Независимо от того, понравится ему это, или нет, я собираюсь посмотреть, чтобы ты получила его в свое распоряжение для изучения языка. Мы нуждаемся в сведениях. Знание их языка станет первым шагом в отыскании большей информации о наших новых союзниках.

— Я согласна. Свяжись со мной, когда ты будешь готов. Сон поможет мне прочистить мозги, так как я намереваюсь продолжать изучение языка оинов.

— Я верю в это. А сейчас отправляйся отдыхать.

Большинство военных и весь Госдепартамент хотели присутствовать на официальной встрече с представителями чужаков. Робу пришлось дернуть за все нити, которые он мог достать, чтобы попасть в самый последний ряд маленькой аудитории. Этого было достаточно: он хотел видеть, но считал необязательным быть видимым самому.

У присутствовавших вырвался шепот предчувствия, когда три чужака вошли в зал и заняли места на возвышении. Их тела были завернуты в почти одинаковые отрезки темной ткани, в отличие от Хес'бю, который был обнаженным. Раздет сго пленителями? Еще одна загадка, требующая ответа. Не металлические ноги, подобные тем, которые были у Хес'бю. Но у одного из них была металлическая кисть, у другого целая рука представляла собой металлический протез. Только у одного говорящего, казалось, не было искусственных членов. Еще целый ряд вопросов.

Госсекретарь произнес краткое приветствие... Он, должно быть, разговаривал с ними по дороге из аэропорта, затем представил лидера делегации — Озэр'о, чей ранг примерно эквивалентен адмиральскому. Последовали короткие хлопки аплодисментов когда чужак поднялся и взглянул на их лица. Кстати, его английский был намного лучше, чем у Хес'бю, почти совершенен.

— Люди Земли, я приветствую вас. Я сожалею только, что эта первая встреча между нашими расами происходит в такой несчастливый момент. В течение многих лет мы были знакомы с вашим существованием. Мы изучили ваши языки с помощью радиопередач и находились в благоговении и восхищении от вашей жизнеспособности и разнообразия. Наша раса — древняя и однородная. Но в этом нет причины того, что мы никогда не контактировали с вами. Скорее, это происходило из-за нашего кодекса чести. В нашей древней битве с силами блеттеров мы пришли к пониманию, что любая попытка из хороших или плохих побуждений навязать волю одной культуры другой культуре является изначальным злом. Мы наблюдали за вами, но не вступали в контакт, желая вам только добра, и не хотели оказывать давление на вас.

Сейчас все изменилось. Бесконечная галактическая война двинулась в вашем направлении. Наши враги с незапамятных времен, в их извечной ненависти ко всему разумному, выделили некоторую часть из своей армады, чтобы послать ее сюда для вашего уничтожения. Моя болезненная обязанность — проинформировать вас, что мы не можем противостоять их курсу и неспособны заставить их силы повернуть. Мы можем

только предупредить вас о будущем. И предложить вам военную помощь и советы, если вы пожелаете этого.

Озэр'о поколебался, взглянул на переполненный людьми зал. Он издал тихий звук — почти человеческий вздох.

— Сейчас моя самая неблагоприятная обязанность — открыть наши последние секретные сведения. Враг собрался с силами. Один из их самых больших военных кораблей — крепость размером с маленький астероид — находится на курсе к вашей планете. Мы знаем из прошлых экспериментов, что является их несомненными планами. Приземлиться и уничтожить. Всю вашу расу. Им не нужна разоренная планета. Только полное уничтожение врага.

Он ожидал, склонив голову, до тех пор, пока взволнованные голоса не умолкли и не воцарилась тишина. Когда он заговорил вновь, его холодный голос был хриплым.

— Захватчики сейчас примерно в трех неделях пути отсюда. Их прибытие ожидается примерно через двадцать один день по вашему счислению. Если ничего не будет сделано, чтобы предотвратить их прибытие, это будет означать гибель всей вашей цивилизации. Как только они приземлятся, вы будете уничтожены...

7. БИТВА ЗА ЗЕМЛЮ

Яростные крики заполнили аудиторию. Гнев, который, возможно, скрывал страх? Роб прислушался к голосам, смотрел напряженно на лица посланников чужаков, стоявших с опущенными головами. Но оставался холоден и молчалив. Сказал ли Озэр'о правду, пытался ли спасти их? Или был какой-то заговор, скрытый за театральной речью? Не существовало способа выявить это. Пока не существовало. Роб мог только ждать и наблюдать. Сейчас он смотрел за пронзительно вопящими мужчинами и женщинами и задавал себе вопрос, каковы же его собственные резервы? Был ли он и Надя единственными, кто сомневался? Тогда, возможно, они не правы? Озэр'о поднял руки ладонями вверх и продолжал говорить, когда крики стихли.

— Мои друзья с Земли. Поверьте мне, что я испытываю огромную боль, говоря вам это. Я могу только добавить, что мы предложим вам всю помощь, которую можем предложить. Возможно, удастся уничтожить их крепость, когда она войдет в атмосферу планеты и попытается приземлиться. Мы имели успех в прошлом, поступая таким образом. Но не каждый раз, хотя мы учились с каждой неудачей. Я объясню в деталях вашим техникам и физикам, но я хотел бы сказать вам о контрмерах, которые вы можете сейчас принять. У нас есть специальный энергетический просктор, который должен быть установлен на поверхности планеты. Это огромные генераторы, которые излучают радиацию, способную оказать эффект даже на объекты, столь массивные, как крепость врага. Генераторы могут быть расположены только на одном из полюсов планеты, где конфигурация окружающих магнитных полей, которые вы называете поясом Ван Аллена, позволит радиации стать пронизывающей. Очень хорошо, что ваши планетарные полюса необитаемы, так как

радиация, о которой я говорю, очень вредна живому... Ваш северный полюс покрыт шапкой льда, слишком тонкого, чтобы удержать вес этого оружия, но, как я понимаю, имеется твердый континент на вашем южном полюсе. Если вы согласитесь, мы установим оружие там. Решение целиком зависит от вас. Наше желание — лишь только помочь дружественной жизненной форме в борьбе за существование.

Роб выключил карманный магнитофон и покинул зал. По его ушам больно ударили крики энтузиастов, исходящие от людей, находившихся в зале. Он обнаружил Надю одну в ее офисе без окон.

— Где Хес'бю? — спросила она.

— Спит. Он сказал, что устал. Я думаю, это только извинительный повод, чтобы удрать от меня. Мы говорим сейчас на его языке, и я намерена задать ему вопросы, отвечать на которые он не выразит бурного энтузиазма.

— Он вообще-то дает тебе какие-нибудь ответы?

— Некоторые. Я спросила его о металлических ногах, и он сказал мне, что его народ ведет такую все отбирающую войну, что никто не может быть освобожден от участия в битвах. Когда войны получают увечья, их снабжают приборами-протезами и отсылают назад воевать.

— Звучит убедительно. Двое из его товарищей, там наверху, также имеют металлические члены. Война, должно быть, и в самом деле тяжелая.

— Как прошла встреча?

— Я боялся, что ты спросишь. Все выглядит так, что мы будем захвачены и уничтожены. По крайней мере, если следовать говорившему, Озэр'о. Смотри, я записал это выступление для тебя.

Они прослушали выступление в полной тишине. Роб стал еще более подавленным, когда услышал все во второй раз. Он выключил аппарат, когда раздался дружный грохот одобрения.

— Мог бы ты купить змеиное масло у этого существа? — спросила Надя.

— Нет, и даже подержанный автомобиль. Возможно, мы стали слишком подозрительными, читая смысл в этих словах, где его вовсе нет.

— Нет, Роб. Наша основная логика верна до сих пор. Пока, что мы имеем только слова и не имеем твердых доказательств, являются ли эти слова правдой или ложью.

— Тогда что мы можем сделать?

— Ничего, за исключением того, чтобы двигаться вместе со всеми и думать о возможных путях контакта с врагом, когда он появится.

— Ты, конечно, права. И, определенно, будет достаточно работы, которую необходимо проделать.

Так оно и произошло. Роб потерял след Нади и ее студии по изучению языка в стремительном течении событий по доставке оружия, испускающего радиацию, на место, до того, как придут атакующие блеттеры. Он был в команде связи, работавшей с оинами. Не то, чтобы они могли в чем-то существенно помогать чужакам: технология оинов существенно обогнала земную. Антарктические научные базы были эвакуированы, но это было сделано быстро. После всего команде взаимодействия осталось мало, что сделать, кроме как с благоговением смотреть, как инопланетными специалистами устанавливается защита. Казалось, оины

полностью покорили гравитацию, хотя они были так заняты, что не могли выделить времени на то, чтобы объяснить теорию операций физикам команды. Огромные космические корабли, размерами больше океанских лайнеров, медленно опускались вниз к замерзшей антарктической равнине. Из их трюмов были извлечены массивные генераторы, установленные затем на скальное основание. Кабели, каждый больше, чем в ярд толщиной, уходили от проекторов в генерирующей станции, расположенной под грунтом, в большой пещере, вырубленной в сплошной скале в течение одного дня. Все происходящее было достоверным. Но самым невероятным казались огромные усилия и скорость, с которой все это было сделано.

Но не слишком быстро. Земные обсерватории изучали координаты, которыми их снабдили оины, и скоро обнаружили некоторое количество объектов, двигавшихся к Земле. Самый крупный из них, несмотря на расстояние, был настолько велик, что смотрелся, как диск, при помощи телескопа, расположенного на спутнике, вращающемся на орбите за пределами атмосферы Земли.

— Стрельба начнется через несколько часов, — говорил Озэр'о людям-наблюдателям, собравшимся в одном из залов огромного центра, координирующего работу оружия.

Запутанное голографическое изображение плыло в воздухе перед ними, и Озэр'о указывал на характерные черты.

— Все дело в законе обратной зависимости квадратов рассеивания энергии, которая контролируется отсюда. Я уверен, что вы знакомы с этим феноменом, так как все оружие, которое мы используем в этой стычке, является радиационным. Мы должны принимать во внимание на протяжении всего времени дистанцию. Но дистанция до мишени уменьшается непрерывно, а вы убедились, что мишень будет всего лишь росм скал в космосе, чем она, на самом деле и является. Они хотят, чтобы мы растратили энергию на эти скальные обломки, которые они запустили перед главной целью. И, конечно же, нам придется поступить так. Пронзить щит, а затем атаковать главную цель. Их крепость размещена на маленьком астероиде, в высверленных туннелях, и снабжена мощным вооружением. Она находится на дальней стороне... Когда мы преодолеем щит обломков, нам придется атаковать прочную скалу, которая будет обращена на нас. Они, конечно же, попытаются атаковать нас, в свою очередь, но у нас в силовом щите достаточно мощности, чтобы защитить себя. Они также попытаются сбросить бомбы из космоса, но кордон нашего защитного флота станет на их пути.

О, сражение завязалось!

Пока он произносил эти слова, огромная сила пронзила их, заставив вибрировать монолитную скалу, омыв их статическим электричеством так, что их волосы встали дыбом. Излучение проекторов не было видимым, хотя все они почувствовали гигантский разряд невидимой энергии.

Затем небо сошло с ума.

Южное сияние никогда не было столь красочным, как северное сияние на противоположном полюсе. Но сейчас оно превзошло все, видимое до сих пор. От горизонта к горизонту ночное небо взорвалось пламенем. Простыни серебряного огня, которые падали и струились с

небес, пропускали сквозь себя энергию оружия в верхние слои атмосферы. И цвета радуги, бурлящего света, которые зажгли ледяные поля гораздо сильнее, чем это происходит днем. Но все же нападающие из космоса не были остановлены, и им не был причинен какой-либо видимый вред. На экране яркие точки света были сейчас отчетливо видны, но Озэр'о сказал, что это неважно.

— Мелкие скалы. Галька, которая будет уничтожена. Мы еще не нанесли им достаточный урон.

Молчаливая битва продолжалась несколько часов, не принося видимой победы или поражения для любой из сторон.

— Схватка скоро достигнет апогея, — сказал Озэр'о. — Они будут скоро вынуждены изменить свой курс, уточнить его. Когда они сделают это, наши компьютеры будут способны определить возможное место их приземления. Затем мы выстроим наши силы для обороны. Битва дальше пойдет быстро. До сих пор все шло, как обычно. Мы потеряли два наших корабля-разведчика, но сейчас мы знаем силы, которыми они располагают. Вы должны извинить меня.

Роб чувствовал крушение надежд и собственное бессилие. Он сжал ручку кресла, в течение единственного, сразу пролетевшего момента, пожалел, что бросил курить. И он хотел, чтобы Надя была здесь, чтобы могла подслушать разговор чужаков. Они обращались друг к другу на собственном языке, не затрудняя себя дать какие-нибудь объяснения по-английски, и только возрастание высокого напряжения было очевидным в их голосах. Один из операторов закричал гневно и пронзительно. Это можно было истолковать только однозначно, так как по корпусу монитора ударила его рука. Затем он стал что-то показывать, и сведенные пальцы дико защекали по голографическому изображению.

Ход битвы изменился. Каменная база-крепость медленно удалялась с экранов, защищенная скалами. Взрывы прекратились, затем начались снова, теперь уже на нижней части крепости. Напряженный огонь также усилился, и скоро вся поверхность астероида покрылась точками мерцающих взрывов. Оператор-один закричал еще громче, и звук его голоса был вовсе не торжествующий. Роб понял, почему, когда огромная арка пылающей близины появилась с одной стороны проекционной зоны, быстро увеличиваясь в размерах, покрытая оспинами и кратерами, срезанными вершинами гор.

— Это же Луна! — закричал кто-то.

Это и в самом деле была Луна. В то время, пока они наблюдали, примерзнув к креслам, крепость в космосе, вопреки взрывам огня, который дождем обрушился на нее, медленно подвигалась к диску Луны. Затем она исчезла за ним. Озэр'о оставил пост и медленно приблизился к земным наблюдателям. Его рот закрывался и открывался под действием сильных эмоций, обуревавших его.

— Похоже, что они удрали от нас, — сказал Роб. Его слова были лишены каких бы то ни было эмоций.

Озэр'о сверкнул на него взглядом, который выражал абсолютную злобу, а затем кивнул.

— Получилось очень неудачно. Вариант их нормального плана вторжения. Компьютер проектора не смог уследить за этим. Ваила система

Земля-Луна — необычная система, и они воспользовались этим своеобразием, чтобы совершить посадку.

— На другой стороне Луны? — спросил адмирал, — Что толку им в этом?

— Очень много, — сказал Озэр'о. — Они имеют сейчас сильную оборонительную базу в непосредственной близости от вашей планеты. Они могут оттуда совершать рейды, защищенные пятью покрытиями своих кораблей, которым необходимо приземлиться. Это для них не победа пока еще, но в любом случае это опасность для вас. Мы должны пересмотреть наши оборонительные планы.

Он повернулся, а один из техников закричал что-то ему, затем он что-то в свою очередь ответил через плечо и поспешил вернуться на свое место.

— Их флот изменил тактику от защиты к атаке, так как эта часть их плана закончена. Это может быть опасно.

Финальный эпизод оказался очень коротким и занял всего несколько минут. Проекторы в снегу снаружи прекращали работать один за другим, и электрические заряды источались в воздухе вокруг наблюдателей. Некоторые из операторов зачехлили пульта управления и отвернулись от них. Никто из них не взглянул на земных наблюдателей, в то время, как те переговаривались тихими голосами. Что-то не получилось, и Роб почувствовал это. Даже перед тем, как Озэр'о двинулся от группы, с которой он разговаривал, и медленно приблизился к людям, он не проявлял нетерпения, но в конце концов сказал:

— Очень неприятное известие. Они великолепно спланировали эту операцию. Их атака была ни чем иным, как отвлекающим маневром. Один из тяжелых бомбардировщиков уклонился от наших кораблей и успешно занял орбиту в непосредственной близости от вашей атмосферы до того, как отступил вместе с несколькими остальными. Мы оставили на нем отметины, наверняка серьезно повредив, но он в конце концов ушел...

Он погрузился в молчание, когда телефон на столе генерала военно-воздушных сил начал издавать пронзительно-непрерывные звуки. Генерал схватил трубку, прижал ее к уху и стал внимательно слушать. Наблюдатели увидели, как краска схлынула с его лица. Трубка внезапно выпала из его сгнущихся пальцев и ударилась об пол. Это был единственный звук в комнате, внезапно погрузившейся в тишину.

— Потеря... — произнес он, — Целый город, Денвер... Все жители мертвы. Полмиллиона. Возможно, больше. Все мертвы... Единственная бомба...

Битва за Землю началась.

8. К ЛУНЕ

Из-за внезапного военного статуса государства Робу потребовалось четыре дня, чтобы добиться встречи с Бенингтоном из ЦРУ. И даже это было неплохо.

Он подготовил рапорт в таких хорошо запротоколированных деталях, что его аргументы были непоколебимы. Он также дал время Наде

для поездки в Москву. Время поджимало: сверхзвуковой самолет коснулся посадочной полосы аэропорта Даллас за полчаса до того, как он должен был быть в штаб-квартире ЦРУ, штата Вирджиния. Официальный ранг Роба позволил ему использовать служебный "кадиллак" с двумя сопровождающими мотоциклистами, которые сделали возможным явиться на встречу вовремя.

Это заняло почти столько же времени, как и пройти охрану вокруг офиса Бенингтона. Двери офиса захлопнулись за ним, когда часы пробили два.

— Мисс Андрианова, я никогда не предполагал, что смогу увидеть вас в этом офисе.

Он обладал старомодной вежливостью и легким английским акцентом — последствия обучения в Оксфорде и службы в Европе.

— Хотелось бы знать, мог ли полковник Хейвард быть приглашен в Кремль.

Оба, вопрос и намек, что он знал достаточно хорошо, откуда она только что прибыла.

— Он может быть приглашен точно так же, могу заверить вас, — сказала Надя. — Рапорт, который я передала им, был подготовлен с любезной помощью полковника. Я, в свою очередь, принимала участие в составлении его рапорта

— Странные времена порождают странных партнеров, — пошутил Бенингтон, взвешивая толстый рапорт в руках, когда Роб передал его ему. — Весомая штука, не правда ли Роб? — Не могли бы вы дать мне тезисы?

— Да сэр. Основное: не существует физических улик, что оины не лгут нам с тех пор, как они впервые приземлились на этой планете. Мы не знаем ничего о том, кого они называют нашими взаимными врагами, блеттерами, за исключением того, что они пожелали сказать нам. Мы приняли сторону в галактической войне, не будучи полностью уверенными, за кого воюем.

— Разве вы забыли Денвер? — спросил Бенингтон. — Вы видели, что случилось там, что натворило это чергово радиационное устройство. Оно подняло температуру в клетках каждого живого существа до ста градусов, меньше чем за секунду. Люди сварились в собственной крови, взорвались.

— Я знаю это, сэр. Совершенное оружие. Никаких радиационных последствий, и вся недвижимость полностью сохранена. Но как мы можем знать, что это совершили блеттеры? Снова, только со слов оинов. Из всего, что мы знаем, можно сделать вывод, что они также и сами могли сбросить радиационную бомбу.

— Вы понимаете всю серьезность положения, в котором мы можем оказаться, если ваши предположения окажутся неверными?

— Конечно, сэр. Но улики подтверждают наши подозрения.

Бенингтон сурово нахмурил брови, затем бросил рапорт на крышку стола перед собой, поднялся и пересек комнату.

— Вы — не единственный, кто имеет подозрения. Этот рапорт — решающее доказательство, если я позабочусь об этом.

Он коснулся книжной полки, которая плавно отошла в сторону, открыв хорошо оборудованный бар.

— Что вы будете пить? Мисс Андрианова? Или я могу называть вас Надя?

— Надя. Пожалуй, бурбон.

— Водки для вас, Роб? Руки, протянутые через океан, и все такое прочее?

— Нет, спасибо, сэр. Я присоединюсь к Наде.

— Так же, впрочем, как и я, — он разлил напитки. — Вернемся к вашему рапорту. Прекрасно выполненная работа.

— Но вы его еще не читали... голос Роба смолк, в то время, как Бенингтон улыбнулся и кивнул.

— Сынок он был на моем столе, как только ты закончил первый черновик. Ты использовал свой компьютер в офисе? Не так ли? Я могу позволить иметь несколько подключений к компьютерам внутри Пентагона. С разрешения секретаря обороны, конечно. Вторжение чужаков, или нет, но этот департамент все еще интересуется, когда разведка военно-воздушных сил сотрудничает с Советами. Чертовски хорошая работа. Она подводит черту подо всей этой массой рапортов и подозрений, которые мы получили из различных источников.

— Могу ли я спросить вас, в чем их суть? — спросила Надя.

— Конечно. Наши ученые из отделения взаимодействия до сих пор не узнали, как работает энергетическое оружие или любой прибор оинов. Мы изучаем корабль блеттеров, который приземлился, но не имеем ни малейшего понятия, откуда начать, настолько он чужд нам. Наши техники боятся вскрыть его, так как в этом случае он может быть уничтожен. У нас есть огромная куча обещаний о помощи со стороны наших союзников, но не одно из этих обещаний не было до сих пор выполнено. Опасность, в первую очередь, — говорят они. Ваш рапорт раскладывает проблему на черное и белое. А это также пугает меня. Нет ничего, кажется, что мы могли бы сделать.

— Тут вы не правы, сэр, — возразил Роб. — В этом вопросе Надя получила поддержку в Москве. Мы собираемся вступить в контакт с блеттерами и выяснить, что они думают обо всем этом.

— Легче сказать чем сделать. — Бенингтон улыбнулся и заново наполнил их стаканы. Затем отпил из своего.

— Нет, сэр, вовсе нет. У Советов есть наготове прямо сейчас большая ракета "Мечников". Они собирались с ее помощью послать пять ученых в лабораторию на Луну, как раз перед тем, как началась эта заварушка. Они сказали, что точно также легко будет доставить туда один из наших лунных тракторов и двух добровольцев. Мы и есть эти добровольцы.

— Я уверен, что вы добровольцы, — Бенингтон серьезно взглянул сначала на одного, затем на другого. — Что, если эти блеттеры и в самом деле безумные, в чем нас постоянно заверяют оины? Что тогда случится с добровольцами?

— Они будут мертвы, сэр. Но вопрос окажется доказан, — оины говорят нам правду. Наш единственный шанс уцелеть в галактической войне будет реальным только тогда, когда мы все выясним. Неважно, какая из этих рас более привлекательна. Если кто-то лжет...

— Очень важно для выживания всей планеты выяснить, что же они говорят на самом деле. Олл райт, я поддерживаю план. Но почему вы двое?

— Я разговариваю на языке оинов, — сказала Надя, — Я могу вступить в переговоры с блеттерами, если они не знают ни одного из наших языков. Не думаю, что вы подвергнете сомнению рекомендации Роба. Прежде всего, он был первым человеком, который вступил на корабль чужаков, когда тот опустился на Землю...

— Олл райт. Тогда двигайтесь, — Бенningтон поднял трубку телефона. — Вы заручились моей поддержкой. И всех остальных в придачу — я уверен. Я собираюсь проинформировать каждый департамент. Мы все работаем в темноте, и никому из нас это не нравится. Я вручу вам официальное письмо, аккредитованное Белым Домом, которое вы возьмете с собой, делающее вас официальными представителями.

Надя похлопала по своей сумке.

— Я имею такое же от Политбюро. Со всеми печатями и визами, — она улыбнулась. — Я надеюсь, ваше будет столь же впечатляюще.

— Вам лучше всего поверить в это! Звезды и полосы, золотые звезды и все такое, прочее, — Бенningтон внезапно стал серьезным: напряжение впервые проявилось в нем, — Мысль о вас двоих, идущих там, вооруженных только глупыми клочками бумаги... Если бы не крайние обстоятельства...

— Но это так, сэр, — сказал Роб, поднимаясь, — И осталось очень мало времени.

— Не осталось вовсе. Удачи каждому чего бы это не стоило.

Хотя космические программы двух стран в самом деле отнимали очень мало времени, они все же потратили целых пять дней, чтобы закончить приготовления. Так как Робу приходилось работать на спутнике секретной службы в космосе, он мог научить Надю, как обращаться с космическим скафандром. Лунная тележка была приведена в порядок и была отослана в Россию, где наготове поджидала огромная ракета. В то же самое время по всему миру космическая война продолжалась. Еще два города были подвергнуты ударам радиационных бомб. Мец на севере Франции, и Томск в Советском Союзе. Таким образом, когда оины объявили, что защитное сооружение на Южном полюсе требует снабжения ядерным горючим, все страны ЕЭС, так же, как и Советский Союз, были готовы внести вклад урановыми изотопами. Соединенные Штаты уже внесли свою часть. При данных обстоятельствах многие фабрики и заводы работали день и ночь, чтобы произвести массивные компоненты для энергетических проекторов. Некоторые власти обнаружили интересную вещь — оины собирали финальную часть установки самостоятельно и только они знали, как это устройство было смонтировано. Им только оставалось проявлять досужий интерес. Шла война, и оины были очень заняты. Как только опасности будут позади, объясняли они, последует выдача полной информации.

В то же самое время Роб и Надя делали все возможное, чтобы добыть единственную, самую важную часть информации, самостоятельно.

Были завершены приготовления, ракета заправлена горючим и приведена в готовность. В компьютер введен курс, все системы проверены. Когда они стартовали, не было толп газетчиков и посланий "до свидания". Приходилось идти на определенный риск. Оины, возможно, наблюдают за объектами, покидающими атмосферу Земли, но навряд ли

за теми, которые уходили отсюда. Так же, как блеттеры. Те вообще находились на обратной стороне Луны.

— Что если мы ошибаемся? — спросила Надя, в то время, как они пристегивались к противоперегрузочным креслам и ожидали старта.

— Возможно, мы никогда не узнаем, — сказал Роб. Когда он протянул руку, его пальцы едва могли коснуться пальцев Нади. Ее пальцы были холодны.

Она взяла его руку, крепко сжала ее и улыбнулась ему в то же самое время. Затем он осознал, как привлекательна она была, и какими официальными были их отношения до этого момента.

— Я испытываю огромную депрессию, к тому же я славянская женщина, — сказала она, освобождаясь от его руки, — Если мы только сможем приблизиться, чтобы поговорить с ними. Они выслушают, что мы им скажем... Хотя бы только, как источник информации. Мне хотелось бы поскорее быть там.

Ее желание было очень быстро удовлетворено. Они были вдавлены в противоперегрузочные кресла, когда первая ступень ракеты доставила их за пределы атмосферы. В напряженной тишине они ожидали атаки, которой так и не последовало. Программа корабельного компьютера была рассчитана на минимальное время близкого нахождения рядом с Землей, так что после того, как они вышли за пределы атмосферы, корабль сразу же лег на курс к Луне.

— Пока все хорошо. — сказал их пилот, майор Глоба. Он был веселым украинцем с большой примесью татарской крови, о чем свидетельствовал разрез его глаз.

— Взрыва еще нет, и мы с каждой секундой уносимся все дальше от их радаров.

— И все ближе к тем, на обратной стороне Луны, — сказала Надя, до сих пор не избавившаяся от депрессии. — Достаточно одного выстрела.

— Один выстрел — это все выстрелы, когда-либо сделанные, — сказал Глоба, до сих пор пребывавший в веселом настроении. — Наденька, им будет трудно нас пристрелить, если они нас не видят. Мы практически коснемся лунной поверхности, когда подойдем ближе. Только несколько тысяч километров над ней. Если координаты базы блеттеров верны, имеется в виду, если эти ублюдки-оины не солгали нам, мы никогда не появимся на горизонте в поле их зрения. А лучи радаров не поворачиваются углом в безвоздушном пространстве. Вот почему вам придется проехать сто километров на этой заводной коляске. Я спущу вас вниз, махну ручкой, подожду на орбите, затем стартую и снова присоединюсь к "Мечникову", который будет вертеться вокруг Луны. Затем назад к Земле, передав по радио сигнал, как запланировано, батареи Южного полюса не подбить нас. Просто.

— Ваша идея проста — а моя не вполне, товарищ Глоба, — сказал Роб, — Сейчас давайте немножко вздремнем, так как впереди у нас напряженные часы.

Но майор Глоба оказался прав. Они пронеслись на низкой орбите над поверхностью лунных гор, почти причесав наиболее высокие пики и разделившись с главной ракетой в педантично выверенное мгновение, которое запрограммировал компьютер. Посадка прошла так же ровно,

как и предсказывал майор, и в течение часа они выгрузили лунную повозку и махнули на прощание, когда осторожно забирались в нее.

Роб нащупал неуклюжими перчатками и вставил шнур коммуникационного устройства скафандра в цепь машины. Не могло быть и речи о радиокоммуникации после того, как они начнут двигаться,

— Ты готова? — спросил он.

— Ты видишь? Действительно видишь, где мы? Забудь на мгновение блеттеров и осознай, что мы действительно на Луне. Ты видишь этот... просто невероятный ландшафт?

— Я вижу, — сказал Роб, заставив себя игнорировать освещенные серебряным светом горы с острыми кромками на фоне темноты космоса. — И меня не беспокоит то что я вижу. Мы должны двигаться.

— Разумеется, — вздохнула Надя. — Идет война. Она всегда должна быть в первую очередь...

Надя пристегнула себя к сидению, и Роб надавил на акселератор. Колеса медленно повернулись. Лунная повозка двинулась вперед, слегка развернулась, направляясь по курсу, высвечивающемуся на гирокомпасе. Они взобрались по пологому склону, затем добрались до вершины и опустились с другой стороны. Надя обернулась, чтобы взглянуть на твердую массу скал позади них, за тем снова перевела взгляд вперед по курсу, как только скалы скрылись из поля зрения за холмом.

Это был молчаливый, почти похожий на сон рейд. Пыль, поднятая колесами, снова быстро оседала на поверхность почвы. Каждый холм выглядел точно так же, как и другие: они объезжали кратеры и беспорядочно двигались через массу обломков скал. Километры тянулись медленно, а Солнце неподвижно висело на черном небе. Роб внезапно остановил машину и дал задний ход, скользя назад вниз по склону, по которому они только что поднялись.

— В чем дело? — спросила Надя.

— Пока неясно. Возможно, ничего. Если мы двигались по курсу, то сейчас должны находиться на расстоянии десяти километров. Я заметил что-то большое впереди, или мне показалось, что заметил. Это могут быть блики в глазах.

Он вылез из лунохода.

— Если ты последуешь за мной, держись на расстоянии нескольких ярдов. Остановись, когда я остановлюсь.

Она наблюдала, как его массивный кислородный ранец медленно двигался вверх по покрытому пылью склону впереди. Он внезапно замер, затем повернулся и махнул ей рукой, призывая присоединиться к нему.

Они стояли плечом к плечу на склоне, едва выделяясь головами над гребнем, вглядываясь в темные горы, облицованные сияющим металлом, которые поднимались в центре равнины перед ними. Устройство на вершине кратко сверкнуло, и они почувствовали волнение какой-то чужой силы, двигающейся через грунт вокруг них. Роб приблизился к Наде настолько, что его шлем коснулся ее. Звук мог пройти через материал шлема, когда они так разговаривали, они могли поддерживать радиомолчание.

— Это здесь, — сказал он. — Крепость блеттеров. Мы выполнили эту часть плана.

Она повернула голову и обнаружила, что он смотрит вниз.

Путешествие закончилось. Сейчас начиналась последняя и самая опасная часть их путешествия.

9. ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

— Каким будет следующий шаг? — спросила Надя.

Он видел ее лицо, его серьезное выражение, так близко, как это позволяли соприкасающиеся между собой шлемы. Он криво улыбнулся.

— Я думаю, нужно с ними поздороваться. Мы придумали, как добраться до этого места. Но насчет открытого контакта никакого плана нет.

Он поразмыслил некоторое время.

— Я собираюсь прокатиться на повозке до крепости, до тех пор, пока направленная антенна не окажется над гребнем. Затем использую радио. Я подсоединю кабель от скафандра. Его длины должно хватить. Пока я работаю, ты двинешься вниз по склону среди этих скал. Я присоединюсь к тебе через минуту.

Роб использовал минимальную мощность двигателя, чтобы подкрасться на повозке до гребня. Он остановился и включил тормоза, затем привстал и бросил взгляд мимо антенны в сторону крепости. Несколько низковато. Он двинул повозку вперед на несколько футов, затем проверил снова. Великолепно. Блюдце направлено точно на блестящую крепость. Он собирался использовать минимум мощности передатчика: это и направленное действие антенны могли гарантировать, что сигнал не будет настолько истолкован, что за ним последует ответный удар. Он не имел ни малейшего представления, что они могут предпринять при этом. Но в любом случае он хотел устранить возможность нападения. Переключатели на радио были установлены на прием и передачу: когда приемник примет сигнал, передача состоится.

Надя обнаружила убежище среди огромных валунов. Добрые две сотни ярдов в сторону, и он присоединился к ней.

— Ты готова? — спросил он, коснувшись ее шлема.

— По правде говоря, нет. Я сомневаюсь, что когда-нибудь буду готова к этому. Я не подготовлена к этой части операции. Так сделай это, пожалуйста, до того, как я окончательно потеряю контроль над своими нервами.

— Хорошо. Мы начали, — сказал Роб. Он включил радио, затем заговорил: — Привет, блеттеры. Мы ...

Здесь не было воздуха, чтобы передать звук, возможно, не было даже взрыва. Но что-то протянулось от огромной крепости и разнесло верхнюю часть холма и поверхность вокруг этого места. Затем все прекратилось в мгновение ока.

Почувствовалось слабое сотрясение почвы, которое мгновенно прекратилось. И это было все.

Верхняя часть срезанного холма представляла собой ровную горизонтальную поверхность. Оставшиеся части их повозки были аккуратно нарезаны блестящими ломтиками. Роб медленно вытянул пальцы. Они дрожали. Затем он включил радио. Их шлемы соприкоснулись.

— Очень впечатляет, не правда ли?— сказал он, увидев выражение ужаса на лице Нади, — Но это на самом деле ничего не значит, кроме того, что у них есть автоматическая защита. Ни один оператор орудия, будь он человеком, не может иметь настолько хорошие рефлексы. Но машины могут сделать это. Несомненно, они регистрируют и открывают огонь по любой движущейся мишени, по любому радиисточнику. Сейчас объявлена тревога. Мы можем надеяться на более умный ответ.

Черная машина всплыла над холмом и неподвижно застыла над ними. Она была эллиптической формы, окаймленная блестящими металлическими выпуклостями. Затем она развернулась так, что ствол какого-то неизвестного оружия оказался направленным прямо на них. Роб рывком включил радио и закричал изо всех сил:

— Не стреляйте! Если этот предмет, оружие, не стреляйте! Посмотрите на нас. Мы не ваши враги! Мы люди. С Земли. Мы не вооружены! Мы здесь с мирной миссией. Мы — официальные представители правительства Земли. Не открывайте огонь...

Надя сейчас же заговорила по своему радио. Ее голос, дрожавший вначале, обрел уверенность. Она говорила на быстром русском. Роб смог понять достаточно, чтобы разобраться, что она говорит то же, что и он.

— Нет. Мы пришли с миром. Н е т.

Парящий объект не двигался, зависнув над ними, поддерживаемый неизвестной силой. Ничего больше не случилось. Когда Надя закончила, Роб продолжил:

— Мы останемся здесь до тех пор, пока вы не проинформируете нас. Мы не собираемся двигаться. Мы будем ждать. Вы хотите, чтобы мы сделали что-либо? Можете ли вы понимать нас?

Пугающий предмет не отлетел. Но они до сих пор были живы. Это служило в некоторой степени ответом. Роб медленно повернулся и посмотрел на Надю. Она сейчас полностью контролировала себя. Критический момент миновал. Они вступили в контакт, правда, не известно в какой, и не были мгновенно уничтожены.

— Что дальше?— спросила она спокойно.

— Мы подождем. Даже если это нацелено на нас какое-то оружие, машина должна иметь визирные приемники. Там, внутри, должно быть, блеттеры, или они находятся в радиоконтакте с машиной, сидя у себя на базе. У них есть все возможности убить нас, но это не сделано, как можно было предположить. Видимо, они хотят нас увидеть. У них есть транспорт для передвижения по поверхности, или летательный аппарат вроде этой штуки, чтобы забрать нас.

Они ждали. Несколько минут спустя они почувствовали легкую вибрацию, прошедшую через их ботинки. Это заставило их посмотреть вверх на аппарат. Без воздуха нельзя было слышать звуки движения чего-либо. Но дрожь передавалась через грунт. Ничто не появлялось, но вибрация внезапно прекратилась. Надя уловила движение, повернулась в другую сторону и издала непроизвольный вздох. Она потянула Роба за руку.

— Смотри.

Из грунта вылезал, подобно гигантскому черному червю, какой-то аппарат. Он был сделан из металла и был таким же гибким, как и его прототип, изгибаясь во всех направлениях, во время появления. Эта

машина, по крайней мере, была десяти футов в диаметре и тридцати в длину, с характерным наконечником, который находился в движении, даже когда аппарат остановился. Когда он опустился на скалу, непрерывный поток частиц грунта все еще извергался из суставов этого механизма.

— Ну, если не над грунтом, то, по крайней мере, через него. Такой способ хорош, чтобы не быть заметным, и определенно надежен. Смотри...

Панель сбоку аппарата беззвучно скользнула в сторону. Внутренность его не освещалась солнечным светом, так что ничего нельзя было разглядеть. Там что-то двигалось — черное и сверхъестественное.

Ничего больше не произошло.

— Я... всегда была подвержена клаустрофобии, — сказала Надя.

— Мне знакомо это чувство. — Роб не мог придумать ничего, чтобы приободрить ее, — Мы только войдем внутрь. У нас нет выбора. Думаю, это не должно продлиться слишком долго. В конце концов это то, ради чего мы прибыли сюда.

— Я знаю. Сейчас говори что-нибудь еще. Сделаем так, пока я еще способна.

Они встали и медленно пошли вниз по склону по направлению к аппарату. Над их головами молчаливо парила летающая машина, поддерживая их движение стволом оружия. Роб взял Надю за руку, и даже через толстую ткань космического скафандра он мог почувствовать ее дрожь, пока они подходили к разверзшемуся отверстию. Это напоминало открытый гроб. Роб силой отбросил подобную мысль. Из всех сил он старался сохранить самообладание.

Надя приостановилась и посмотрела в скрытое тьмой отверстие.

— Я не могу... — сказала она таким низким голосом, что Роб едва расслышал ее по своему радио. — Я не могу войти туда.

— Мы должны. Мы ради этого прибыли сюда.

— Нет!

Она повернулась, и он сжал ее обе руки, заставляя силой вновь повернуться к отверстию, используя при этом преимущество своей силы против ее сопротивляющегося тела. Он ненавидел себя за это, и не осмеливался посмотреть на ее перекосенной мукой лицо. Когда ноги Нади коснулись косяков отверстия, она прекратила сопротивляться и заговорила холодным и лишенным эмоций голосом:

— Этого достаточно. Убери свои руки. Я могу сделать это одна.

Роб освободил ее. Она напряглась и посмотрела на него. Выражение ужаса на ее лице сменилось выражением ненависти. До сих пор ею владел страх, но страх был подавлен эмоциями, когда она почувствовала, как он физически пытался заставить ее войти в машину... Когда она медленно забралась в темное отверстие, он осознал, что она никогда не забудет, что он сделал. Их взаимные отношения изменились и уже никогда не будут прежними. Он последовал за нею внутрь, лег ничком рядом и огляделся, и в это время отверстие закрылось, и они оказались в крошечной темноте. Она слегка дрожала, затем застыла неподвижно. Дыхание вырывалось прерывисто, пока она вела невидимую борьбу со своим страхом.

Они двинулись. Ровно, едва уловимо изменяя направление. Машина могла прорыть путь быстро и легко, как это произошло до этого. Робу представилась машина, плывущая через грунт подобно черному киту, путешествующему по океану. Машина разделяла твердый камень, как воду, двигаясь через него и позволяя ему смыкаться позади. Возможно, эта штука так и двигалась. Во всяком случае, не было способа определить это. Еще одно непонятное устройство чужаков.

Движение прекратилось? Как много прошло времени? Определить невозможно. Внезапный свет обжег им глаза, и Роб заморгал, понимая, что люк открылся. Они прибыли.

Он сел и наклонился над Надей, чтобы помочь, но она отшвырнула его руку. После этого он мог только выползти и ждать, когда она присоединится к нему.

Они находились в камере без обстановки, со стенами, сделанными из металла темно-голубого цвета. Рядом машина-червяк застыла неподвижно. Свет потух в ее носовой части, которая сейчас оказалась ординарной металлической решеткой. Затем вверху над ними потух яркий свет. На ближайшей стене появилась щель, формой напоминающая окружность, и расширившись, превратилась в широкий дверной проем, который беззвучно распахнулся. За дверью находилась маленькая комната. Надя направилась туда, игнорируя Роба, который поспешил за ней. Внутри она остановилась, нарочито отворачиваясь от него. Дверь закрылась за ними, и внезапная изморозь появилась на шлемах их скафандров.

Роб стер ее и заговорил:

— Шлюз. Они подали воздух. Пока не открывай свой шлем. Подожди, пока давление нормализуется.

Надя молчала, игнорируя его.

По стенкам побежали ручейки воды, так как влага из атмосферы сконденсировалась на холодном металле. Далекое шипение приблизилось и стало громче, показывая, что давление сейчас уже достаточное, чтобы передать звук. Роб повернулся к окружности на стене напротив двери, через которую они вошли. Его кулаки сжались. Та медленно открылась.

Он протиснулся мимо Нади и прошел дальше.

Другая комната с металлическими стенами. Но она была заполнена механизмами и тем, что было, очевидно, креслами.

На одном из кресел восседал покрытый мехом блеттер, его внешность была отталкивающая более чем можно было себе представить. Его рот широко распахнулся, обнажив ряды зубов, а псевдомех находился в непрерывном движении, подобно волосам трупа под водой. Роб заставил себя игнорировать это зрелище, сконцентрировавшись на ситуации. У существа был направленный на него пистолет, точно такой же, что ранил капрала Шетли, когда они впервые вошли в корабль чужаков.

— Двигайся медленно, — сказал Роб, пользуясь своим радио. — Не опережай меня и не приближайся к нему. Я собираюсь сейчас открыть скафандр и попробовать воздух.

Он поднял руку и отстегнул шлем. Послышался слабый свист воздуха, когда давление уравнилось. Воздух годился для дыхания. Он переместил шлем и положил его на пол рядом со своими ногами. Уголком

глаза он увидел, что Нади сделала то же самое. Воздух в камере был холодным и имел незнакомый запах. Чужак до сих пор не двинулся и не говорил; пистолет его застыл неподвижно.

— Вы говорите по-английски? — спросил Роб.

Рот блеттера широко раскрылся, и слышались слова с клацающим и хлопающим акцентом.

— Почему вы шпионите здесь?

Это был успех! Он говорил по-английски, и они были до сих пор живы. Первый контакт был установлен!

— Мы не шпионим. Мы — представители правительства Земли. Мы пришли с миром, чтобы встретиться с вашим народом.

— Вы вступили в союз с оинами, которые ведут войну, чтобы уничтожить нас. Вы помогаете им. Они разместили свою базу на вашей планете.

— Пожалуйста, попытайтесь нас понять. Они оказали давление на нас. Они заявили, что ваш народ является нашими врагами, точно так же, как и их врагами. Некоторые из нас не поверили этому. Наши правительства послали нас сюда, как эмиссаров, чтобы выяснить правду. У некоторых из нас есть серьезные сомнения относительно оинов и, таким образом, мы собираемся вступить в контакт с вами. Это правда.

Существо смотрело на них в молчании, застыв неподвижно, лишь его псевдомех непрерывно колыхался, как будто его трепал ветерок, которого земляне не ощущали. Молчание затягивалось, а блеттер все сидел и, не мигая, смотрел на них. Затем он издал стон, весьма похожий на человеческий, и заговорил в устройство, висящее рядом с ним на стене. Язык был высокочастотный и чужой. В ответ звучал другой голос. Блеттер опустил пистолет и сунул его в портупею, которая была одета на нем.

— Мы сейчас все выясним, — сказал Роб, повернувшись к Наде. — Мы доберемся до правды об оинах и о том, что происходит...

— Вы говорите по-испански? — внезапно спросила она.

Роб растерялся

— Да.

Она продолжала говорить по-испански тихим голосом:

— Я не знаю, понимают ли они этот язык, или нет. Мы должны воспользоваться шансом. Но вы должны знать до того, как начнете говорить с ними, что язык, на котором они разговаривают друг с другом...

— Да. Так в чем дело?

— Он звучит несколько по-другому. Но это тот же самый язык, что и тот, на котором говорят оины. Совершенно тот же самый. Эти два непримиримых врага из космоса используют один и тот же родной язык.

10. БЛЕТТЕРЫ

— Вы пойдете со мной, сказал чужак, вставая. Он повернулся и пошел вперед, через дверь, которая исчезла в полу при его приближении. Эмиссары с Земли проследовали за ним.

Роб лихорадочно размышлял. Что же случилось? Что она имела в виду? Две чужих расы говорят на идентичном языке, и в то же время они чужие друг другу. Не было объяснений, и он ничего не мог придумать.

С усилием он отбросил бесполезные мысли на время. Сейчас главное — встреча с блеттерами.

Комната, в которую они сейчас попали, была первой, через которую они уже проходили. Далее следовала еще одна, не имеющая, казалось, строго функционального назначения. Материя покрывала стены, казалось, это были гобелены с непонятными абстрактными символами. Низкий стол, не более чем в фут высотой, располагался в центре комнаты с огромными креслами, сгруппированными вокруг него. В одном из кресел сидел блеттер, чья португеза была инкрустирована металлическими звездами.

— Это командир базы, — сказал их провожатый. — Его зовут Упплинн. Он изучал ваш язык и понимает его, но предпочитает не разговаривать на нем. А я Српарр. Ваш язык — предмет моего изучения.

Командир уставился на них, но при этом не двигался. Роб шагнул вперед.

— Я — полковник Роберт Хейвард, представитель Сосединенных Штатов Америки. Это — Надя Андрианова, которая представляет Союз Советских Социалистических Республик.

— Почему вы помогаете презренным оннам вести войну с нашим миролюбивым народом? — перебил его Српарр. Упплинн закивал в торжественном согласии. Српарр тяжело опустился в ближайшее к командиру кресло, и оба они уставились в холодной тишине на пришельцев.

— Я объясню в деталях, — сказал Роб.

Он чувствовал себя дураком, стоя здесь, подобно уголовнику, оказавшемуся перед судом, поэтому он повернулся и сел в одно из кресел, почти взобрался на него. Надя тоже села.

— Я собираюсь начать с самого начала, — сказал он, — Со времени, когда приземлился ваш корабль и начались эти невероятные события.

— Какой корабль? — спросил Српарр.

— Этот, — сказал Роб. — Возможно, вы не знали о нем. — Он открыл свой кейс с документами и достал одну из фотографий, сделанных после приземления космического корабля в Центральном Парке. Он вручил ее через стол Српарру, который просмотрел ее в молчании. Затем он передал фотографию командиру.

Упплинн кинул на нее единственный взгляд, затем он швырнул ее на стол и пролаял короткое предложение.

— Командир спрашивает вас, — сказал Српарр, — почему вы показываете нам фотографию патрульного корабля оиннов?

Оинны! Роб застыл на время, пока мысли кружились в его голове. Так они ввали с самого начала! Их подозрения определенно имели под собой почву. Если только блеттеры не лгут точно так же... Возможно все что угодно: они не знали совсем ничего ни о той, ни о другой расах чужаков. Он должен был объяснить, одновременно наблюдая за их реакцией, и, если они будут что-нибудь говорить на своем языке, Надя сможет понять. Ее знание языка было сейчас их секретным оружием, возможно, их единственным оружием. Он вытащил следующую фотографию.

— Я объясню, почему мы поверили этому. Вы видите этот снимок? Это пилот и второй пилот в контрольной рубке.

Блеттер внимательно осмотрел снимок.

— Они заменили сиденья в кабине управления двумя сиденьями из наших кораблей. Но системы управления все же оинов, предназначены для их рук. Вы видите?

— Я не могу разглядеть различий, но я хотел бы, чтобы снимок был исследован нашими техниками /если я вернусь подумал Роб/, и это была хорошая мысль. Он перешел к следующей фотографии.

— Я подвергся нападению этого блеттера. Он выстрелил в одного из моих людей. Он был убит в целях самообороны.

— Каким видом оружия он был вооружен?

— Ручным оружием, очень похожим на то, что имеется у вас.

— Оружие после использования взорвалось?

— Да.

Из глубины горла Српарра вырвался вой.

— Оины делали это и раньше. Заставляли наших людей двигаться мертвыми. Этот воин был без сознания, или даже часть его мозга была уничтожена. С оружием в качестве контролера, работающим непосредственно на его мозг. В корабле был оин?

— Да. Один, прикованный к стене.

— Тогда вот вам ответ, — сказал Српарр, отшвырнув снимок в негодование прочь от себя. — Это мерзкое существо управляло кораблем, организовало атаку на вас, приковало себя этими цепями. Это была хитрость, чтобы опорочить нас. И хитрость сработала.

— Да, хитрость сработала. Но сомнения были посеяны. Вот почему мы здесь.

Српарр думал в течение мгновения, затем кивнул очень человеческим жестом.

— Ваша реакция весьма понятна. Но ваши народы до сих пор помогают оинам в их войне против нас. Сейчас расскажите нам точно, как это произошло.

Он описал события медленно и подробно, как если бы составлял рапорт начальству. Два блеттера слушали молча, шевельнувшись только однажды, когда он передал решение Соединенных Штатов и Советского Союза помочь оинам и расположить на Южном полюсе огневые позиции. Когда они услышали это, они раздраженно заговорили друг с другом, и Роб ждал до тех пор, пока они не закончили. Затем он продолжил. Перед этим он кинул быстрый взгляд на Надю, которая слабо кивнула. Если бы только она поняла этот обмен репликами! Он с нетерпением ожидал момента, чтобы выяснить это.

Закончив, Роботкинулся назад в огромном кресле и ожидал реакции. Могли ли они сейчас выяснить правду? Этот вопрос разрешился достаточно быстро.

— Они лгут всегда! — воскликнул Српарр громко, вой стоял у него в горле. Его голубые псевдолосы шевелились как будто их срошил сильный ветер. — Оины — убийцы, они убивают нас, убивают все. И лгут. Они — мастера лжи!

— Вы не можете винить нас за решение помогать оинам. Кроме всего, ведь я был атакован вашим оином.

— Как я объяснил, это был трюк, — сказал Српарр. — Воин был без сознания или даже в основном мертв. Грязные оины использовали имплантированный контроль, чтобы двигать телом. Дистанционное управление, встроенное в оружие.

— Мы не имели возможности знать об этом. Мы стали подозревать это позже, когда события уже развивались.

— Это понятно. Этот оин, предполагаемый пленник на борту корабля... Как его имя? — спросил Српарр.

— Хес'бю...

Командир Упплини пролаял слово, которое могло быть только проклятием: Роб хотел бы знать, было ли оно в словаре Нади.

— Мы прекрасно знаем его, — сказал Српарр. — Он офицер высокого ранга в их секретной службе. Они мастерски лгут. Воспользовавшись этой уловкой, они заполучили ваш мир на свою сторону, чтобы воевать дальше. Скоро вы будете для них умирать, и в конце концов они наградят вас смертью, так как они думают, что только оины достойны жить в Галактике.

— Наши люди уже умирают. Три наших горда были уничтожены вашими бомбами.

— Мы не используем никаких бомб. Мы ведем только оборонительную войну. Если ваши города были уничтожены, вы должны винить оинов. Еще одна уловка, чтобы заручиться вашей лояльностью. Они — прекрасные мастера обмана.

— То же самое они говорят про вас, — вмешалась Надя.

Српарр кивнул.

— Нам остается только сражаться с ними с оружием в руках, они ведут битвы при помощи оружия и лжи. В течение неизмеримого времени мы и другие расы галактики ведем войну против них. За это время многие миллионы были убиты, многие расы уничтожены. Мы воюем на одном фронте, направленном вперед к галактическому центру. Но в то же самое время вынуждены отступать, чтобы найти новые миры и новые ресурсы. И, возможно, найти новых союзников. Они наблюдают за нами, пытаются опередить нас. Шпионят. Мы открыли вашу планету многие тысячелетия назад и думали, что оставили это открытие в секрете. Мы заблуждались. В то время, пока мы подготавливали эту крепость, чтобы прийти к вам и просить вас о помощи, сообщить вам, что творится в нашей галактике, они обнаружили вас. Мы не знали об этом до сего момента. Мы пришли, чтобы помочь вам защитить себя. Мы привели эту крепость для помощи вам. Но они появились первыми, в ночи из лжи. Они мобилизовали вас, чтобы получить помощь в борьбе с нами. Затем они уничтожат вас.

Упплини подался вперед и заговорил на своем языке; Надя не подала вида, что понимает. Когда он закончил, Српарр перевел:

— Командир желает похвалить вас за ваш ум в открытии хитрости врага и вашу храбрость, что вы пришли сюда, как и следовало поступить. Он желает знать, что вы планируете делать дальше.

"В самом деле, что? — думал Роб. — Должно быть принято, какое-то решение". Он извлек свой документ и положил на стол перед ними.

— Эта бумага уведомляет, что я — официальный представитель своей страны. Мисс Андрианова имеет точно такой же документ от своего

правительства. Пожалуйста, дайте нам сейчас немного времени, чтобы поговорить друг с другом и решить, что надлежит делать. Это очень серьезный вопрос.

— Все будет, как вы сказали. Вы хотите есть или пить?

— Воды. У нас есть еда в нашей тележке. Она упакована в коробку в задней части. Я видел, что она не пострадала, когда машину подстерелили. Еда в желтых контейнерах с голубыми лентами.

— Они будут вам доставлены. Оставайтесь здесь.

Блеттеры ушли, и они остались одни, глядя друг на друга. Роб прикоснулся своим указательным пальцем к губам и огляделся в то же самое время. Надя кивнула в знак согласия. Вполне вероятно, что комната прослушивается: все, что они скажут, наверняка будет зафиксировано.

— Какой бы план мы ни придумали, — сказала Надя, — он должен включать организацию коммуникации между блеттерами здесь и нашим народом на Земле так скоро, как это возможно. Может, мы и аккредитованы эмиссарами, но проблемы гораздо шире, чем мы можем решить. Это проблема всего мира.

— Согласен. Возможно, блеттеры имеют высокую технологию, которую они могут использовать для организации коммуникации.

Он вытащил блокнот и шариковую ручку из кармана.

— Мы должны записать это и любые другие решения. У тебя есть бумага?

Пока он говорил это, он моргнул, и Надя кивнула в знак того, что поняла. Она также достала блокнот и сделала быструю запись.

— Мы сделаем дубликат, — сказала она, — Затем сравним их, чтобы убедиться в их идентичности. Наши правительства должны иметь одинаковые рапорты.

— Правильно. Рекомендации. Абсолютная секретность в течение всего времени. Если оины пронюхают, что мы здесь... Последует наверняка полное уничтожение всей планеты. Нам придется быть такими же хитрыми, как они. Нужно установить коммуникацию с блеттерами и выработать план взаимной помощи. Ты согласна со всем этим?

— Да. Но позволь сперва убедиться, что слова идентичны. Дай мне взглянуть в твой блокнот.

— Они обменялись бумагами, и Роб прочитал то, что она написала:

"Без секретов... То, что они говорили между собой, они переводили совершенно верно. Но почему идентичный язык используют заклятые враги? Вопрос, который необходимо выяснить в первую очередь."

Роб кивнул, и написал большое: "Да!" и дважды подчеркнул это прежде, чем вернуть блокнот. Колеса внутри колес. Ситуация становилась все более запутанной, нежели простой и понятной, по мере того, как обнаруживались новые факты. Оины были лжецами и захватчиками. И должен быть какой-то способ избавиться от них на Земле. И люди Земли должны также узнать больше об истории конфликта. Ничто из сказанного блеттерами нельзя было принимать на веру. Секретность. Будущее Земли было поставлено на карту.

Вошел блеттер и поставил прозрачный контейнер на стол вместе с двумя большими кружками и упаковками рациона из поврежденной повозки.

— Вода здесь, внутри, — сказала Надя, похлопав по боку контейнера. — Возможно, этот механизм-пробка. О!...

Вода била струей над столом до тех пор, пока они не обнаружили способ уменьшить напор. Затем они наполнили сосуды для питья. Они оба жадно напились и снова наполнили кружки.

Сухой паек был так же невкусен, как и все неприкосновенные запасы. Они героически жевали и запивали все это водой.

— Чем больше я думаю, — сказала Надя, — тем больше убеждаюсь, что у нас существует одно решение, которое мы должны принять — проинформировать наши правительства о том, что мы обнаружили, и позволить им провести дискуссию.

— Я полностью согласен, что это не наше дело. Интересно, как можно позвать блеттеров, чтобы сообщить им, что мы решили?

— Ты видишь кнопку или какой-нибудь коммуникатор?

— Ничего. Возможно, если мы позовем... Српarr, можешь ли ты слышать нас? Если можешь, присоединяйся к нам, пожалуйста.

Пока они ждали, Надя сделала еще некоторые записи, затем вырвала страницу из своего блокнота, разорвала на мелкие кусочки и смешала с остатками пищи на дне контейнера. Только она успела закончить это, как появился Српarr.

— Вы звали меня? — спросил он.

Роб кивнул.

— Нам нужна ваша помощь. Существует ли какой-нибудь способ установить связь с вашим народом на Земле? Мы должны открыть коммуникационную цепь между этой базой и нашими правительствами.

— Согласие взаимное. Координация — основа основ. Вы должны иметь две вещи. Проектор для трансляции, который оперирует... У вас нет для этого слова... энергетическим полем, которое больше похоже на гравитационное, чем на радиоволны. Мы используем их для коммуникации. Преимущества трансляции в почти одновременной передаче и приеме на расстоянии в несколько световых лет. Другое преимущество — невозможность обнаружения направления транслятора. Происхождение сигнала будет неизвестно на Земле. Мы используем этот прибор для межзвездных коммуникаций. Точно так же поступают и оины. Наши коды не поддаются дешифровке. К сожалению, их тоже. С другой стороны, вы должны иметь человека, чтобы оперировать коммуникатором. Этим человеком буду я сам.

— Звучит очень хорошо, — сказала Надя, — за исключением того, как мы попадем обратно на Землю с этой машиной?

— Наш командир разработал план. Мы совершим нападение на полярное оружие оинов. Атакующие лягут на орбиту вокруг Земли. Будет сброшена капсула, которая приземлится в любом месте, которое укажете вы, где ее прибытие застраховано от обнаружения врагом. Можете вы так сделать?

— Я могу, — сказала Надя. — Я знаю точное место. Мы использовали его раньше. Все наши советские космические корабли имеют точки приземления в Сибири. Если наша радарная сеть не обнаружит нас на пути вниз, все, что нам надо сделать, — это приземлиться вблизи какого-нибудь поселения. Это очень обширная и пустая часть континента. Я

уверена, что оины не наблюдают за ней. Это устраивает вас, полковник Хейвард?

Роб быстро размышлял.

— Великолепный план. Я поддерживаю его.

Идея была замечательной — заполучить Српарра в качестве оператора, в России, далеко от ионов. Соединенные Штаты вполне смогут быстро доставить туда команду взаимодействия, которая будет координировать все действия с Вашингтоном. С наличием двух вооруженных галактических сил, уравновешенных на Земле, любой шаг мог оказаться фатальным.

— Должны быть сделаны некоторые приготовления, — сказал Српарр, встал и вышел.

Роб наблюдал за его уходом, а затем почувствовал внезапную депрессию и утомление. Физическое или психологическое — он не мог сказать. Он взглянул на Надю и заметил, что некоторая часть его усталости отразилась и в ее глазах.

— Все длится слишком долго. — сказал он.

— Действительно, долго, — выражение ее лица было спокойно и равнодушно и не открывало ничего.

— Я сожалею о том, что случилось между нами перед тем, как мы попали сюда, — сказал он.

— Здесь нечего обсуждать.

— Я думаю, все же есть. Ты должна понять, что у меня не было выбора. Неважно, что чувствовал любой из нас. Мы должны были войти в эту грязную черную машину.

— Я знаю это. Но ты мог найти другой способ внушения, без физической силы. Это было безобразно.

— Для меня также. Я не хотел поступать так. Но я был вынужден. Миссия более важна. Если бы ты была мужчиной, то поступила бы точно также.

— Неужели? Я очень сомневаюсь, я думаю, что нашла бы другой способ. Но достаточно об этом. Ничего не сказать нового, продолжая дискутировать по этому вопросу дальше. В данный момент есть более важные вопросы.

Она наклонила голову, пока говорила, и сделала очень быструю запись. Когда она закончила писать, то в молчании передала ее Робу.

Роб мельком взглянув на нее, кивнул.

— Да, — сказал он, разрывая листок на мелкие кусочки. — Да я полностью согласен.

Запись гласила:

"Я НЕ ВЕРЮ ЭТИМ БЛЕТТЕРАМ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК И ОИНАМ."

11. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Крестьянин пропалывал ряды капусты деревянной тяпкой, когда тень прошла над ним. Облако, птица — его не заботило. Сибирское лето настолько же коротко, насколько горячо солнце. Зима настанет снова

гораздо раньше, чем кто-либо хотел бы этого. И если он не вырастет достаточно пищи — ну, тогда наверняка он будет голодать. А голод сибирской зимой лишь на волосок отличается от смерти. Он провел тяпкой по сорнякам. Немая тень дрейфовала над ним, снова заслонив солнце. Что-то большое?

Он взглянул вверх и замер от неожиданности, широко раскрыв рот. Черный цилиндр опускался прямо на него.

— Б о ж е м о й! — закричал он слабо, наблюдая, как предмет опускается.

Зрелище, должно быть, подавило его. Тяпка выпала из окостеневших пальцев, а предмет обогнул его и степенно замер на грунте в капустном поле. До того, как он смог двинуться, на боку объекта открылось отверстие, и вышла серебряная фигура. Крестьянин пронзительно завизжал и побежал. Надя крикнула ему вслед:

— Вернись ты, дурак! Разве ты не видел космонавтов?!

У нее был московский акцент и твердый властный тон. Он подчинился, не в силах унять дрожь. Надя указала на группу белых зданий менее чем в километре по грунтовой дороге.

— Это колхоз? Хорошо. Там есть телефон? Еще лучше.

Она повернулась и сказала по-английски Робу, который протиснулся в люк и присоединился к ней на земле.

— Я могу связаться по телефону. Держи Спрарра внутри. Этот крестьянин может умереть от разрыва сердца, если увидит что-нибудь подобное. Не отходи далеко. Я вернусь, как только позвоню.

Крестьянин наблюдал, как Надя направилась по дороге к ферме, затем обернулся и впервые обнаружил ущерб, причиненный его пано.

— Ка п у с т а! ! ... — взвыл он.

— Не беспокойся о своей чертовой капусте! — буркнул Роб, внезапно ощутив сильную усталость. — В опасности Земля. — Путешествие к Луне и обратно сильно утомило его, и сейчас его не волновала поврежденная капуста. Достаточная часть его чувств передалась крестьянину, и тот удалился суетливой рысью.

Роб присел в тени капсулы и стал ждать.

Он видел, как Надя пошла обратно от здания фермы, и она была только на полпути к капсуле, когда прибыл первый из вертолетов. "Военные здесь весьма оперативны, — подумал Роб. — Воздадим им должное."

Вертолет пробудил к жизни вихри пыли, когда сел в поле. Лопасти только начали останавливаться, когда Надя подошла к нему и заговорила с пилотом. Как только она сделала это, отделение солдат спрыгнуло из машины и развернулось строем, чтобы обеспечить прикрытие со всех сторон. Они не приближались к капсуле. Надя взяла узел из рук пилота перед тем, как вернуться к Робу. Затем тяжело уселась рядом с ним в тени. Ее лицо было влажно от пота и покрыто густой маской пыли.

— Все идет хорошо, — сказала она. — Мне удалось связаться с Москвой, и они позаботятся обо всем. Скоро придут грузовики, а этот небольшой отрезок времени мы потратим на то, чтобы заняться тем, что привез вертолет.

Она раскрыла армейский вещмешок и вытащила бутылку "Зуб-ровка" — холодную и покрытую капельками влаги.

— Они забыли стаканы, — сказала она, сдвигая пробку и поднося бутылку к губам. — Ужасно!

Он взял у нее бутылку и сделал большой глоток сам. Надя покопалась в недрах вещмешка и извлекла буханку коричневого хлеба и салами.

— Это все, что у них было, — сказала она.

— Жалоб не последует.

Они ели и пили, и Роб чувствовал, что некоторая антипатия покидала ее. Поведение говорило лучше всех слов. Ко времени, когда аппетит был удовлетворен, пыль на дороге возвестила о прибытии конвоя. Надя отправилась навстречу самому большому, крытому брезентом, грузовику, развернувшегося задней частью ко входу в капсулу. Чем меньше свидетелей даже здесь, в самом сердце Советского Союза, тем лучше. Ни одного слова в присутствии блеттеров не должно просочиться наружу, или они окажутся виновниками мгновенной катастрофы.

Раздалась команда, и все солдаты как один отвернулись. Чужак показался из капсулы и скользнул в грузовик. Надя и Роб самостоятельно перенесли контейнеры с оборудованием и едой, привезенные Српаром. Они изрядно вспотели, пока работа не была окончена. Надя подала знак, когда все было сделано. После этого они устало упали на деревянные скамьи, и тут же конвой двинулся в путь.

— В Москве очень встревожены, — сказала Надя, — Я не посвятила их во все детали по телефону, только сказала, что наша миссия была успешной и чтобы они обеспечили транспорт и полную секретность. Нас встретят на базе "Розовая". Ты никогда не слышал о ней.

— "Розовая" база. Ваш самый секретный подземный центр управления Балтикой.

Она удивленно вскинула брови.

— Ваши разведчики лучше, чем я предполагала. Но это сейчас неважно, не так ли?

— Нет. Пусть все остается как есть. Этот вновь приобретенный альянс между нашими государствами — то, что вы, американцы, называете дополнительным преимуществом в галактической войне.

— Это так. Единственная хорошая вещь, получившаяся из всего этого бардака. Необходимо было разразиться войне в космосе, чтобы показать нам, что наши национальные амбиции — всего лишь семейная склока.

— Здесь очень жарко, и мне неудобно, — сказал Српар. Покрывающий его тело псевдомех усиленно шевелился, — Очень жарко.

— Осталось всего лишь несколько минут. Мы прибудем на воздушную базу. Тебя посадят на борт самолета. Все воздушные средства передвижения имеют кондиционированный воздух, так что температура понизится. И на базе, куда мы направляемся, можно сделать так же прохладно. Ты можешь потерпеть?

— Могу потерпеть. Не чувствую хорошо.

Чужак неудобно откинулся на спинку сидения и, казалось, заснул.

— Мой народ будет проинформирован? — спросил Роб.

— Да. Большинство из команды вашего посольства в Москве сейчас на пути туда.

— Тогда я не понадоблюсь там. Они установят аппаратуру записи и связи. Связь взаимодействия, которая может нам понадобиться. Моя работа заканчивается тем, чтобы доложить обо всем, что случилось, в

Вашингтон. Должно быть дано согласие на абсолютно высшем уровне, когда мы начнем работать с блеттерами.

— Проблем не будет. На базе есть сверхзвуковой самолет. Я имею право распоряжаться им. К моменту, когда свяжешься со своими по телефону, на взлетной полосе уже будет ожидать истребитель.

Слова Нади прозвучали для него как чудесная музыка.

Это был двухместный истребитель, который мог набрать 3, 6 скорости звука при экстренных обстоятельствах, которые сейчас и имели место. Когда они набирали крейсерскую высоту, Роб задремал и проснулся только тогда, когда турбины заработали в ритме посадки. Они спустились через толстые слои облаков и остановились на мокрой посадочной полосе в центре свирепствующей бури. Следуя инструкциям диспетчера, пилот ждал на посадочной полосе до тех пор, пока не появился тягач. Истребитель отбуксировали из поля зрения находящихся в зале ожидания, и только замолчали двигатели тягача, как рядом из тумана вынырнул и опустился армейский вертолет.

Роб чувствовал себя грязным и небритым, так оно, впрочем, и было на самом деле, когда его препроводили в конференц-зал глубоко под Пентагоном. Ни слова не было сказано сопровождающим его армейским эскортом. Он был доставлен в полном молчании.

Бенингтон вышел вперед, чтобы приветствовать его, протягивая руку.

— Ты сделал это, мой мальчик, ты сделал это! Пожалуйста, прими мои сердечные поздравления.

— Спасибо вам, сэр. Но я не смог бы сделать это, не будь со мной Нади...

— Конечно, конечно. Прекрасная юная леди... Я с нетерпением жду твой доклад, и здесь будет присутствовать еще один человек. Он сейчас здесь.

Роб переключил внимание, затем пожал протянутую руку.

— Прекрасно сделано, полковник.

— Благодарю вас, мистер президент.

— Сейчас я хочу, чтобы вы сели в это кресло и рассказали нам обо всем, что случилось. Мы будем производить запись, и вы встретитесь с комитетом позже. Но в настоящий момент я хочу, чтобы вы рассказали мне о том, что произошло на Луне.

Бенингтон открыл мне сомнения, которые толкнули вас на эту экспедицию. Сомнения, которые разделяю и я. А сейчас давайте-ка приступим.

Роб рассказывал им медленно и внимательно, не пропуская ничего. Бенингтон сидел неподвижно и молчаливо, в то время как президент нагнулся вперед, не пропуская не единого слова. Вокруг его глаз пролегли глубокие морщины, и его лицо застыло в маске глубокой озабоченности, пока Роб рассказывал. Когда Роб закончил, президент откинулся назад с глубоким вздохом. Он был полностью поглощен собственными мыслями. Машинально, его пальцы вынули успокаивающую таблетку из упаковки в кармане жилета и сунули в рот.

— У вас есть какие-нибудь личные догадки насчет этого дела, полковник? — спросил он.

— Да, сэр. Мое мнение разделяет также и мисс Андрианова. Пока мы были у блеттеров, она передала мне записку. Там было написано что-то типа: "Я не верю блеттерам точно так же, как и оинам." Я полностью согласен с ней.

— Я хотел бы знать, почему.

— В основном, по той же причине, по которой мы не верим оинам. Все их уверения насчет войны и вторжения, голословны, без доказательств, подкрепляющих их слова. Если вы опустите все, что нам было сказано, то что из реальных фактов мы имеем? Космический корабль, приземлившийся с двумя видами чужаков в нем. Любая из групп могла организовать это. Все, что мы имеем, — это утверждения каждой стороны, что другая сторона ответственна за то, что произошло. Поэтому мы отложим все эти уверения в сторону, как недоказуемые ни той, ни другой стороной. Если мы не примем это, как доказательство, ну, тогда все, что нам осталось — это галактическая война и Земля в центре боевых действий. Одна сторона имеет крепость на Луне, другая — энергетическое вооружение, установленное на Южном полюсе. Пока они стреляют друг в друга, мы потеряли три города и несколько миллионов людей. Это кризисная ситуация. Все остальное — просто шоу-бизнес.

Президент медленно кивнул.

— Шоу-бизнес. Я знаю кое-что о нем. У вас есть какие-нибудь улики, чтобы крепить ваши сомнения.

— Язык. Обе группы чужаков, так чуждых друг другу, как мы чужды им, разговаривают на одном языке. Почему? Я думаю, что если мы найдем ответ на этот вопрос, то узнаем намного больше о сути галактического конфликта. Что касается остальных моих реакций, то они эмоциональны, сэр, я допускаю это. Я не чувствую, что они говорят правду. Ни та, ни другая сторона. Что они находятся в состоянии конфликта — я не сомневаюсь. Что они скрывают от нас истинные причины... ну, и в этом я тоже не сомневаюсь.

Вы выдвигаете серьезные обвинения, Роб, — сказал Бенингтон, — при очень незначительных уликах, как вы понимаете сами.

— Это не обвинения, сэр, а только мое личное мнение, которое меня просили высказать. Налицо то, что мы втянуты в войну, которую мы не понимаем, и мы уже тяжело пострадали. Это факты, с которыми не поспоришь, сэр.

— В самом деле, не поспоришь, — согласился президент. — У вас есть какие-нибудь предложения?

— Только быть осторожными, сэр. Не верить ни тем, ни другим. Всегда помнить, что наша действительная лояльность — к человечеству, а не к каким-то воюющим силам, пришедшим со звезд.

Президент согласно кивнул.

— Я согласен с этим. Как вы думаете, что предпримут русские?

— То же самое. Они имели массу подозрений. И я знаю, что они думают, что это дело плохо пахнет.

— Хотя в этом вопросе мы в согласии. Какие-нибудь другие предложения?

— Да, сэр. Но, пожалуйста, извините меня. Мои идеи очень своеобразны, и возможно, выпадают из общей картины.

Президент покачал головой.

— Вовсе нет. Я спрашиваю вас и намерен внимательно слушать. Я не забыл, что вы — первый человек, который вошел в корабль чужаков и который вступил в контакт с блеттерами на Луне. Если кто-нибудь нужен для консультации по этой проблеме, то почему бы этим человеком не быть вам?

— Продолжайте, Роб, — сказал Бенингтон низким голосом. — Если у вас есть какие-нибудь идеи, то почему бы вам не поделиться ими?

Роб напрягся в кресле. Его плечи расправились. Он набрал побольше воздуха, затем заговорил таким спокойным голосом, каким только мог.

— Да, сэр. Я чувствую, что мы не можем верить ни той, ни другой стороне, как не можем действовать заодно ни с теми, ни с другими. На время мы должны притвориться, что хотим сотрудничать и с теми, и с другими. Это будет прикрытием наших истинных мотивов. Нам нужна сила, чтобы нас оставили в покое, сила, чтобы защитить себя, если это нам понадобится.

— Ты просишь слишком многого, сынок, — сказал президент. — У них сильное оружие и технология, ушедшая далеко за пределы нашего воображения.

— Я знаю это, сэр. У нас нет ничего, чтобы состязаться с ними. Поэтому мы должны в первую очередь расширить нашу сеть секретных агентов. Мы должны мобилизовать каждого ученого, которого сможем, для того, чтобы открыть, как работает оружие чужаков. В то же самое время, мы должны быть такими же хитрыми, как эти две лживые расы. Мы будем им обещать помощь, и действительно дадим им достаточную поддержку, так, чтобы они не сомневались в наших намерениях. Это должно быть сделано с такой искренностью, чтобы они не подозревали о наших истинных мотивах.

Сейчас их глаза смотрели на Роба с молчаливым вниманием. Он глубоко вздохнул перед тем, как заговорить вновь.

— Я считаю со всей ответственностью, что мы тайно должны вооружиться, таким же мощным, как и у них оружием, заглядывая вперед во времени, когда мы сможем объявить войну им обоим и вышвырнуть их из нашего мира и с Луны, и избавиться от них навсегда.

Президент открыл рот в изумлении, так как был человеком, выказывающим свои эмоции, и даже у непроницаемого Бенингтона глаза расширились в легкой тресвоге. Такая идея их напугала.

12. ВОЛЕВОЕ РЕШЕНИЕ

Маленькое парусное судно двигалось в зыби больших атлантических валов подобно пробке. Свежий бриз позволял развить приличную скорость, и Роб наслаждался ровным движением, держа парус натянутым, легко прикасаясь к румпелю. Горячее солнце в ярко-голубом небе, лишённом облаков, океан без единого судна. К востоку высокие башни Майами-бич вздымались, подобно гребням гор, из океана. День был хорош.

Надя сидела, откинувшись, на носу. Ее глаза были закрыты солнечными очками. На ней было черное бикини, и она выглядела великолепно. Роб прогнал мысли об этом из головы: у них была куда более серьезная причина для того, чтобы находиться здесь.

— Сейчас мы удалились достаточно от берега, — произнес он.

Она открыла глаза и подняла голову.

— А эта маленькая лодка?

— Выбрана наобум из сотни подобных. Кроме того, я ее обследовал. На борту нет механических или каких-нибудь электронных аппаратов. Мы можем разговаривать здесь, не опасаясь.

— Мы чокнемся от этой секретности. Это очень утомительно.

— Может быть, но более утомительно наблюдать гибель целого мира. Мы не можем позволить чужакам получить информацию о том, что мы планируем сделать.

Надя вздохнула и опустила пальцы в воду рядом с бортом.

— Ты прав, конечно. Я устала. Но существуют и другие причины для депрессии. Это и вечное напряжение, и страх, что я о чем-нибудь проговорюсь. Это делает жизнь такой тяжелой.

Роб хотел наклониться, коснуться ее, выразить симпатию и попытаться помочь. Но он не сделал этого. Он сильнее сжал румпель, и парус затрепетал. Тогда он ослабил хватку. С тех пор, как он силой заставил ее войти в капсулу, отношения между ними изменились. Ну и черт с ними! Существовали более важные вещи, о которых следовало позаботиться, чем его личные чувства.

— У нас нет выбора.

Его голос был безразличным, даже холодным. Он знал, что она смотрит на него, но не показал виду, что знает об этом.

— Так получилось, что мы в этом дерьме по самую шею. Ты и я принимали участие в этом деле с самого начала, и мы будем там до конца. Не имеет значения, какой это будет конец. Мы здесь, чтобы работать. Сейчас давай-ка за работу.

— Боже мой, как мы сильны и решительны сегодня, — она с усилием выговаривала каждое слово. Ее лицо напряглось от гнева. Эта реакция продолжалась всего лишь мгновение, затем она вытащила пригоршню соленой воды из-за борта и плеснула себе на лоб. Вода каплями стала стекать с ее щек. Когда она заговорила вновь, ее голос был спокоен.

— Сожалсю. Я вела себя глупо. Я знаю, что было сделано. Есть ли какие-нибудь новые решения Объединенной Военной Ставки?

— Нет. Абсолютно без изменений. Они много говорят, выдвигают убедительные аргументы, но результат всегда один и тот же. Нерешительность. Вечное разделение между ястребами и голубями, как всегда! Рекомендованное действие слишком опасно, и они до сих пор пребывают в состоянии нерешительности. Они хотят получить еще больше информации от Српарра.

— Он уже продемонстрировал диаграммы?

Надя покачала головой.

— Нет. Он говорит, что он не техник и что это не его поле деятельности. А детали слишком запутаны, чтобы их передавать через коммуникатор.

— Тогда мы находимся там же, где были месяц назад. Огромное количество заводов во всем мире строит компоненты для оружия оинов, а жизненно необходимые цепи, чтобы оно работало, находятся в руках оинов. Оины не открывают свои секреты и блеттеры ведут себя подобным же образом.

— Должен же существовать какой-нибудь путь, чтобы преодолеть это состояние...

— Согласен. Но какой? Береги голову, я собираюсь поворачивать.

— Это, как вы говорите, шестидесятичетырехдолларовый вопрос.

Надя наклонила голову, пока он разворачивал над ней румпель. Парус обмяк, потеряв на некоторое время ветер, затем снова наполнился на новом курсе.

— Сегодня состоится конференция, — сказал Роб. — Первая встреча различных исследовательских групп. Я буду присутствовать в качестве наблюдателя и вручу послание от имени нашего народа. Вот почему мне надо было встретиться с тобой, узнать, имеется ли какой-нибудь прогресс у вашей стороны.

— Ничего сколь-либо технически значимого или значимого с разведывательной точки зрения. Я либо присутствую, когда Српарр дает интервью, либо прослушиваю магнитную ленту позже. Все, о чем он говорит, абсолютно верно. Идентично переводу, который он дает нам. Я начинаю подозревать, что если бы мы были так же подозрительны относительно блеттеров, было бы не так уж плохо.

— На основании каких улик? Они знают, что мы работали с оином и могли изучить их язык. Они, возможно, ведут очень умную игру. И ты слышишь другую сторону, расположенную там, на Луне?

— Нет. Српарр надевает какие-то наушники. У нас не получается даже записать сигнал.

— У нас тоже. Они могут говорить нам, что угодно. Мы снова поставлены перед необходимостью верить на слово, без каких-либо твердых доказательств. Есть ли еще что-нибудь, что можно вставить в рапорт?

— Только то, что мы снабжали их луиную базу атомным сырьем. Возмещаем энергию, истраченную в их операциях. Это все.

— Умное замечание сделано. У меня есть время для ленча перед тем, как я сяду в самолет. Присоединишься?

— Нет. Я хотела сказать, спасибо. Я не сержусь на тебя сегодня, Роб. Во всяком случае, именно сейчас. Я только хочу насладиться возможностью побыть одной. Подумать. Я по уши была занята работой с людьми, засиживалась допоздна. Если ты дашь мне быстрый урок, как обращаться с этой каракатицей, я останусь в ней до конца дня.

— Это легко сделать.

К тому часу, когда инструктаж был закончен, ему едва хватило времени, чтобы одеться и добраться до аэропорта. Он с жадностью проглотил гамбургер и поспешил наружу к поджидающему его военному транспорту.

Полет был непродолжительным, и когда самолет коснулся земли на Лоури Хилт, военный эскорт уже ожидал его. Роб взглянул на виднеющийся на горизонте Денвер. Сержант за рулем обратил внимание на это и выплюнул большой комок табака на бетон.

— Вы не сможете ничего отсюда увидеть, подковник, — сказал он. — Но они до сих пор вывозят отсюда тела. Недумаю, чтобы там приятно пахло. Люди, собаки, кошки, птицы, все-все сварились, взорвались и умерли.

— Мы отомстим за это, сержант. Я не могу вам сказать, почему и как, за исключением того, что отомстим.

— Приятно слышать это, сэр. — голос сержанта был флегматичным, спокойным. — Ребята подогреты, хотят сделать что-нибудь. У вас будет огромное количество добровольцев, если они вам понадобятся.

— Я надеюсь, что понадобятся.

Путешествие проходило в четыре этапа: по земле и по воздуху. В течение двух последних этапов Робу были завязаны глаза. Из-за всех этих предосторожностей он опоздал и был последним, кто добрался на встречу. Он скользнул в кресло, когда конференция уже началась.

— Вначале я хочу попросить отчета у команды Ньюфо, так как их работа представляет интерес для всех нас.

Большой холл для конференций был наполнен эхом и почти пуст. Несколько дюжин ученых, присутствующих здесь, разместились в первых рядах. Профессор Тиллштен находился на кафедре, но он потеснился, когда туда взвошел доктор Ликофф. Окон в комнате не было по той причине, что она была выдолблена в сплошном монолите, в Скалистых горах. Это была часть большого военного комплекса, который ученые на время заняли. Доктор Ликофф разложил большую кипу бумаг на трибуне и прочистил горло.

— Леди и джентльмены. У меня здесь предварительный отчет о том, что обнаружено нашей командой в корабле чужаков в городе Нью-Йорке. Первый осмотр показал, что все приборы в кабине управления были отключены от источника питания, что соответствует тому, что сделали они, когда привели в действие органы управления в присутствии наших наблюдателей. Таким образом, мы продолжаем попытки разобрать и исследовать различные части аппарата. Вначале процесс шел медленно, так как монтаж и крепления оказались неизвестных для нас типов. Специальные инструменты, сконструированные нами для этого, помогли при демонтаже. Все попытки изучить отдельные части аппарата провалились, и дальнейшие тесты дали возможность узнать, что все аппараты и приборы подверглись сильной перегрузке и выгорели внутри.

По аудитории прокатился ропот тревоги при этом заявлении, и Тиллштен поднял руку, призывая к тишине.

— Вам известно, что стало причиной этого? — спросил он.

Ликофф кивнул.

— Посмотрев на прошедшие события, можно понять, что все очевидно. Когда Хес'бю вошел в кабину управления, некоторое количество приборов функционировало. Когда он деактивировал бомбу, то, очевидно, замкнул и уничтожил часть аппаратуры. Это согласуется с последующими попытками препятствовать нам в любом понимании технологии чужаков.

Ликофф перевернул страницу в записях и продолжал:

— Затем мы провели доскональное исследование аппаратуры? Но в основном все было уничтожено. Как бы там ни было, мы изолировали то, что кажется главным управляющим узлом и установкой питания. Оба эти узла сконструированы из материала, физически сходного с металлом, но с некоторыми необычными характеристиками. В основном мы не можем приблизиться к разрешению разгадки вещества. Мы не можем разрезать его, просверлить и также провести его химический анализ. Это, как вы понимаете, наше главное препятствие. Во всяком случае, анализ источника питания показал, что топливом служит радио-

активное вещество. Если только экран не повлиял на результаты исследований, то это изотоп урана — уран-235. На данный момент — это предел наших знаний.

Профессор Тиллштен поднял руку, чтобы прервать шумную дискуссию.

— Пожалуйста. Комментарии последуют за финальным рапортом.

Принимая во внимание природу рапорта доктора Ликоффа, я изменил наш порядок выступлений, и по требованию мистера Делгаарда, предоставляю ему сделать краткий комментарий.

Высокий датчанин медленно поднялся с кресла и повернулся лицом к собравшейся аудитории.

— До тех пор, пока не закончились доклады, необходимо сказать, что мы производим некоторое количество компонентов по всему миру для дальнейшей пересылки на антарктическую базу. Доставка этих компонентов была задержана из-за экстренного приоритета транспортировки. Как мы знаем, оружие защиты получает энергию из урана-235. Оины сообщили, что большинство его было истрачено в течение первого обстрела крепости, перед тем, как она достигла Луны. Из-за этого большое количество крайне необходимого и очень сильного источника энергии, изотопа урана, сейчас на пути туда.

— Не заставляйте меня повторять, — сказал Тиллштен, перебивая голоса в зале. — Мы обсудим эти сообщения после того, как будут сделаны все доклады. Следующий докладчик — доктор Хайзерман. Он производил анализ оружия оинов. Доктор Хайзерман рывком запрыгнул на возвышение, держа руки в карманах пиджака.

— Я не принес с собой бумаг, — сказал он, — мой рапорт будет кратким. Мы имеем в наличии образцы всех компонентов, которые сейчас производятся на многочисленных заводах. Используя фотографии, сделанные на антарктической базе, мы собрали одно из этих орудий. Части великолепно подошли друг к другу. Внешне то, что мы собрали, выглядит, как одно из этих орудий. Но оно не функционирует. В основном, это прекрасно настроенные антенны для передачи на фиксированной частоте. Электронное нутро отсутствует. Итак, мы можем только предполагать, что они начинили их сами. Без их компонентов то, что мы сейчас имеем, — ничто, кроме очень дорогостоящей кучи хлама...

Внимание Роба было отвлечено кем-то, кто нагнулся и быстро зашептал ему в ухо:

— Полковник Хейвард?

Роб повернулся и кивнул юному офицеру, который скользнул в соседнее с ним кресло.

— Вас просят на коммуникационную линию, сэр. Следуйте за мной.

Они прошли через три поста вооруженной охраны, предъявили удостоверение личности и вошли в комнату связи.

— Очень необычно, — сказал офицер-шифровальщик. — Сообщение исключительно для вас. Оно сейчас в машине. Если вы нажмете на эту кнопку, то получите его на экран. Нажатием вот этой кнопки вы сотрете его из памяти. Я выйду.

Роб ждал, пока не услышал, что дверь закрылась, затем включил компьютер.

Зажегся дисплей.

"СРОЧНО ПРИБУДЬТЕ В ВАШИНГТОН. ОБЪЕДИНЕННАЯ ВОЕННАЯ СТАВКА ПРИНЯЛА РЕШЕНИЕ. НЕМЕДЛЕННАЯ ВООРУЖЕННАЯ АКЦИЯ. БЕНИНГТОН."

13. ПЛАН БОЯ

В комнате было только четверо. Роб знал генерала Беллтайна. Но два русских офицера были чужими. Генерал, седой и полный, с традиционными акрами "фруктового салата" и медалей, ниспадающими с его серого кителя на выпуклость живота. Молодой майор представлял собой нечто совершенно другое. Он был приблизительно одного возраста с Робом. Суровый и хорошо сложенный. Несомненно, боевой офицер, если декорации на груди значили что-нибудь. Значки "Меткий стрелок" из разного оружия, крылышки парашютно-десантных войск... Размышления Роба были прерваны, когда генерал Беллтайн тихо кашлянул, затем перевел разговор в деловое русло.

— Я хочу начать с представления вас, джентльмены. Затем я объясню, почему мы собрались здесь. Я генерал Беллтайн и я осуществляю контроль за полковником Робертом Хейвардом, офицером, сидящим слева от меня. Напротив меня генерал Соболевский. Его адъютант— майор Кирилл Данилов. Эти два офицера работали вместе в прошлом, точно так же, как я работал с полковником Хейвардом. Сейчас, позвольте мне сказать вам, почему мы все здесь.

— На последней встрече Объединенной Ставки мы приняли наш первый отчет о возможной цели боевой ситуации. Цель появилась, благодаря указанию, которые мы приняли от блеттеров. Как вы, несомненно, поняли, мы продолжаем взаимодействовать с оинами на антарктической станции, как будто до сих пор находимся с ними в союзе. Они не знают о нашем контакте с блеттерами на Луне, как, впрочем, они не знают, что мы поддерживаем с ними связь через посредника в Сибири. Блеттеры, в свою очередь, не знают, что мы стали менее искренни с ними. Каждый, кто имел дело с этими чужаками, считает, что и они не особенно правдивы с нами. Поэтому, каждое сообщение, которое мы принимаем от них, анализируется и воспринимается с различных точек зрения. Я позволю генералу Соболевскому объяснить, что случилось с тех пор, как ему поручили операцию связи с представителем блеттер— Српарром. Генерал...

— Благодарю вас. Многие из посланий, которые мы направляли блеттерам, предназначены для того, чтобы вытянуть ответы для анализа. Мы предположили прекратить снабжение изотопами урана оинов. Но они посоветовали нам не делать этого, так как это может вызвать подозрения. Мы предложили провести различные операции, которые возможны, чтобы извлечь информацию от оинов, и эти предложения обычно принимались на рассмотрение. Как бы там ни было, мы предложили маленькую операцию на антарктической станции. Одно время, когда корабли оинов отсутствуют, количество оинов там немногочисленно— шесть или семь. Мы предлагаем быстрый рейд в поисках

информации, затем уничтожение оинов после допроса. И избавление от улик, чтобы все напоминало случайный взрыв.

Генерал посмотрел на остальных офицеров и холодно улыбнулся.

— На этот раз мы получили очень положительную обратную связь. Српarr был ошеломлен. Он сказал, чтобы мы никогда ни под какими обстоятельствами не пытались атаковать оинов на антарктической станции.

Улыбка его стала шире.

— Поэтому, конечно, мы немедленно занялись планированием операции.

— Пожалуйста извините, что перебиваю, генерал, — сказал майор Данилов. Его английский был столь же правилен, как и у генерала. — Но я боюсь, что здесь вы потеряли часть логики рассуждений. Почему необходимо сделать именно наперекор им? Нельзя ли принять во внимание совет блеттеров и все тщательно взвесить?

— Я позволю Робу ответить на это, — сказал генерал Беллтайн. — Он был в близком контакте с обеими группами чужаков и знает о них гораздо больше, чем любой из нас.

Роб согласно кивнул.

— Да, это так. И поэтому я согласен, что это может быть единственным правильным решением. Мы вынуждены работать в темноте с тех пор, как началась вся эта заварушка. Мы пытаемся отсортировать ложь от правды. До этого по любому поводу мы принимали утверждения, которые были противоположными у обеих сторон. Это подразумевало, что одна из этих групп лжет, а мы не знаем, какая. Каждая группа настаивает, что потерпевший аварию корабль принадлежит не им. Каждая возлагает вину за уничтожение наших городов на другую. Каждая утверждает, что захватчики — не они. И так далее, и тому подобное. Если вы исследуете записи, вы обнаружите, что они не соответствуют в каждом отдельном пункте.

— За исключением одного, — сказал майор Данилов, кивая в знак того, что все понимает. — Оины, конечно, не хотят быть атакованными на антарктической базе, и блеттеры советуют не делать этого. Это может означать, что там что-то есть. Кое-что, о чем, по их мнению, мы не должны знать. Что, в свою очередь, подсказывает, что мы должны атаковать и выяснить, в чем дело.

— Совершенно верно. Это определяет операцию. Роб выбран нами, так как он не только военный офицер, но и знает чужаков непосредственно.

— И майор Данилов был очевидным нашим выбором. Я знаю Кирилла давно, мы вместе служили на протяжении многих лет. Его военный опыт значителен. Он — инструктор по оружию и рукопашному бою и один из лучших лингвистов в армии. Он работал с Надеей Андриановой, и сейчас так же бегло говорит на языке чужаков, как и они. Он и вы, полковник, будете теми, кто приведет этот план в действие.

Повинуясь внезапному импульсу, Роб наклонился вперед и протянул руку Данилову.

— Кирилл, мне очень приятно. Я заглядываю вперед и буду рад работать с вами.

Лицо Данилова озарилось улыбкой. Его торжественная сдержанность рассыпалась перед сердечностью Роба. Он сжал руку Хейварда и с энтузиазмом потряс ее.

— Мне также очень приятно, Роб. Мы раскрутим это дело. Надя говорила, что я абсолютно могу положиться на вашу честность и помощь. И я верю ей.

— Может быть вы способны сделать это, — задумчиво проговорил генерал Беллтайн. Затем он внезапно ударил по столу сжатым кулаком. — Нет, черт подери, вы должны сделать это! Мы собрались, наконец, выступить против этих убийц, против этих разрушителей городов.

Его голос был низок, но так наполнен эмоциями, что он говорил сквозь плотно сжатые зубы.

— Мы сидели без действия достаточно долго. Это не месье, которой мы жаждем, это необходимость информации. Мы хотим выяснить, кто из чужаков бомбил нас, кто начал это вторжение. Мы не можем больше сделать ничего до тех пор, пока не будем располагать доказательствами. Достаньте нам доказательство, и мир вас никогда не забудет.

Генерал Соболевский кивнул соглашаясь с ним.

— Вы выступите. Вы ударите. Таков наш приказ. Когда это будет сделано, решим сейчас, немедленно. Генерал Беллтайн согласен, что мы не будем навязывать вам наши решения до тех пор, пока не услышим, есть ли у вас собственный план. Кирилл?..

Данилов покачал головой.

— Я предпочитаю полагаться на вас до тех пор, пока у меня не будет достаточно информации. Я знаю только, что атака должна быть полностью неожиданной. Поэтому приближаться мы должны по земле, так как любая атака с воздуха будет обнаружена. Мы возьмем лучших бойцов, которые знакомы с сибирской зимой. Они будут в восторге, когда узнают о возможности присоединиться к нам.

— Сожалею, Кирилл, но это не сработает. База оинов расположена более чем в ста милях от оксана, который в это время года скован льдами. Сейчас в Антарктиде середина зимы. Даже если мы приблизимся скрытно, переход слишком долг, слишком опасен. Мы должны найти другой способ. Что-нибудь неуловимое и молниеносное для того, чтобы приблизиться.

Роб неожиданно почувствовал, что у него в голове зародилась идея. Может ли это сработать? Как это должно быть сделано, чтобы сработало? Он вскочил на ноги и принялся ходить по комнате, забыв на время о присутствии остальных. Да, они могут сделать это. Это должно сработать! Он остановился, осмотрелся, и осознав, что остальные наблюдали за ним в молчании, заговорил:

— Извините, — он снова опустился в кресло. — Но мне в голову пришла идея. Почему бы нам не использовать против них их собственный трюк? Почему бы и нам не быть столь же хитрыми, как и они? Почему бы нам не поступить с ними, как они поступили с нами? Троянский конь!

— Мне известен первоисточник, — сказал Кирилл, — но я не вижу, как...

— Позвольте мне объяснить.

Роб открыл один из больших разлинованных блокнотов и быстрым движением начертил в нем круг.

— Это база оинов. Здание центра управления. Его окружают здесь, здесь и здесь три круга оборудования проекторов. Как бы там ни было, круги не полностью замкнуты, так как здесь, на этой стороне, посадочная полоса. У них есть какое-то энергетическое поле, которое удерживает снег и даже избавляет от ветра. Таким образом, самолеты могут садиться в самый жестокий шторм. Радар проводит их к посадочной полосе, затем пилоты могут совершать визуальное приземление. Это путь, которым появится наш троянский конь. Самолет. Транспорт. Один из тех, что прибывают туда все время. Ничего необычного. Только время его прибытия совпадает со временем сна оинов. Солнце никогда не поднимается в это время года, но они все же соблюдают регулярные периоды сна и работы. Также надо сделать так, чтобы самолет прибыл во время непогоды. Там бывает достаточно штормов, так что долго ждать не придется. На борту будут только пилот и второй пилот. Наши техники организуют симуляцию аварии при посадке. Одно из шасси сломается, или самолет сойдет с посадочной полосы и пропадет по снегу... Или, возможно, откажут тормоза. Что-нибудь, что позволит продвинуться по посадочной полосе за экран и дальше, в снег.

— Гениально, — воскликнул Кирилл, хлопнув руками от прилива энтузиазма. — Пилоты будут ранены, так что их срочно доставят в госпиталь. Самолет будет содержать только груз, так что с ним ничего не случится в снегу. Его оставят там до заступления утренней смены. Нет причин поднимать с постелей большое количество людей, так как пилоты будут спасены. Пустой самолет, наполненный массивным грузом, тяжелым для перемещения оборудованием. Но начиненный, подобно троянскому коню...

Он разразился смехом. Роб улыбнулся и согласно кивнул.

— Вы правы. Когда все успокоится, люди, спрятанные внутри, ударят по ним, и ударят сурово. Это подводит нас к еще одному очень важному вопросу. Когда мы впервые начали обсуждать план, мы упомянули, что захват нескольких оинов в качестве пленных нужен нам для извлечения информации. У меня есть вопрос по этому пункту. Во-первых, я сомневаюсь, что мы сможем силой принудить их говорить. Мы не знаем их физиологии или психологии. Таким образом, мы не имеем понятия, как надавить на них, если это понадобится. Также очень важно знать, можем ли мы рисковать, если они подадут сигналы бедствия. Мы не знаем, как они это могут сделать. Возможно, они даже используют телепатию. Если мы будем брать пленных, то рискуем провалить всю операцию.

Генерал безотрывно смотрел на Робба, затем проговорил тихим голосом:

— Ты предлагаешь хладнокровно убить всех оинов?

— Да, сэр... Я предлагаю именно это. Я думаю, что логика вещей заставляет нас сделать это. Если вам нужны основания, я ограничусь тем, что упомяну только Денвер, и точка. Ведь мы хотели брать пленных только для того, чтобы с их помощью осмотреть машины и разобраться в технологии. Необходимо найти в проекторах контрольные цепи. Затем, когда мы обнаружим то, ради чего прибыли, нужно будет

произвести отвлекающий маневр. Взрыв, несчастный случай с горящим самолетом? Что вы об этом думаете?

Беллтайн медленно кивнул.

— Неплохо. Даже очень хорошо. Что вы думаете, Соболевский?

— То же, что и вы. Единственное слабое место — прикрывающий взрыв. Мы должны продумать все в деталях и скрупулезно спланировать. Взрыв должен выглядеть случайным. И, конечно же, солдаты должны убраться оттуда до того, как будут обнаружены. Это простой план, очень похожий на рейд, и он должен удалиться, если будут правильно разработаны детали. Я за этот план.

— Прекрасно, — Беллтайн подвинул к нему свой блокнот. — Тогда давайте-ка разработаем эти детали прямо сейчас и предоставим наши предложения на рассмотрение Объединенной Ставки. Как только получим их одобрение, мы выступим.

— Они убивают нас миллионами, — сказал генерал Соболевский, — Наши заводы работают на них, и они требуют и требуют все больше наших расщепляющих материалов. А мы должны получать одобрение. Несправедливо. Сейчас... Сейчас же мы нанесем ответный удар!

14. ЧАС "НОЛЬ"

— Это место занято? — спросил Роб.

— Нет, полковник, только помогите себе сами, — ответил лейтенант.

Он был юным, светловолосым и начинающим полнеть. Он умудрялся разговаривать и одновременно набивать полный рот пищей.

— Садитесь и наслаждайтесь едой, что в этой дыре заменяется количеством при недостатке качества.

Суккотач¹, бобы и морковный салат исчезали мгновенно с подноса, стоящего на столе. Грудь лейтенанта, слегка выпирающая из-под гимнастерки, была пуста, за исключением блямбы мастера-пилота.

— Я выполняю роль впередсмотрящего, — сказал он, качнув головой. — Мы раньше не встречались? — лейтенант широко улыбнулся. — Не думаю, что вы вспомните меня, полковник Хейвард. Вы видели меня только однажды, тогда я все время был в кабине управления. Мы летели на базу Тартль в Антарктике. Мое имя Бакстер. Бисквит Бакстер, как они называют меня, хотя не имею понятия, почему.

Видка не останавливалась ни на мгновение. Когда поднос начал пустеть, он организовал огромный бутерброд и двумя руками закинул его себе в рот.

— Славно поел. Я помню хорошо твой полет, Бисквит. Как идут дела?

— Вы еще спрашиваете, полковник...

— Роб.

— Я совершаю полеты настолько часто, что чувствую себя машинистом метро.

¹ Суккотач — американское блюдо из молодой кукурузы и бобов.

— Оинам?

— Да, Морским черепахам. У них рты, как разинутые пасти морских черепах.

— По-моему, мягко сказано.

— Не жалуюсь. Это может понравиться только морским черепахам. И разговаривают они так же. Это вызывает во мне желание надеть в штаны. И приглубить их огнеметом.

— Это мужской разговор, Бисквит. Но они — наши союзники в этой галактической войне.

— Возможно. Но тогда нам нужно переменить сторону, — он отодвинул первозданно-чистый поднос в сторону и вздохнул. Затем вынул плитку шоколада из нагрудного кармана. — У меня от одного их вида бегут мурашки по коже.

— Не только у тебя, — сказал Роб тихим голосом. Он огляделся вокруг. Все ближайшие столы были пусты. — Как ты смотришь на то, чтобы избавиться от нескольких?

Бисквит застыл. Плитка шоколада наполовину развернута. Затем он бережно завернул ее снова и запихал в карман.

— Вы не разыгрываете старого приятеля, Роб?

Его голос был тих и серьезен. Роб помотал головой в медленном "нет", затем постучал пальцами по значку "боевого пехотинца" на своей груди.

— Мы собираемся поймать их. Нам нужен доброволец, который, возможно, будет ранен, а возможно, даже слегка убит. Я проверил твои летные записи. Ты — лучший.

— Я даже не думал, что вы случайно подсели за мой стол, не так ли?

— Ни в малейшей степени,

Бисквит широко улыбнулся и потер руками сложенные вилки.

— Вы уже получили добровольца! Что я должен делать?

— Отправляйся к своему начальнику и попроси у него недельный отпуск. Чрезвычайные обстоятельства. Он его тебе предоставит и не будет задавать лишних вопросов. Запакуй маленький багаж и жди у главных ворот через час.

Бисквит отодвинул свое кресло и легко вскочил на ноги.

— Через час я буду там!

Огромный объем брюха "Бинга-747" заполнял ангар. Снаружи виднелись три человека, стоявшие рядом с гигантских размеров носовым колесом. Все они были в военной форме без знаков различия и родов войск.

— Вот этот самолет мы и хотим использовать, — сказал Роб. — Вам предоставлена возможность пилотировать его, Бисквит. Кирилл будет вашим вторым пилотом.

Бисквит посмотрел с сомнением на русского офицера.

— Вы знаете, как управлять этой штукой, пилот? — спросил он.

Кирилл покачал головой.

— Я вообще ничего не знаю о пилотировании.

— Это великолепно, — сказал Бисквит. — Только не трогайте ничего, и тогда у нас будет все в порядке. Эта штука летает почти сама. Сейчас

мне понятно, что нам не нужен настоящий второй пилот, так как необходимо взять как можно больше людей. Правильно? Кроме того, вы хотите заслать на базу рингера¹. Правильно?

— Верно, — кивнул Роб. — Сразу же, как только мы окажемся на грунте, ваша роль закончится. Вы сможете расслабиться, тогда как мы позаботимся об остальном.

— Вы можете положиться на меня. Ни слова. Я даже не буду кланяться пожать.

— Хорошо. — Роб указал на шасси. — Сейчас нам надо выяснить, как нам подстроить несчастный случай после того, как мы приземлимся. Сломанное шасси или что-нибудь в этом роде?

— Откусите свой язык, чтобы больше не говорить такое! — Бисквит сделал машущее движение в воздухе, словно пытаясь отогнать роковое видение. — Вы знаете, сколько тонн весит эта штуковина? Вам известно, сколько топлива он несет прямо здесь, в крыльях, над шасси. Есть четыре способа, с помощью которых вы сможете оторвать колеса и после этого считать себя мертвецами.

— Тогда, что нам делать? — спросил Кирилл. — Для того, чтобы план сработал, нам необходим несчастный случай.

— Я думал об этом с тех пор, как вы мне рассказали о плане. Позвольте мне узнать, как вам понравится то, что я придумал? Когда мы пройдем точку невозвращения...

— Где это место? — спросил Кирилл.

— Это наверху, в небесах, приятель. На полпути откуда-то, куда-то. Место во времени, когда мы имеем в баках достаточно топлива, чтобы забраться туда, куда двигаемся, но недостаточно, чтобы вернуться туда, откуда вылетели. Так что, как я сказал, я сообщу по радио о поломке в турбине. Заставим их малость поволноваться. Пускай подготовят технику. Не слишком значительная поломка, только намек. Затем я пригоняю колымагу, касаюсь грунта, поднимаю закрылки и врубаю реверс.

— Это возможно?

— Нет. Но там нет никого, кто мог бы заметить подвох. Вы уверены, что в округе нет пилотов?

Роб сделал заметку в своем блокноте.

— Об этом мы позаботимся.

— Хорошо. Так что мы прокатимся по посадочной полосе не слишком удачно. Тормоза не способны остановить машину, когда она полностью загружена. Я буду использовать реверс, когда это понадобится. Но они не узнают об этом. Так мы проедем до тех пор, пока не выедем с посадочной полосы и не уткнемся в снег. Приятно и солидно.

— Мне это нравится, — сказал Роб. — Как тебе, Кирилл?

— Это здорово. Я никогда не радовался при мысли, что придется ломать шасси.

— Олд райт. Давай-ка посмотрим, как самолет выглядит изнутри.

Взбираться по ступенькам на палубу было занятием долгим и трудным. Они вошли в распахнутую дверь на уровне с рядами окон. Бисквит шел следом, и, войдя, застыл.

1 Рингер — лошадь, принимающая участие в забеге незаконно.

— Что тут такое?! — закричал он.

Усиленная палуба была заполнена большими деревянными ящиками, привинченными и закрепленными на своих местах. Все они, за исключением первого ящика со сломанным крепежом, были целыми. Неуклюжие металлические болванки вылетели из ящика, оставив проломанные дыры в нем. Они, видимо, ударились в переборку, погнув и покорежив ее.

— Выглядит реалистично, не правда ли? — улыбнулся Роб. — Сделано для реальности. На время полета все будет упаковано. Затем все разбросаем, когда окажемся на земле. Один взгляд на это, и они будут уверены, что большинство груза сдвинуто. Они даже не будут пытаться разобрать завал. А сейчас смотри сюда.

Пространства едва хватало, чтобы протиснуться мимо искаженной тары. Роб подошел к следующему ящику и громко постучал по грубому дереву. Передняя стенка целиком открылась, и оттуда выдвинулся сержант Грут.

— Все приведено в порядок, полковник. Они хорошо потрудились.

Внутри длинной кабины, которая разместилась по всей длине упаковочного ящика, было светло. Ряды сидений прикреплены к полу. Сиденья выглядели более крепкими, чем обычные пассажирские кресла, используемые в коммерческих самолетах, и были снабжены ремнями для плеч.

— Роскошно, — сказал Кирилл. — Я завидую, сержант. Сейчас давайте-ка осмотрим полетную палубу.

Они поднялись по спиральной лестнице и попали в кабину пилота.

— И здесь то же самое! — широко раскрыл рот Бисквит, оглядывая громоздкий радиопередатчик, который был совершенно разбит и разломился за спинкой кресла пилота.

— Реализм, — сказал Роб. — Вы потеряете сознание. Здесь есть очевидная причина. Вам не будут задавать вопросов. Так что вам останется только спокойно лечь, чтобы второй пилот мог добраться до вас со своего кресла.

— Будь я проклят, если они не подумают, что здесь разыгралась трагедия!

— Мы так не думаем, Но знаем, — сказал Кирилл, внезапно становясь серьезным, — что нельзя допустить ошибки. Эти создания имеют оружие, которое может уничтожить наш мир, если они откроют, чем мы тут занимаемся.

— Они не должны обнаружить это, — сказал Роб. — Мы собираем все сделать так, как надо. Их способ — медленное и специальное обескровливание мировых ресурсов. Мы должны ударить и обнаружить их слабое место. Возможно, тогда мы сможем сделать оружие, чтобы драться с ними. Это наш план, и мы намерены воспользоваться им.

За его словами последовала тишина. Через некоторое время Бисквит спросил:

— Когда мы выступаем?

— Через три дня мы будем готовы.

15. ВСЕ СИСТЕМЫ РАБОТАЮТ

В тринадцать тысячах футах внизу расстилалась холодная антарктическая пустыня. Сияющее серебро льда и снега. Над самолетом несколько длинных лент перистых облаков прочертили полосы через напеленное звездами небо. В темноте зрелище выглядело очень эффектно. Бисквит проверил показания приборов и сказал:

— Все в норме, Роб.

Тот откинулся на спинку сидения второго пилота.

— Здесь, наверху, вид намного лучше, чем у пассажиров, — сказал он. — Теперь мне понятны причины, по которым ты выбрал эту работу, Бисквит.

Но это не единственная причина. Это и то, что у меня здесь есть еда из первого класса, такая, какую я захочу.

— Даже в военно-воздушных силах?

— Ну, об этом мы не будем говорить. Только что получили рапорт о состоянии погоды на антарктической базе. Шторм приближается, ветер усилился. Температура сорок градусов ниже нуля. Не забудь мне напомнить надеть арктическую одежку перед тем, как мы сядем. А если они выдвинут защитный экран, чтобы встретить нас, когда мы пойдем на посадку? Это будет неприятно.

— Почему?

— Я видел, как это бывало раньше с непогодой. Они всегда держат экран, но когда приступают к работе, экран слабеет. Это подтверждается появлением снега на конце посадочной полосы. И так далее.

— Как будто специально для нас.

— И не говори.

Бисквит надел наушники и придвинул микрофон ко рту.

— Сейчас как раз подходящее время, чтобы с нашей маленькой турбиной возникли некоторые трудности. Роб, ты не мог бы приготовить для нас кофе, пока я все это организую? Дежурный посидит от всех этих разговоров. И захвати с собой несколько сэндвичей.

По мере того, как они продвигались, можно было видеть, как погода на курсе изменяется. Появились облака. Их становилось все больше и больше. Гигантский самолет неуклонно несся вперед. Его мудрое электронное оборудование непрерывно выдавало данные. Бисквит, расправившись с сэндвичем, залил в горло солидную порцию кофе, затем потянулся, ухватился за штурвал и выключил турбину.

— Пора начинать терять высоту. Будем опускаться в эту кашу. Время сообщить деревянной лошади пристегнуться и сделать то же самое самим, не так ли, Роб?

— Естественно. Не мог бы ты выключить тепло на нижней палубе?

— Сказано — сделано, — Бисквит вытянул руку и щелкнул несколькими выключателями. — Я отключил подачу тепла, но оставил герметизацию. В обезьяннике скоро наступит зима.

— Как раз то, что нам надо.

Солдаты взглянули на Робса выжидающе, когда он вошел. Температура снаружи самолета составляла 55 градусов ниже нуля и внутри тоже начинала падать.

— Я приказал отключить подачу тепла. Так что оденьте арктическую одежду. А если кому будет жарко, оставайтесь незастегнутыми до тех пор, пока мы не сядем на брюхо. Как только вы оденетесь, пристегнитесь. Вполне может случиться так, что мы жестко приземлимся.

Сержант Грут составил Робу компанию, когда тот пошел вдоль переборки, проверяя освобождающееся крепление оборудования, винтовки, гранатометы, два огнемета, мешки гранат, упаковки амуниции. Достаточно, чтобы начать войну. Вокруг непрерывно слышался шепот разговоров на двух языках, пока солдаты натягивали защитные костюмы и пристегивались к сиденьям. Они были неторопливы и ожидали, когда Роб повернется к ним.

Кирилл Данилов закончил осматривать людей, затем опустился в свое кресло.

— Все пристегнулись, — сказал он, зашелкивая ремни.

— Олл райт. Повторим план боя еще раз, чтобы удостовериться, что все абсолютно понятно. Когда я уйду отсюда, то буду в кабине управления. Майор Данилов возьмет командование на себя. Дверь в это помещение будет открыта. Свет останется до тех пор, пока мы не приблизимся вплотную. Когда освещение потухнет, вы будете знать, что мы почти готовы коснуться грунта. Посадка должна быть мягкой вначале. В конце последует удар, и я хочу, чтобы вы были подготовлены к нему. Когда это случится и в самолете выключится энергия, я разок мигну лампой. Это послужит сигналом к выходу. Майор Данилов продолжит.

Кирилл повернулся в кресле.

— Когда свет мигнет, вы освободите ремни. У вас есть хорошая практика, так что вы знаете, как это сделать в темноте, но только ждите команды. Последние ряды двинутся к выходу первыми. Вы должны двигаться быстро, но не настолько, чтобы зацепиться впотьмах и сломать себе что-нибудь. Вы знаете вашу работу и вы тренировались сотни раз. И вы сделаете это при аварийном освещении, которое включится, когда настанет время. Отделение "Альфа" пойдет вперед и передвинет ящики так, чтобы это выглядело катастрофой. Отделение "Бета" освободит дверь из закрепленной позиции, так, чтобы она была закрыта после того, как полковник Хейвард спустится сюда. Все так же, как мы тренировали. Все должно быть сделано точно так же. Полковник Хейвард?

— Все должно получиться, как надо. Увидимся, как только приземлимся. Держите все под контролем. На этот раз получите зачет.

Огромный 747-й уже начал качаться в турбулентных потоках воздуха, когда Роб поднялся в кабину управления и пристегнулся к креслу третьего пилота. Гигантские массы облаков кипели перед ними, подобно рукам, тянущимся, чтобы затянуть их в сторону.

Затем облака исчезли, и стремительно летящие снежные хлопья ослепили их. Видимость стала нулевой, и Роб обнаружил, что его руки стиснули колени. Одно дело лететь, сидя в ярко освещенной кабине с музыкальным фоном, доверившись электронным чудесам, которые доставят ваш самолет в целости и сохранности на землю, другое — только смотреть на слепоту летящих белых потоков на скорости, в милю за каждые шесть секунд.

Бисквит игнорировал происходящее впереди, и напевал счастливо, продолжая вести огромный корабль. Ночь или день, дождь или снег, для

него было совершенно все равно. Его приборы функционировали исправно, неважно какая погода была снаружи. Они зависли в посадочной луже, который мог привести их прямо вниз, на чистое поле посадочной полосы. Роб заговорил с Бакстером спокойно:

— Как дела?

— Нормально, — сказал Бисквит и стал выходить на связь с диспетчером. Он уверял его, что обнаруженные ранее неполадки с турбинами, кажется, уладились, хотя он и счастлив слышать, что аварийные бригады наготове.

Когда вместе с воем моторов выпустились посадочные парашюты, Бакстер одновременно прибавил газу. С выпущенными парашютами огромный реактивный самолет имел летательную характеристику кирпича. Только энергия огромных турбин удерживала его в воздухе. Шасси выдвинулось и закрепилось. Небо снаружи засияло огнем, когда их мощные посадочные лучи прожектора отразились от падающего снега.

Затем небо внезапно очистилось, когда они миновали невидимую завесу защитного экрана. Огни посадочной полосы вытянулись перед ними, образовав посадочный туннель там, куда падающие снежные хлопья не проникали. Качка прекратилась, и ветер тоже стих. Аварийные машины стояли по одну сторону посадочной полосы.

— Сейчас бы кусок торта, — сказал Бисквит. — Точно также можно сесть и в Омахе ясным солнечным днем.

Они были на грунте. Колеса коснулись его, затормозили, взвизгнули и задымались на тонком слое снега на посадочной полосе. Переднее колесо — вниз, воздушные тормоза — вверх, полный реверс турбин.

— Полный реверс, я сказал! — заорал в микрофон Бисквит, в то время, как сам спокойно отвел ручку управления.

— В чем дело? Что-то не так?

Голос диспетчера завизжал в наушниках, но Бакстер игнорировал его, пока всматривался в окна, на посадочную полосу, несущуюся на них... Затем еще ослабил ручку управления. Он абстрактно насвистывал сквозь зубы, пока смотрел на метки вдоль посадочной полосы, проносящейся мимо, прикидывая в уме расстояние до конца. Он кивнул Кириллу и подмигнул. Затем заорал в микрофон:

— У нас критическое положение! Я не могу дать обратную тягу! Наши тормоза не способны остановить нас. Меня вынесет с посадочной полосы. Что на конце? Что?! Только снег? Ну, я надеюсь, что вы окажетесь правы.

Бисквит протянул руку и отключил радио, затем сорвал наушники и отшвырнул их в сторону. Стена снега показалась впереди, перегородив посадочную полосу.

— Это заставит их кровавое давление подскочить, — сказал он спокойно. Все беспокойство исчезло из его голоса.

Он привел в действие обратную тягу турбин, слегка коснувшись в то же время тормозов. Он удерживал самолет в центре посадочной полосы.

— Остался еще приличный кусок впереди, но мы будем ослеплены, как только выскочим за экран. Есть!

Снежный шторм двигался навстречу. Ночные огни отражались в нем, ослепляя их. Скорость падала. Бисквит нагнулся вперед, на-

прыгшись, но не смог ничего увидеть. Он отключил турбины, и самолет продолжал двигаться на тормозах.

Затем ровная посадочная полоса кончилась, и их подбросило и встряхнуло в креслах. Что-то огромное и белое появилось впереди.

— Йа-а! — закричал Бисквит, полностью вывернув штурвал и надавив одновременно всей массой тела на левый тормоз.

747-й стал медленно двигаться юзом, поворачивая в сторону через снег.

С медленным хрустящим ударом он остановился, слегка накрившись.

Они приземлились. Бисквит отключил всю энергию, и вокруг потемнело. Осталось лишь смутное красное сияние аварийных огней. Он откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул.

— Вы знаете, — сказал он. — Я не думаю, что мне хотелось бы сделать это еще раз.

Роб и Кирилл освободились от ремней и приступили к действиям. Здесь было как раз достаточно света, чтобы видеть крепления, удерживающие радиопередатчик, которому полагалось валяться разбитым. Роб оторвал их, в то время как Кирилл извлек из нагрудного кармана баллончик.

— Великолепная посадка, Бисквит, — сказал он, сдирая крышечку с баллончика. — Посмотри-ка сюда!

— Посмотреть куда? — спросил Бисквит, поворачиваясь и получая струю из аэрозольного баллончика в лицо. Его глаза расширились, и он широко раскрыл рот от удивления, затем обмяк на ремнях своего кресла.

Кирилл отвернулся в сторону и дышал через носовой платок до тех пор, пока воздух не очистился.

— Сожалению, — сказал он. — Но это заставит тебя спать лучше. Подделка бессознательное состояние — не такая уж простая вещь. И наркотик также избавит тебя от чувств...

Обтянутая кожей дубинка в руке Кирилла описала короткую дугу, которая закончилась на лбу Бисквита. Он дернул дубинкой так, чтобы удар сделал кровоподтек и содрал кожу со лба: кровь медленно застыла из раны.

— Еще один раз, к сожалению. Наши жизни зависят от реализма.

— Дай мне это! — сказал Роб, забирая баллончик и засовывая его в брезентовый мешок вместе с крепежными скобами от радиопередатчика, который уже находился в предназначенном ему состоянии.

Громкие сирены завывали снаружи, и надвинулись вспышки красного и белого света, слепя через окна.

— Они уже здесь, — сказал Роб, направляясь к выходу.

16. НА ЛЬДУ

— Они прямо под нами! — сказал Кирилл, указывая на боковое окно кабины управления.

Передвижные прожекторы на спасательных машинах внизу вспыхивали ярким огнем. Спасательные команды были великолепны. Они начали двигаться по посадочной полосе сразу же, как только 747-й

прошел мимо, прослушивая все переговоры с диспетчером, и гнались за самолетом, пренебрегая опасностями взрыва топлива. Сейчас они уже рядом. Что-то царапнуло наружную обшивку, и верхний конец передвижной лестницы попал в поле зрения.

Роб кинул быстрый взгляд и нырнул на спиральную лестницу. Если его заметят внутри самолета, вся миссия может провалиться. Позади он услышал звук разбитого окна.

Яркие пятна поплыли перед ним, прожектор ослепил глаза. Его ноги потеряли опору, и он растянулся головой вперед на палубе вниз. Сильные руки схватили его и поставили на ноги. Это был сержант Грут. Солдаты пробежали мимо, неся крепления и скобы, которые обеспечивали безопасность тары. Роб встряхнулся.

— Я в порядке. Последуем за остальными.

Он был последним, кто добрался до тайного помещения, пробираясь наощупь сквозь освещенную красными пятнами темноту до скрытой двери. Последовал стук на лестнице позади него, когда Кирилл поспешил вниз.

— Один из них снаружи разбил окно, — прошептал он, — Сказал, чтобы я открыл дверь.

— Открой дверь, — сказал Роб, — как только я закрою эту.

Он протиснулся сквозь отверстие и услышал стук тяжелой двери за собой, когда поджидющие солдаты захлопнули ее. Засветились маленькие круги карманных фонарей. Роб нащупал свой фонарь в кармане, в то время, как двери закрылись. Затем фонарики потухли один за другим. Он взял наушники, свисающие со стены, и надел их, затем выключил свой фонарик и припал лицом к двери. Его глаз приник к потайному отверстию.

Он должен быть в курсе того, что творится снаружи. Невидимый микрофон был установлен на верхней крышке ящика. Крошечные линзы скрывались в дырке от сучка.

— Тихо! — приказал он, — Майор открывает дверь.

Он наблюдал, как внутрь хлынул свет, как только дверь широко распахнулась. Кирилл отступил назад, когда два тепло одетых спасателя пролезли через отверстие и стремительный поток снежных хлопьев влетел вместе с ними.

— Пилот... без сознания, — пробормотал Кирилл.

— Дейтон, Слэйтер, поднимитесь наверх и принесите его сюда, — приказал первый из спасателей, отодвинув Кирилла в сторону, в то время, как его люди пробирались мимо него. — Есть ли еще кто-нибудь на борту?

— Нет. Нас только двое. Что случилось? Самолет должен взорваться?

— Маловероятно. Мы все здесь покрыли пеной. Где ваши перчатки?

Кирилл покачал головой в смущении, и спасатель вытащил запасную пару из-за пояса.

— Наденьте эти. Снаружи минус сорок, и ваши пальцы отваливаются до того, как вы доберетесь до машины. Эти люди позаботятся о вас.

Роб видел, как Кириллу помогли пройти через двойное отверстие, а находившегося без сознания Бисквита Бакстера вынесли вниз из кабины пилота. Затем его быстро завернули в сохраняющие тепло простыни и привязали к носилкам. Когда его вынесли из самолета, руководитель спасательной операции остановился и внимательно осмотрелся вокруг.

Роб затаил дыхание. Тот нагнулся и внимательно осмотрел ящик, который, казалось, оторвался от крепежа. Он заглянул в него, включив свой карманный фонарик. Затем повернулся и посмотрел прямо на Роба.

Он не мог его видеть. Роб знал это. Но сработает ли уловка? Внезапный свет ослепил его, когда луч фонарика проник в скрытое смотровое отверстие. Он закрыл глаза, стараясь отгнать плывущие ореолы света, и прижал к отверстию другой глаз. Сейчас там уже было три спасателя, осматривающие внутренность самолета.

— Что вы думаете обо всем этом, Серж? — спросил один из них, — Можем ли мы вытащить отсюда все до того, как произойдет пожар? Очистить все это?

— Возможно.

Роб бессознательно задержал дыхание.

— Но мне хочется послать все к чертям, никому не хочется бегать в такой буран. Эти вещи никуда не денутся. Давайте позаботимся об этом, когда кончится шторм. Закройте за собой дверь поплотнее, это удержит от проникания сюда снега.

И затем они вышли.

Роб позволил себе вздохнуть с облегчением, когда увидел, что наружная дверь захлопнулась.

— Похоже, они ушли, — прошептал он, — Но я требую соблюдения полной тишины до тех пор, пока мы не будем полностью уверены в этом.

Они сидели в темноте неподвижно. Тишина нарушалась только случайным шелестом, когда они застегивали верхнюю одежду, спасаясь от холода. Роб взглянул на светящийся циферблат часов, заставив себя выждать полные пятнадцать минут.

— Время, — сказал он, — Откройте дверь. Грут, осмотрите самолет, чтобы убедиться, что мы одни.

Сержант тихо вышел в красный полумрак огромного самолета. Аварийное освещение до сих пор функционировало; это была достаточная иллюминация, в которой он нуждался. Он вернулся через несколько минут.

— Все чисто, полковник.

— Выходим. Используйте фонари, если вам понадобится освободить крепление. Мы выступим примерно через полчаса, — он повернулся к Груту, — Снаружи что-нибудь видно?

— Абсолютно ничего. Они убрались. До сих пор холодно, до сих пор идет снег.

— Пока все по плану. Сейчас мы будем ждать сигнала от Данилова. Приемник у тебя?

— Здесь.

Он похлопал по своему нагрудному карману.

— Мы воспользуемся разбитым окном в кабинете пилота. Высунь из него антенну. Сообщи мне, когда он выйдет на связь.

Офицер медицинской службы зевнул и потер воспаленные глаза.

— Ничего с ним настолько серьезного, что нельзя было бы вылечить хорошим ночным сном, — сказал он.

Он расправил липкую ленту, держащую повязку на лбу Бисквита.

— Как с контузией, сэр? — спросил Кирилл Данилов.

— Нет никаких признаков. Так что мой совет вам — найти большую бутылку виски и залечь в теплую постель.

— Спасибо, сэр. Но мне надо сначала подать рапорт на мою базу. Они захотят узнать, что с самолетом.

Опасность была позади, станция снова погрузилась в ночную летаргию. Коридоры были тихи и пусты. Кирилл быстро шел к главному корпусу, затем, свернув за угол, встретил сержанта, который командовал спасательной операцией.

— Как пилот, сэр?— спросил сержант.

— Шишка на голове, так сказал доктор. Могло быть и хуже...

— Ну вы, парни, и счастливики.

— Ты можешь еще раз повторить это? Спасибо, что вы выкопали нас оттуда. Становится довольно холодно.

— Это моя обычная работа. Не хотите ли немного кофе? Мои парни согреют его для вас.

— Я бы не отказался, но мне надо переговорить с базой. Поблагодарите их за меня, если вам не трудно.

Кирилл не встретил больше на своем пути никого. Он никогда раньше не был на антарктической базе, но хорошо помнил ее расположение. Второй коридор налево. Да, это здесь. Он рывком распахнул дверь и столкнулся лицом к лицу с оинном.

— Что случилось?— спросил чужак.

Его рот не двигался, но отверстие на боку головы открывалось по мере того, как он говорил. От него исходил едкий запах чего-то такого, чего Кирилл никогда не чувствовал раньше. Это был первый оин, которого он встретил. У него не возникло трудностей продемонстрировать изумление и слегка отступить назад.

— Что?— сказал он, позволив своей челюсти слегка отвиснуть.

Оин никак не выразил своих чувств, пока осматривал его сверху донизу.

— Вы никогда не видели меня раньше? Вы носите эмблемы с крыльями. Вы были на самолете там, снаружи?

— Да, сэр. Второй пилот. Мы потеряли контроль над турбиной, как мне кажется. Все случилось очень быстро. Самолет вышел из-под контроля. Мы выскочили за пределы посадочной полосы. Я должен доложить обо всем этом на базу.

Кирилл обошел чужака, затем поспешил в комнату к ночному оператору. Оин наблюдал за ним еще секунду, затем отвернулся и вышел. Радиооператор прочистил горло и плюнул с выражением в ведро для мусора.

— Они все время мельтешат здесь так?— спросил Кирилл, глядя на закрытую дверь.

— Нет. Если бы это было так, я бы был спокоен. Черепашки так же привлекательны, как и поросычье дерьмо. Я слышал, что вы выбрались из самолета с минимальными повреждениями. Хорошая посадка.

— Не особенно. Я должен переговорить с моей базой. Как мне связаться?

— Воспользуйтесь этим телефоном. Я предоставляю вам спутниковую линию прямо через военный канал. Только наберите свой номер.

Номер соответствовал номеру базы, но добавочное ответвление позволило соединиться с другим телефоном, находившимся за тысячу миль от базы...

— Да, — сказал генерал Соболевский.

— У нас несчастный случай во время приземления. Вы еще не получили наш рапорт?

— Нет. Как чувствуете себя вы и пилот?

— Пилот легко ранен. Он сейчас в госпитале. Я уверен, что к утру все будет в порядке. Сейчас я отправляюсь в постель.

— Счастливо.

Кирилл медленно повесил трубку. Пойти в постель было кодовым наименованием начала операции. Он махнул рукой оператору и покинул радиокомнату. Коридор был молчалив и темен. Арктический холод просачивался в него. Он внимательно прислушивался на каждом повороте, не желая встретиться с кем-нибудь еще. Если его обнаружат, то всегда можно сказать, что он заблудился. Но это могло задержать операцию, чего он не хотел. Кроме того, в самолете становилось слишком холодно.

Большинство лампочек на кухне не горело: запах старого жира тягело висел в воздухе. Он тихо скользнул между рядами печей и открыл дверь за ними. Здесь было значительно холоднее. Короткий коридор вел мимо кладовых к выходу наружу, который использовали для доставки продовольствия. Он застегнул молнию своей парки наглухо, продолжая идти, надел тяжелые перчатки перед тем, как потянуть ручку тяжелой двери. Она открылась на хорошо смазанных петлях.

Его дыхание превращалось в облачка тумана в воздухе маленького предбанника за дверью. Следующая дверь перед ним открывалась в антарктическую ночь. Он аккуратно закрыл за собой дверь перед тем, как пересечь комнату. Сигнализационную систему легко обнаружить; массивный ящик громоздился на каркасе с двумя подведенными к нему проводами. Это была не сигнализация против взлома — здесь в ней не было необходимости — но сигнал в комнату управления, что наружная дверь открыта. Только они об этом не узнают. Он вытащил пистолет и перекусил правый провод, как был проинструктирован. Затем взглянул на наручные часы.

Немногим более часа прошло с тех пор, как он покинул самолет. Очень хорошо. Он снял перчатки и надвинул капюшон на голову. Пассажии снова отправились к карман на колене брюк, и он вытащил небольшую коробочку из-за пояса. Когда он надавил на нее, крышка отошла в сторону, открыв переключатель и единственную красную кнопку. Кирилл улыбнулся, глядя на нее, и затем снова надел перчатки.

Тяжелая дверь открылась внутрь, впуслав порыв обжигающе-холодного воздуха и буранчики снежных хлопьев. Он нагнул голову и прошел несколько шагов.

Затем он поднял прибор и надавил большим пальцем на активирующую кнопку.

17. АТАКА

Высокочастотный электронный сигнал можно было хорошо услышать даже на фоне завывания ветра внутри самолета. Сержант Грут

нырнул под лестницу в то же самое мгновение, когда прозвучал сигнал, выкрикивая сообщение:

— Сигнал от майора Данилова!

— Выступаем, — приказал Роб.

Атака была хорошо подготовлена: каждый солдат точно знал, что ему надлежит делать. Когда дверь распахнулась, наружу была выброшена складная лестница. Ее падение сопровождалось грохотом по обшивке самолета. Верхний конец лестницы был надежно закреплен во время ожидания сигнала, так что первый человек оказался на верхней ступеньке даже раньше, чем низ лестницы упал в снег... Остальные солдаты поспешили вниз за ним.

В неотапливаемом самолете было холодно, но снаружи отрицательная температура ударила взрывной волной. К холоду добавился ветер, что было эквивалентно температуре 60 градусов ниже нуля. Несмотря на их защитные костюмы, перчатки и лицевые маски, они ощущали удары холода, которые были достаточно сильными.

— Сформируйте отделения, — приказал Роб, — и непрерывно двигайтесь. Если вы замрете неподвижно, то скоро будете мертвы.

Круги света запрыгали по снегу. Сияющие снежные хлопья быстро пролетали в их лучах. Командиры хрипло отдавали приказания своим людям. Роб с трудом пробирался через глубокий снег за лейтенантом Резиным, который возглавлял отделение, прокладывавшее тропу. Гигантский хвост 747-го смутно виднелся над ними в темноте, когда они прокладывали путь в глубоком канале, оставленном самолетом в снегу. Они водили фонарями по блестящей поверхности позади него.

— Быстрее, — сказал Резин, — мы можем воспользоваться следами от колес, которые мы сделали, когда пропахали борозду сюда. Но они быстро заполняются.

— Можем ли мы до конца воспользоваться ими?

— Нет, не можем. Теперь в этом направлении мы сделаем собственные тропы, пока не достигнем экрана и не найдем посадочную полосу. Мои люди — опытные лыжники из Арктического Патруля. Они в такую погоду чувствуют себя, как дома.

— Надеюсь, что вы правы. Погода действительно плохая.

— Середина лета, полковник. Мы смеемся над такой погодой.

Резин оставил одного человека под хвостом самолета на посту и с другими последовал в буран. Солдат фонарем указывал направление, куда ушли отделения, наблюдая, как они скрываются из виду. Но немного позже впереди можно было разглядеть смутный свет другого фонаря. Это была великолепная идея... если она сработает. Роб вернулся к своим людям, осознав, что было слишком поздно сомневаться в том, как они спланировали операцию. Дело сделано. Линия солдат из Сибири должна сейчас протянуться от самолета к невидимой посадочной полосе. Их огни покажут остальным безопасное место.

Но идет ли отделение солдат в верном направлении? Компасы здесь бесполезны, так как это Южный полюс. Операция зависела от опыта лейтенанта и присутствия чувства направления у его людей. Ему было лучше всего не ошибиться, или они все замерзнут раньше, чем достигнут базы чужаков.

Гигантский силуэт сержанта Грута неясно вырисовывался в темноте рядом с Робом.

— Самолет пуст, полковник. Отделения сформированы. Все присутствуют и пересчитаны.

— Олл райт. Начнем двигаться. Свет выключить, как только люди отойдут от самолета. И не разговаривать. Единственный свет, который сейчас нужен, — это свет наших русских компаньонов.

Молчаливые люди двинулись, сгибаясь под напором ветра. Роб стоял до тех пор, пока последний из них не прошел мимо, затем взмахнул своим фонарем круговым движением перед тем, как последовать за остальными.

Ночь была темная, холодная, гибельная. Роб тяжело ступал через снег, не различая ничего впереди. Он подавлял страх, который угрожал подняться и охватить его. Он должен идти в правильном направлении. Туда! Неясная точка света появилась в крошечном мраке. Он зашпешил к ней и обнаружил одинокого солдата, стоявшего без движения за самолетом. Когда Роб прошел мимо, солдат указал фонарем в темноту. Там, куда он указал, не было ничего видно.

Роб начал что-то говорить, когда неясное пятно света двинулось. Солдат, должно быть, знал, что ощущает Роб.

— Видите, вдалеке свет. Вы не должны беспокоиться. Это всего лишь фонарик следующего часового. Если вы собьетесь с пути, вы должны стать и не двигаться до тех пор пока не увидите снова свет. Сейчас вы должны идти, сэр. Мне предстоит дожидаться лейтенанта Резина...

Роб открыл рот, но не мог ничего придумать, что бы следовало сказать. Он одобрял эту часть плана. Резин снова пройдет по этой тропе к самолету, затем соберет своих людей и вновь вернется по этому следу, в третий раз. Если будут оставшие, его опытные северные воины обнаружат их.

— Олл райт, солдат. Прекрасно придумано.

Роб двинулся к пятну света, едва различимому в темноте, радуясь, что он здесь не один, что это не он ожидает своего офицера.

Это была тяжелая работа — пробираться через снег. Если отделение солдат, прошедших здесь, и оставило какие-то следы, то он их не увидел. Воющая пурга заполнила их сразу же, как только они прошли. Он подошел к пятну света, которое отбрасывал карманный фонарик, солдата, стоящего по колено в снегу. Роб взгляделся в темноту в поисках следующего светового ориентира. Он был далеко впереди. Движение продолжалось.

В каком-то месте этого бесконечного кошмара Роб споткнулся и упал лицом в снег. Он боролся со снегом, чтобы подняться, и вдруг почувствовал сильные руки, помогающие встать ему на ноги.

— Осталось недалеко, полковник, — сказал знакомый голос. — Всего лишь несколько сот метров. Идите по огням.

— Это вы, лейтенант?

— Полковник Хейвард, все идет в соответствии с планом. Мы натолкнулись на посадочную полосу в ее дальнем конце. Люди построены там перед самым ангаром. Лучшего не придумаешь, сэр. Я сейчас собираю своих людей. Мы будем там почти одновременно с вами.

С этими словами он растворился в темноте. Роб с трудом передвигался, пока не заметил скопление людей впереди, построенных шеренгой вдоль посадочных огней. Он подошел к ним и принял командование.

— Всего лишь в пяти шагах впереди, — сказал сержант Грут, — шторм кончается. Весь снег и ветер — на этой стороне. Точно существует какая-то штора.

— Настолько чисто?

— Не то слово — вы можете отлично видеть огни на посадочной полосе, которые протянулись в длину и теряются из виду. И огни базы.

— Я пойду взгляну. Доложите мне, как только Резин и его люди вернуться.

Грут был прав. Невидимый барьер протянулся от земли вверх, к небесам. Он шагнул сквозь него, и тут же почувствовал разницу в температуре, ветер прекратился. Здания и ангары были великолепно видны на расстоянии двух миль впереди, и серебряные формы грузовых самолетов, выстроившихся в цепочку перед ними. За ангарами — огни базы. Он повернулся, когда фигура человека также прошла сквозь барьер позади него, отряхивая налипшие хлопья снега.

— Мы все здесь, сэр; — сказал лейтенант Резин. — Один из ваших людей упал и потерял защитные очки. Мы принесли его, завязав глаза шарфом. Мы узнаем о его состоянии, когда доберемся до базы.

— Я предполагал, что будет хуже. К нему прикрепляются два человека из отделения "Дельта". Доставьте его туда сразу, как только возьмем базу. Вы видите, вон там?

— Да, полковник.

— Мы пойдем самой длинной дорогой вокруг. Вдоль барьера по периметру. Я возглавляю процессию. Когда приблизимся достаточно, то пройдем на сторону, где свирепствует плохая погода, и барьер прикроет нас... Я надеюсь, что мы минем один из проекторов. Но я не могу разглядеть вообще какой-нибудь из них между нами и базой.

— Они должны находиться дальше отсюда, за барьером, и спрятаны в снегу.

— Есть ли идея насчет того, как найти их?

— Это легко сделать. Мои люди вытянутся в цепь. Мы обнаружим их по пути.

— Доложите мне, как только они будут найдены.

— Есть, сэр.

— Пойдемте.

Они прошли сквозь темноту, избегая посадочной полосы и отблесков огней, исчезнув снова в буране, для того, чтобы приблизиться невидимыми к базе. Они находились недалеко от базы, когда один из арктических патрульных Резина быстро подошел к Робу.

— Донесение от лейтенанта Резина. Проектор обнаружен. Я могу провести вас к нему.

— Хорошо.

Грут появился рядом с ним.

— Возьмите отделение "Эпсилон", техников и следуйте за мной.

Покрытая снегом массивная ферма неясно вырисовывалась в темноте и была высотой немного больше роста человека. Роб смел снег с соединительного узла.

— Разберите это по косточкам, — приказал он. — Вы знаете, как это сделать.

Солдаты уже устанавливали разборное укрытие над устройством, когда он уходил. Они уже получили практику в демонтаже одного из проекторов оинов, производившуюся в глубоко замороженном холодильном устройстве. Они знали, что делают. Они могли быстро отключить проектор и все сигнальные цепи, но это было лишь половиной дела, приведшего их сюда. Другая половина — находилась на базе. Это было главным заданием. Солдаты ждали в снегу молча и, когда он появился вновь, они уже были готовы. Он оглядел их и кивнул, а затем отдал распоряжения:

— Подразделение "Альфа", за мной. Остальные ждут здесь. Мы ударим по базе, пройдя через выход, расположенный в правом крыле. Это лучший вариант. Я подам сигнал, когда все будет готово.

Они быстро двинулись вперед, держа оружие наготове. Как только они приблизились, дверь широко распахнулась, и майор Данилов махнул им рукой, призывая внутрь. Роб отступил в сторону, дав людям возможность пробежать мимо него, повернулся и помигал фонариком в темноту. Он ждал до тех пор, пока новая волна людей не появилась из темноты.

В командах не было необходимости, и их никто не подавал. Каждый шаг был тщательно спланирован и отработан бесчисленное количество раз.

— Есть ли что-нибудь непредвиденное? — спросил Роб Данилова.

— Ничего. Все спокойно. Никаких подозрительных действий вокруг. Коридоры пусты.

— Хорошо.

Роб оставил свой пост, когда последний солдат пробежал мимо. Он посмотрел на два отделения молчаливых мужчин, рассредоточившихся по всей большой кухне.

— Предоставляю вам три минуты для ликвидации команды радиокомнаты, чтобы уничтожить связь. Затем мы ударим по главной нашей цели.

Он прошел вперед и остановился перед вооруженными людьми, ставшими проявлять первые признаки нетерпения. Затем указал на капрала в переднем ряду.

— Вот вы. Как вы поступите, когда увидите оина?

— Убью его, сэр!

Когда он отвечал, то поднял автомат, снабженный глушителем, и добавил спокойным голосом:

— Я из Денвера, полковник.

— Это одна из причин, почему ты выбран, сынок, — он указал на остальных в отделении. — Люди из Томска по той же самой причине. Я не хочу ни одного случайно произведенного выстрела. Я не хочу, чтобы хотя бы один наш человек пострадал, если он случайно очутится между вами и оином.

Солдаты разошлись по коридорам, двигаясь быстро, бесшумно ступая на подошвах из мягкой резины. Они собрались у входа в центр управления оинов. Глаза всех устремились на Робба, в то время, как он смотрел на свои часы.

Минуты тянулись медленно. Затем он поднял руку и рубанул ею вниз.

— Пошли!!!

18. ЛИЦЕНЗИЯ НА УБИЙСТВО

Дверь широко распахнулась, и солдаты устремились в нее.

Освещение было тусклым, и вначале они не увидели никого. Они рассредоточились, держа оружие наготове. Держа в руках связку инструментов, в проходе внезапно появился оин. Роб только поднял свой пистолет, когда послышались торопливые хлопающие звуки позади него, и чужак упал.

Солдаты побежали. Появился еще один чужак и пронижительно закричал. Но при первых же звуках оин закрутился и упал, разорванный и истекающий кровью из дюжины ран. Затем солдаты снова рассредоточились и стали обыскивать большое помещение, вынюхивая воздух, подобно голодным псам.

— Пусто, — отрапортовал Грут. — Здесь их было только двое.

— Из этого следует, что осталось еще пять, — сказал Роб. — Выходим отсюда. Обыщем их квартиры. Я хочу, чтобы эти пятеро были мертвы. Двигаемся.

Это была не война, это была бойня. Убийство без пощады. Любая жалость, которую эти люди могли испытывать к оинам, сейчас была ими забыта. Им был дан приказ убивать, и они убивали. Они имели достаточно веские причины для того, чтобы пролить кровь, но было ли это хорошо или плохо — им некогда было рассуждать, и они работали, как машины для убийства.

Солдаты рассредоточились, обыскивая помещение за помещением. Роб заскочил в комнату, убедился, что она пуста, вышел и вновь двинулся за первой волной своих людей. Они продолжали идти по коридору перед ним. Издалека раздались приглушенные звуки выстрелов, сопровождаемые громким звоном разбитого стекла.

Дверь перед Робом распахнулась, и оттуда выбежал оин и повернулся к нему лицом. Руки его были пусты, рот широко распахнут.

— Полковник Хейвард?! — воскликнул он.

Роб узнал его. Первый чужак, встреченный им.

— Хес'бю, — сказал он, расставляя знаки пунктуации в имени сорок пятым калибром. Оружие прыгало в его руках. Тело Хес'бю дергалось при каждом попадании. Молча согнувшись вперед, он упал.

Роб постоял несколько секунд, глядя вниз на молчаливое тело на полу перед собой. Затем он перешагнул через него и двинулся в сторону большой комнаты в конце коридора. Холодный арктический ветер задувал внутрь снег через разбитое термическое стекло окна. Скорчившийся оин лежал перед окном, покрытый осколками стекла. Сержант Грут склонился над русским солдатом, лежавшим, широко раскинув руки, на полу. Он выпрямился, когда подошел Роб.

— Я слышал звуки выстрелов позади себя в холле, полковник. Это были вы?

— Да. Достал одного.

— Тогда это был номер семь. Со всеми покончено. Ситуация прояснилась.

Роб посмотрел в широко распахнутые глаза мертвого солдата. Его грудная клетка была сожжена, а парка до сих пор еще тлела.

— Всего лишь несчастный случай, — сказал Грут спокойным тоном. — Эта тварь срезала его. Он выпустил почти целую обойму, взял она и окно за ним. Но он был мертв еще до того, как спустил курок.

— Тогда слава ему!

Сказав эти слова, Роб почувствовал сильную усталость, но он проигнорировал это чувство и собрался.

— Мы устроим штаб в комнате управления. Доставьте тела туда же. Я хочу получить рапорты от каждого отделения. Двинулись.

Вот это была работа! Роб не позволил себе торжествовать до тех пор, пока не услышал все рапорты. Радио молчало. Оины были истреблены полностью. Ни один из них не успел добраться до какого-нибудь прибора, который мог быть коммуникатором. Потери атаковавших состояли всего из одного человека. Когда рапорты были приняты, Роб перешел в радиокomнату, где их собственный оператор уже настроился на нужную частоту. Роб упал в кресло и взял микрофон.

— Хейвард на связи.

— Докладывайте, — это был голос генерала Беллтайна. — Генерал Соболевский также слушает вас.

— Полный успех. Семь мишеней. Все взяты до того, как успели выйти на связь. База полностью занята.

— Поздравляю! Работа сделана великолепно. Есть ли дополнительная информация?

— Пока нет. Команда снаружи до сих пор работает, и от них еще не поступало докладов. Но мы не касаемся оборудования оинов внутри базы до прибытия специальной команды. Каков их статус?

— Они в воздухе и двигаются по расписанию. Должны приземлиться у вас примерно через пятнадцать минут.

— Я начну вывозить персонал базы, как только прибудут самолеты. Мы эвакуируем их всех ко времени, когда группа ученых закончит свою работу.

— Пока что вы действовали отлично. Мы подадим рапорт о случившемся в вышестоящие инстанции. Связь останется открытой до тех пор, пока мы не услышим от вас о следующей фазе операции.

Роб положил микрофон и сделал глубокий вдох. Первый шаг произведен. Но они должны действовать чисто, не оставляя следов своего пребывания, если все не пройдет гладко.

— Чашку кофе, сэр? — произнес голос.

Роб заморгал при виде парящего сосуда, который радиооператор протягивал ему.

— О, мой бог, конечно, да! Это великолепная идея...

Он успел сделать только первый большой глоток, когда в комнату ворвался посыланный.

— Команда техников возвращается, полковник!

Сосуд ударился об пол и разбился, когда Роб выходил за дверь. Группа людей в комнате управления, до сих пор облепленная нараста-

явшим снегом, повернулась при его появлении. Капитан, возглавлявший команду, шагнул вперед.

— Ну что, чего-нибудь добились? — спросил Роб.

— Нет, сэр. Там ничего нет.

— Не думаю, что понял вас.

— Ничего. Только то, что я сказал, полковник Хейвард, — сказал он смущенным тоном.

— Что вы имеете в виду?

— Мы не понимаем этого сами, сэр. Мы открыли эту штуку без проблем. Точно такая же, как собранная из деталей, произведенных на наших заводах, с которой мы работали. Но там, внутри, ничего нет... Нет задающего генератора в самом проекторе или других цепей в контрольном ящике. Только соединения, где входящие и выходящие цепи присоединяются к следующему проектору. Это остановило нас, полковник, и это не имеет смысла. Вместо того, чтобы вернуться, что заняло бы, конечно же, некоторое время, мы прошли вдоль трассы кабелей к следующему проектору. Та и то же самое. Ничего. Пустота...

— Вы имеете в виду, что эти штуки... Они всего лишь манекены?

— Обследованные нами — определенно. Только груда металла. Я хотел бы получить разрешение взглянуть на некоторые из них еще раз. Лейтенант Резин и его люди обнаружили следующую группу проекторов. Возможно, там нам повезет больше.

— И, возможно, вы не...

Роб опустился в ближайшее кресло, прокручивая это открытие в мозгу. Манекены? Но он видел стрельбу из этих проекторов... Или нет? Он поднял голову и осознал, что команда техников до сих пор ожидает приказа.

— Да. Откройте еще два. Только два. Затем доложите мне, как только дело будет закончено.

Он едва заметил уход людей. Что бы это значило?.. Что в действительности видел он в тот день, когда они воссали с флотом блеттеров? Он видел машины, слышал боевые рапорты, затем видел голографическую проекцию битвы, чувствовал, как проекторы открыли огонь, и видел потрясающий эффект, который они оказали на северное сияние.

— Почему... грязные ублюдки!!! — сказал он громко с внезапным пониманием. — Они сделали это снова!

Роб сидел в тишине, взвешивая факты один за другим, не замечая шума вокруг себя. Он был снова возвращен к действительности, когда услышал, что произносят его имя.

— Самолеты приземлились, полковник, — сказал сержант Грут. — Такси уже подано.

— Хорошо. Как только они заправятся, я хочу, чтобы все люди с базы были на борту самолета номер один. За исключением операторов. И все наши люди должны также уходить, за исключением "Альфы", "Беты" и "Дельты". Как только все будут на борту, самолеты должны взлететь. Что с телами оинов?

— Все сложены на их территории.

— Хорошо. Я хочу, чтобы вы персонально привели сюда команду штатских, как только они покинут самолет.

Команда ученых состояла из двенадцати человек. Ее возглавляли профессор Тиллштен и доктор Ликофф. Они потирали руки от предчувствия удовольствия, когда входили в комнату управления. Открыв ящики с инструментами, они хотели начать, но Роб остановил их перед тем, как они коснулись хотя бы одного из аппаратов.

— Пожалуйста, послушайте. Используйте перчатки, когда будете разбирать механизм оинов. Если вам необходимо коснуться чего-нибудь голыми руками, удостоверьтесь, что вы затем стерли отпечатки пальцев. Разбирайте только то, что, вы суверенностью уверены, можете собрать снова.

— Мы знаем все это, — перебил его Ликофф, — Мы великолепно проинструктированы, полковник.

— Хорошо. Но вы должны пройти инструктаж снова. Это военная операция, и мы придерживаемся строгого графика. В вашем распоряжении ровно час на проведение необходимых исследований. Поэтому через полчаса вы должны приступить к сборке. Ни одна часть или соединение не должны остаться, когда вы соберете все снова. Мы не хотим, чтобы остались следы нашего пребывания здесь. Когда вы закончите, вся зона будет взорвана. А сейчас, начали. Профессор Тиллштен, могу я переговорить с вами?

— Это замечательно, замечательно... — сказал Тиллштен, наблюдая, как техник взялся за изучение механизмов чужаков.

— Мы уже открыли некоторые важные факты, — сказал Роб. — Команда моих техников разобрала один из больших лучевых проекторов.

— Это очень хорошие новости. Где электронные части?

— Их нет. Они не существуют. Проекторы — всего лишь манекены, в них отсутствуют какие-либо внутренности.

Тиллштен заморгал, затем покачал головой в изумлении.

— Я не уверен, что понял вас.

— Я думаю, что мы снова столкнулись с трюком. Я подвожу вас к мысли, что битва, свидетелями, которой мы стали здесь, была всего лишь спектаклем. Проекторы — пустышки. Таким образом они не могли вести огонь. Эффект, который мы наблюдали визуально, тоже говорит об этом. Все подстроено. Точно так же, как устройство, которое заставило северное сияние сойти с ума. Это усилитель электромагнитных волн какого-то типа, точно не могу указать.

— Это невозможно. Все это не могло быть фальшивкой. Вы же были на Луне и видели там крепость блеттеров.

— Да, я был. Она прибыла туда, это мы видели. Но была ли битва, которая стремилась предотвратить это прибытие, или оины только фальсифицировали ее, чтобы добиться нашего сотрудничества? Нам было сказано так много неправды, мы видели так много продемонстрированной лжи, что не имеем представления, где сейчас находится истина.

— Нет... Мы не можем... Таким образом, даже еще более необходимо сейчас, чтобы мы изучили эти машины и обнаружили, каким образом они работают. Нам необходимо больше времени...

— Невозможно. График должен строго выдерживаться.

— Он может растянуться немного, я уверен.

В ответ Роб улыбнулся.

— Он не может растянуться, так как вы не знаете, что случилось перед вашим прибытием. Мы перебили всех оинов, которые находились здесь...

Он проигнорировал широко раскрытый от ужаса рот Тиллштена и продолжал:

— Это не должно никогда обнаружиться ни при каких обстоятельствах, или весь мир последует дорогой Денвера. Весь персонал будет эвакуирован. Таким образом, они не будут способны описать, что в действительности произошло. Как только вы отбудете, моя команда взорвет оинов, их машины и трупы. Вина будет возложена на одного человека, одного из наших, того, кто был убит в этой акции. История прикрытия такова: он силой проник на борт одного из самолетов, что послужило причиной катастрофы и взрыва. Обо всем этом позаботятся сейчас. Он сошел с ума. Уничтожил оинов и был убит сам. Разрушения будут настолько велики, что целая база эвакуируется. Когда они придут сюда, они обнаружат только команду моих людей. Все они будут хорошо натасканы на эту историю. Вы понимаете сейчас, почему мы не можем отсрочить время?

— Все это — безумие!.. Риск!!!

— Возможно. Но это необходимо сделать. Сейчас слишком поздно плакать над убежавшим молоком. Все, что нам сейчас остается делать, — это следовать версии и надеяться, что все пройдет, как запланировано.

Роб повернулся к сержанту Груту, который в этот момент зашел в комнату управления.

— Первый самолет загружен, полковник, — отрапортовал он. — Сейчас вырулил на взлетную полосу.

— Хорошо. Взрывное устройство?

— В готовности, в момент нашего с вами разговора подключают провода.

— Тогда все идет прекрасно. Запланированная финальная часть...

Майор Данилов ворвался в распахнутую дверь.

— Все пропало! — заорал он. — Первый воздушный лайнер не может взлететь. Он остановился на взлетной полосе.

— Почему?! — спросил Роб, внезапно содрогнувшись в страшном предчувствии.

— Посмотрите!

Он подошел к окну и застыл, как только выглянул наружу.

На взлетной полосе вытянулся ряд огней. 747-й стоял в дальнем конце этой линии. Турбины работали, снежная поверхность плавилась под ними от реактивных выхлопов, но самолет не двигался с места.

Гигантская черная глыба космического корабля оинов опустилась перед ними, блокировав взлетную полосу.

19. ПУТЬ НАЗАД ОТРЕЗАН

Неудача!

Роб ничего не сказал. Только стоял, застыл, и смотрел на корабль чужаков в течение нескольких секунд. Затем резко повернулся и ткнул пальцем в направлении остальных.

— Мы вынуждены импровизировать. Имеются какие-нибудь предложения?

Он ждал, а в зале повисла тишина. Одна, две, три секунды. Ничего. Он должен сделать это сам.

— Олл райт. Первое: собрать инструменты... Нет, не беспокойтесь, у нас не осталось для этого времени. Всем покинуть помещение. Майор, вы знаете эту базу. Выведите этих людей побыстрее и держите их вне поля зрения где-нибудь. Прямо сейчас!

Он повернулся к Груту и, направив на него палец, скомандовал:

— Взорви эту комнату, и чем скорее — тем лучше. Взорви все тела оинов и всю их механику. Я не хочу, чтобы здесь остались следы нашего пребывания. Только оставь единственное тело солдата, на которого будет возложена вина за случившееся.

Выгорит ли дело? Он не знал. Но он знал, что должен попытаться что-то сделать. Невыносима была сама мысль о бедствии, которое случится, если их попытки провалятся. Оины... Что они сделают? Он снова прыжком достиг окна. Вид за стеклом не изменился. Самолет стоял в конце взлетной полосы. Космический корабль до сих пор блокировал его взлет.

— Взрыв подготовлен, — отрапортовал сержант Грут.

— Пошли. Взрывавай, как только мы покинем помещение. Затем раздобудь какой-нибудь транспорт и встреть меня на выходе на взлетное поле.

Они побежали. Роб едва успел выйти в радиокomнату, как взрыв потряс здание, почти сбив его с ног. Поток пыли сорвался с потолка.

Радиооператор испуганно повернулся к нему.

— Что все это...

— Молчи. Вызови диспетчера. Скажи ему, чтобы увел самолет со взлетной полосы и поставил обратно к ангару.

Он схватил телефонную трубку.

— Генерал?

— Я здесь, и...

— Большие трудности, сэр. Приземлился корабль оинов. Самолеты еще не успели взлететь. Мы взорвали вещественные доказательства. Я сейчас собираюсь выйти к оинам. Нужно попытаться купить их на новую историю. Держите все в состоянии боевой готовности.

Он швырнул трубку до того, как у генерала появился шанс ответить. Майор Данилов ждал в холе снаружи.

— Ученые удалены из здания, — сказал майор, — но каждому оставшемуся на базе известно, что случилось. Если оины начнут разговаривать с ними...

— Мы должны остановить их. Сбить их со следа. Поедем к их кораблю вместе со мной. Мы должны найти способ удостовериться, что они не доберутся сюда до тех пор, пока мы не будем готовы встретить их.

— Взять с собой отделение?

— Вооруженная поддержка? — он остановился, чтобы подумать. — Да, возможно, хорошая идея. Мы не можем использовать против них силу, но мы позволим им увидеть только то, что хотим. Здесь опасно. И мы собираемся защитить их. Я должен убедить их, что это все для их же

собственной безопасности. Надо удержать их внутри корабля. Возьмите своих людей.

Сержант Грут ожидал в одном из транспортных средств для перевозки персонала на взлетном поле... Это был модифицированный пятитонный грузовик, изолированный от холода и снабженный скамейками внутри. Роб указал на него.

— Майор, доставьте ваших солдат сюда. Сидите, пригнувшись, чтобы вас прикрывал борт. Держите грузовик между нами и кораблем в случае, если мы находимся под наблюдением. Все должны соблюдать спокойствие и быть вне поля зрения. Вы поедете в кабине вместе со мной. Пошли.

В кабине грузовика было тепло, всего несколько минут назад он находился в обогреваемом гараже, и большой вентилятор быстро рассеял холод, который просочился в открытую дверь. Они проехали мимо 474-го, который возвращался в ангар. Теперь между ними и кораблем не осталось никого.

— Похоже, люк открыт, — сказал Кирилл.

— Лечь на пол! — приказал Роб. — Остановите грузовик так, чтобы дверь открылась в сторону входа в их корабль. Держите оружие наготове, когда мы выйдем и будем говорить. Наши руки будут пусты, но необходимо показать им нашу силу для того, чтобы расставить все точки над "и".

Дверь открылась сразу же, как только грузовик остановился перед двумя оинами, закутанными в тяжелую материю, которые только что вышли из открытого люка корабля. Роб спрыгнул на бетон, его по пятам сопровождал Кирилл. Полковник узнал возглавляющего. Озэр'о, командующий делегацией на Земле.

— Здесь были некоторые трудности, — начал Роб, но Озэр'о перебил его:

— Мы приняли сигнал тревоги с этой базы. Но мы не можем вступить в контакт с нашими людьми. Мы видели взрыв. Вы объясните нам все, пока доставите нас к базе.

— Я сказал, что здесь были трудности. База подверглась атаке. Террористы. Мы не знаем, сколько их. У нас здесь солдаты, чтобы очистить от них...

— Доставьте нас сейчас же.

Он двинулся вперед, и сопровождавший его шел на шаг позади. Ни Роб, ни Кирилл не пошевелились.

— Боюсь, я не могу позволить такого, — сказал Роб. — Моя обязанность — защитить вас. Как только я получу рапорт, что зона очищена, мы сможем войти. До тех пор я настоятельно требую, чтобы вы оставались в корабле.

Озэр'о зашипел в гневе:

— Я понимаю это так, что вы пытаетесь остановить меня? От входа в мою собственную базу? Вы понимаете то, что вы делаете, человек?

— Я надеюсь, что вы не ошибаетесь, думая так. Там для вас слишком опасно.

Оба чужака имели прорезы в тяжелой верхней одежде, через которые были протиснуты руки. Локти их были плотно прижаты к телам из-за холода. Роб видел сотрясающую их тела дрожь. От холода или по какой-то другой причине. Ситуация зашла в тупик. Люди не могли отодвинуть-

ся, они же определенно намеревались пройти. Наконец, Озэр'о повернулся и сказал:

— Возможно, вы правы, полковник Хейвард. Мы подождем внутри корабля, спасаясь от холода, до тех пор, пока вы не будете готовы.

Он сказал что-то на своем языке стоящему рядом с ним оину. Пока он говорил, Кирилл наклонился и взял Роба под руку.

Он навалился на него всем своим весом, заставив упасть на бетон и крича в то же время:

— Уничтожьте их! Они хотят открыть огонь!

Оба они резко повернулись. В их руках появилось лазерное оружие, готовое...

Но она были отброшены назад, крутящиеся и падающие, в то время, как пули разрывали их тела, вбивая в грунт.

Сержант Грут рванулся из грузовика, продолжая стрелять в чужаков, по пути отбросив ногой их оружие.

— Я слышал, что он сказал другому! — кричал Кирилл. — Он приказал убить нас, потому что их предали.

Внезапно, вспыхнувшее пламя, метнулось из открытого люка, стремясь сжечь русского. Грут оттолкнул его, ответив на огонь, и майор упал, стреляя в открытое отверстие. Грут побежал вперед, сея смерть из своего автомата по мере продвижения.

— Захватите корабль! — заорал Роб. — Вперед!

Судьба лишила их какого-либо другого решения этой задачи. Все — что он мог сейчас предпринять — это попытаться захватить корабль.

Русские солдаты стали прыгать из кузова машины, крича и ругаясь на бегу. Роб рванулся вперед, стреляя из пистолета, в то время, как Грут метнул свое тело в корабль через люк. ...Чтобы быть перерезанным острым лучом огня. Он согнулся и рухнул...

Крышка люка стала медленно закрываться.

20. ПЛЕННИКИ

Сержант Грут упал, зависнув наполовину внутри корабля, наполовину снаружи. Кровь хлестала из него. Его одежда тлела, но он еще жил. В то время, как Роб бежал к нему, он увидел, что сержант зашевелился и нечеловеческим усилием потянул к себе автомат.

Он поднял автомат в то самое мгновение, когда люк закрылся. Нижний конец люка уперся в дуло оружия, приклад прижало к порогу. Механизм завыл в протесте, и дверь остановилась в своем движении, удерживаясь открытой автоматом. Мертвые руки сержанта крепко сжимали цевье.

Роб уже был у люка. Его 45-й в руке стрелял в ответ на огонь одного из оинов внутри корабля. Существо упало, и почти сразу же последовали хлопки выстрелов над головой Роба, и первый из русских солдат перепрыгнул через него, быстро стреляя. Его огонь служил прикрытием второму солдату, который с трудом протиснулся в полужакрытую дверь.

Сделав это, он поднял свой автомат, чтобы быть перерезанным сверкающим лучом, бившим изнутри корабля. Но другой солдат занял уже его место.

Капрал схватил Роба за плечо и оттащил в сторону, держа его в безопасной зоне, в то время как штурмовали люк. Роб пытался освободиться, затем встал на новую обойму в свой 45-й и призывно закричал:

— Убейте их, если они вооружены! Убейте их, если они находятся рядом с каким-нибудь прибором контроля. Но возьмите пленных. Нам нужны, по крайней мере, хотя бы один — два пленных!

— Я прослежу за этим, полковник, — сказал капрал, освобождая Роба от своей хватки и последовав за остальными в корабль.

Роб пролез через отверстие сразу вслед за ним.

Как только оборона оинов на выходе была подавлена, сопротивление прекратилось. Несколько чужаков в глубине корабля были вооружены. Их убили. Солдаты носились по кораблю, подобно ветру смерти. Роб перешагивал через тела на своем пути по коридору. Он обнаружил еще больше тел в рубке управления.

— Я устрою свой штаб здесь, — сказал Роб двум солдатам, поставленным у входа. — Пройдите в корабль. Сообщите сержантам. Двигайтесь.

Они отсалютовали оружием и быстро ушли. Роб отодвинул ногой истекающий кровью труп оина на полу и сел в кресло перед пультом управления. Сейчас, когда настало время подумать, он ощутил холодок страха перед тем, что они натворили. Они поступили, как и подобает солдатом, подчиняясь инстинкту самосохранения. Обстоятельства были таковы: защитить себя и убить врага. Но не убили ли они также и Землю? Он поднял глаза, когда в дверь вошел медик. Он осторожно поддерживал майора Данилова, который был перебинтован от плеча до пояса.

— Кирилл! Я думал, что ты...

Данилов утомленно поднял руку, тяжело опустившись в свободное кресло.

— Если быть искренним, Роб, то я тоже так думал. Но теплая одежда послужила некоторой защитой. У меня сторела часть кожи, но ничего, более серьезного не произошло.

— Мы овладели кораблем?

— Мы скоро об этом узнаем. Я послал людей.

— Принимайте это через час, майор, — сказал медик, сунув в руки Кириллу какие-то белые пилюли. — Действие сделанного мною укола скоро пройдет. Здесь могут быть и другие пострадавшие...

Он повернулся и вышел. В это же время появился другой солдат, крикнув от двери:

— Корабль захвачен!

— Это все-таки случилось, — сказал Кирилл.

Роб кивнул.

— Возможно, судьбой предопределено всей операции окончиться неудачно. Но мы использовали свой шанс.

Начали прибывать рапорты. Корабль был очищен. Потери были невелики, так как очень немногие из чужаков были вооружены. Затем очередной посланник доставил сообщение, привлечшее их внимание:

— Несколько чужаков заперлись и до сих пор живы, полковник. Они закрылись в отсеке. Они хотят разговаривать с командиром.

— Они говорят по-английски?

— Похоже на то.

— Проводите меня туда. Майор, принимайте командование до моего возвращения.

Указанный отсек находился в корме корабля. Дверь высокая и массивная. Наиболее вероятно, что это было машинное отделение. Мертвый оин валялся мешком у стены, два солдата повернули головы, когда появился Роб. Один из них указал на панель рядом с дверью.

— Это какое-то переговорное устройство, полковник. Они разговаривают с нами через него.

— Кто сейчас там? Это офицер?

Голос заскрежетал из-за забранного решеткой углубления.

Род подошел ближе к нему.

— Это полковник Хейвард. Я здесь являюсь старшим офицером.

— Я знаю вас полковник. Почему вы убиваете нас? Такая ужасная смерть...

— Ваши люди первыми начали стрелять в нас. Мы всего лишь ответили на огонь. Мы только защищали себя. Вы хотите сдаться?

— Не убивайте больше!

— Если вы не вооружены, вам не будет причинен вред. Я даю вам в этом слово.

— Здесь есть один пистолет.

— Откройте дверь и пропустите его через щель. Но помните, что мы будем стрелять при любой попытке воспользоваться им.

— Нет. Не стреляйте. Мы открываем дверь.

Солдаты подняли автоматы, и прицелились, когда зажужжал скрытый механизм и дверь приоткрылась на несколько дюймов. Затем она остановилась. Трясущаяся рука появилась в образовавшейся щели, держа лучевой пистолет за ствол. Он со стуком упал на палубу. Роб отбросил его ногой в сторону.

— Покажитесь сами, — сказал он. — Мы не намерены более убивать.

Оин медленно двинулся вперед, так что стал виден. Его руки были подняты, рот открывался и быстро закрывался. Капюшон сбоку от головы трепетал, когда он говорил.

— Смотрите, я сдался, — сказал он, — остальные также сдались. Нас шесть. Мы всего лишь рабочие машинного отделения. Не солдаты войны. Не убивайте нас.

— Вы получили мое слово относительно этого. Сейчас откройте дверь полностью.

Оин задрожал — был ли это страх? И голос его тоже затрепетал.

— Оружия нет. Но даже если вы рассердитесь за то, что увидите, вы не убьете нас...

О чем говорит эта тварь?

— Вы уже получили мое слово. Больше не будет стрельбы. А сейчас открывайте.

Оин выкрикнул через плечо команду, затем слегка отступил назад от двери, когда та открылась шире. Роб прижался к стене, его пистолет

был наготове. Два солдата упали плашмя на пол, готовые также открыть огонь. Дверь открылась полностью.

Роб взглянул на шестерых чужаков и понял, почему оинами владел такой страх. Он медленно опустил пистолет, затем сунул его обратно в кобуру.

— Держите этих пленных здесь, — приказал он солдатам. — Не причиняйте им вреда. Не позволяйте им прикасаться к какой-нибудь аппаратуре. Я скоро приду.

Он повернулся и направился в комнату управления, медленно шагая и размышляя на ходу, что делать дальше. Там было сейчас еще больше солдат, возбужденно переговаривающихся после напряженного боя. Они притихли, когда он вошел.

— Майор Данилов, — сказал Роб, — вы можете взять на себя командование до тех пор, пока я не пришлю смену?

— Да. Без проблем.

— Хорошо. Я доложу генералу Балтайну сразу же. Я пришлю вам подкрепление, медиков, машину скорой помощи и немного транспорта. Я мог бы остаться, но мое донесение имеет первостепенную важность. У нас есть пленные. Шесть чужаков, которые заперлись в машинном отделении. Я должен доложить по этому поводу.

— Они заговорили?

Роб остановился в дверях, криво усмехнулся.

— В этом нет необходимости, — сказал он. — Достаточно одного взгляда на них. Они составляли экипаж машинного отделения. Шесть существ, как я уже сказал.

Роб набрал побольше воздуха.

— Трое из них — оины, но остальные трое — заклятые враги оинов, блеттеры. Они не были пленными или чем-нибудь в этом роде. Они работали вместе. Плечом к плечу.

21. УЛЬТИМАТУМ

— Полковник Хейвард, я хочу выразить решительный протест относительно того, как вы обращаетесь с нами.

— Профессор Тиллштен, доктор Ликофф, пожалуйста, выходите. Не желаете ли кофе? Свежесваренный.

— Всего лишь непринужденно посплетничаем.

Тиллштен был зол, его кожа пылала жаром вечных огней, его седые волосы стояли на голове дыбом.

— Вам не удастся так легко отделаться от нас!

— Конечно же, нет джентльмены. Но я налью немного кофе для себя. Снаружи сейчас немного прохладно.

Он налил также чашку и для Кирилла, но увидел, что глаза русского офицера закрыты: тот откинулся на спинку кресла, заботливо поставленного для него. Они вчетвером были единственными в холле. Предотвращающие потери тепла окна выходили в темную антарктическую ночь. Роб указал на эти окна, и два ученых на время забыли свой гнев, захваченные зрелищем темного корабля оинов на летном поле, за окном.

— Все, что мы знаем — это слухи, — сказал Ликофф. — Кто-то сказал, что там был бой, бой с оинами. Вы атаковали их корабль...

— Позвольте мне рассказать по порядку о том, что случилось с тех пор, как я в последний раз видел вас. — Роб подул на кофе, затем сделал большой глоток. — Они успели подать каким-то образом сигнал тревоги, когда мы напали на них. Корабль прилетел в ответ на этот призыв. Конечно прилетев, они были правы, но мы не могли им сказать об этом. Майор Данилов и я вышли поговорить с ними. Мне неприятно сообщать, но наши переговоры были не слишком удачны. Они пытались убить нас...

— Это ужасно!

— Это было ужасно. Нам повезло, что все повернулось так, как это произошло. Мы — профессиональные солдаты, что, конечно же, не значит, что нам легко убивать. Был бой, который кончился, когда мы захватили их корабль.

Гнев Тиллштена испарился.

— Ваш рассказ свидетельствует о том, что вы своими действиями угрожаете миру всей Земли... будущему всего человечества, ввязавшись в стычку с оинами.

Ответ Роба был столь же холоден.

— Именно это я и утверждаю. И, выиграв эту стычку, возможно, гарантировали будущее человечеству. Мы завладели кораблем. Мы понесли некоторые потери, так же, как и они.

— Вы ненормальные! — закричал Ликофф. — Вы собираетесь уничтожить нас всех. Они будут мстить, их разрушительные бомбы...

— Пока еще не упали. С тех пор, как их корабль приземлился, мы не имели другого официального контакта с ними. Конец, возможно, близок, джентльмены, но он еще пока не наступил. Я разговаривал с Объединенной Ставкой, и их представители сейчас на пути сюда. Они приказали мне проинформировать вас об этом. Задача состоит в том, чтобы вы изучили корабль сразу же. Это, возможно, счастливое стечение обстоятельств, в котором мы так отчаянно нуждаемся, чтобы понять их технологию. Мои люди ожидают на борту крейсера, чтобы провести вас туда, где, как мы думаем, расположен склад запасных частей. Я думаю, там можно отыскать любую деталь. К тому же, исследуйте работу оборудования.

— Не надо объяснять, как нам делать нашу работу. — Тиллштен выплевывал каждое слово. — И зачем вам беспокоиться, если миру скоро придет конец?

— Не слишком скоро, — сказал Роб спокойно. — Я не сказал вам еще, что помимо всего вышеперечисленного, мы обнаружили на борту корабля экипаж. Персонал машинного отделения состоял из обеих групп чужаков: оинов и блеттеров. Блеттеры, их заклятые враги, не были рабами или пленниками, они просто работали плечом к плечу.

— Я не понимаю, — доктор Ликофф был поставлен в тупик. Он моргнул через толстые очки. — Позвольте...

— Позвольте тогда расшифровать мне. Нас обманули. Мы знали, что две группы чужаков говорят на одинаковом языке, но я не мог понять, почему. Теперь мы знаем. Они работают вместе. Возможно, они делают эту крепость на Луне. Из чего следует, что все вторжение, все, что случилось, — все это было гигантской комбинацией, обманом, так же,

как и весь их рассказ о войне между двумя расами. Корабль, который приземлился в Центральном Парке, был подтасовкой. Защитное оборудование здесь — фальшивка. Генераторы — всего лишь грудa металла. Точно так же, как и "битва" в космосе — фальсификация. Нас надули, и надули очень прилично.

— Но города... — запротестовал Тиллштен, — Денвер, Мец, Томск? Они были уничтожены. Миллионы убитых. Это уже не жульничество. Почему это было сделано?

Роб сейчас улыбался, даже не осознавая, что ударил тяжелой кофейной кружкой по столу.

— Вы правы. Это не уловка, не хитрость. Это было хладнокровное убийство. Они сделали так, чтобы убедить нас в серьезности войны. И мы были убеждены вполне достаточно. Вот почему я не чувствую вины или угрызений совести насчет того, что мы здесь совершили. Достаточно было убито наших. Меня не беспокоит то, что некоторые из них отправились той же дорогой.

— Но они разбомбят наши большие города! — запротестовал Ликофф.

— Почему? — спросил Роб. — К чему им беспокоиться? Я знаю, что вы умный ученый и гораздо более грамотный, чем туповатый солдафон, вроде меня. Так что вы должны понять, что они ничего не достигнут, уничтожив нас. Мы знаем о них, знаем, что эти две расы не ведут галактическую войну. Мы знаем сейчас, что они союзники. Я не говорю, что угроза бомбежки не может существовать вновь в будущем. Но мы в безопасности на некоторое время, до тех пор, пока не переговорим с ними. Вот почему нам нужна любая информация, какую вы сможете выкопать из этого корабля. Так что, если вы не возражаете, приступайте к работе. Мы обсудим эти важные вопросы позже. Я сожалею, что вы нашли этот способ общения оскорбительным, но я вынужден был так действовать по причине крайней необходимости. Следующий шаг за вами. Пожалуйста, сделайте все, что возможно сделать, пока у нас есть время.

Профессор Тиллштен запротестовал сначала, а потом призадумался.

— Вы правы. Нам не следует терять времени на аргументы. Я сообщу о моих выводах по поводу этого безумного и абсолютно тупого дела позднее. Сейчас мы вернемся к работе.

Он развернулся на каблуках и вышел.

Когда дверь хлопнула, закрываясь, Кирилл открыл один глаз и вздохнул.

— Вы слышали все? — спросил Роб.

— Да. — Но я чувствовал себя слишком утомленным, чтобы быть втянутым в этот разговор. Вы сделали все достаточно хорошо и без моей помощи.

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно! Достиг наивысшего уровня. Док воткнул в меня так много иглол с наркотиками, что я чувствую себя подушкой для булавок. Обычная пересадка кожи, как он сказал. Но на время мокрые компрессы делают свое дело.

— Вы должны находиться в госпитале.

— Я буду там... Но не раньше, чем все закончится. Жаль вашего сержанта...

Роб посмотрел на дно кофейной чашки и кивнул.

— Грут был классным парнем. Он спас нас всех, возможно, весь этот чертов мир — на пути в небытие. Если мы переживем все это, я собираюсь сделать все, что от меня зависит, чтобы он получил от Конгресса медаль Чести.

— И орден Ленина. Он будет первым человеком и, возможно, последним, получившим высшие награды от обеих стран.

— Так сделаем это! — подобная мысль пришла по вкусу Робу. В особенности, русская награда... Это наделает много шума в его родном городе на юге Африки.

Яркие лучи света прорвались в темноту снаружи, и они оба повернулись, чтобы посмотреть, как сверхзвуковой реактивный лайнер опустился через защитный экран и загремел над посадочной полосой. Пронзительный визг реактивных турбин усилился, самолет с шумом замер в воздухе.

— Пойду взгляну на посадочную полосу, — сказал Роб. — Им придется садиться круто с противоположной стороны, но места по-видимости хватит. По крайней мере, на этой стороне барьера нет ветра.

Несколькими минутами позже посадочные огни снова появились, и самолет стал садиться внутри невидимой занавески, которая отсекала плохую погоду от посадочной полосы. Здесь места было не слишком много, но пилот попался опытный: самолет, встав на дыбы, резко замср, добрую сотню ярдов не докатившись до преграды на посадочной полосе.

— Их надо привести сюда, — сказал Роб. — И у меня такое ощущение, что весь этот бардак должен, наконец, разрешиться.

Генерал Беллтайн ввалился в дверь вместе с генералом Соболевским, следовавшим за ним по пятам. Надя Андрианова вошла последней, спокойно закрыв за собой дверь.

— Что нового произошло с тех пор, как мы в последний раз разговаривали? — спросил Беллтайн.

— Ничего, сэр. Контакт с врагом не было. Команда ученых сейчас в корабле, как вы и приказывали.

— Мы приняли от них сообщение через станцию в Сибири. Мы приставили вооруженную охрану к чужаку, находившемуся там. Он был возбужден, особенно, когда получил последнее сообщение от командующего крепостью на Луне. Оно очень краткое. Надя, прочитайте его.

Надя достала кусок бумаги.

— "Сожалеем о насилии имевшем место на антарктической станции. Прекратите там ваши операции, и ваши города будут спасены от уничтожения".

Она подняла глаза.

— Сообщение не подписано?

Беллтайн мрачно кивнул.

— Козлята сняли перчатки. Это открытая угроза. И хотя она не подписана, мы уже знаем, что оба народа чужаков действуют совместно.

— Вы намерены следовать инструкциям? — спросил Роб.

— Ни коем случае! — ооздри русского генерала раздулись от гнева.

— Объединенная Ставка согласно с этим. Это блеф, чтобы связать нам

руки, и он не должен сработать. В нашем распоряжении их корабль, и мы намерены держать его до тех пор, пока не получим в ответ что-нибудь вразумительное. Мне сейчас необходим каждый солдат, которого мы имеем. Я направлю их либо в корабль, либо расположу около него. Это штука — наш козырь в руке.

Роб схватил телефонную трубку и отдал приказ:

— Половина солдат — в корабль, другая половина, используя транспорт, устанавливает оборонную линию вокруг корабля. Часовые снаряды будут меняться каждый час.

Надя подошла к нему, когда от опустил трубку. Кирилл с жаром отчитывался перед генералом Соболевским о захвате корабля чужаков. Роб воспользовался этой возможностью, чтобы поговорить с Надей.

— У нас были кое-какие потери, — сказал он.

Она кивнула.

— Я слышала. Бедный Грут.

— Он умер точно так же, как и жил. Профессиональный солдат. Мы не должны сожалеть о нем.

— Почему бы и нет? — ее голос внезапно наполнился гневом. — Я не солдат. Я не убиваю людей. Я не люблю убивать. Я даже не люблю хватать людей таким способом, каким вы управились со мной на Луне. Если бы вы, люди войны, не совершили эту кошмарную операцию, он и другие были бы до сих пор живы.

— И мы до сих пор находились бы в неведении относительно всей этой идиотской войны. Вы не отдаете себе отчета, что мы снабжали радиоактивными элементами тех же существ, которые разбомбили наши города, уничтожили миллионы наших людей. Подумайте об этих убийствах, если убийства беспокоят вас.

— Вы не знали об этом, когда шли на риск...

— Открытие действительных фактов оправдало риск. Вы сознаете это? Как сказал генерал, это совершенно новая игра в карты. И мы владем тузом...

— Хейвард! — оборвал генерал Беллтайн. — Они здесь!

Все подбежало к окну. Кольцо из транспортных средств окружало космический корабль чужаков. Солдаты, занявшие оборону, были не видны за их укрытием. Другой корабль чужаков, гораздо более маленький, медленно парил над головами. Он подлетел к приземлившемуся кораблю, затем вновь удалился, двигаясь вдоль ряда самолетов перед ангаром, и медленно отпустился на грунт перед ними.

— Я пойду туда, генерал, — сказал Роб. — Мне потребуется с собой радист. Здесь должна быть установлена другая рация. Я передам ваши инструкции им. Могут ли идти?

Младший офицер не может указывать старшему по чину, что ему делать. Но он может намекнуть на то, как ему поступить. Особенно, когда намек соответствует военным традициям не посылать офицеров, занимающих высокие должности, на открытые переговоры с врагом. Беллтайн взглянул на русского генерала, который коротко кивнул.

— Сделайте так, — приказал Беллтайн. — Доложите, когда доберетесь туда. Позвольте и нам узнать, кто выйдет из корабля.

Роботдал короткое приказание по телефону, и оснащенный радиопередатчиком автомобиль уже ожидал снаружи рядом с выходом, когда Роб появился там.

— Поехали к кораблю, который только что приземлился, — сказал он сержанту, сидевшему за рулем. — Остановите, когда мы будем на расстоянии десяти ярдов.

Он поднял телефонную трубку и заговорил в нее, пока они двигались вперед.

— Полковник Хейвард — радиооператору. Вы слышите меня?

— Да, сэр.

— Включен ли громкоговоритель, чтобы генералы тоже могли слышать меня?

— Включен, полковник.

— Сейчас мы приближаемся к кораблю. Он очень похож на первый, который приземлился в Центральном Парке. Возможно, это дочерний корабль. Подъехали к месту в обшивке, где находился люк. Остановились. Люк открыт. Один... нет, две фигуры, выходят. Я выхожу из автомобиля, чтобы встретить их. Я узнаю одного — блеттер, который командовал на Луне. Уплинн. Второй — оин...

— Ты, человек! — выкрикнул блеттер, направляясь к Робу и встав над ним, глядя сверху вниз. — Скажи своим, что вам дается только один час, чтобы сделать то, что я прикажу. Подчинитесь мне, или Москва и Вашингтон будут уничтожены. Скажи им это. Скажи им, что мы намерены управлять планетой Земля сейчас же, и вы будете следовать нашим командам.

22. БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ

— Я передам ваше требование, — сказал Роб, затем повторил слова Уплинна в микрофон, прикрепленный у рта. Он выслушал ответ перед тем, как заговорить вновь самому. — Я не уполномочен вести переговоры с вами. Я проинструктирован просить вас пройти в моем сопровождении на базу, где генералы Беллтайн и Соболевский выслушают ваши требования.

— Они придут сюда!

Лицо Робса ничего не выражало, в то время, как он передавал это требование.

— Генерал Беллтайн просил меня проинформировать вас, что гораздо более удобно вести переговоры внутри здания. Вы получите его слово, и также слово генерала Соболевского, что вам не будет причинен вред.

Два чужака обменялись между собой торопливыми репликами, затем согласились. Роб сдержал свое волнение, когда сообщал этот факт, затем дал отбой и пошел назад к входу, думая о том, что чужаки не сделали попыток принудить силой выполнить их требование, а пошли на уступки. Это могло означать то, что возможна дискуссия. Он возглавил процессию, на пути к холлу, где его уже ожидали остальные.

Генерал Соболевский тут же ринулся в наступление.

— Теперь вы расскажете нам правду. Вы расскажете нам о действительных причинах того, почему вы прилетели на Землю, причинах, почему вы лгали нам с тех пор, как здесь появились, и, почему вы уничтожили три наших города. Говорите!

Уплинн отшел в сторону слова генерала взмахом огромной руки.

— Молчать, создание Земли! Я — единственный, кто отдает приказы в этот момент...

— Нет, — сказал генерал Беллтайн тихо. Его голос был холоден, как лед. Он тяжело двинулся вперед и остановился перед высоким чужаком, глядя прямо ему в лицо. — Время вашей лжи кончилось. Мы делали все то, что нам говорили, раньше только для того, чтобы выиграть время. Сейчас мы подготовились. Я ставлю вас в известность, что мы доставили на Луну две сотни атомных и водородных бомб. Они расположены вокруг вашей лунной крепости, на расстоянии километра. Когда они будут взорваны, крепость прекратит свое существование. Вы поняли, что я вам сказал?

Его слова вызвали замешательство у парламентариев. Высокий блеттер среагировал так, как будто бы его ударили. Бледный оин затряс головой, затем пробежал к двери. Роб ударил его кулаком в основание шеи, когда тот пробежал мимо, повергнув чужака на пол. Затем он указал на вооруженную охрану, вышедшую из-за двери с оружием наготове.

— Мы также солгали вам, — сказал генерал Беллтайн. — Вы здесь не в безопасности. Ваши жизни висят на волоске. Вы либо будете говорить, либо при первой же заминке будете убиты. Сейчас пришло время говорить правду.

Генерал Соболевский тяжело вышел вперед и подал сигнал Робу поднять дрожавшего оина на ноги. Его лицо находилось всего лишь на расстоянии дюйма от лица оина.

— Оины и блеттеры в заговоре против нас. Они не воюют друг с другом. Корабль, который якобы потерпел крушение, приземлился, чтобы заставить нас поверить в реальность войны. Кстати, война, которую вы вели отсюда против крепости на Луне, была такой же фальшивкой, как и корабль. Оружие, расположенное здесь, — бутафория. Вы сделали все это, чтобы вытянуть из нас ядерное топливо. Обманывали нас, чтобы мы вас снабдили редкими радиоактивными элементами. Сейчас же отвечай, это правда?

Оин начал говорить, но блеттер пролаял ему какую-то команду. Оин ответил на том же языке. Последовал короткий обмен репликами, затем они оба погрузились в молчание.

Надя вышла вперед.

— Уплинн, блеттер, приказал этому оину, которого зовут Огед"у хранить молчание и ничего не подтверждать. Огед"у ответил, что мы и так уже все знаем, что все потеряно, что это конец.

Пронзительно завизжав, Уплинн кинулся вперед, и его пальцы, заканчивающиеся когтями, были готовы схватить и убить стоящего рядом оина. Прозвучал выстрел, еще один, и пули с глухим стуком вошли в тело высокого чужака, развернули его и опрокинули, истекающего кровью, на пол. Когда он упал — капли зеленой крови брызнули на кричащего оина.

Кирилл Данилов опустился на поддерживающие его подушки, тяжело дыша. Автоматический пистолет лег на его колени. Он указал на труп и заговорил:

— Уплинн назвал этого оина предателем и хиляком и потому бросился на него. Сказал, что он должен убить его для того, чтобы тот не заговорил. Я думал, что лучше будет, если умрет этот блеттер, а не оин.

— Вы совершенно правы, — сказал генерал Беллтайн, пересекая комнату и опускаясь перед скулящим оином. — Я не причиню вреда тебе, — сказал он. — Я только помогу тебе встать. Удобнее располагайся здесь. Хорошо. Сейчас... говори.

Он пододвинул кресло к оину, как уже сделал генерал Соболевский. Комната погрузилась в молчание. Беллтайн заговорил мягко, успокаивающе:

— Оины и блеттеры не воюют не так ли? Они живут в мире?

— Да.

— Хорошо. Вы утверждали, что находитесь в состоянии войны для того, чтобы получить от нас радиоактивные материалы? Правда?

— Война была долгое время назад. Она была ужасна. Немногие уцелели. Все записи потеряны. Мы больше не знаем, кто против кого воювал. Мы даже не знаем, уцелели ли наши родные планеты. Мы также не знаем, где они...

— Вы, солдаты, отступившие... или, возможно, дезертировавшие! — Роб с трудом осознал, что говорит это вслух. — В вашем распоряжении всего лишь одна крепость, несколько кораблей, совсем немного топлива, — Роб ощутил, что вокруг тихо, и понял, что он не должен был этого говорить. Но внезапное понимание правды не смогли удержать все годы обучения и дисциплины. В тишине, которая последовала за его тирадой, голос Огед"у прозвучал тихо:

— Жалкая кучка, делавшаяся все меньше с каждым поколением. Радиация или что-то в этом роде. Говорят, гены подверглись мутации, многие из нас рождаются с отсутствием тех или иных органов. Мы вынуждены пользоваться протезами. Оборудование тоже не всегда работает. Некоторое мы не в состоянии починить. Осталось только четыре корабля. Сейчас уже три. Один почти невозможно починить. Мы использовали его, чтобы заманить вас в ловушку. Мы должны были выжить. Освободите меня. Мы уйдем. Мы имеем топливо. Позвольте нам уйти. Мы не вернемся сюда. Ваша раса слишком жестока, вы так любите убивать. Освободите меня.

— Не нам принимать решения, — сказал Соболевский. — Мы просто доложим нашим правительствам. До тех пор, пока они не дадут нам указания, ты будешь находиться здесь. Будь рад, что ты, по крайней мере, до сих пор жив.

Он пнул труп блеттера ногой, как мрачное напоминание о случившемся.

Потребовалось целых двадцать часов, чтобы принять решение. Это было чудом скорости, принимая во внимание факт, что специальная ночная сессия ООН была созвана для этого. В то время, как делегаты дебатировали, на антарктической станции приземлился самолет из Сибири, доставив туда Српарра, представителя блеттеров на Земле,

вместе с коммуникационным устройством. Он переговорил с Огед"у, который представил ему свою версию случившегося на станции. Надя без смущения подслушивала, пока они разговаривали, затем сделала об этом доклад генералам, находившимся в смежной комнате.

— Оины — прирожденные лгуны. Огед"у сейчас утверждал, что мы разгадали все самостоятельно, что он нам ничего не сказал, что Уплини в гневе набросился на нас, и мы убили его, защищаясь. Српарр сейчас докладывает о случившемся инциденте в крепость.

— Очень хорошо, — сказал генерал Беллтайн. — Огед"у будет на нашей стороне в переговорах для того, чтобы защитить себя.

— Он будет, — согласилась Надя. — Но будет также с равным успехом лгать и нам.

— Мы знаем это. Необходимо принять меры предосторожности. Он не пожелал сказать, что это за меры, и как они будут выполнены, а она не спросила.

Когда решение в Объединенных Нациях было утверждено, встреча с чужаками продолжилась.

Генерал Соболевский прочитал принятое решение громко на медленном и тщательно подобранном английском, в то время, как Надя делала пометки.

— Я получил задание проинформировать вас о том, что сегодня было принято следующее решение: "Мы, народы Земли, не желаем быть втянутыми в любые военные действия с силами блеттеров или оинов. Таким образом, водородные бомбы на Луне не будут взорваны, если крепость покинет Луну и эту солнечную систему сразу же. Пленникам на антарктической станции будет позволено погрузиться на борт крейсера и покинуть станцию. Меньший космический корабль останется там, где он находится, как маленькая плата за вред, причиненный Земле."

Соболевский аккуратно положил лист бумаги на стол.

— Это конец. Сейчас вы передадите это сообщение вашим властям. Товарищ Андрианова подготовила перевод, который вы будете использовать.

Надя передала перевод Српарру, который включил коммуникатор, но Роб остановил его, когда тот потянулся за наушниками.

— Наши техники установили, что этот аппарат, снабжен громкоговорителем. Используя его, а не эти наушники. Мы хотим слышать обе стороны переговоров.

Српарр подарил ему взгляд, который таил в себе холодную угрозу, перед тем, как щелкнуть другим тумблером на коммуникационном устройстве. Пока он читал сообщение, стояла тишина.

Последовали протесты с Луны, но они не были приняты. Объединенные Нации оказались тверды: не могли быть допущены никакие компромиссы или уступки. В конце-концов, чужакам оставалось только согласиться.

— Вы не оставили нам выбора, — сказал Огед"у.

— Война начата по вашему выбору. Конец ее — наш выбор, — ответил генерал Беллтайн решительно. Он повернулся к Робу, — Операционная команда профессора Тилштена докладывала, полковник Хейвард?

— Да, сэр. Все команды вернулись. Все работы закончены.

— Хорошо. Вы будете сопровождать Огед"у к кораблю и проследите за освобождением пленных. Затем вы выведете всех солдат из корабля. Доложите, когда будет исполнено.

— Но я здесь! — запротестовал Српарр.

— Вы останетесь здесь, — сказал генерал. — До тех пор, пока крепость не покинет Луну. Мы хотим поддерживать связь с твоим народом. После того, как они уйдут, ваш корабль может подобрать тебя. Не раньше.

У блеттера не было выбора. Он мог лишь проследить через окно, как Огед"у достиг крейсера и как солдаты покидали его. Когда Роб вернулся, он доложил, что операция завершена.

— Все наши солдаты выведены из вражеского корабля, генерал.

— Олл райт, — Беллтайн повернулся к блеттеру. — Подайте сигнал вашему кораблю, что сейчас он уже может стартовать.

Они видели, как захлопнулся люк. С минуту крейсер дрожал, затем поднялся в воздух и исчез, уйдя вертикально вверх через океан облаков. Српарр оставался на связи. Его громкоговоритель загрохотал очень скоро.

— Они вышли из атмосферы, — перевела Надя. — Находятся на орбите вокруг Земли.

— Нет, — сказал генерал Соболевский. — Они должны продолжать двигаться к Луне. Это оговорено.

Перед тем, как он дал команду, из передатчика донесся голос Огед"у. По-английски. Все нотки покорности в голосе исчезли.

— Наш крейсер сейчас на малой орбите вокруг Земли. Вы передадите вашим Объединенным Нациям, что я вынужден был под действием силы сказать неправду в целях нашего выживания. Мы имеем огромное количество бомб, способных уничтожить все ваши города. Все они на борту корабля, так что вы вели переговоры, не зная всех наших возможностей. Сейчас все стало на свои места. Теперь мы отдаем приказы.

Когда он замолчал на мгновение, в комнате царила абсолютная тишина. Он продолжил, и в его голосе звенело садистское ликование:

— Сейчас вы получаете первый наш приказ, чтобы все ваши водородные бомбы были убраны с Луны. Когда это будет приведено в исполнение, мы отдадим дальнейшие приказания. Вы сделаете это, так как в противном случае, каждый ваш большой город будет подвергнут бомбардировке. Миллионы людей погибнут. Они лишатся жизни в течение часа...

23. ТРИУМФ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

В мертвой тишине, которая последовала за этим объявлением, генерал Беллтайн поднялся и медленно пересек комнату, направляясь к коммуникатору. Српарр испуганно отступил на шаг при его приближении и закрыл:

— Вы не можете причинить мне боль, что бы вы ни сделали со мной, ничего не изменишь. Вы слышали Огед"у. Наши корабли имеют на борту

бомбы. Как он и сказал, миллионы миллионов будут мертвы здесь, на Земле, если вы не подчинитесь.

Беллтайн проигнорировал его, отодвинув взмахом руки в сторону. Затем поднес к губам микрофон.

— нас не удивляет, что вы солгали нам снова, — сказал генерал. — Мы приняли во внимание, что это может произойти, когда разрабатывали наши планы. Мы скрыли от вас определенные важные факты, ожидая возможности убедиться в правдивости ваших намерений. Сейчас мы все знаем. Сейчас мы уверены раз и навсегда, хотя некоторые сомнения существовали и раньше, что вам нельзя верить ни при каких обстоятельствах. Мы не можем вести переговоры с вами. Мы можем использовать только силу, действовать только с позиции силы. Мы имеем новейшее мощное оружие, факт существования которого мы от вас скрыли, и почему, становится понятным сейчас. Это сверхмощные лучевые генераторы, которые могут уничтожить любой корабль в космосе. Сейчас я прикажу полковнику Хейварду открыть огонь из этого оружия по крейсеру. Полковник, приготовьтесь к бою.

Роб разговаривал по телефону в то время, как все с замиранием сердца слушали генерала. Сейчас все глаза были устремлены на него, и вот он произнес единственное слово:

— Огонь!

Злой голос Огед"у загрохотал из динамика:

— Ваш глупый, блеф не сработает...

Внезапно голос оборвался. Српarr был первым, кто пришел в себя. Он, как слепой, подошел к передатчику, попытался вызвать корабль, затем закричал и стал истерично переключать каналы. Чужой голос ответил ему в высокой тональности с подвыванием.

— Это лунная крепость, — сказала Надя, — сообщает, что крейсер уничтожен. Другой их корабль видел, как это случилось.

Српarr уже не кричал, а пронзительно визжал в микрофон. Последовало бульканье голосов из громкоговорителя, но ни один из них не был адресован ему.

— Они сейчас в панике, это можно слышать, — сказала Надя. — Они напуганы до потери сознания.

Хриплые звуки из передатчиков внезапно оборвались, и в тишине телефонный звонок прозвучал шокирующе громко. Роб поднял трубку, послушал, затем передал ее генералу Соболевскому. Тот выслушал краткос донесение, кивнул и повесил трубку.

— Это была наша лунная обсерватория. Крепость покинула поверхность Луны без каких-либо предупреждений. Они удаляются от Земли на максимальной скорости.

Телефонный звонок прервал его. Роб снова поднял трубку:

— Обсерватория Маунт Паломар, — сказал он, — Крепость замечена на эллиптической орбите, покидающей солнечную систему. Ее ускорение все увеличивается. Без сомнения, как сообщила лунная обсерватория, они покидают Землю.

Все зааплодировали, затрясли руками, захлопали друг друга по спинам. Это была победа! Победа над вероломным противником, победа над огромными превосходящими силами этого ужасного врага. Окончательная победа!!

Только Надя не присоединилась ко всеобщему ликованию.

Слишком многие погибли, чтобы восторгаться победой. Она посмотрела на Српарра. Существо опустилось в кресло, наклонилось вперед и замерло. Надя едва уловила единственное слово, сказанное им, но она поняла, что он сказал.

Один... один, как ни одно другое существо, ему подобное. В ловушке, в чужом мире, населенном чужой расой, в то время, как другие существа его вида исчезли среди звезд. Она понимала, что он чувствует. Но в ней ни в малейшей степени не было сочувствия к нему. Точно так же, как она не разделяла ликования остальных. Легионы мертвых стояли вдоль этого пути к победе. Она посмотрела вверх и обнаружила, что Роб пристально смотрит на нее сверху вниз. Он отошел к двери и отдавал приказы вооруженным солдатам:

— Уведите пленного и запирайте его. Держите под усиленной охраной. Мы не должны допустить самоубийства, понимаете? Мы хотим доставить его живым для наших ученых. Он будет полезен им.

Надя ожидала в молчании, пока последний враг не удалится. Только затем она спросила Роба о том, что ей так хотелось знать:

— Что это за сверхсекретное оружие, которое уничтожило крейсер? Я ничего о нем не знаю.

Роб улыбнулся невеселой улыбкой.

— Как, впрочем, и я не знал до последних часов. Мы не могли доверять этим созданиям, поэтому установили мощную бомбу в машинном отделении крейсера, подсослав проводом к антенне на корпусе. После чего оставалось только по команде взорвать ее. Мы предполагали предательство. И мы оказались правы. Мы послали закодированный радиосигнал и взорвали корабль. С такими доказательствами нашего военного превосходства остальных пришельцев охватила паника. Они в спешке бежали. Угроза позади.

Глаза Нади расширились внезапным пониманием.

— Мы применили против них их собственное оружие — хитрость.

Роб кивнул.

— А какое же еще другое оружие у нас было, чтобы проучить их? У них на руках были все козыри. Они располагали этими страшными бомбами. Мы должны были победить любым способом, чтобы спасти Землю.

— А как же насчет водородных бомб на Луне? Они действительно там, или это такой же блеф, как и все остальное?

Генерал Беллтайн прислушался, а затем вклинился в разговор:

— Я боюсь, моя дорогая, что это военная тайна, которая так и останется тайной. Вы оказали нам неоценимую помощь, и мы не можем отблагодарить вас за это в должной мере. Угроза устранена, война закончена. Мы имеем научные образцы их технологии, а заодно и их корабль, который будет тщательно изучен. Если они или любая другая раса пришельцев попытаются захватить нас снова, то они обнаружат, что мы ожидаем их и готовы...

— Убить?

Она отступила, ужаснувшись. Генерал зловеще кивнул.

— Если будет такая необходимость. Защищать себя — наша работа.

— Защитить, имеется в виду убить. Вы и ваши люди ... — она посмотрела на Роба, — ... знаете, как убивать. Но скажите мне, скольким людям вы подарили жизнь?

Генерал Беллтайн хмыкнул и отвернулся. Он не располагал временем обмениваться попусту словами с демагогами. Но Роб ответил:

— У нас не было выбора. Вы понимаете это?

— Я? Я действительно думаю, что не понимаю. Они пришли в страхе, и убивали в страхе для того, чтобы спасти свою расу. Но, убив миллионы, никогда нельзя возродить жизнь. Так же, как нельзя возродить и людей, убитых здесь, когда было принято решение атаковать базу. Можно было предпринять что-нибудь другое. Чужаков было так мало. Они боялись нас. Они могли бы научиться не бояться. Мы могли бы внушить им возможность жить в мире вместе с нами. Они могли бы научить нас своей технологии... А мы могли бы научить их своей человечности.

Но мы не научили. Это сейчас уже история. Что прошло — то прошло и не может быть возвращено обратно.

— Да, конечно, — сказала она, отворачиваясь от него. Девушка пошла в сторону двери, затем остановилась и обернулась...

— Но у вас ведь есть угрызения совести? Сомнения? Вы осознаете, как все могло бы быть хорошо, если бы мы воспользовались этим счастливым случаем? Всего лишь однажды в кровавой человеческой истории достичь победы миром, а не войной? Протянуть руку братства Галактике! Не кровавую руку смерти!

Надя повернулась и вышла, а полковник Хейвард задумчиво, стоял, наблюдая, как она уходит. Он не последовал за ней. У него не было сомнений. Он должен был остаться здесь. Он точно знал, что так было необходимо поступить, чтобы победить.

Да, конечно, это была победа. **НО ПОБЕДА ЛИ?...**

АГЕНТ ГАЛАКТИКИ

Тысячи медных лучей гравитации разрывали ночь, жала Землю под гигантским корпусом висящего над центром города звездолета. Зеленые и фиолетовые излучения "яги" вгрызались в дома, в непрерывно действующие лазерные пушки, были причиной тысячи пожаров. Город Ашур на планете Онарис, уничтоженный дикой атакой, готов был капитулировать. Дальнейшая оборона была бы самоубийством, но даже полная капитуляция не могла гарантировать жизнь.

Началось это шепотом в снежной круговерти, больная жалоба изломанного тела, усыпанного снегом и кричавшего навстречу ветру: "Не знаешь, что Бог умирает?"

Среди неясных теней, бегающих вдоль разбитого забора, лежал молодой мужчина. Он был едва досягаем для кошмара, творившегося вокруг. В самых потасенных уголках его мозга шла такая же отчаянная война, ставкой которой были остатки разума.

Может быть, в омерзительных потемках какой-то нечеловеческой инквизиции какой-то разум сошел с ума, не из-за пыток или слабости духа, но под влиянием раны более глубокой...

"Не знаешь, что Бог умирает... умирает???"

Мужчина со стоном поднялся и сел, схватившись за голову. Зеленый луч "яги" ударил в стоявший рядом дом, который тут же разлетелся дождем из тысяч кусков кирпича. Мужчина упал на землю, неспособный бежать.

Может быть, какой-нибудь искалеченный мученик выпрямится на своем кресте, чтобы поднять голову и крикнуть в небо: Господь! Почему ты меня покинул? И никогда не услышит ответа. Это самое большое предательство, непокаянное богохульство...

Разве когда-то тебе это не говорились?

Похоже, Бог умер!

Мужчине удалось подняться на ноги. Медленно, на ощупь, он двигался между развалинами. Неуверенные ноги повели его к зеленому столбу излучения "яги", но инстинкт вовремя приказал обойти смерть. Внезапно он ударился о каменную стену и опять упал, на сей раз в тень изуродованного дерева. Его голова была в крови.

— Брон! Брон! Прошу тебя, ответь! Почему не отвечаешь?

Он молчал. Кровь текла по вискам оставляя на губах солоноватый привкус. Вскоре боль вырвала его из апатии и он начал понимать, что происходит вокруг него. Из-под прищуренных век человек начал рассматривать уничтоженный город.

— Брон! Умоляю тебя, отзовись!

Лучи "яги" внезапно попали в какой-то арсенал, и все небо окрасилось ослепительной вспышкой. Рев взрыва эхом отдался среди руин, и мужчина подчиняясь инстинкту, пошел в противоположную сторону. На то место, где он только что сидел, рухнула стена.

— Брон! Ты слышишь меня, Брон?!

— Слышу, — отозвался он.

Он остановился посреди площади и боролся с нервным потрясением, стараясь говорить громко и ясно.

— Слышу, но не вижу!

— О, боже! Ты шутишь? Неужели нужно шесть лет работы и четверть бюджета Службы, чтобы тебя сюда забросить, для того, чтобы ты разыгрывал амнезию? Брон! Ты разыгрываешь меня?

— Я никогда не был склонен к шуткам. Я болел... Кто ты? ... Игра воображения?

— Спокойно, Брон. Первая волна ввергла тебя в шок. Судя по голосу, ты в плохой форме. Мы прибегли к семантическому внушению, чтобы вытащить тебя из этой мышеловки. Ты в самом деле ничего не помнишь?

— Ничего! Я не знаю, кто я и где нахожусь. Мне кажется, что ты находишься в моей голове. Это галлюцинация?

— Как раз наоборот. Это все имеет вполне нормальное объяснение. У тебя просто неполадки с памятью.

— Где я?

— Город Ашур на планете Онарис. В разгар атаки Разрушителей.

— А ты меня слышишь? Каким образом? Где ты?

— Это не важно! У меня нет сейчас времени для объяснений. Прежде всего ты должен уйти оттуда, найти убежище и отдохнуть. Мы поговорим позже, если к тебе не вернется память. А сейчас ты должен поверить нам на слово.

— А если нет?

— Не провоцируй меня. Ставка очень высока. Если бы ты вспомнил причину своего присутствия на этой планете, то не задавал бы таких вопросов. Не принуждай меня к демонстрации силы.

Несколько секунд Брон держал голову руками. Потом немного успокоился.

— Хорошо. Я хочу вам верить. Пока что. Что я должен делать?

— Уходи из центра города. На окраинах разрушений меньше. Прямо перед тобой, на другой стороне площади, есть проход. Двигайся туда, пока я не скажу, чтобы ты повернул. Учти, я не покидаю тебя.

Брон исполнил приказание, безразлично пожав плечами. Он сознавал, что находится в эпицентре разрушительного урагана, который налетел с неба.

Гигантский звездолет заходил на посадку, окруженный мерцающим силовым посадочным полем. Казалось, что люди убежали, словно предупрежденные об атаке. С востока долетел звук посадки другого космического крейсера. Развитие операции проводилось согласно какому-то плану, это вызвало в его разуме туманные воспоминания. Сознание начало медленно пробуждаться.

Осторожно обходя площадь, подчиняясь своему инстинкту, заставлявшему проскальзывать под убийственным огнем лучей "яги" от укрытия к укрытию, наконец, он оказался в месте, где раньше находилась

прекрасная аллея Ашура. Сейчас здесь были только руины и дымящееся железо.

— Эй, там, в моей голове! Ты слышишь меня?

— Мы никогда не перестанем слышать тебя, Брон.

— Как это?

— В твой мозг вживлен биотронный приемно-передатчик. Где бы ты не оказался, мы всегда будем слушать и говорить с тобой.

Брон было засомневался, но потом спросил:

— Кто — вы?

— Мы — твои коллеги. Я доктор Веедер. Это тебе ничего не говорит?

— Нет.

— Это пройдет. Ты вспомнишь меня, а еще и Джесси и Ананиаса. Мы, всегда будем твоими невидимыми товарищами, как в прошлом. Мы принадлежим к одной организации.

— Какой организации?

Отдел Специальных заданий Звездной Службы.

— Я помню, что принадлежу к какой-то Службе ... но не здесь. На Земле. Да, я вспоминаю... Европа ... Дели. Но после отъезда из Европы я ничего не помню.

Это симптоматично, Брон. Именно после отлета из Европы ты вступил в Отдел. Не удивляйся, что твое подсознание выбрало именно этот момент... Внимание!

Предупреждение совпало как раз с его рефлексом. Он прыгнул в сторону и луч "яги" ударил в землю всего в двух дюймах перед ним. Ударная волна отбросила его еще дальше, но он тотчас же поднялся на ноги. Он был оглушен, но, на первый взгляд, цел. Луч опять ударил, разрезая на две идеальные половины до сих пор целую колонну.

— Эй! Вы еще там?

— Что такое, Брон? Ты ранен?

— Вы видели приближающийся луч?

— Я видел. И хотел объяснить тебе это спокойно, чтобы избежать сильного шока.

— Перестаньте болтать! А как же я? Меня вы тоже видите?

— Тебя я не вижу... Собственно, мы все видим через твои глаза, Брон. Слышим твоими ушами. День и ночь мы следим за каждым этапом этой миссии. В этом заключается наша работа. Джесси, Ананиаса и моя. Мы можем говорить тебе все, а ты не можешь выключить наши голоса. Они входят непосредственно в твой мозг. Мы можем еще кое-что, но это я объясню позже. Пока что ты должен выполнять мои приказы. Мы подыщем тебе убежище.

...— Очень хорошо, — согласился растерянный Брон.

Он не мог сопротивляться этому голосу, звучащему внутри его черепа. Он физически был истощен, сломлен и нуждался в отдыхе. Он замкнулся в себе и только механически исполнял приказания, втискиваясь в тени на улицах, избегая открытых мест. Наконец, голос умолк. Брон уже не был в состоянии двигаться дальше по своей воле. Он остановился. Несколькими пинками разбросал кирпичи и рухнул прямо в пыль и грязь, мгновенно засыпая.

2

— Что с Броном?

Девушка, которая это спросила, была единственной из троих присутствующих, одетой в гражданскую одежду. На ней был обтягивающий тело черный комбинезон, который ничего не скрывал из ее женских прелестей. Лицо с решительными чертами было окружено черными кудрявыми волосами, заколотыми золотыми, похожими на звезды, заколками.

Вопрос был задан полковнику медицинской службы, который только что отошел от ряда экранов. Док Веедер был высоким сидящим мужчиной, который выглядел словно хлебнувшим всех горестей в жизни и привыкшим к ним. Он закончил свое долгое дежурство перед экранами но его мундир, как и волосы, были растрепаны ровно настолько, насколько допускал армейский устав.

— Он еще не пришел в себя, Джесси, но, кажется, он спит нормально. Он внимательно посмотрел на своих коллег и добавил:

— Можно без риска позволить ему соснуть еще часок.

— Черт побери! Если он провалит операцию, то пожалеет, что родился на свет, — проговорил второй присутствующий в зале мужчина. Девушка соглашаясь кивнула головой.

Веедер возле двери оглянулся и произнес:

— Я оставляю его тебе, Джесси. Пойду немного посплю. Позовешь, если начнется что-нибудь необычное.

— Хорошо.

Джесси уселась в кресло напротив экранов. Прикрыла шторы, чтобы свет не отражался на экранах мониторов и начала рутинное обследование аппаратуры.

Как только Веедер покинул аппаратную, присутствующий мужчина отошел от компьютера, возле которого он сидел, хотя его глаза неотступно следили за Джесси. Он остановился за ее креслом и начал по очереди смотреть на экраны по мере того, как девушка регулировала их. Блестящие нашивки и галуны на мундире соответствовали званию генерала бригады и резко контрастировали с его молодым лицом, бледной кожей и светлыми волосами. Глаза его горели неестественным блеском, а губы постоянно были влажными — он постоянно облизывал их.

— Док прав, ты знаешь об этом, дурочка? — произнес он спокойно. — Из Брона ничего не вытянешь пока он в таком состоянии. Он давно бы чокнулся, если бы его не контролировали.

Он наклонился и дотронулся до ее плеча.

— Не надо, Ананиас, — сказала девушка усталым голосом. — Если мне потребуется твой совет, я сообщу тебе об этом.

— Не сомневаюсь, глупышка. Делай как тебе нравится. Я подумал, что, может быть, ты хотела бы избавиться от эмоций, которые выливаются на Брона...

Мягким и почти естественным движением его руки оказались на обнаженной шее Джесси. Она застыла.

— Чего ты добиваешься, Ананиас? Чтобы я сейчас сломала тебе руку?

— Прекрасная чертовка! Ты не осмелишься!

В его тоне послышалась угроза.

— Да! Если ты сейчас же не уберешь свои руки, то через три...

— Ты шутишь, куколка!

Она ударила как кобра, но он ожидал этого. И имел преимущество в позиции. Через мгновение он поймал ее руки под креслом.

— О, боже! Ты-таки захотела попробовать? — крикнул он. — Что за черт!

— Ты должен был об этом знать. Мы уже давно с тобой знакомы!

— Чересчур долго, дорогая. Собственно поэтому мне бы не хотелось иметь с тобой какие-то дела...

Джесси наблюдала за главным экраном, на котором должно было быть изображение того, что видел Брон. Сейчас он был темным. Но было слышно дыхание и стук сердца, а также далекие отголоски битвы за Онарис. Разные датчики фильтровали эти звуки и анализировали их для определения их происхождения и состава. Электронные приборы регистрировали данные максимального количества информации, которую был в состоянии передать живой организм при помощи такого несовершенного инструмента, как биотронный канал.

Между Броном, агентом Отдела, и Джесси, оператором, существовала, однако, более сильная связь. Это была связь, созданная разумами, близкими по духу и общими пережитыми событиями. Когда агент психически был связан с оператором, создавалось что-то вроде симбиоза, рождалась новая личность.

Джесси повернулась к Ананиасу.

— Ты же знаешь...

Он не отпускал ее.

— Конечно. Я знаю, что настанет момент, когда у тебя наступит эмоциональный кризис... Нужно будет тогда или уйти, или упасть...

— И ты хочешь подождать, когда тебе само упадет под ноги?

— Да! Я же знаток... У тебя есть что дать. Исключительно высокий класс. Полная доза беспримерной на этом свете злости, которую ты должна в конце концов вылить на кого-то. Даю слово... человек может из-за этого сойти с ума и в конце концов стать пленником...

— А ты считаешь, что можешь претендовать на какие-то привилегии?

— Я всегда соглашался с обычаями.

— Послушай, Ананиас, ты использовал мое положение, в котором я оказалась, когда Брон меня бросил. Но это стало исключительно возможным только потому, что ты оказался первым человеком, которого я встретила после этого в коридоре. Это мог быть кто угодно.

— Ты говоришь это несерьезно, правда?

— Клянусь, что это так. Когда находишься в таком состоянии, как-то безразлично, кого встретишь. И не отвечаешь на утешения. Не ищешь любовника, а что-то, что позволит снова ухватиться за жизнь. Те, кого выбирают в таких случаях, не имеют имени, даже лучше, если они его не имеют. Ты хочешь, чтобы рядом с тобой в темноте было какое-то существо...

Из вспомогательного пульты связи раздался сигнал:

— Сообщение с Антареса! — закричал Ананиас. — Говорите, я слушаю. Здесь Ананиас!

— Алло, генерал. Правительство Онариса сообщает, что принимает безоговорочную капитуляцию во избежание дальнейшего кровопролития. Разрушители прекратили огонь.

— Очень хорошо. Они просили о помощи?

— В самом начале атаки. Они пробовали применить подпространственные передатчики. Очевидно они рассчитывали на появление какого-нибудь случайного корабля в их системе.

— У тебя есть с ними связь?

— Нет. У нас есть инструкции запрещающие это.

— Им так никто и не ответил?

— Мы не перехватывали переговоров. Все время каналы связи оставались свободными.

— Продолжайте перехват на аварийных каналах связи. Если кто-нибудь заинтересуется их сигналами немедленно глушите переговоры. Пока Разрушители не добудут то, чего они хотят, они не уйдут с этой планеты.

Ананиас отключил связь и повернулся к Джесси.

— До сих пор все идет согласно плану. За исключением Брона, — он опустил глаза, наблюдая за главным экраном.

— Разрушители атаковали, Онарис сдался. Весь флот Службы в состоянии желтой тревоги, а самый лучший и тренированный агент за всю историю существования Отдела, храпит как какой-то занюханный соня.

— Тебя за это не похвалят, — засмеялась Джесси.

— Не волнуйся за меня. Ты хорошо знаешь, что я в конце концов всегда выигрываю. А если я вынужден немного переждать, то добыча от этого становится еще желаннее.

— Ты несчастный кретин, Ананиас. Кретин, без грамма совести.

Джесси отвернулась и все свое внимание сосредоточила на экранах, особенно на тех, которые информировали о биологических органах Брона. Ананиас подошел к креслу. Однако он воздержался от прикосновения, и Джесси, установив микрофон, в очередной раз старалась войти в контакт с агентом, который сейчас спал на планете Онарис, отдаленной от нее на полгалактики.

Может быть, в омерзительных потемках какой-нибудь не человеческой инквизиции...

3

Назойливый голос проникал в его сон.

... не через пытки испытай слабость духа, но в муках ран ...

— Прекратите! Заткнитесь!

— Вставай, Брон. Мы зря позволили тебе спать целый день.

Он поднялся с мусора. Боль вгрызлась в каждую клеточку его тела. На горизонте появился первый розоватый проблеск света. У него страшно болела голова. Он потрогал висок и обнаружил засохшую кровь. Необходимо было собраться с мыслями.

— Эй, ты! В моей голове! Это не ты разговаривал со мной вчера?

— Боже! Ты был бы в самом центре счастья и забыл обо мне? : в голосе ощущалось недоверие. — Нет. Брон, это я, Джесси, — электронный трансмиттер не мог скрыть женский голос. — Док говорил, что тебе досталось. Ты что-нибудь помнишь?

— Ничего, или почти ничего. Что это за истории о умирающем боге, которую ты вгоняешь в мозг?

— К черту! Док был прав ... ты в самом деле немного не в форме. Эти слова являются частью семантического кода, помещенного в твоём подсознании. В тот момент, когда уровень сознания у тебя поднимается до необходимого уровня, у тебя появляется возможность ответить на кодовые фразы. Это все связано с гипнотическим внушением личностью, которая помещена у тебя в мозг.

— Это уже становится смешным. Что за гипновнушение личности?

— В тебя вложена фальшивая личность при помощи ультраглубокого гипноза. Для того, чтобы ты мог войти в контакт с Разрушителями.

— Но я даже не помню, как меня зовут!

Это говорит о том, что гипновнушение пока что себя не проявило. Ты будешь реагировать на любые раздражения, но не будешь иметь никакого понятия о своем предназначении. Твоя частичная амнезия является панацеей от шока, который бы ты испытал, придя в себя с двумя личностями в мозгу. Боже! Когда я подумаю, что ты снова станешь святым...

Его разозлил сарказм, звучащий в этом голосе.

— А я должен стать святым?

— Ты сейчас что-то вроде Троянского коня, только электричного. Но, соберись. У нас много работы. Вокруг города приземлились три корабля Разрушителей, которые сразу же начнут устанавливать в городе свои законы. Полное запрещение передвижения и беспрекословное подчинение. Ты должен...

— Зачем я нужен Разрушителям?

— Ты должен занять место человека, за которым они прилетели на Онарис. Постой, я объясню тебе более подробно. Но прежде запомни, ты должен будешь играть роль, которую мы будем тебе подсказывать. Доверяй гипновнушению. Не действуй по собственной инициативе, это будет означать для тебя смерть. И помни, что прежде чем тебя забросить на эту планету и поручить играть определенную роль, мы потеряли много людей.

— Куда мне идти?

Небо перечеркнулось серенькими полосками, знаменующими начало дня.

— Ты должен найти название улицы. Как только компьютер локализует твоё местонахождение, получишь дальнейшие указания. Сейчас ты должен найти зеркало, чтобы я смогла посмотреть на тебя. Ты должен быть в своей роли, если мы хотим выиграть.

Брон пожал плечами, осматривая обвалившуюся стену, под которой провел ночь. В нескольких ярдах от него находился почти нетронутый

разрушением дом, в который он вошел. Там никого не было. Жуткий беспорядок в комнатах и коридорах свидетельствовал о панике, сопровождающей эвакуации. Вскоре Брон наше застекленную дверь, которую повернул так, чтобы разглядеть свое отражение в царящем полумраке.

— Как я выгляжу?

— Ты даже не помнишь своего лица?

— Я никогда не смогу его вспомнить. А как оно, ничего?

Не совсем. Ты должен промыть эти раны на лбу. Не хватало еще, чтобы ты умер от инфекции.

— Попробую. Что еще?

— Ничего. Не считая того, что ты не можешь пока привыкнуть к своему новому виду. Проклятый ангел. Это результат гипнотического внушения личности.

— Что ты можешь еще мне посоветовать? — спросил он, раздраженный ее злорадным тоном.

— Прежде всего не уничтожай его. Исчезни сам. Я не верю, что может существовать такое сильное внушение, чтобы полностью уничтожить свое "Я".

Он быстро нашел табличку с названием улицы, которое позволило бы Джесси точно определить его местонахождение в городе. Он также нашел цистерну с водой, промыл раны и смыл грязь и кровь с одежды. Потом вернулся к своему импровизированному зеркалу, чтобы оценить эффект проделанной работы.

Он не помнил откуда у него эта одежда. Плащ был сшит из грубого материала, под которым была одежда спартанского стиля. На груди блестел золотой крест, красиво украшенный и подвешенный на тонкой золотой цепочке. В широком кармане плаща лежала Библия. Когда он присмотрелся к своему лицу, оно напомнило ему слова Джесси. Оно на самом деле походило на лицо ангела и одновременно в нем было что-то отталкивающее. Он долго присматривался к особенностям своего лица. Это пробудило в нем неясные воспоминания, но сейчас он не смог бы ответить, как выглядело его лицо до гипновнушения. Форма висков и лба говорила о сильном характере. Это пробуждало у него чувство спокойной гордости, но во взгляде было что-то дьявольское, что очаровывало и плсняло.

— Когда закончишь кривляться, позволь мне указать тебе дальнейшую дорогу.

Он очнулся, немного шокированный. Джесси пронизывала его же собственным взглядом. В этом было что-то невероятное, что вызывало гнев. В глубине души он желал свободы, это было дикое желание зверя, закрытого чересчур долго в тесной клетке. Очевидно она прочитала это в его взгляде, потому что моментально в его голове раздался голос:

— Ничего не говори, Брон. Через какое-то время ты смиришься с моим присутствием. Я ведь кое-что о тебе знаю...

— Девка!

Она засмеялась.

— Это правда. Я девка, и все такое, чем ты называл меня в прошлом. Но лучше всего будет сейчас, если ты уже двинешься в путь.

Согласно ее указаниям, он двинулся к городу, над которым уже умирала ночь уступая, место серо-зеленой, отраженной солнцем мо-

заике. Полихронный свет, который был одной из особенностей Онариса, сливался в кровавые пятна.

Среди развалин царила полная тишина. Всяческая жизнь, казалось, не существовала здесь. Инстинкт толкал его выхватить нож, но рука, тоже естественно тянулась к Библии в кармане. С кислым выражением на лице он рассматривал окружающие его развалины и через какое-то время спросил:

— Джесси, я знаю, с кем нам придется сражаться, но зачем? И еще, зачем мне эта книга. — И он вытащил из кармана Библию.

Она ничего не ответила, хотя он знал, что его голос был слышен. Ее молчание подчеркивало важность ситуации.

В этой миссии Библия и гипновнушение были его единственным оружием. С помощью этой девушки он должен был уничтожить сеющую страх в Галактике Федерацию Разрушителей.

4

Последние догорающие дома застилали дымом дорогу. Когда он вышел на открытое пространство, то начал двигаться с предельной осторожностью. Он отлично понимал, что в любой момент какой-нибудь стрелок может превратить его в труп. Он старался следовать всем инструкциям Джесси и все время держался открытой середины дороги.

— Везде все спокойно, Джесси. Где же люди?

— Все эвакуированы. Разрушители приказали очистить территорию в радиусе пяти миль от точки приземления их кораблей. Ты должен внимательно осмотреть окрестности, Брон. Я должна уточнить твоё местоположение.

— Я правильно иду?

— Болсе-менее. Ты находишься снаружи территории, предназначенной для Разрушителей, но внутри круга эвакуации. Сейчас для тебя самую большую опасность представляет полиция Ашура, которая вылавливает преступников. Не прячься и держи руки на виду.

— Но, может быть, лучше всего сразу же двинуться к кораблям?

Ты шутишь? Если ты перейдешь границу, то сразу же погибнешь. Чтобы туда попасть, нужно дожидаться пока Разрушители сами придут за тобой.

— Ты думаешь, они это сделают?

— Мы на это надеемся. Твоя гипноличность соответствует личности одного очень важного технократа с Онариса. Этой ночью ты должен был быть в Семинарии Ашура. Разрушители начали свою атаку немного раньше, чем мы планировали.

— Какого дьявола Разрушители интересуются технократами?

Они собирают все, что имеет маломальскую ценность: мозги, рабов, металлы, продукцию, новейшую технологию. Именно для этого они обычно нападают целыми флотилиями. Они очищают всю планету, а потом уничтожают ее. Берут все, что могут увезти.

— Но это же бессмысленно!

— Конечно, но такова правда!

— Ну, можно понять, что они ищут рабов или металлы, но зачем им технократы? Они же могут сделать их у себя!

— Им нужны, специалисты разного профиля. Но сейчас, последние несколько лет они разыскивают специалистов только в одной области: в формах Хаоса. Онарис имел несколько самых лучших в этой науке.

— Я всегда считал, что самые лучшие живут на Земле...

— Это широко распространенная версия. Но в действительности все наоборот. Когда корабли Великого Исхода стартовали с Земли, они увезли на своих палубах эмигрантов с очень высоким интеллектуальным уровнем. В колониях потом очень часто встречались целые семьи гениев. Так было на Онарисе с семьей Галтернов. Ты играешь роль Андера Галтерна, девятого потомка по линии Проспера Галтерна. Андер является одним из самых знаменитых ученых по формам Хаоса.

— Что стало с настоящим Галтерном?

— Он на Земле и работает с нами. Мы вывезли его отсюда тайком несколько месяцев тому назад. Мы составили легенду твоего возвращения в Ашур. В связи с этим ты должен знать, что происходит на Онарисе.

— Джесси! Голоса!

— Где?

— Впереди. за дымом.

— Да... теперь и я слышу. Это полицейский патруль. У них акцент Ашура.

— Ты можешь определить даже это?

— Когда требуется ситуация, мы можем усилить чувствительность твоих органов. Прежде всего, не пытайся бежать. Доверяй гипнотически внушенной личности. Не пробуй действовать сам. Если ты поведешь себя не так, как действовал бы Андер, то нашей операции конец!

Сквозь дым показались несколько домов, от которых осталось всего несколько стен, закопченных огнем. Дорога шла между руинами, в конце которых виднелся шлагбаум, у которого сустились люди в зеленых мундирах.

— Стой! Стрелять буду!

Брон остановился. Нельзя было вернуться назад или отпрыгнуть в сторону. Пуля выбила каменную крошку у его ног. Какой-то офицер бросил ему мегафон.

— Возьми аппарат и отвечай!

Брон медленно исполнил приказание, не переставая смотреть на стволы, направленные на него. Он должен был признать, что полицейские на чеку. Даже с такого расстояния, имея соответствующую подготовку, он не мог бы бросить гранату с газом за шлагбаум, так как в момент броска они изрешестили бы его.

— Что ты делаешь в районе эвакуации? — спросил офицер, чей усиленный голос имел унылый металлический звук.

— Пробую бежать.

Темперамент Брона, который всегда был наперекор насилью, придал ответу тон откровения и произвольности, полностью не связан-

ной с гипноличностью. Развалины эхом отразили его слова, а потом прозвучал комментарий офицера, сухой и без тени юмора.

— Ну, что ж, убегай!

— Сумасшедший! Ты хочешь, чтобы тебя убили? — голос Джесси звучал в его голове настолько громко, что Брон никак не мог поверить, что полицейские его не слышат. — Прошу тебя, играй свою роль, идиот!

— Ты слышал об эвакуации? Знаешь, что мы не оказываем сопротивления Разрушителям?

Да — шепнула Джесси.

— Да, — ответил Брон.

— Значит, ты знаешь, что мы имеем приказ стрелять в каждого, кто находится в этой зоне. Ты можешь предоставить нам доказательство из-за которого у нас не будет повода делать это?

Полицейские прицелились.

— Брон, — шепот Джесси стал еле слышен. — Мы проверили его служебное положение. Он занимает большой пост. Имеет неограниченные права для принятия решений ... Но тут что-то не то, иначе он бы не болтал с тобой так долго. Позволь действовать гипноличности!

— Я Андер Галтерн. Я должен попасть в Семинарию Святой Реликвии и очень опаздываю, офицер.

Брон ощутил шок, слушая самого себя, выговаривающего слова странным тоном. Удивленный и заинтригованный, он позволил своему разуму и языку играть роль, о которой ничего не знал.

— Как я могу туда попасть и пройти через вашу заставу?

— Галтерн?

Полицейский растерялся. И выключил мегафон. Было ясно, что имя Галтерна имеет определенную известность...

— Ты можешь удостоверить свою личность? — наконец, подал голос офицер.

— А разве это нужно Галтерну из Ашура?

Голос Брона, измененный гипноличностью, имел необычную твердость.

— Может быть у тебя есть какие-нибудь документы?

— Ни одного.

Злость медленно закипала в нем. Детальность, которую надо запомнить — Андер не принадлежал к терпеливым.

— Что должен делать Галтерн с какой-то бумажкой, — сквозь зубы произнес его голос.

— Но все остальные...

— Если вы не верите моим словам, то подойдите и убедитесь сами. Это все, что у меня есть.

С этими словами Брон сорвал с себя плащ и бросил его на землю. Белье пошло следом за плащом и он оказался перед полицейскими обнаженным.

Тихим голосом, стараясь чтобы звук не попал в мегафон, Брон сказал: — Боже, Джесси! Это очень неприятно, когда человек не знает, что делает через секунду!

— Теперь ты понял, что это действует гипноличность. Она включается при непосредственном действии ситуации или вопросов.

— Я клянусь тебе, что такое не может длиться слишком долго, если каждый раз мне придется разбираться, как называться в данный момент!

— Нельзя предвидеть, что может предпринять твое тело в каждый следующий момент, — раздраженным тоном ответила девушка. — Учти, что Андер Галторн является жутко независимой личностью. Но это-то и странно. Меня очень беспокоит то, с какой легкостью тебе удастся отходить от своей псевдоличности. Похоже, что эта гипноличность наложена на тебя недостаточно глубоко. Мне необходимо сообщить срочно об этом Доку.

Офицер приблизился. У него был в руке пистолет. Он остановился перед Броном и носком сапога отбросил плащ. Увидев Библию, он наклонился и поднял ее. Потом протянул книгу Брону.

— Извините, сэр, но поймите нас: мы должны быть очень осторожны. Сейчас тяжелые времена.

Его лицо побледнело. Глаза беспокойно бегали в сторону корабля Разрушителей.

— Вы можете обеспечить меня транспортом до Семинарии, офицер? — сухо спросил Брон.

— Конечно, сэр. Сейчас этим займется!

Он быстро повернулся к шлагбауму, а Брон начал одеваться, доставляя Джесси новое развлечение.

— Только теперь я поняла, — радостно провозгласила она, — что эта книга — Библия — чего-то стоит. Кстати, почему ты разделся догола?

— Отстань! — его губы еле дрогнули. Он глубоко вздохнул. Джесси ответила еле слышным смехом.

— Ты слышала? — удивился Брон.

— Я бы и так догадалась. Ты можешь не говорить. Мы принимаем твой голос прямо из голосовых связок. Ты должен иметь с нами связь, даже находясь среди толпы людей, так чтобы никто не догадался.

— Ты на все имеешь ответ, не так ли?

— Не больше, чем ты можешь спросить. А поскольку ты не помнишь ничего, это позволяет мне управлять тобой, как марионеткой.

5

Машина, которую предоставили в его распоряжение, оказалась очень функциональной и чрезвычайно шумной. Спрятавшись от глаз пилота и пользуясь свистом дюз, Брон спросил:

— Джесси, ты слышишь меня?

Он четко выговаривал каждое слово.

— Почему эта книга убедила его, что я Галторн?

— Думаю, что это старое земное издание. Очень редкое на планетах. Только такие интеллектуалы, как Галторн, могут ее иметь.

— Станный тип этот Галторн.

— Не знаю... Но он великий мастер синкристики. Самый знаменитый из живущих.

— Что это такое?

Сенкретист — это человек, работа которого под прямым углом пересекает разные направления науки. Чтобы получить звание мастера, нужно, чтобы тебе вручили около десятка разных дипломов, прежде всего, далеко отстоящих друг от друга наук. Нужно доказать, что ты являешься специалистом высокого класса в каждой из наук.

Машина набрала высоту. Под ними проплыло огромное здание.

— Джесси! Что это такое?

— Семинария. А точнее, Семинария Святой Реликвии в Ашуре. Разрушители будут искать тебя именно там.

Турболет тяжело приземлился перед гигантским входом. Подчиняясь гипноличности, которая запрещала ему принимать во внимание пилота, Брон — Андер Галторн вышел из машины и по ступенькам поднялся к входу. И тут он впервые ощутил, как в нём разрастается личность этого чужого ему человека, окружает его, как тяжелая и темная ткань, сотканная из движений и поступков кого-то другого.

Никто не ждал его. Холл соединялся с коридором, который заканчивался дверью, за которой Брон попал в большой зал с темным потолком. Здесь преобладал слабый свет, льющийся через высокие окна, застекленные странными витражами. Он остановился, пораженный размерами и какой-то внутренней гармонией этого места. Поддерживающие потолок колонны были украшены резьбой, бесчисленными фигурками и статуэтками, создающими сценки, смысл которых был для него совершенно непонятен. Даже стены были расписаны богатыми символическими картинами.

Гипноличность провела его через середину зала, между двумя камнями, вырезанными в виде тронов. С другой стороны под простым балдахином был виден укрываемый в камне альков. Там находился щит с гербом Ашура: с солнечным кругом в середине. У основания круга находилась распятая фигурка маленького четвероногого зверька с бурой шерстью — Святая Реликвия. Вокруг щита цветные плакаты создавали надпись:

РАДОСТЬ.

— Это что, разновидность храма? Джесси?

— Если тебе так угодно. Религии, возникшие на планетах, очень мало похожи друг на друга и еще больше непохожи на все земные вероисповедания. Хотя их создатели считают, что все они являются частью одного и того же Бога.

Брон внимательно пригляделся к фигуркам на колоннах. Только сейчас он заметил некоторые подробности и ему показалось, что Джесси внезапно задержала дыхание.

— Подойди ближе, Брон. Это интересно.

— О чем здесь говорится? Памятник маркизу де Саду?

— Нет ... образ веры. Принесение в жертву человека для благословения души. В этой Семинарии совершенство души и тела образуют единство. Тело трактуется как временный футляр для слабой души.

— Но это же идиотизм, Джесси!

— Но они так живут. У колонистов есть около двадцати пяти способов подавления собственных слабостей.

— Судя по некоторым из этих способов, я очень сомневаюсь в том...

Молчи, Брон! Сюда кто-то идет!

Его взгляд вперился в полумрак, но он никого не заметил. Он снова посмотрел на Святую Реликвию и на этот раз открыл связь между философией, выраженной в мотивах росписи колонн, и странным взглядом блестящих глаз зверька. Это вызвало в нем проявление гипноличности, и он, помимо своей воли, упал на колени, с руками, сложенными на груди в горячей молитве. И тут за его спиной послышались чьи-то шаги.

— Андер Галторн?

— Это я, — он поднялся и повернулся к подошедшему.

Человек был высоким, аскетически сложенным, с седыми волосами и настороженным взглядом.

— Мы ждали тебя вчера, Галторн. Чем ты можешь оправдать свое опоздание?

— Ашур был уничтожен и я сам едва не погиб.

— Ты считаешь, что тривиальные хлопоты избавляют от выполнения обязанностей?

— Тривиальные? К черту..., — начал Брон, отбрасывая свою гипноличность.

— Брон, спокойно!

— Андер, ты прошел испытание мастера и имеешь право выбрать кару сам. Что ты предлагаешь?

— Джесси, что я должен отвечать? Гипноличность не сработала!

— Подожди немного, этого нет в программе. Мы постараемся найти Андера.

— Ашур почти уничтожен, — громко произнес Брон. — Разрушители контролируют город. Вне этих стен никто не имеет права ходить и даже жить. Ты был призван к каре.

— Андер Галторн, — у человека заблестели глаза и на лице сверкнула бешеная улыбка. — Ты разочаровал меня. Мы не привыкли ждать таких ответов от Галтернов. Говори, что ты выбираешь, или я выберу сам.

— Рубашка, Брон!

— Рубашка.

Глаза незнакомца расширились и лицо разгладилось.

— Теперь извини меня, Андер. Я не хотел обидеть Галтернов. Но, пойми, это необходимо...

Гипноличность захватила Брона с новой силой.

— Ты сомневаешься в моем решении, брат?

— Я скажу, — в глазах незнакомца было видно смущение и глубокий стыд, — что твой поступок не требует столь суровой кары. Позволь мне спросить тебя, ты в самом деле готов принять рубашку?

— Радость! — ответил Брон, все еще во власти гипноличности.

Жрец пожал плечами.

— Очень хорошо. Я проведу тебя в келью. Рубашку принесут туда.

Брон двинулся следом за ним. Они покинули зал через дверь и шли бесконечными коридорами, угрюмыми и голыми, не дающими ни малейшей радости человеческому желанию контраста.

— Джесси! Это скорее похоже на тюрьму, чем на семинарию.

— На Онариссе нет разницы между ними. Воспитание неразрывно связано с религией, а та с истязанием карой. Единственное, что можно

записать как плюс этому обществу, это то, что оно иногда воспитывает очень мудрых людей. Свихнувшихся, но выдающихся.

— Не сомневаюсь. А что это за рубашка?

— Не знаю. Это идея Андера. Он считает, что эта кара соответствует тяжести проступка.

Жрец остановился перед какой-то дверью. Цифровой замок, щелкнув от прикосновения его пальцев, раскрылся, и тяжелые деревянные двери отворились. Брон, привыкший к функциональности, ощутил шок от того, что увидел. Келья была обычным каменным мешком. Единственной вещью, которую можно было бы отнести к мебели, был цоколь из белого камня, который должен был служить и столом и креслом, и кроватью, и имел форму гроба. На потолке, возле отверстия, впускающего слабенький свет, виднелась знакомая надпись:

РАДОСТЬ.

— Андер Галторн! Через несколько минут принесут рубашку. Советую одеть ее тотчас же. Тогда ты не опоздаешь на первую молитву.

— Кара не может подождать до вечернего обряда?

— Нет! Ты заслуживаешь больших почестей. Скажу, что твоё покаяние будет более совершенно, если ты предстанешь перед братьями и они увидят действие рубашки.

Под действием гипноличности Брон склонил голову и ждал, пока жрец уйдет.

— Джесси... Этот человек не только садист, но и псих. Он даже не принял во внимание то, что я говорил об уничтожении города. Его мир начинается и кончается здесь, среди обрядов Семинарии. Сколько времени я должен здесь провести?

— Не очень долго. Разрушители всегда знают, где искать нужных им людей. Каждая атака тщательно планируется.

— Они ищут только меня?

— Мы так считаем. Иначе они занялись бы пленными. На неразвитых планетах более выгодно использовать людей, чем дорогостоящих роботов.

— Интересно. Когда-то на Земле тоже существовали корабли с невольниками.

Брон замолчал. Кто-то постучал в дверь. В келью вошел монах, неся упакованную в прозрачную пленку рубашку. Он молча положил ее на колени Брона и поклонился. В его глазах можно было прочитать почтение и глубокое сочувствие.

6

Брон осторожно осмотрел рубашку. Ткань, казалось, прилипала к пальцам, словно состояла из тысяч маленьких крючочков. Он разделся и надел рубашку. Через минуту почувствовал мягкое, почти осмысленное прикосновение материи к его телу. Он покрылся потом и первый раз в жизни попросил небеса о милости.

Поддавшись панике, он постарался сорвать рубашку, но тысячи крохотных волосков с крючками на конце, уже вросли в кожу. Чтобы сорвать рубашку, надо было расстаться с кожей. Страх, охвативший его, доводил до бешенства. Усилием воли он подавил панику и постарался начать мыслить логически.

— Скорее всего, — со смехом констатировала Джесси, — это новейшая модель власяницы и бича. Созерцание, воздержание и терпение обогащают разум и успокаивают душу. Брон, посмотри правде в глаза, твой разум и душа требовали хорошей встряски. Я думаю, что это испытание пойдет тебе на пользу.

— Мерзкая девка! Ты заплатишь мне за все!

Опять в дверь постучали. Вернулся послушник.

— Мастер Галторн. Мне жаль, что я прерываю твою молитву. Сейчас тебя ждут в классе синкретистов.

— В общем-то ты мне не помешал, так как я уже совершил молитву. В коридоре молодой человек дотронулся ладонью до лба и сказал:

— Мастер, ты можешь отдохнуть на моем плече, если хочешь, — его взгляд был прикован к воротнику рубашки, выглядывающей из-под плаща.

— Нет. Спасибо.

Они двинулись в путь. Джесси запоминала каждую подробность дороги. Сознание Брона было отключено из-за продолжающейся боли, вызываемой рубашкой. Возле дверей зала его проводник приложил ладонь ко лбу и исчез. Брон прикоснулся к замку, который через несколько секунд раскрылся. Он вошел в помещение, где впервые в жизни должен был провести лекцию синкретистам. На этот раз он был действительно шокирован. Обучающая аппаратура, сосредоточенная здесь, стояла целые состояния. Его ученики, около сотни послушников, были рассажены в индивидуальных отсеках, имеющих непосредственный контакт с компьютером. Преподавательский стол был маленьким арсеналом передовой технической мысли.

В этой щекотливой ситуации Брон позволил взять верх гипноличности. Он позволил своим пальцам свободно бегать по клавишам и кнопкам.

Через какое-то время он понял смысл этих жестов, и приборы раскрыли ему свои тайны. Он начал своей доклад, понимая слова только после того, как произносил их. Рубашка причиняла ему теперь такую боль, что он только большим усилением воли не терял сознания. Его организм реагировал на боль сильнейшим аллергическим раздражением.

— Джесси... эта рубашка убьет меня. Спроси Андера, как избавиться от нее.

— Я уже спрашивала, Брон. Это невозможно без хирургического вмешательства. Волоски реагируют на гистамин. Когда аллергическая реакция организма приведет к повышению содержания гистамина, волоски отойдут сами.

— О, боже! Сколько времени это может продлиться?

— Это зависит от индивидуальных особенностей организма. Может и двое суток.

— Понимаю, — пробурчал он. — Ты спрашивала нашего приятеля Андера, сколько человек умерло от действия рубашки.

— Да, около десяти процентов. Поверь нам, что если бы мы об этом знали, то не позволили бы тебе надеть ее.

— На кого работает Андер?

— На нас. До сих пор. Он говорит, что выбор рубашки соответствует именно его личности. Мы недооценили именно тот факт, что большинство Галторнов — сумасшедшие.

Доклад длился около пяти часов, после чего Брон вернулся в келью. Эти пять часов все же кое-как отвлекли его от боли. Он вернулся к безделью с опаской. Реакция его организма приобрела беспокойный характер. Мышцы ног и рук стали вялыми и страшно болели. Ему показалось, что он впервые в жизни начинает понимать, что такое белая горячка.

Но выбора не было. Он растянулся на камне и не мигая уставился на дырку в потолке. Вскоре он впал в состояние самогипноза и когда начал замечать черные и белые пятна, то заснул.

... в мерзких потемках нечеловеческой инквизиции, чей-то разум ...

— Перестань, Джесси. Что случилось?

— Кто-то стучится. Двое людей.

— Боже! Я больше ничего не вижу. Если меня не освободят от этого, клянусь, что покончу с собой!

Док работает без перерыва, расспрашивая Андера о химическом составе волосков. Поверь, это не так просто. Биология Онариса сильно отличается от земной.

Брон попробовал встать. Его парализованные болью суставы не позволили ему сделать этого. Наконец он все же встал и пошатываясь побрел к двери.

Мужчины были одеты в плащи, ничем не напоминающие его плащ или одежду послушника. Больше всего это было похоже на светло-желтые спортивные туники.

— Мастер Галторн. Пришло время молитвы на вечернем собрании.

Под действием гипноличности разум Брона среагировал тотчас же:

— С каких пор появился обычай эскортировать отбывающих кару?

В его голосе звучала гордость семьи Галторнов.

— Старший Брат требует гарантий духовной дисциплины.

— Дисциплину нельзя требовать! Она исходит из глубины души.

Старший Брат пресвышает власть. Я пойду сам.

Стражники стояли неловко переминаясь с ноги на ногу. Брон воспользовался этим и вышел в коридор, собрав все свои силы. Сначала ему помогал гнев, который ощущал Галторн, потом... потом — он этого и сам не знал.

Они вошли в зал и пошли прямо вдоль главного алтаря к Святой Реликвии. Поддавшись неконтролируемому импульсу, Брон благоговейно застыл перед святыней — распятым на кресте животным. Он дотронулся ладонью долба и минуту стоял неподвижно. Потом попытался двинуться, но ослабевшие ноги не слушались его. Он зашатался, и стражники подхватили его, не давая упасть. Они затащили его в один из альковов, расположенных на другой стороне, на стенах которого были

прибиты захваты для поддержания жертвы за руки, когда та теряла сознание. И заковали его.

Прошел час, потом пришли члены Братства. Много раз сознание Брона отлетало в кошмарную глубину беспамятства, теряя ощущение времени. В какой-то момент он очнулся и увидел, что послушники занимают места на каменных полках.

Старший Брат, одетый в церемониальные одежды и гордый как судья, вышел в зал последним. Он мельком посмотрел на Брона и начал службу. Торжественно, долго, с псалмами проповедей, полными проклятий и бешеного догматизма.

Между провалами в памяти Брон старался прочесть на лицах присутствующих мысли и чувства. Большинство лиц выражали беспокойство и сочувствие. И у всех в глазах горел темный блеск садизма.

— Брон! — закричала возбужденная Джесси. — Настало наше время. Приближается тяжелый разведчик. Разрушители будут через несколько минут.

В подтверждение ее слов послышался грохот близкого взрыва... Старший Брат на долю секунды прервал молитву. Второй взрыв разнес дверь зала. В брешь ворвались солдаты. Они пробежали через неупавший развеяться дым и образовали полукруг, готовый в любой момент ошестиниться огнем ручных пулеметов.

Старший Брат был уже не в состоянии игнорировать захватчиков.

— Кто вы такие? И чего хотите? Вы что, не знаете, что это святое место?

Его голос, усиленный акустикой зала, был яростен и гневен.

— Нас призвал сюда долг, — ответил выступивший офицер. — Где находится тот, который зовется Андером Галторном?

— Здесь. Он отбывает кару, и ему нельзя разговаривать.

— Заткнись, старый дурак! Здесь команду я!

Короткая вспышка огня уничтожила несколько стеклянных витражей возле головы настоятеля этой Семинарии.

— Пускай Галторн покажется нам. Иначе мы начнем стрелять не только по окнам.

— Предупреждаю вас, — загремел священник, который никак не мог смириться с гибелью своего мира. — Вы творите святотатство! Я приказываю покинуть это место!

Раздался одиночный выстрел из энергетического ружья. Заряд попал Старшему Брату в голову, и он рухнул на пол.

Под угрозой оружия монахи указали на Брона.

— Он Андер Галторн.

Никто больше не пытался протестовать. Разрушители, как обычно, были готовы к мгновенной стрельбе.

— Ты Галторн, синкретист?

— Да.

— Что они хотели сделать с тобой? Убить?

Кроме риторики, вопрос свидетельствовал о разуме спрашивавшего. Разрушитель наклонился, раскрывая захваты и толкая Брона вперед, но тот был не в состоянии сделать сейчас ни шагу. Его ноги заплелись, и он упал. Бессознательно он боролся с собой, чтобы подняться, но руки тоже

отказывались ему служить. Он поднял голову в сторону язвительных глаз Святой Реликвии.

— Джесси ... как ... как называется это животное? — скорее не прошептал, а подумал он.

— Это немного похоже на земного медвежонка. Такие животные когда-то жили на Земле.

— И все медвежата имели такие глаза?

— То, что ты видишь перед собой, Брон, только игрушка. Земная игрушка, которая когда-то, если верить настоящему Андеру, принадлежала Просперу Галторну, когда тот был маленьким. Впоследствии твой предок, о прости, этот человек, основал колонию на Онарисе и построил Семинарию, которой подарил в качестве Святой Реликвии свою игрушку.

— Боже! Джесси, так значит они поклоняются ИГРУШКЕ?

— Заткнись, Брон! Ты начинаешь слишком громко говорить!

Брон все-таки рассмеялся, прежде чем окончательно потерял сознание.

7

— Брон, говорит док. Слушай внимательно. Сейчас ты находишься на палубе корабля Разрушителей. Ты был без сознания, когда тебя доставили. Они поместили тебя в гипотермическую камеру, и врач провел тщательное обследование твоего тела. К несчастью, диагноз не слишком хорош. Они решили сделать тебе антигистаминовый укол. Ты сам понимаешь, что этого никоим образом допустить нельзя!

— Тебе удалось вытянуть что-то у Андера?

— Да. Рубашка сделана из крела. Это споры грибов, растущих на Онарисе, и они являются паразитами для человеческой кожи. Единственной защитой от них является гистамин. Если этот идиот понизит его уровень в твоём организме, то это немедленно вызовет размножение спор под кожей. Гриб вырастает размером с земную вишню, и представь себе тысячи таких спор. Да они разорвут твоё тело на куски!

— Что ты предлагаешь?

— Любой ценой ты должен избежать вмешательства врача до того времени, когда рубашка сама не отпадет. Это твой единственный шанс. Как она сейчас выглядит?

Брон с трудом приподнялся на локте и потрогал материю.

— Расползается по швам.

— Это хороший признак. Скоро она отпадет. Через минут пятнадцать, самое большое. Ты сможешь нейтрализовать врача?

Брон огляделся. Здесь была одна дверь, несомненно, закрытая на замок, реагирующая на биополе лиц, которым разрешен доступ в эту каюту. Он тяжело поднялся с постели и тут же рухнул на пол. Но успел заметить какой-то прибор на столе, в котором, может быть, могло на-

ходиться что-то, что помогло бы вскрыть замок. Он кое-как доковылял до места. В прибор был вмонтирован хирургический лазерный нож. Брон с трудом подтащил аппарат к двери.

Этот тип замка был ему незнаком. Он никак не мог распознать, где находятся сенсорные элементы. Попытка покопаться в замке могла привести к открытию замка, а не к его блокировке. Поэтому разумнее всего будет сделать короткое замыкание в электропроводке. При расследовании это можно будет отнести к обычной аварии, а не к диверсии. Он принеделся и нажал спуск. Металл расплавился почти незаметно, но этого хватило, чтобы электроника закоротилась и наглухо заклинила дверь в раме. Выстрел был очень удачным. Даже если бы и заподозрили диверсию, то способ, каким она была сделана, был настолько дилетантским, что никто не смог заподозрить, что действовал здесь суперагент Службы.

Док наблюдал за всем происходящим глазами Брона.

— Сколько времени это выдержит?

— Все зависит от них. Чтобы вырезать замок, понадобится минут двадцать, но если они спешат, то могут разрезать дверь боевым лучестом за две секунды.

С трудом Брон вернулся на постель. Осторожно засунул палец под рубашку и обнаружил, что ткань почти утратила свои свойства. Он мог рвать ее полосками. Кожа под ней была красной. Он не прекращал своего занятия и ткань рвалась все легче. Когда за дверью послышались голоса, он успел снять почти половину рубашки. Кто-то попробовал открыть дверь и был удивлен ее сопротивлением. В замке начали ковырять чем-то металлическим. Затем все стихло, и эти заминку Брон использовал для того, чтобы побыстрее оторвать последние куски ткани. Едва он успел лечь, как огонь из лучемета вырезал замок.

В каюту вбежали врач и техник. Врач тотчас же бросился к Брону, но увидев, что тот спокойно лежит, укрытый простыней, поспешил к технику, который внимательно рассматривал еще не успевший остыть замок. Но установить взаимосвязи этих двух элементов ему не удалось. Техник обернул замок полотенцем, чтобы не обжечься, и унес с собой.

— Как тебе удалось снять рубашку?

— Это действие гистамина, — ответил Брон, но из его набрякших губ вырвалось только что-то вроде бульканья.

— Зачем ты это сделал? Зачем надел эту дрянь?

Брон надеялся, что гипноличность сама ответит, но ничего не произошло. Тогда он закрыл глаза и произнес:

— В нашей религии это форма кары.

— Странная религия. Обычный мазохизм. Разве на Онарисе нет психиатров?

— Есть. Я сам доктор психиатрии, но как можно верить, что зло души может быть исцелено самим, как и зло разума?

Врач не был настроен на продолжение философской дискуссии, которую, вероятно, считал абсурдом.

— Повернись и покажи мне спину.

Брон послушно повернулся. Врач протер ему спину спиртом и оторвал куски ткани, до которых Брону не удалось дотянуться. Несколько кусочков он отложил для исследований. Потом с интересом стал рассматривать крест Брона.

— Я сделаю тебе укол. Твоя кожа через несколько часов будет как у младенца. Но наркотик немного возбудит тебя.

— Док? Я должен согласиться?

— Можешь рискнуть. Рубашки на тебе уже нет.

Врач занялся инструментом. Только тогда Брон заметил, что на пороге кто-то стоит и молча смотрит на него. Это был высокий мужчина с седыми волосами, чрезвычайно сильный и внешне чересчур спокойный. На нем был отлично сшитый мундир высшего офицера Разрушителей, но без знаков различия. Все его внимание было сосредоточено на Броне. В его взгляде было столько напряжения и он был настолько пронизывающим, что Брону его гипнотичность показалась плохим и неудачным камуфляжем.

— Кто это? — тихо спросил Брон у врача.

— Полковник Дауквист.

Врач и Док ответили одновременно. Но в голосе Дока слышалось нескрываемое торжество, когда он добавил:

— Брон, нам повезло. Это Мартин Дауквист! Правая рука Каны!

Гиподермический пистолет вогнал выстрелом порцию сыворотки в его вену, и Брон инстинктивно отдернул руку, кривясь от боли.

— Я хочу видеть вашего босса, — через мгновение произнес он. — Меня доставили сюда помимо моей воли, и я не намерен здесь оставаться. Я хочу, чтобы меня отправили назад, в Семинарию.

В глазах у врача появилось сочувствие.

— Утром тебе наверняка объяснят, почему это невозможно сделать. А пока ты будешь делать то, что скажу я!

Его пальцы стиснули плечо Брона словно стальные. Брон видел полковника Дауквиста, который наклонившись осматривал дверь, а потом резко выпрямившись, быстро пробежал взглядом по отсеку. В этот момент врач сделал второй укол, и волна сна подхватила сознание Брона. Уже погружаясь в беспамятство, он не мог видеть, как Дауквист взял лазерный скальпель и прицелился в дверь.

8

Может быть, на алтаре какой-то дьявольской инквизиции умирает жертва, прикованная к стене, выгнутая от боли. Кинжал рвет плоть и нервы, оставляя сознанию только кошмарную боль...

— Кто это?

... — зачем ты молишься? Разве ты не знаешь, что Бог умер?

— Кто ты? Скажи мне, или я сейчас опять усну!

— Не делай этого, Брон. У нас и так хлопоты со связью. Я Ананиас.

— Отвяжись, я не знаю тебя.

— Ты не можешь вспомнить даже меня? Неужели ты забыл, что Ананиас...

— Ананиас?! Это только имя! Я ничего не помню. Ты шутник из этой группы?

— Да, я весельчак, Брон. Но сейчас не до шуток. Что тебе вкололи?

— Антигистамин и снотворное.

Ты не запомнил названия?

— Нет. Он наполнял пистолет так, что я не мог видеть ампул. Оставь меня в покое, Ананиас. Я страшно хочу спать.

Не сейчас, Брон. Ты очень плохо отвечаешь на семантический сигнал. Похоже, что они вкатили тебе какой-то алкалоид. Может быть, даже сыворотку правды.

— Отстань! Я хочу спать.

Минутку. Мы опасаемся, что они могут прослушать тебя во время сна. Похоже, что Дауквист что-то заподозрил. Мы не можем полностью доверять гипнотичности во время психофизических опытов. Если дело дойдет до этого, мы ввергнем тебя в кататоническое состояние. Это расстроит их планы.

Усилие, с которым Брон поддерживал разговор настолько обессилило его, что он опять начал впадать в сон. Он попробовал было открыть глаза, но это не удалось. Он лежал и лениво думал, что каюта итак погружена во мрак. В конце концов его охватил сон наяву, но сознание продолжало довольно четко функционировать. Фактом оставалось то, что связь между сном и пробуждением свидетельствовала о том, что в его крови циркулирует наркотик.

Он чувствовал себя как человек, дрейфующий на судне с воздушной подушкой по ленивой реке, плывущей в темном темном туннеле. Отсутствие раздражителей привело к тому, что он стал галлюцинировать. Иллюзия была настолько полной, что он стал слышать плеск воды о камни туннеля.

Внезапно он почувствовал болевой шок, на который среагировал его организм, несмотря на наркотик.

— Ананиас!

Что такое, Брон?

— Этот шум ... что это? Что-то вроде шума толпы?

Я слышу только обычный шум корабля. Ты уверен, что это не ошибка?

— Нет. Шум идет и биотронного трансфера.

Это невозможно! Он может передавать только мой голос. Сигналы передатчика с Антареса контролирует компьютер. Кроме звездного фона, больше ничего нет.

— Но я слышу что-то странное. Шум. Можно ли включиться в наш канал без вашего ведома?

Источник сигнала должен работать выше порога чувствительности приемника Антареса. Но где же можно поместить передатчик. За тобой космическая пустота, Брон. Не забывай, что ты находишься сейчас на краю Галактики.

— Нельзя ли увеличить чувствительность приемников на Антаресе?

Можно. Но при условии, что мы перестроим половину планеты. Ты еще слышишь эти голоса?

— Да, но уже тише. Зато шумы корабля стали сильнее.

Похоже, что они готовятся к старту. Не думаю, что у них будут трудности с выходом на орбиту. Желаю тебе хорошего отдыха, Брон.

— Ананиас?

— Да.

— Мы с тобой знакомы?

Когда-нибудь ты все вспомнишь, Брон.

— А Джесси ... я ее тоже знаю?

— Я не могу тебе этого сказать, это тайна.

— Я не понимаю только, зачем мне всучили эту девку.

Он старался расслабиться, подремать, но каждый раз попадал в ту же самую морозящую слякоть и его будило то же самое ощущение страха. Постепенно шум невидимого потока исчез в реальных, доносящихся отовсюду звуках. Рев двигателей поднялся до максимума. Весь корабль начал дрожать в ошеломляющем ритме.

Они взлетели на посадочных двигателях и пока не включились планетарные, сила тяжести не превышала четверти "жс". Весь огромный звездолет плавно поднимался вверх, а снаружи царил крошечный ад.

Брон с дрожью представил себе ураган из раскаленного газа, который рыл в грунте километровый кратер, сотни или даже тысячи домов, превращаемых в пыль. Каждый двигатель имел свой голос, сила и тембр которого изменялись и замолкали, уступая место другим звукам, по мере наступления очередных фаз старта. Наконец завывли верхние слои атмосферы, затем и этот звук пропал. Наступила тишина. Включился главный гравипривод, который должен был вывести звездолет из планетной системы. Только тогда, когда самые дальние планеты этого солнца остались позади, включились подпространственные генераторы, избавляя корабль от массы и ускорения и забрасывая его в нужную точку Галактики.

Постепенно уши Брона привыкли к этим необычным звукам, и он уснул. Разбудил его свет и фигуры двух склонившихся над ним мужчин.

— Андер Галторн?

Но Брону показалось, что скорее это было утверждение, а не вопрос.

— Вот у нас и есть синкретист. Выглядит он молодо. Знаешь, Мартин, что это один из выдающихся людей нашего времени?

— Когда его принесли, на нем была рубашка из гриба-паразита. Если это предел его возможностей, то я идиот.

В его голосе появилась сухость.

Чья-то рука приподняла и опустила крест Брона.

— У каждого свой стиль. Мне жаль, Мартин. Я забыл, что ты не переносишь разговоров о старом мире и его обществе.

— Каждому, согласно его желаниям. Не каждый имеет такую судьбу, как твоя, и наверняка немногие имеют возможность успокоить ее в любой момент.

— Я никогда не имел никаких предубеждений. — В голосе появился оборонительный тон.

— Сейчас, Мартин, уже нет назад пути. Судьба изменилась с появлением этого человека, который любит терпеть, и с появлением такого человека, как ты, который любит заставлять терпеть. Два конца одной и той же психической деформации.

Наступила тяжелая тишина.

— Ты хочешь его послушать?

— У меня нет ни малейшего желания слушать рассказы о взлетах и падениях занюханной планетки. Мы знаем, что это Галторн. Иначе нас

не было бы здесь. И чтобы испытать его способности, как катализатора, необходимо подождать.

— Брон? Ты слышишь меня?

— Да.

— Можешь открыть глаза? Моргни только. Этого будет достаточно.

Он поворочался словно человек, которому мешают спать, и на мгновение моргнул.

— Прекрасно, Брон. Это то, что нужно. Первый — это Мартин Дауквист. Ты его уже видел ... А второй ... Да, хорошее общество собралось возле тебя.

— Хорошо, Ананиас. Но кто второй? Когда я начинаю думать об этом, у меня прямо голова раскалывается.

— Было бы лучше, если бы она совсем раскололась, Брон. Х-ха, — ты видел самого Кана!

9

Брон проснулся от звука звонка, провозглашавшего смену вахты. Он сел в постели, борясь с остатками сна. Врач не обманул, кожа была гладкая и розовая. Боль в плечах и ногах почти прошла.

— Что, все спят?

— Спят? — воскликнула Джесси со злостью. — Как можно спать, если ты хранишь с такой силой? Как ты себя чувствуешь?

— Как в Рождество Христово в Европе!

— Хорошо. К тебе возвращается память. Хотя я сомневаюсь, что ты смог что-либо вспомнить о Рождестве в Европе. Как никак все же наркотик, который тебе вкололи...

— Расскажи мне о Дауквисте. Я думаю, что он что-то подозревает.

Мартин Дауквист. Девятое поколение. Заместитель Кана, но без сомнений, более жестокий, чем его начальник. Ответственен за четыре проведенные акции против планет, не входящих в Федерацию Разрушителей. На него ты должен обратить особое внимание. Он хитрый и ловкий, как дьявол. Любит садистские пытки.

— Об этом я не забуду. Что он делает здесь, вместе с Каной?

— Мы еще точно не знаем. Это не обычный планетный Совет. Или они подготовили нечто важное, или узнали, что Службу интересует этот рейд, поэтому они сами решили все разузнать. Если это именно так, не пробуй пользоваться своими шутками!

Джесси замолчала, заметив входящего врача. Он прошел к Брону и быстро осмотрел его.

— Ты выскочил из этой переделки целым и невредимым, — усмехнулся врач, когда закончил осмотр. — Хотя должен заметить, что ты этого не заслуживаешь. Так издеваться над самим собой. Я прикажу принести тебе поесть и можешь выметаться отсюда. В следующий раз я просто прооперирую тебя и сниму рубашку вместе с кожей. Посмотрим тогда какой из тебя выйдет мазохист.

Полковник Дауквист хочет тебя видеть. Я не советую с ним шутить. С теми, кто проходит через его руки, уже ничего нельзя сделать.

Минутой позже вестовой принес горячий завтрак, и Брон только тогда понял, как давно он не ел. Ему принесли также и одежду, легкая туника военного образца, немного белья и длинный белый плащ, предназначенный для молитвы. Улыбаясь, он надел белье и плащ, отложив тунику. В плаще нашелся достаточно большой карман, чтобы в него поместилась Библия. Остальные вещи он рассовал в отделения хирургического футляра, который нашел в медотсдске, уверенный, что его действия полностью соответствуют действиям настоящего синкретиста.

Врач вернулся, чтобы проводить его к полковнику. Увидев, как он одет, он не смог удержаться от удивления.

— Нужно быть идиотом, чтобы не сделать того, что тебе приказали, — сказал он, но несмотря на это не потребовал, чтобы пленный переселся.

Дауквист поднял глаза, заметив входящего Брона.

— Ага, синкретист. Ты выглядишь вполне здоровым.

— Зачем вы захватили меня? — сразу в лоб спросил Брон. — Я требую, чтобы вы немедленно вернули меня в Семинарию.

— Об этом не может быть и речи, — категорически отрезал Дауквист. — Нив коем случас. Даже если бы мы и хотели, но мы, конечно, не хотим этого. Мы проделали большой и трудный путь, чтобы достичь цели Галторн.

— Меня зовут Андер.

— Хорошо, пусть будет Андер. И не строй иллюзий относительно своего положения. Ты — пленник, такой же, каким был в Семинарии. Однако, это не означает, что мы не можем сотрудничать, правда ... немного позже. Пока мы не убедимся, что ты не предашь нас, ты останешься под стражей. Лично я хотел бы снять с тебя кожу, но вынужден подчиниться приказу. Но все же я очень надеюсь, что мне еще удастся сделать это при твоём первом же неверном шаге.

Дверь внезапно раскрылась и так же быстро закрылась. В каюту вошел Кана. Он подозрительно глянул на Брона и сел за стол. Он выглядел весьма интеллигентно и совсем не был похож на безжалостного захватчика планетных систем.

— Мартин... — я хотел бы, чтобы вы оставили нас.

Дауквист, видимо, вознамерился запротестовать, но затем молча исполнил просьбу.

Он вышел, бросив на Брона красноречивый взгляд. Было ясно, что существует различие во взглядах на положение Брона на корабле. Не было сомнения, что Дауквист был взбешен, приказом Кана.

Брон остался один на один с великим тираном космоса. Кана молчал, но от его фигуры веяло почти гипнотическим магнетизмом.

— Обычно, — наконец заговорил Кана, — я не вмешиваюсь в дела Мартина, но на этот раз я не мог рискнуть отдать ему синкретиста твоего класса на растерзание. Слобой точки зрения, ты исключительный человек. И можешь быть полезным для нас. Но Мартин дьявольски подозрителен, и это тоже делает его полезным для нас. У меня на твой счёт, синкретист, есть своя теория. Я подозреваю, что ты не тот, за кого себя выдаешь.

— Я Андер Галторн. Синкретист из Университета Адана на Онариссе.

— В таком случае ты сможешь ответить на мои вопросы. И если я найду в твоих ответах хотя бы малейшие неточности, ты мгновенно отправишься к Мартину.

— Я не могу допустить, чтобы меня оскорбляли недоверием.

Ответ гипноличности был ослаблен, но Брон ухватился за это и увеличил его, сделавшись обиженным до глубины души.

— Брон, ты можешь не выпутаться из этого. Я сейчас позову Андера.

— Хорошо, Джесси. До сих пор гипноличность не очень-то мне помогла.

Кана вытащил из папки какие-то бумаги.

— Видишь, Андер Галторн, мы много знаем о тебе. Кстати, где находится Джекдад?

Ловушка? Джекдад это город на Онарисе, но Галторн подумал бы сразу о Джекдад Галторне, который умер.

Голос, звучавший в голосе Брона, был незнакомым, с легким онариским акцентом.

— Джекдад умер, — повторил он. — Он принадлежал к пятому поколению. Сегодня ему было бы 107 лет.

— Очень хорошо, но зря не рискуй.

Кана закивал головой, не переставая рыться в бумагах.

— Скажи, пожалуйста, как звучит название заявления, которое ты сделал на девятом Симпозиуме Галактических наук в Марока на Приаме?

— Девятый симпозиум был не на Приаме, а на Мяли-У. На Приаме был Десятый.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Брон. — Тот Десятый Симпозиум, иль тот, что был на Мяли-У?

— Конечно, на Мяли-У, — ответил Кана, даже не глянув в бумаги. — Прости, я наверно ошибся.

— Применение Теории Исключения Параметра Приводящего описываемой Прогностики Форм Хаоса.

Брон повторил слово в слово. Кана кивал головой и отложил бумаги в сторону.

— Хорошо. Но все же, я до конца не уверен, что Мартин ошибается. У него инстинкт на такие вещи. Мы не можем позволить себе ошибиться, так как часто наша жизнь зависит только от этого. Уши и глаза у нас должны быть всегда хорошо открыты. Если ты не Галторн, то те, кто послал тебя, без сомнения провели очень ювелирную работу. Так что ты и в самом деле стал Галторном, и то, что ты подделываешься под него, не имеет большого значения.

— А сейчас, — сказал Брон, — прошу вас ответить на мой вопрос. Зачем Разрушителям так внезапно понадобился синкретист?

— Не только синкретист. Нам нужны многие и мы практически уже их имеем. Но нам нужен тот, кто может связать в себе синкретизм и знакомство с формами Хаоса.

— Зачем?

— Через несколько часов у нас кое-что намечается. Только тогда я отвечу на твой вопрос. Возможно, ты и сам найдешь его. Во всяком случае, ты будешь иметь полную свободу передвижения по кораблю. Ты можешь входить туда, где откроются перед тобой двери. Но некоторые

каюты и отсеки будут закрыты. Видишь, мы от тебя почти ничего не скрываем. Как-никак, ты все же пленник. Вестовой покажет тебе твою каюту.

Кана встал и показал рукой на дверь. Брон понял, что ему предлагают выйти. Он пожал плечами и, когда вышел за дверь, сразу же наткнулся на человека в мундире лейтенанта корабельной полиции Разрушителей. Тот предложил пройти в Информаторий, где у Брона тут же взяли отпечатки пальцев и вложили данные в компьютер, ведающий всеми дверями и люками на корабле.

Для пробы от тут же обошел почти весь корабль, пробуя открывать замки. Большинство, к его удивлению, открывались при прикосновении его пальцев. Тогда он вернулся в свою каюту, лег на койку и связался со своими невидимыми соратниками.

— Джесси?

— Нет, Ананиас. Наша маленькая девочка пошла перекусить. Ее обычное меню составляет битое стекло, политое ядом змеи. Что ты скажешь о свободе, так царственно подаренной тебе Каной?

— Я удивлен. Хотя, если рассуждать здраво, то мне оставили как раз столько веревки, чтобы в крайнем случае меня можно было бы без промедления вздернуть на первой же рее. Единственные места, как я узнал, куда мне нельзя заглядывать, это: арсенал, центральная радиорубка и рубка компьютерной связи. Уверен, что каждый мой шаг контролируется.

— А мостик? Ты должны узнать цель полета!

— Я еще не пытался. Не хочу проявлять свое любопытство. Да это и не нужно. Как сказал Кана, в ближайшее время что-то должно произойти и первоначальная цель может быть изменена. Когда они начнут готовиться к гиперпрыжку в подпространство, я добуду данные прямо с матриц, не заглядывая на мостик.

— Это идея! Помни, что у них нет ни малейшего повода подозревать тебя. Держись подальше от радиорубки и ты будешь чист как стеклышко. Система биотронической связи единственная в своем роде, и никто не знает о ее существовании за исключением нескольких человек Службы.

— Хотелось бы в это верить. Этот шум, который я принимал не дает мне покоя. Кто-то работал на нашей волне. Это не были шумы от помех.

— Мы не можем определить источник этого шума, Брон. Выдвинута гипотеза о гетеродинном сигнале ...

— Это ерунда! — Я уже говорил, что эти голоса имели характер разума, обладающего очень сложной системой связи!

— Мы займемся этим, Брон. Хотя я уверен, что ты ошибаешься. Но что это с двигателями?

Брон с минуту внимательно прислушивался.

— Похоже, что они работают в тормозном режиме. Может быть мы приближаемся к точке, где должно что-то произойти. Вероятно мы должны с кем-то встретиться?

— Встретиться? С кем?

— Я не знаю. Никаких даже намеков. Хотя, думаю, что предстоит встреча с главными силами.

— Интересно, зачем? Они еще никогда не рисковали выходить в космос всем флотом. Для прыжка в гиперпространство они должны будут перегруппироваться.

— Должно быть что-то случилось из ряда вон выходящее.

Ты не очень интересуешься. Лучше подожди встречи.

— Это как понимать, Ананиас. Приказ?

— Именно! Ты уже забыл, как нужно подчиняться приказам?

— Давай условимся. Здесь работаю я, рискуя своей шкурой, и твои игры в солдатиков оставим в покое. Пока моя игра здесь не закончится ты можешь спрашивать меня об информации, но позволь мне самому выбирать способ ее сбора. Если же ты хочешь иметь марионетку ... то я пас!

— Спокойнее, солдатик, — угрожающе процедил Ананиас. — Должен тебе заметить, что в твой мозг вживлены соответствующие электроды. А пульт управления передо мной. Хочешь, я прочитаю тебе некоторые надписи над кнопками: "Состояние кататонии", "Потеря сознания", "Боль", "Смерть". Конечно, это не написано словами, ведь мы сторонники символов во всем, что касается боли и страданий, связанных с существованием человека. Может быть ты уже затаил мысль о неподчинении...

— Ты забыл еще об одной кнопке, Ананиас!

— Не понял?

— Играешь в Бога, а не предусмотрел символа "Воскрешение"!

10

Гравитационный привод внезапно выключился, и на корабле воцарилась тишина, нарушаемая только звуками работающих внутри корабля механизмов. Сигнал тревоги приказал членам экипажа занять свои места. Брон вышел из каюты. В течение нескольких минут все коридоры были забиты людьми, спешащими скорее занять свое место по тревожному расписанию. Брон отступил в сторону и услышал, что кто-то зовет его. Он обернулся и увидел сержанта, отдающего ему честь

— Сэр Галторн ... Кана просит вас явиться в навигационную рубку.

Брон кивнул головой и постарался проанализировать поведение этого человека. Было похоже на то, что его хотят применить в создавшейся ситуации как специалиста.

— Скажи, Ананиас, — одними голосовыми связками спросил он, озаренный внезапным предчувствием. — Что вас убедило, что Галторн является единственным человеком на Онарисе, который понадобится Разрушителям?

— Знакомство со средой интеллектуалов и изрядная доза интуиции. А зачем это тебе?

— Потому что весь этот план не имеет ничего общего со случайным совпадением. Видимо, у них должна была быть веская причина захватить Голторна. А раз так, то ты должен знать причину! Я уверен в этом! И поэтому, если тебе не трудно, расскажи мне обо всем подробнее!

— Ты все уже сам знаешь!

— Ошибаешься!

Он услышал смех.

— Ты помнишь хоть немного меня?

— Знаю только, что не должен тебе доверять! Хотя мы и одна команда и я ваш агент. Не забудь, что я имею право задавать необходимые вопросы. Сообщи Доку, что мне нужна полная и откровенная информация по этому вопросу. Все, что до сих пор я знал, кажется мне очень сомнительным.

Атмосфера в навигационной рубке была очень напряженной. Даже те, кто были не заняты на вахте, собрались у экранов. Дауквист и Кана стояли на мостике, пристально вглядываясь в звезды.

Повернув голову, Дауквист заметил вошедшего Брона. Прищуриль глаза, он махнул ему, чтобы он приблизился. Было похоже, что полковник что-то сосредоточенно подсчитывает. Очевидно, время является самым важным элементом ожидаемого события. Брон решил понаблюдать за вспомогательными экранами, что позволяло ему одновременно смотреть и на остальные. На экране роились блестящие точки в виде колец. Очевидно это был флот Разрушителей.

Время шло, и напряжение возрастало. Наконец, оператор воскликнул:

— Я поймал его.

Тотчас же выделилось изображение почти невидимого еще объекта и громко начали поступать данные. Дауквист и Кана переглянулись и с напряжением вглядывались в экран. Пока что это был какой-то непонятный объект, так как большинство датчиков обладали на таком расстоянии малой разрешающей способностью. Но через несколько секунд компьютер уже синтезировал его истинное изображение.

— Верно!

Кана посмотрел на данные компьютера и сравнил их с данными главной памяти.

Дауквист опять углубился в расчеты.

— Только шестнадцать часов опоздания, — наконец, произнес он. — Позиционное положение удовлетворительное. Временное положение улучшается.

Его взгляд опять упал на Брона, и глаза вспыхнули с такой силой, что Брон, казалось, ощутил шок.

— У меня странное предчувствие насчет тебя, синкретист. Ты производишь впечатление, словно знаешь, что это Хаос. Я начинаю думать, что твое присутствие здесь было также вычислено, как ... это!

Он показал на экран. Брон ничего не ответил, так как полностью был поглощен увиденным. Сначала он увидел, что-то вроде двери, свободно вращающейся в пространстве. Потом отметил некоторые подробности, которые становились все яснее и яснее. Это говорило о скорости движения объекта.

Наконец, все детали стали хорошо видны. Брон различил семь длинных цилиндров, толстых и черных, похожих на баллоны для сжатия газов. Они были сгруппированы вокруг центральной оси. Не было никаких антенн, комплектов энергетических батарей, никакой аппаратуры. Здесь не было ничего такого, что всегда находилось снаружи обыч-

ных космических зондов. Объект наводил на мысль о старине и солидности. От этих летящих без цели объектов веяло чем-то страшным.

Экраны теперь показывали все подробности объекта. Можно было различить массивные швы на стыках. Создавалось впечатление, что кто-то вырвал кусок чего-то, кусок из какого-то странного сооружения и бросил его в космос. Курс этого сооружения казался не случайным. Об этом свидетельствовала исключительная точность, с какой операторы Разрушителей засекли его. Было похоже, что все они участвуют в каком-то историческом и, вместе с тем, драматическом событии, однако каждый из присутствующих в рубке были слишком занят, чтобы обращать на это внимание.

Брон сдержал возглас готовый сорваться с губ, когда огромная масса заполнила весь экран, словно готовилась разбить их корабль. Датчики уменьшили чувствительность и объект снова отдалился, продолжая однако, сиять в огромном кольце флота Разрушителей.

Кана не отрывал глаз от экранов и казалось вся чернота космоса проникала в его душу. Вдруг от встал и обернулся. Подошел к Брону и сказал важным голосом:

— Смотри внимательно, синкретист. Позднее я поговорю с тобой.

Заинтригованный Брон занял свободное место перед главным экраном. Объект все время уменьшался, фиксируемый датчиками корабля. Регулярно он словно отпрыгивал от экрана в момент смены чувствительности. Опасность уменьшалась, но напряжение людей не спадало. Внимание Брона было все время сосредоточено на цилиндрах, и он не обратил внимания на фон экрана.

Онарис! — голос Ананиаса вырвал его из размышлений. — Увеличь изображение, Брон.

Он исполнил приказание и с удивлением отметил, что линии, на которые он до сих пор не обращал внимания, являются контурами морей и континентов планеты. А черные цилиндры неумолимо продолжали свой полет через цифры данных, заполнивших все экраны. Подробности поверхности Онариса становились все отчетливее.

Удар был колоссальным!

Шар из огня должно быть стал такой же величины, что и сама планета.

Бушующая плазма распространялась с огромной скоростью. У Брона были достаточные знания физики, чтобы понять, как атмосфера планеты сгорела в доли секунды. Затем последовал термоядерный взрыв. Огненный шар немного сжался, изменяя свой цвет с красного на желтый, а на его краях появился ореол голубого цвета. Зеленая материковая сменялась кирпичной красной, освещенной светом горящих океанов.

Потом планета лопнула и медленно, как бы в замедленной съемке, раскрылась. Ее жидкое ядро из тяжелых металлов заняло место огненного шара, поднялось, толкаясь среди обломков континентов и разнообразной материи. Скорлупа поверхности раскрылась еще больше, и планета распалась на куски, разлетевшись в стороны.

Брон не смог вспомнить время, когда наступил конец этого жуткого зрелища. Он был воспитан так, что мог свободно воспринимать смерть людей. Смерть народов часто была результатом войн. Иногда целые расы погибали во имя тех или иных целей... но уничтожение целой обитаемой

планеты приводило человека и его роль во Вселенной до размеров обычной бактерии, которую разводят в лаборатории для проведения тех или иных экспериментов.

11

— Я согласен, Ананиас. Я видел. А теперь объясни мне все это, — сказал Брон.

— А почему их зовут Разрушителями?

— Ты знаешь откуда прилетела Бомба? Наверняка это не их рук дело.

— Должно быть. Корабль, перевозящий такое оружие, не может участвовать в планетарном рейде. Они не могут даже оставить его на орбите. Он должен был оставаться в космосе. И после завершения рейда проводит бомбардировку для уничтожения следов.

— Я не могу представить себе Кану, стирающего за собой следы. Он настолько силен, что не привык считаться со мнением остальных.

Вот уже пять лет, как они действуют активно. Патрульные открыли тридцати семи планетных системах пояса астероидов, на месте которых были населенные планеты. Одиннадцать планет прекратили свои передачи после атаки Разрушителей. Пять других подали сигнал бедствия на световых волнах. Некоторые мы приняли спустя годы после уничтожения.

Брон минуту молчал.

— Сколько человек жили на Онарисе?

— Двести миллионов.

— Если мы ожидали нападения Разрушителей, то почему их не встретил наш флот? Почему я оказался один?

— Флот ждал бы их, если бы мы были уверены, что Кана и Дауквист будут лично участвовать в акции. Только недавно была получена информация, которая, возможно, поможет обнаружить их базы.

— Значит, эта информация стоила жизни двести миллионам людей. Что такое?

Чья-то рука тронула Брона за плечо. Это был Дауквист.

— О чем задумался, синкретист? Неужели никогда не видел уничтожения планеты?

— Это был Онарис, — мертвым голосом ответил Брон. — Он него ничего не осталось. Зачем, ради бога, вы это сделали? Ведь вы получили то, что искали!

— Напротив. Мы всегда считаем, что получаем больше, чем ищем. Ты производишь странное впечатление, синкретист. Не часто я общаюсь с интеллектуалами, и должен тебе сказать, что интеллект в образе и поведении солдата гаснет. Я предпочитаю не рисковать. Наоборот, я предпочел бы сразу уничтожить тебя. Но Кана решил иначе. Поэтому, для твоего же блага, синкретист, я советую тебе не дразнить его.

— Ты не ответил на мой вопрос. Зачем понадобилось уничтожить Онарис?

— Может быть ты и настоящий синкретист, но кое-чего не знаешь. Тебе не мешало бы кое-чему поучиться. Идем, Кана ждет тебя в своей каюте. Тебе предоставляется возможность помочь нам.

— Помочь вам? О, Боги! Вы думаете, что я буду работать на вас после всего этого? — Брон протянул руку в сторону раскаленного шара, видневшегося на экране внешнего обзора. — После всего того, во что вы превратили цветущую планету? Нет, я лучше умру!

— Я тоже так считаю, что тебе лучше умереть, синкретист. Но сейчас речь не об этом. Слушай внимательно, о чем будет говорить Кана. Думаю, что в конце вашего разговора ты изменишь свое мнение.

— Галторн не меняет так легко свою точку зрения. Идите вы все к дьяволу!

Гипноличность еще действовала, но очень слабо.

— У тебя нет выбора, синкретист, — буркнул Дауквист, протягивая руку за оружием.

Брон встал и молча пошел впереди полковника. И с удивлением обнаружил, что дверь каюты Кана при прикосновении его пальцев открылась.

Кана сидел за большим столом и внимательно рассматривал компьютерные перфокарты. Пол возле стола был полностью завален ими.

— А, вот и синкретист! — Кана встал и ногой сгреб ленты в кучу. — Мартин! Останьтесь с нами!

— Весьма предусмотрительно, — улыбнулся Дауквист и сел, кивнув Брону на кресло рядом.

— Судя по твоему выражению лица, — начал Кана, — ты в большом затруднении, не так ли?

— Да, я видел уничтожение Онариса. Но не могу понять, зачем это понадобилось. Ведь вы получили то, что хотели.

Кана нахмурил брови, но сразу же ответил. Он был до такой степени сосредоточен, что Брон никак не мог отгадать его мысли.

— Без сомнения, ты не понимаешь этого, но все случилось именно потому, что мы получили то, что хотели. Онарис должен был погибнуть. После того, как планета была уничтожена через несколько часов после нашего отлета, мы поняли, что выиграли!

Брон не нашел что ответить на столь профессиональное признание.

— Но это же бессмысленно, — только прошептал он.

— Для нас это имеет смысл. Сейчас попробуем тебе пояснить, что мы не являемся авторам этих атак... кто-то другой послал эти бомбы.

— Брон! Он лжет! — отозвался Ананиас.

— Мы понимаем, что ты не можешь принять это утверждение без доказательств. Поэтому я прошу тебя собрать доказательства и проанализировать их. Выводы сделаешь сам.

— Каким образом?

— Я позволяю тебе, нет, даже приказываю, посмотреть всю информацию, находящуюся на корабле с целью определения происхождения бомбы, уничтожившей Онарис. Обращаю твоё внимание на два положения. Первое, — кроме того, что траектория бомбы была немного изменена, взрыв произошел на 16 часов позже. Второе, — Кана подошел

к Брону, и Дауквист достал иглопистолет, — у тебя будет свободный доступ ко всем видеолентам и всем данным, которые пожелаешь. Это для облегчения работы по локализации точки, куда ударила бомба. Пока что могу сказать, что наши данные показывают, что бомба ударила в то место, где 16 часов назад находился ты. И вот после этого, ты, Андер Галторн, должен будешь понять, что бомба была нацелена не просто на Онариса или на мой флот. Она была предназначена для тебя, для уничтожения твоей личности!

12

— Что ты можешь сказать об этом, Брон?

— Ничего, Джесси. Это может быть какая-то сложная игра. Стратегия, ставящая целью привлечения для работы похищенных интеллектуалов. Но, в то же время, Кана мог быть вполне откровенен, заявляя, что Разрушители не являются ответственными за этот ужас.

Ананиас не верит в это, — усмехнулась девушка. — Он просто озверел, когда услышал, что ты готов выполнить эту работу.

— Я не уверен, что могу доверять ему больше, чем Кане. Вы записываете наши разговоры?

— Да, изображение и звук. Так, на всякий случай, А почему ты об этом спрашиваешь?

— Скажи Доку, что я хочу прослушать мои разговоры с Анаммасом. Похоже, что он скрывает от меня ответы.

— ...Даже амнезия не излечила тебя от недоверчивости. Но в отношении Ананиаса я могла бы согласиться с тобой, это действительно опасный тип.

— Хорошо. Что касается моей миссии, Джесси, то она просто-напросто самоубийство, хотя и терять мне нечего. Сделаешь то, о чем я прошу?

— С удовольствием. Я мечтаю о том, как нагнать побольше страха на этого дебила.

— Похоже, я начинаю припоминать некоторые подробности жизни генерала Ананиаса.

В компьютерной рубке Брону выделили место за главным пультом. Ему были приданы два оператора-программиста и один видеотехник, которые тотчас же разложили для него кучу информации. С этого времени он рассчитывал больше на себя, чем на псевдоличность Галторна. Он очень тщательно начал изучать информацию, необходимую для составления программы компьютера, который должен был определить происхождение бомбы. Недостающие факты поступали со всех кораблей флота. Бомба прошла сквозь кольцо, созданное кораблями Разрушителей, и Брон надеялся получить некоторые важные данные.

— Кана не выкрутится столь легко из этой ситуации, Брон. Любой компьютер, обладая данными, которые ты раздобыл, докажет его виновность.

— Если бы компьютер управлялся мною. Но, к сожалению, я не имею к нему доступа. Они вполне могут изменить программу, и тогда ко мне придет ошибочная информация.

— Вот поэтому-то мы и запустили все добытые тобой данные в свой компьютер и постараемся вычислить траекторию бомбы.

— Прекрасно! — Я почти закончил программу и готов запустить ее. Брон позвал техника.

— Что с видеозаписями?

— Я почти закончил. Можете пройти в проекционную, сэр.

Брон еще раз просмотрел свои вычисления и передал их программистам. И пошел в зал, где его уже ожидал видеотехник.

— Я сделал отпечатки двухсот фаз перед взрывом. Это дает четыре секунды полета.

— Поехали!

Брон сел в кресло перед группой экранов. Техник искоса поглядывал на него с большой долей уважения, очевидно прослышав, что он является специалистом в этой области.

— Даю на главный экран, сэр.

— Можешь называть меня мастер, — сухо заметил Брон. — У тебя есть изображение Ашура?

— Есть на диапозитиве. Как только закончим зондирование, наложим его на монтаж.

— Я не хочу монтажа. Давай изображение зонда параллельно с проекцией...

— Хорошо, Мастер. Увеличив обе проекции, можно достичь разрешающей способности в несколько сот метров.

— У меня должна быть абсолютная уверенность в точности до одного метра!

Техник тихо свистнул. — Это невозможно, Мастер.

— Называя меня Андер.

Техник широко улыбнулся.

— Меня зовут Каман, сэр. Ты, Андер, не любитель, и знаешь что к чему. Я много лет работаю на этой аппаратуре, но не уверен, что могу добиться этого.

— Ты должен добиться!

— Подробности до одного метра с расстояния 35 миллионов километров? Ты шутишь, Андер?

— Нет, Каман! Такая точность нужна, чтобы исключить все сомнения.

— Скажи как нам этого добиться?

На экране появилось закольцованное изображение последних четырех секунд полета бомбы. Через несколько мгновений Онарис будет уничтожен. Ашур появился как туманная форма бронзовых и серых изображений. Город становился виден все отчетливее. В центре экрана медленно вращалась черная бомба, которая в доли секунды должна смениться ярким взрывом.

На это изображение была наложена голограмма планеты, снятая одним из кораблей флота незадолго до катастрофы. На ней легко просматривались подробности поверхности. Дома, улицы, даже фигурки лю-

дей. Техник отрегулировал увеличение, и оба изображения наложились друг на друга. Через полчаса микропоправок Брон получил то, что хотел.

— Джесси, каким было мое положение за 16 часов до взрыва?

— Ты находился в западном флигеле Семинарии

— Сходится! Это нечто большее, чем простое стечение обстоятельств. Я не люблю совпадений, которые нужно измерять в микронах.

Техник молча следил за его действиями.

— Ты доволен, Каман?

— Да, ты убедил меня. Я буду теперь применять этот метод. Это все?

Брон кивнул.

— Достаточно. Как, черт возьми, можно выпустить бомбу с такой точностью?

Каман пожал плечами.

— Ты синкретист. Но я бы скорее подумал вот над чем. Как эта бомба пролетела через атмосферу и не сгорела? Ведь у нее не было защитного поля. По крайней мере, наши приборы не могли его зафиксировать!

— Джесси, ты слышала?

— Да, Брон. Мы тоже подумали об этом. Значит, защита все-таки была. При такой скорости полета, Брон, бомба должна была испариться еще в верхних слоях атмосферы. А она даже не нагрелась.

— Очередное доказательство для поисков ее хозяев.

Брон отпустил техника и вернулся в компьютерную рубку. Данные были уже отпечатаны. Компьютер выделил все объекты, лежащие на пути следования бомбы. Просмотрев полученные результаты, Брон ощутил, как забило его сердце.

Он смял лист бумаги с выводами машины и бросил его в корзину для мусора.

— Брон, мы не успели разглядеть! — включился нетерпеливый голос Ананиаса.

— У вас есть видеозапись.

— Но это займет много времени!

— Тогда сначала я хотел бы услышать что выдал ваш компьютер.

— Я не обязан тебе отвечать. А ты должен выполнить мой приказ!

— Отстань!

— Ах, так...

Голос Ананиаса внезапно оборвался. До Брона донеслись обрывки тихого разговора, разобрать которые ему не удалось. Потом раздался голос Джесси:

— Поверь, Брон, мне очень жаль. Ананиас хотел выкинуть какой-то фортель. Не думаю, что он попробует сделать это еще раз. Что же касается наших результатов... Думаем, что где-то в космосе находится корабль... Где-то в межгалактическом пространстве. Позиционный тензор, примененный для вычислений, ничего не дал. Единственный подходящий источник находится в галактике "Мессир-31".

— Туманность Андромеды?

— Это соответствует траектории полета, продолжающегося 700 миллионов лет. Конечно, можно опровергнуть эту гипотезу.

Брон нагнулся и взял из корзины выходные данные компьютера Разрушителей.

— Это сходится с моими вычислениями. Думаю, что компьютер не ошибся. Значит, это нельзя приписывать Кане...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Дорогая Джесси. Кана послал своих людей прямо в Семинарию, так как надеялся, что там будет Галторн. Это было логическое рассуждение, основанное на правдивой информации. Но когда была выпущена бомба, даже Кана не мог знать, где окажется Галторн ... Собственно ... Единственными людьми, которые знали мое местонахождение, были Док, Ананиас я ... ты.

13

Ананиас отвернулся от экранов с выражением абсолютного неодобрения.

— Ты прекрасно с ним ладишь, моя дорогая. Но учти, если он еще раз будет действовать по-своему, я тут же выброшу его на улицу. И тебя заодно. Сомневаюсь, чтобы ты смогла сделать там карьеру, разве что как уличная девка.

— Заткнись, вояка!

Ананиас посмотрел на свои галуны. У него были влажные губы, а глаза блестели.

— Ты недооцениваешь меня, ты лахудра!

— Ты бредишь, Ананиас. Думаю, что когда Док закончит это дело, будет счастье, если ты сохранишь свои привилегии.

Потребовалось больше минуты, чтобы слова Джесси дошли до него.

— Повтори! Только медленнее!

Его тон был полон ненависти.

— Не прикидывайся агнецом. Ты прекрасно знаешь, что регулярно уничтожал часть записей.

— Что?

Первым движением он поднял руку, чтобы ударить ее, но тотчас же вспомнил, как она владеет приемами защиты, и рука так и повисла в воздухе.

— Как это пришло тебе в голову, малютка? — спросил он уже спокойно.

— Мне его подсказал Брон.

Джесси с наслаждением наблюдала за возрастающим беспокойством генерала.

Док об этом знает?

— Конечно. Я послала рапорт...

— Но это же чистой воды идиотизм, — закричал Ананиас. — Док ничего не поймет. У меня все полномочия Генерального штаба. У меня, понимаешь? И если я решаю уничтожить часть записей, или даже все, то ни доктор Веедер, ни ты, ничего не можете сделать! Понятно!

— Ты ошибаешься.

Веедер влетел в зал с раскрасневшимся лицом.

— Позвольте напомнить вам, генерал Ананиас, что вы находитесь в помещении, принадлежащем Службе!

— Это я отлично знаю, — попытался улыбнуться Ананиас. — и знаю, что вы заняты в операции, которой руководит Генштаб. А это значит, что вы непосредственно подчиняетесь мне и я очень недоволен всем тем, чем вы занимались до сих пор. Не кажется ли вам, дорогие мои, что этот Брон просто-напросто свихнулся — шок, амнезия, шизофрения и мания преследования. А отсюда и прямое неповиновение!

— О, боже! К черту эту твою манию преследования! — крикнула Джесси. — Скажи мне, откуда ты выдумал эту чушь? Я ничего такого не вижу. А может быть, это было в тех записях, которые ты уничтожил?

— Слушай внимательно! — стукнул по столу Ананиас. — Я уже говорил, что сделаю с тобой, если ты не будешь подчиняться моим приказам. И ты, Док, тоже можешь запросто получить отставку, и тогда ... только небольшая пенсия — и все. Хотя ... я уже решил. Вы оба завтра утром сдадите дела.

— Можешь подохнуть, Ананиас! — злость Джесси передалась Весдеру. — По моему рапорту, который я подал после разговора с Джесси, руководство Службы подтвердило мою руководящую роль в этой операции. Ты допускаешься в качестве советника. И можешь быть отстранен от дел сию же минуту.

— Я немедленно сообщу об этом в Штаб! Вы оба проиграете, учтите это. У вас нет никаких шансов.

— Может быть. Но до сих пор приказ не изменен, и ты отстраняешься от участия в операции.

— Ну, а если я подчинюсь?

На лице Весдера появилась триумфальная улыбка.

— В таком случае, генерал Ананиас, ты будешь арестован и помещен в тюрьму. Военный Совет будет решать твою судьбу.

— Ты не имеешь права меня задерживать.

— Я рискну, если это будет необходимо для пользы дела.

— Но тебя никто не будет слушаться! Пока ты не предоставишь письменные доказательства. Даже, если приказ уже отправлен с Базы, на то, пока он сюда придет, потребуется как минимум неделя. А за неделю я многое могу сделать, не так ли?

Джесси мгновенно среагировала:

— Неделя не потребуется. Каждую минуту мы ждем что Брон добудет необходимые сведения. А это и было целью операции, не так ли? Нам надо было найти базу Разрушителей! А потом нужно будет только стрелять! Вот и все!

— Нет, не все! Сначала придется рассчитаться по старым счетам!

— Перед тем, как ты это сделаешь, — вмешался Док, — я бы хотел задать пару вопросов.

— Например?

— Эти помехи, которые принимал Брон... и которые не могут быть подтверждены, так как ты уже уничтожил эти записи, что это такое?

— Дальше!

— Откуда ты уверен, что Андер Галторн был единственным человеком с Онариса, которым заинтересовались Разрушители.

Ананиас остолбенел.

— Я могу сказать, что все было ...

— Уничтожено, не так ли? Но нельзя ли тебе напомнить, что связь обеспечивала Служба Связи нашего оперативного отдела, которая вне всякого сомнения дублировала записи.

— Это пора кончать!

— Приведи что-нибудь в свое оправдание.

— Есть такой факт!

— Какой? Служба выделила четверть своего шестилетнего бюджета на обеспечение этой операции. Самый лучший наш агент находится сейчас среди Разрушителей! Если существует неизвестный нам факт, связанный с проведением этой операции, ты обязан раскрыть нам его! Обязан! Я уверен, что наша Служба никогда не согласилась бы на сотрудничество с Генштабом, если бы было малейшее подозрение в укрывательстве от нас какой-либо информации.

— Видите ли, дорогие мои, — Ананиас развел руками, — существуют разные степени секретности, и наша является самой высшей. Чем меньше людей будут что-то знать, тем лучше, уж поверьте мне.

— Ты лжешь! — гневно выкрикнула Джесси. — Я хорошо знаю, когда ты лжешь, потому что тогда ты выглядишь вполне нормальным человеком! Боже! Безопасность для тебя просто еще одно слово. Ты что-то замыслил и, должна тебе сказать, что это очередное твое свинство.

— Не кажется ли тебе, моя красавица, — рассмеялся Ананиас, — что даже такая змея, как ты, должна все же взвешивать свои выражения.

— Заткнись, старый шантажист, я не боюсь тебя. Учти, что я могу расправиться с тобой, когда захочу!

— Что такое?

— Это ты готовил псевдоличность Брона, не так ли? И еще семантические коды, да? Но мы с Доком подготовили ему несколько своих штучек. Иными словами, я хочу поставить его в состояние обороны и отменить все контакты, установленные ранее.

— Отойди от пульта, девка!

— Иди ты к черту, Ананиас! — не выдержал Док.

— Как только вы закончите эту гражданскую войну, — донесся голос Брона, — то может быть вы сможете посмотреть на меня. Я попробую добыть данные с подпространственной матрицы.

Я готова.

— Джесси подстроила несколько приборов.

— Давай, Брон, я с тобой.

Ананиас безразлично пожал плечами и подошел к компьютеру. Он решил ничего не предпринимать, пока не появятся данные. Когда он приступит к действиям, они должны быть быстрыми, точными и эффективными. На этом этапе он не мог позволить себе ни ошибок, ни существования оппозиции. Очень много дел было провалено именно по этой причине.

14

По всему кораблю ревел сигнал тревоги. Брон почувствовал действие силы тяжести, вызванной включением главных двигателей. Он посмотрел на сигнальное табло в своей каюте и прочитал приказ о сборе экипажа подпространственного движения. Он подождал пока все разбежусь по своим местам и вышел. Он знал, что гравипривод применяли для обеспечения безопасности входа в подпространство. Это означало, что сейчас будут применены подпространственные матрицы для программирования компьютера. Настал момент, которого он ожидал, который был целью акции Службы. Матрицы могли дать данные по координатам базы Разрушителей. Это означало конец операции. Флот Службы, подкрепленный крейсерами Федеральных планет, будет готов уничтожить целую планетную систему, только бы добраться до Базы!

Это сражение, без сомнения, будет величайшим в истории звездных войн. Победители войдут в историю, но никто не узнает об агенте Броне, благодаря которому все это стало возможным. Где то там, в пространстве, уже приготовлена ракета типа "Немезида", предназначенная для Каны, которая ударит в этот корабль. Это будет конец!

Внутренние коридоры были пустыми, и у Брона не было особых хлопот, чтобы проскользнуть незамеченным. Самым главным тут было время. Он должен был появиться в самый последний момент. Не раньше, и не, упаси боже, позже. В этот момент подпространственники должны будут подготовить последние поправки к курсу.

Конструкция была незнакомой, но пульты были обычными — сверх-световая техника везде одинакова. Он открыл второй шлюз и сразу же ощутил дунвение воздуха. Дальше в туннеле бушевал сильный сквозняк, который тут же очистил его одежду от мельчайших частиц пыли. Брон проник сюда тайком, но он хорошо разбирался в сверхсветовых полетах и не мог допустить, чтобы рассудок возобладад над расхлябанностью. Он даже на секунду не позволил себе отнестись легкомысленно к очищаемой процедуре, необходимой для предохранения неизмеримо нежной аппаратуры гиперпространственного слежения.

Он прошел до конца туннеля и одел один из висящих в шкафу комбинезонов, облегających тело, как вторая кожа. Эти комбинезоны были предназначены для формы, которую носили Разрушители, поэтому он вынужден был снять плащ. Комбинезон был довольно тяжел, и Брон невольно передернул плечами от неприятного ощущения.

Затем он встал под струи дезинфицирующего душа. Затем последовали инфракрасные потоки воздуха, которые осушили его. И только потом он двинулся дальше.

Помещение, где подпространственники ожидали прыжка, было пусто. Дальше шло самое секретное помещение на крейсере. Место, где хранились матрицы и где работали техники обслуживания. Здесь же находилась громадина, в которой зеленый флуоресцирующий воздух искусственно создаваемый специальным полем, был пронизан мириадами маленьких звезд. Это была идеальная копия Вселенной. В этом помещении не был позволен никакой другой свет, а техники были слишком заняты, чтобы обращать внимание еще на одну тень. Были видны только их лица. В зеленых отсветах аппаратуры они напоминали шабаш нечистой силы, творщей свою магию.

С бесконечной осторожностью они натягивали в матрице невидимые нити толщиной всего в несколько микрон. Эти нити обозначали оси, позиции и координаты маленькой точки. Этот клубок медных ниточек, который техники ткали в этой микровселенной, должен был обозначать точки входа и выхода для подпространственного прыжка в тахионной области.

Брон отлично разбирался в том, что они делали, так как прошел соответствующее обучение. Наконец, он понял, что пора действовать.

— Я начинаю, Джесси. Записывай.

— Я готова, Брон.

Голос девушки был сейчас еле слышен. Создавалось впечатление, что она была очарована зрелищем и не обращала на него внимания.

Брон медленно пошел вдоль галереи. Те из техников, которые обратили на него внимание, посчитали его за одного из своих. Во всяком случае, его никто не заметил, и филигранная работа техников продолжалась. Когда Брон понял, что приготовления закончены, то начал последовательно, шаг за шагом снимать показания приборов, прежде всего фиксируя расположение паутины в модели Вселенной. Джесси непрерывно подтверждала прием информации. Со своей стороны, Брон старался сам запомнить все цифры.

— Джесси ... я возвращаюсь. Нельзя ждать, когда техники пойдут назад, и я не хочу встретиться с ними во время прыжка. У тебя все есть?

— Да. Осталось только обработать все данные и получить координаты.

Брон пошел к выходу.

— Теперь вы меня оставляете? Ведь цель акции достигнута.

— Мы должны прервать связь согласно плану. Это значит, что до тех пор, пока не подтвердится факт уничтожения их Базы. Это приказ Генштаба. Думаю, что Док захочет продолжить эту операцию дальше, превратив ее в обычную разведку Службы. Ананиас странно ведет себя и это вынудило нас к сомнениям. Не кроется ли за всем этим нечто большее.

Быстрым движением Брон стянул с себя комбинезон. Он сильно вспотел.

— Свяжись со мной через минуту, Джесси. Сейчас будет прыжок.

Он слышал шаги техников в туннеле, возвращавшихся к себе. Он прошел к шлюзу, но все равно оставалась опасность, что кто-нибудь его заметит. Одетый в свою тунику, он был бы легко узнан. Единственной надеждой был тот случай, что его не увидят.

В тот момент когда за ним закрылась дверь шлюза, он услышал голоса входящих техников. Его присутствие тут, видимо, не перечило приказам Каны, но заинтересованность матрицами не очень-то соответствовала облику синкретиста.

Но сейчас Служба имела всю информацию, и Брон мог разыгрывать дальше партию, пока его не раскусили. Он мог уже сейчас выработать какой-то новый план действий. Скоро должна была произойти величайшая битва в истории освоения космоса и, судя по всему, он находился не на той стороне баррикад, которой суждено было праздновать победу. Его надежды на спасение таяли словно айсберг под лучами летнего солнца.

Сигнал тревоги подпространственного прыжка прервал его размышления и вынудил искать свободные ремни. Большинство мест было заня-

то людьми, свободными от вахты. Наконец, он нашел свободное место и с облегчением пристегнул ремни. Расчеты прыжка были настолько точны, что последние члены экипажа заняли свои места, едва ли не за пару секунд до его начала.

Корабль ринулся в подпространство на полной скорости. Разрушители не очень дорожили людьми и техникой. Следующие тридцать восемь секунд внутренности Брона разрывала боль ноющих костей.

Сознание Брона отвергало то, чему его учили в школе. Согласно теории, которую он учил в школе, процесс прыжка заключается в том, что корабль исчезает из реального пространства, чтобы лететь дальше вдоль сетки медных паутинок на макете Галактической матрицы. Среди навигаторов ходили легенды, рассказывающие о прекрасных медных бревнах, которые замечали уже перед концом прыжка. Брон знал, что некоторые техники, которые оставались дежурить в помещении матрицы, искали следы ионизации, оставленные кораблем в момент перемещения вдоль паутины. Он слышал это от тех, кто смог пережить прыжок, находясь рядом с работающей матрицей.

15

Корабль перешел во вторую фазу прыжка, и неприятные ощущения внезапно исчезли. Брон расстегнул ремни и стал прикидывать, что шансов остаться в живых у него очень мало. Что-то около одного из десяти миллиардов.

Его положение на корабле было странным. Он не мог ничего сделать, что могло бы повредить миссии, и только в очень узких рамках мог искать способы своего спасения.

Он сидел в каюте и пытался решить этот вопрос.

— Джесси! Расскажи что-нибудь обо мне... есть у меня другое имя?

Нет — ответила Джесси со злостью, — Тебя нашли наши земные торговцы на рынке на Ахантисе в системе Беллстрикс. Они летели на малом катере и при посадке раздули кучу мусора. Ты лежал под ней. Тебе от роду было примерно недели четыре и никто не знал о тебе ничего. Боже! Что было бы если бы они тебя оставили! Но для землян жизнь — святыня. Поэтому тебя забрали в космопорт. Ни полиция, ни Служба Безопасности не знали, что с тобой делать. Поэтому тебя забрали на Землю. Никто не знает откуда взялось твое имя, но происходит оно, судя по всему, из штемпеля на документах, которые сопровождали тебя: "Бронь". Должна заметить, что это неплохое имя.

— Ты не врешь?

— Нет. Все это записано в твоём личном деле. На Земле с тобой было много хлопот. Тебя поместили в военную школу, которой руководил доктор Харвестон. Он, конечно, грубый и резкий, но педагог настоящий. Когда тебе исполнилось семь лет, ты хорошо освоил секреты рукопашного боя и не замедлил свернуть шею этому доброму человеку, сделав его калек. Тебя отправили в Школу Службы, где быстро оценили твои

качества. В течение последующих 15 лет ты прошел все этапы обучения. И всегда был самым лучшим. Как в теории, так и на практике. Ты всех затмевал на уроках математики и на боевых занятиях. Особенные способности ты проявил в области Хаоса.

— Хаоса?

Да, Брон. Умение защищаться от действия любой системы до тех пор, пока она не исчезнет. Когда все вокруг сходят с ума, как ты думаешь, кто вмешивается в ад со своими планами?

— Ты имеешь в виду меня?

— Да, Брон. Все в тебе является Хаосом. Начиная с твоей жизни и судеб существ, которые тебя окружают. Ты создаешь Хаос, и когда он достигает максимального значения, ты вмешиваешься и собираешь дань, которая тебе нужна, отбрасывая все ненужное. Ты поступаешь так с вещами и людьми и никогда не волнуешься за последствия.

— Скажи, Джесси ... мы уже встречались?

— Это секретная информация, Брон. Я не могу сейчас об этом говорить.

— Тогда я спрошу у Дока.

— Он тоже ничего не скажет. Наши отношения психологически уравновешены, и никто, даже ты, не сможет нарушить это равновесие.

— Ну уж в этом ты ошибаешься, Джесси. Если только я вернусь на Землю, то даже Служба не сможет помешать мне сделать то, что сейчас пришло мне в голову.

— Андер Голторн ... Кана хочет тебя видеть.

На сей раз они не воздавали ему почестей. Говорили резким, сухим тоном, одновременно подчеркивая слова движением оружия. Это больше походило на арест, чем на приглашение. Брон пожал плечами и молча двинулся за ними.

— Джесси, это похоже на конец.

— Я вызываю Дока ... Мы попытаемся что-нибудь сделать.

— Собственно, ты наверняка знаешь, что надо делать в таких случаях, — улыбнулся Брон. — Пока я не начал говорить под пытками, лучше меня прихлопнуть.

Джесси промолчала.

Стражники остановились перед каютой Каны. Здесь они отошли в сторону и показали Брону на дверь.

Кана сидел за столом, задумавшись и с хмурой миной на лице.

Чувство силы, исходящей от его могучей фигуры, оставалось прежним.

— Садись, синкретист. Я думаю, что ты уже закончил свои исследования по выявлению источника, пославшего бомбу.

— Да, это так, — кивнул Брон.

— Я получил копии твоих вычислений и сравнил с нашими. Должен тебе сказать, что справился ты с этим заданием вполне достойно.

Его глаза прямо впелись в Брона и их пристальное внимание обезоруживало его.

На лице Каны появилась усмешка

— Ты талантливый ученый, синкретист, и я не сомневаюсь, что ты познаешь эту науку полностью. Я именно этого и ожидал от тебя.

— Не понял.

— Ты говоришь, что установил место откуда пришла бомба не так ли?

— Да. Она могла прилететь из Мессира-31, находящегося в семистах миллионах световых лет от нас, или же была выпущена с корабля, находящегося в пространстве в нескольких световых часах от объекта уничтожения. Судя по построениям вашего флота, вы ожидали прилета бомбы.

— Ты хочешь сказать, что это была моя работа, а уничтожение Онариса что-то вроде фейерверка в твою честь?

— Вижу, что вы меня поняли, — кивнул Брон с каким-то смертельным отчаянием.

— Еще раз ты показал, что совсем не глуп, — сказал Кана. — Но подумай хорошенько, нужно ли было мне это, чтобы позабавить тебя? Не можешь ответить? Так вот, я бы не делал этого. Правду можно установить только размышляя трезво. Эта бомба ждала нас, а не мы ее. И прилетела он с Мессира-31.

— В это трудно поверить.

— Конечно. Но представь себе, что кто-то или что-то в Туманности Андромеды семьсот миллионов лет тому назад предвидел все подробности сегодняшних событий — нашу атаку на Онарис, твоё похищение, и решил помешать нам. Отсюда такая фантастическая точность попадания, но вот только бомба опоздала на 16 часов. Это повторялось всегда, где бы мы ни нападали, только с такой же шестнадцатичасовой задержкой. Наши расчеты сделаны на четыре атаки. Во время пятой мы можем прилететь одновременно с бомбой.

— А если вы прилетите раньше или измените цель?

— Это нечего не изменит. Критическая точка кроется в действии, а не в вычислениях. Я пытался отменять рейсы, но все мои действия были заранее рассчитаны еще семь миллионов лет назад. Если я даже в самый последний момент менял цель атаки, то бомба все равно попадала в новую цель.

— Но это же безумие!

Через секунду гипноличность успокоилась так же быстро, как и взволновалась.

— Это не безумие, синкретист, или кто бы ты там ни был на самом деле. Это скорее результат причинно-следственных связей. С начала нашей деятельности мы искали рабов. Конечно, среди них не раз оказывались представители интеллигенции, которых мы использовали для соответствующих работ. В те времена мы тоже встречали иногда бомбы, но это было крайне редко. Тогда наши компьютеры разгадали связь между уничтожением планет и похищением технократов, занимающихся, как правило, исследованиями форм Хаоса. Это нас и вывело на тебя, синкретист...

— Каким образом?

— Когда мы увидели, что поле времени уменьшается, то решили собрать у себя всех специалистов по Хаосу. Нет сомнения, что твой авторитет в этой области превышает все известные до сих пор. Поэтому ты был для нас идеальной добычей, а для бомбы самой важной целью. Только...

— Только что?

— Последняя бомба была самой крупной из всех известных. С расстояния шесть тысяч парсеков, семьсот миллионов лет тому назад кто-то очень точно оценил твою теперешнюю или будущую деятельность ... Интересно, что ты сделаешь такое, чего они так боятся?

16

Эхо какого-то разговора прервало их диалог. Брон узнал голос Дауквиста, который явно грозил какими-то карами охранникам. Кана нажал кнопку, и дверь открылась.

— Входи, Мартин. Извини, но я приказал никого непускать.

Дауквист вошел, сопровождаемый двумя офицерами, красными от злости.

— Этот проклятый синкретист у тебя?

Кана с любопытством посмотрел на своего заместителя.

— Конечно, а в чем дело?

— Он шпион. Я уверен в этом!

— Может быть это и правда, Мартин. Я сам имею некоторые подозрения. Но не это главное. Это не случайность, что сегодняшняя бомба состояла сразу из семи цилиндров. Шпион он, или нет, зато наверняка он — самый совершенный катализатор Хаоса.

— Я в гробу видел его катализ! Я не доверяю ему ни на йоту! Он перед прыжком заходил в матричный отсек!

Кана повернулся к Брону.

— Ты можешь это объяснить, синкретист?

— Я хотел посмотреть, каким образом вы программируете свой прыжок. У меня есть своя теория прохождения подпространства.

— У меня также есть своя теория, — взорвался Дауквист. — И она гласит, что ты не Андер Галторн. Достаточно мне поговорить с тобой полчаса, и я вытряхну всю правду.

— Нет! — бросил Кана. — Все говорит за то, что мы заполучили ключевой элемент загадки энтропии. Это неважно, как его зовут. Главное, что он — потенциальный катализатор Хаоса. Скажу больше — значительная часть будущего лежит на его плечах, и я хотел бы, чтобы он остался жив.

— В таком случае его нужно изолировать. Я не желаю отвечать за попытку покушения на тебя или корабль.

— Хорошо, — согласился Кана. — Мы выйдем из подпространства и передадим его на палубу какого-нибудь корвета.

Дауквист покачал головой.

— У меня есть лучшая идея. Давай переведем его на "Тантал". У меня ему будет спокойнее.

Кана колебался.

— Я не знаю, нужно ли это. Но это, впрочем, даст какой-то шанс узнать что-нибудь о нем. Не подлежит сомнению, что личность челове-

ка, смерть которого запланировали семьсот миллионов лет назад, должна иметь что-то особенное.

Дауквист подозвал охранников.

— Арестуйте его. Одни из вас должны все время находиться рядом с ним. В течение часа мы прервем прыжок.

Брона провели в пустую каюту. Сделав непринужденный вид, он лег на диванчик и прикрыл лицо тряпкой.

— Джесси!

Я не хочу тебя слышать, кретин!

— Что случилось?

— Если сейчас я скажу тебе правду, то операция наверняка провалиться.

— Я не желаю этого слышать! Немедленно приведи Андера!

— Андера сейчас у нас нет. Но я все же попробую его разыскать. Зачем он тебе?

— Я хотел бы, чтобы мне побыстрее растолковал все о Хаосе. И только Андер может помочь в этом. Док все видел?

Сначала и до конца. Когда он начал грызть ногти, то хотел грызть и мои.

— Что вы обо всем этом думаете?

— Нам кажется, что единственное, что тебя пока спасает от смерти, это боязнь Каны чего-то. Бог знает, что это такое, но что-то есть .. или Кана является выдающимся кретином нашего тысячелетия.

— Он далеко не кретин. Сильная воля, очень уравновешен. Ведет войну ... не только с Землей. Но с кем?

— Иногда я думаю, не имеет ли Ананиас информации на эту тему. Он кривится каждый раз, когда слышит разговоры о Мессире-31. Даже не хочет об этом слышать.

— Похоже, что он знает много вещей, о которых не говорит. Он сейчас с вами?

— Нет. Он отправился в Штаб вместе с данными, словно не мог отправить их по обычному каналу. Мне кажется, что он хочет наложить на тебя лапу. Он еще новичок в нашей работе и не знает, что лучше с тобой не связываться.

— Ты знаешь что-нибудь о "Тантале"? Судя по поведению Каны и Дауквиста, этот корабль не совсем обычный.

У нас нет данных о таком корабле Разрушителей. Единственный "Тантал", который был известен в течение последних пятидесяти лет, это астралаб Армии Земли, который погиб несколько лет назад во время разведывательного полета в межгалактическом пространстве.

— Попробуйте найти подробности той экспедиции. Это может быть интересно. А сейчас я хочу поговорить с Доком.

— У слушаю, Брон, — мягкий голос Веедера контрастировал с твердым акцентом Джесси. — В чем дело?

— Если допустить, что Кана не лжет и что семь цилиндров бомбы были нацелены на Галторна, то причем здесь Онарис. Ведь синкретист в это время был на Земле. Я не знаю, что означает этот катализатор Хаоса, но если Кана не ошибается или он не чокнутый, то нужно считать истинного Андера чем-то вроде бомбы замедленного действия. Обратите на это внимание.

— Ты прав. Мы так увлеклись тобой, что совершенно забыли о Галторне. У нас нет никакой уверенности насчет этого Хаоса, но нужно быть осторожным. Что ты предлагаешь?

— Держите Галторна под неусыпным наблюдением, но так, чтобы он каждую минуту был готов к действию. По-моему, он что-то затевает. Что-то очень важное и только он может рассказать, что. Советую вам подключить компьютер для анализа всех фактов этой миссии. Вся эта история довольно странная.

— Не успеваю за тобой, Брон. Но сделаю все так, как ты советуешь. На всякий случай мы с тобой будем в постоянном контакте.

Брон расслабился и закрыл глаза. Охранник, раздраженный его молчанием, начал стучать ритмично прикладом ружья по столу. Оба ждали выхода корабля из подпространства.

Брон начал прислушиваться к шумам, долетающим из канала его биосвязи. Кроме обычного сигнала, где-то на границе подсознания что-то было. Какая-то тень, знакомая ему, но которую он не ожидал услышать. Может быть ... помехи ... но нет, это был такой же, как и в первый раз, странный звук. Но на этот раз чаще и сильнее. Он мысленно попробовал бороться с ним, пытаясь отыскать объяснение происходящему. Этот звук был липким, как смог. Таинственным и завораживающим. Он нес в себе какое-то напряжение, полное близкой трагедии. Брон снова позволил своему воображению поддаться течению этого странного Стикса. Он ощущал тени в местах, где не было света, звуки, которых он не мог определить. Образы изменялись, их поток уменьшался, почти останавливаясь. Но что же скрывалось под поверхностью черной реки? Другие образы, страшнее смерти, начали появляться в его разуме.

И он начал истошно кричать в тот самый момент, когда ожили сирены корабля, через несколько секунд кошмар его воображения остался смазанным терпением: корабль выходил из подпространства.

17

Маленькая шлюпка вылетела из шлюза крейсера. Брон наблюдал через видеосистему Холунга за маленькой точкой — цели их полета. "Тантал" не был похож на гордого покорителя космоса как остальные корабли Флота. Даже наоборот, он был обшарпанный, старый, почти развалившийся, весь корпус в шрамах. На корпусе, как отметил Брон, находилось множество различных систем привода. Название было давно стерто с борта, и только некоторые буквы едва угадывались.

— Несомненно, он построен на стапелях Земли, — беззвучно заявил Брон, отрываясь от экрана.

— Да, это судно похоже на погибшую лабораторию. Мы получили данные из архива. Может быть его переделали на батарею?

— Сомневаюсь. Он не мог бы стать пусковой установкой.

— Но откуда-то все же выпустили ту бомбу!

Сейчас, когда шлюпка подошла ближе, можно было лучше разглядеть раны, нанесенные "Танталу". Дыры и борозды усеивали корпус, словно весь корабль был когда-то погружен в кислоту. Сейчас это судно больше всего смахивало на больного зверя. Однако оборудование работало нормально, и вскоре Брон в сопровождении Дауквиста и двух офицеров оказался на его борту.

Выйдя из шлюзовой камеры, он почувствовал, как волосы у него встали дыбом.

— Брон, что случилось?

— В этом корабле что-то странное ... страшно удивительное...

— Почему?

— У меня странное ощущение. Я не могу этого описать. Как ты думаешь, его переселяли?

— Я ничего об этом не знаю. Раньше он наверняка имел вооружение торпедами типа "Немезида".

— "Немезида" — это игрушка в сравнении с бомбой, уничтожившей Онарис. Но должен сказать, что внешний вид этой бомбы не имел ничего человеческого.

— Значит, ты принимаешь точку зрения Каны — эта Бомба из прошлого и неизвестного происхождения — тон Джесси внезапно стал злым и саркастическим.

— Достаточно, Джесси. Я ничего не принимаю. Утверждаю только, что если то, что я подозреваю, правда, то мы отстоим так далеко, что даже с двадцатикратным ускорением мы все равно ничего не поймем.

— Это значит...?

— О, наконец-то я понял, откуда у меня возникло это ощущение старины. Это не "Тантал". По крайней мере, не тот же самый, который покинул верфь Земли. Это ... только копия ... вернее, отражение. Обычное отражение.

Что ты говоришь, Брон?

— Посмотри на контрольные экраны, на надписи! Все зеркально отражено. До мельчайших подробностей. Это не очередной трюк Каны. Это реальность.

Брон вдруг ощутил на себе пристальный взгляд Дауквиста. Джесси предостерегающе вскрикнула.

— Внимание на полковника, Брон! Я думаю, что он затащил тебя сюда, чтобы раскрыть. Сейчас тебе необходимо разыграть удивление!

— Данные уже переданы?

— Не знаю. Ананиас еще не вернулся. А в чем дело?

— Как только наш флот приступит к акции, я должен буду прикончить полковника.

Джесси промолчала.

— Ты выглядишь как помешанный, Андер, — заметил усмехаясь Дауквист.

— Этот корабль ... Это сделали не Разрушители.

— Да. Он земной. Остов, который мы нашли в космосе, но смогли отремонттировать.

— А что, земляне читают задом наперед?

— Нет. Это одна из форм проявления Хаоса. Но ... ты, как специалист, не должен был быть так удивлен.

Брон пожал плечами и пошел вперед. Ни псевдоличность Галторна, ни его выучка уже были ни к чему. Дауквист пошел за ним, но тотчас же заревели сирены. Началась подготовка к прыжку. В отличие от больших кораблей, "Тантал" тихо заурчал и сразу же вошел в подпространство. Брон отправился в поход по помещениям корабля, надеясь, что этим покажет обычную научную заинтересованность, которая была присуща синкретистам. Но прежде всего он отчаянно тянул время, чтобы найти выход из создавшегося положения.

"Тантал" был довольно небольшим кораблем, приблизительно раз в сто меньше крейсера. У него не было хорошего вооружения, и он вряд ли мог отразить массированную атаку. Брон не мог понять, зачем Кана включил его в состав своего флота. Лаборатория была отлично оборудована и содержалась в порядке экипажем, среди которого было много ученых. Все встречали его с интересом и очень вежливо кланялись, что делало разительным отличие поведение полковника Дауквиста. Последний как раз поддержал его за локоть.

— Пошли, синкретист. Я хочу представить тебя командиру. Профессору Лаарсу.

Командир был очень непохож на Разрушителя. В тот момент, когда они вошли в командирскую рубку, он как раз давал какие-то указания вахтенному штурману. Брон отметил, что этот человек довольно низкого роста, с темной кожей и умными, пронзительными глазами. Обычным жестом приветствовал он Брона.

— Сэр, это большая честь для меня ...

Удивление Брона отразилось на его лице и Лаарс добавил с широкой улыбкой:

— Мы никогда еще не встречались, но я хорошо вас знаю. Все, кто занимается Хаосом, знают вас. Ваш доклад на Приамс является для нас основным руководством.

Брон не смог удержаться от вопроса.

— Вы исследуете формы Хаоса?

— Конечно! — Лаарс смеялся. — Вы разве не затем сюда прибыли?

— Не совсем.

Брон замолчал и посмотрел на Дауквиста, ожидая его объяснений.

— Видители, профессор, — голос полковника немного смягчился. — Галторн прибыл сюда не по своей воле. Он наш пленник, и мы подозреваем его в шпионаже. Поэтому он под стражей. Это очень опасный человек.

Лаарс был обескуражен, но уже через секунду овладел собой и с грустной улыбкой произнес:

— Наука Хаоса интернациональна, полковник. Никогда не поймешь, сколько ученых работают над проблемой совместно с тобой. Пойдемте, сэр, — профессор обратился к Брону, — я покажу вам вашу каюту. Потом мы поговорим о Хаосе.

Как только они скрылись с глаз Дауквиста, Брон немедленно передал:

— Джесси! Ради бога, немедленно найдите мне Андера! Если я не справлюсь с этой дискуссией, Дауквист тут же покончит со мной.

— Он будет у нас через несколько минут.

— Что с данными?

Сейчас вошел Ананиас. Я спрошу его...

— Я хочу поговорить с ним. Ситуация очень серьезная.

— Ему незачем приближаться к пульту!

— Джесси, сделай то, о чем я прошу тебя!

— Хорошо говоришь, Брон, — раздался сладкий голос Ананиаса. —

Хорошо, что не только я имею неприятности с этой чертовкой.

— Заткнись! Ты передал информацию?

— Это дело Генштаба!

— Мое тоже! Я должен решить кое-что. И быстро. Если мы сейчас промедлим, то флот Разрушителей разлетится как стайка рыб перед акулой.

— Преувеличиваешь, солдатик.

— Нет. Это ты недооцениваешь их! Посмотри на экран! Видишь, где я нахожусь!

— На другом корабле. Похоже, что он земного происхождения.

— Да. Это не больше, не меньше, как астролaborатория "Тантал".

Это что-то означает?

— Конечно, если верить моей памяти. Джесси, ты слышишь меня?

— Да, Брон.

— Я говорил, что амнезия - заразная штука. Я прошу ждать мне списки экипажа "Тантала" в последней экспедиции!

— Не нужно. Я есть в списках. На этот раз ты зашел слишком далеко, Брон. Предупреждаю тебя. Сиди спокойно и не глупи...

— Ананиас! С этой минуты я буду выполнять задание исходя из своего усмотрения! А ты будешь мне помогать, так как наверняка не захочешь, чтобы все узнали, какая ты свинья!

В канале трансфера послышался крик боли и какой-то шум.

— Все в порядке, Брон. Я перехватила его. Он хотел нажать кнопку смерти, но я сломала ему кисть. Ты должен все рассказать нам, если хочешь, чтобы мы помогли тебе.

— Хорошо. Полковник Ананиас был командиром "Тантала" во время его последнего рейса. Только он один остался в живых из всего экипажа. Он вернулся на Землю спустя два года на борту какого-то купца и рассказал, что корабль был уничтожен Разрушителями.

— Это правда, — отозвался Ананиас.

— Сомневаюсь. Повреждения, полученные "Танталом", нанесены не Разрушителями. Думаю, что где-то в пространстве он наткнулся на что-то более серьезное. А потом этот горе-вожак бросил "Тантал", чтобы его история выглядела более правдоподобной. Страшно подумать, что случилось с экипажем.

— У тебя нет фактов!

— У меня нет, но они есть у тебя. Джесси, я не сомневаюсь, что ты спала с ним. Он нормален?

— Вроде бы ничего необычного, но не он один страдает этим, — ответила он с циничной гордостью. — Что ты хочешь узнать?

— Расстегни его рубашку! Если я не ошибаюсь, сердце у этого чело- века должно быть справа. Думаю, что его зеркально отразили вместе с "Танталом" и это наверняка работа, сделанная не людьми.

18

— Брон! Пришел Андер!

— Я хочу поговорить с ним. У него есть всего несколько минут, чтобы сделать из меня мастера по теории и практике Хаоса.

— Здесь Андер. Я хотел бы сначала обрисовать тебе все в общих чертах.

— Давай, Андер. Что такое основа Хаоса?

— Это целый спектр причинности от субнуклеарного до макрокосмоса, но рассматриваемое не как собрание случаев, а с точки зрения энтропии.

— Я понимаю концепцию, но не ее применение.

— Мы дойдем и до этого. Сначала я хотел бы обратить твоё внимание на значение временной переменной. Одним из главных принципов во Вселенной является утверждение, что энтропия возрастает во времени. Изменить положение вещей может только сознательное вмешательство. Например, человек, который может ускорить или замедлить этот процесс.

Кто-то постучался в дверь. Брон встал и отправился открывать дверь.

— Сэр Галторн... Профессор Лаарс хочет вас видеть.

— Как только я закончу молитву, — покачал головой Брон. — Прошу сказать ему, что я скоро буду.

— Давай дальше, Андер! Я это понял, — сказал он, когда опять остался один.

— Боюсь, что ты все-таки не понял. Понимаешь ли, здесь важно каждое слово. Все вычисления Хаоса опираются на квантовое время и служат для предсказания будущего, либо анализа определенных элементов прошлого, которые так активно влияют на настоящее.

— Я не очень понимаю, как можно что-то определить, опираясь на математику?

— Представь себе жидкость в сосуде.

— Это модель нашей энтропийной системы? Свободно движущиеся молекулы?

— Именно. Ты должен был бы быть ученым, молодой человек, а не солдатом. Ты в самом деле очень легко схватываешь информацию. Так вот, давление этой жидкости является произвольным столкновением молекул друг с другом и со стенками сосуда. В этой гипотетической жидкости, которую мы, к примеру, назовем Хаосом, молекулы соответствуют случаям, которые подчиняются таким же зависимостям, как и молекулы в самой обыкновенной жидкости.

— Что дальше, Андер? У нас мало времени. Сейчас придет Дауквист, проверить, чем я здесь занимаюсь. Интересно, что там случилось?

— Ты должен быть очень осторожен, и если этого ты не поймешь, то боюсь, что все кончится для тебя плачевно.

— Дальше, дальше!

— Допустим теперь, что сначала наша жидкость поделена на несколько слоев с разными температурами...

— Они перемешиваются между собой. Энергия системы остается той же самой, но энтропия будет медленно расти.

Это дает довольно хорошо приближенную модель строения Вселенной.

Снова кто-то постучал в дверь. Но на этот раз очень сильно. Брон не торопясь открыл, держа в руках полотенце.

В коридоре стоял Дауквист и подозрительно присматривался к нему, не скрывая злости. Вид Брона немного успокоил его.

— Долго идешь, синкретист. Тебя уже давно ждут в навигаторской.

— Я мылся. Пыль Разрушителей очень клейкая.

Брон повернулся и опять встал под душ. Дауквист подошел к нему.

— Я подожду пока ты закончишь. Но мой тебе совет, синкретист, пошевеливайся, Лаарс ждет.

— Андер, поторопись!

— Если ты поймешь все остальное, то мы почти выиграли. Возьмем сосуд. Что произойдет, если мы подогреем или охладим какой-то слой?

— Ускорим или замедлим рост энтропии.

— А в нашем Хаосе, что может быть единственной причиной? Я уже показал тебе ответ.

— Действие разума.

— Точно! Происшествия, спровоцированные такими действиями, определяют неизменные локальные возмущения энтропии. Возвращаясь к нашему примеру, это действие можно сравнить с нагревом или охлаждением того или иного слоя жидкости. Есть много способов распознавания таких действий в зависимости от его напряжения. Оптически — при изменении дифракции. Акустически — при взрыве или разрушении. Физическая ударная волна или изменение давления.

— А в теоретическом Хаосе?

— Эффект, подобный действию ударной волны, расходящейся от точки, в которой произошло вмешательство какого-нибудь разума. По мере распространения этой волны напряжение уменьшается. Для наблюдателя снаружи эти факты являются только маленькими морщинками в гигантской энтропии. Формы Хаоса — это интерференция, возникающая от столкновения этих морщинок с большими волнами.

Дауквист раздраженно ходил по комнате. Он не был приучен к непослушанию, но в данном случае иного выхода не было.

Брон медленно оделся. Разговор с Андером все еще продолжался.

— А каким образом обнаруживаются эти морщинки?

— Это легче всего. Имеется аппаратура достаточно чувствительная для определения ускорения или замедления энтропии. С ее помощью довольно легко определить морщинки. Проблема начинается в момент их анализа.

Брон от удивления широко открыл рот. Он рассчитывал за несколько минут закончить разговор и получить образование специалиста по формам Хаоса. Но тянуть время больше было нельзя. Дауквист достал пистолет и молча указал на дверь.

Брон пожал плечами и сказал:

— Андер, останься. Ты говорил о причинности. Я понимаю, каким образом локализуется источник вмешательства, но как можно определить ее результат?

— Они являются противоположностью источника. И между ними нет разницы, кроме направления, в котором считается время. Причина и следствие создают энтропийные проблески, которые легко можно локализовать и которые становятся источниками концентрически увеличивающихся ударных волн. Если удастся описать их кривизну и напряжение, то точно так же можно будет описать причину и ее следствие как во времени, так и в пространстве. Но внимание! Главная черта зависимости причины-следствия является их взаимная связь. Только такие два явления будут иметь сходные оси. Когда удастся определить одну из них, то можно найти и другую.

Профессор Лаарс многое потерял из своего недавнего энтузиазма. Техники, которые разделяли его настроение в момент прибытия синкретиста, сейчас для вида занимались своей аппаратурой. Атмосфера была насыщена паникой и неуверенностью. Лаарс при виде Брона, облегченно вздохнул.

— Мистер Галторн, это нужно как-то объяснить, — он оторвал из печатающего устройства несколько метров ленты. — Я никогда раньше не видел такой сильной волны Хаоса.

Брон взял ленту и внимательно прочитал данные. Там были линии разного цвета и почти все они были переплетены друг с другом. Далее ... одна из красных линий вырывалась из этого клубка Хаоса и, переходя в логарифмическую зависимость, исчезала в бесконечности. Скорее всего, аппаратура была просто не в состоянии работать дальше. Через несколько метров линия появилась вновь, чтобы опять опуститься вниз и исчезнуть ниже бесконечного нуля.

В его голове кто-то крикнул:

— О, боже!

— Андер, что это!?

— Не знаю. Нужно знать метод, каким это записано.

Лаарс тем временем висел на его плечах, ожидая разъяснений. Он дрожал от возбуждения.

— Профессор, вы можете дать мне параметры компьютера, выдавшего эту ленту?

— Параметры? Параметры? — крикнул раздраженно Лаарс. — Зачем вам нужны параметры? Разве вам нужен компьютер, чтобы понять все это?

— Вы забываете, — сухо заметил Брон, — что ваши данные опираются на аппаратуру Разрушителей, с которой я не имел чести быть знаком.

— Красная линия является основой диаграммы. А диаграмма — путь корабля. Что с ним? Что станет с моим кораблем?

— Брон! Я кажется догадался! — подал голос Андер и начал быстро говорить.

Брон внимательно прислушивался, разглядывая путь красной линии.

— Вообще можно было бы меня и не вызывать, профессор, — обратился он к Лаарсу. — Вы хорошо знаете, что мы вошли в область

действия эха Хаоса. Мы по прямой приближаемся к центру волны, что приведет к разрушению корабля.

Лаарс с благодарностью посмотрел на него.

— Это хорошо, что вы тоже так считаете. Я боялся, что допустил где-то ошибку. Я не мог понять, каким образом корабль оказался на совпадающей оси, если на палубе нет ничего провоцирующего это.

— Интересно, — внезапно подол голос Дауквист, нацеливая палец на Брона, — я, например, никогда бы не затруднялся в понимании этой причины.

19

Дауквист внезапно повернулся к двум охранникам.

— Я приказываю вам не спускать глаз с этого человека до тех пор, пока я не отменю этот приказ. — Потом он повернулся к профессору Лаарсу.

— Значит надо понимать, что корабль будет уничтожен?

— Это несомненно.

— Каковы причины?

— Не знаю, — пожал плечами Лаарс. — Мы не смогли установить источник. Может быть, посчитать еще раз, но не думаю, чтобы в этом был какой-то смысл.

— У нас нет времени. Но я слышал, что он может предсказывать Хаос, — Дауквист повернулся и ткнул пальцем в Брона. — Закройте его где-нибудь.

Брон принял ту же самую позу, что и Лаарс, который неподвижно стоял и растерянно моргал глазами.

— Андер, мы наблюдаем волну следствия, хотя Лаарс утверждает, что не мог найти волну причины. Представь себе следствие без причины!?

— Причина скоро наступит.

— Что?

— Должен признаться, что я сам с самого начала был обеспокоен. Лаарс зафиксировал будущее возмущение, причина которого была неясна. Это произошло впервые в исследовании Хаоса. Теоретически, однако, это возможно. Объяснение этому элементарно: причины пока что еще нет.

— Но ведь не может быть без этого и следствия!

Ты плохо понимаешь Хаос, Брон. Уничтожение "Тантала" является запланированным действием в системе энтропии. Его нельзя изменить. Но пока еще не ясно, каким образом он будет уничтожен. Поэтому причина еще не может существовать в этой схеме.

— Как же он будет уничтожен?

— Я же тебе уже сказал, что причина еще не ясна. Одно могу сказать точно — это сделаешь ты?

— Я???

— Да, Брон. Это ты стоишь в начале совпадающих осей. Ты являешься катализатором изменения энтропии.

— Разве не Флот Службы?

— Нет. Иначе уже существовала бы ясная волна, соответствующая намерению атаковать. По правде говоря, поскольку диаграмма исключительно чистая, думаю, что Флот Службы не долетит даже до места катастрофы.

— Здесь Джесси, Брон. Я слышала конец разговора. Все сходится. Атака отменена.

Каждое ее слово было пронизано разочарованием.

— Ты шутишь?

Нами получены координаты Базы Разрушителей. Это планета Брик. Она была колонизирована во времена Великой Миграции. Это сельскохозяйственная планета, полностью лишённая промышленности. Невозможно, чтобы она была Базой Разрушителей. Генштаб допускает, что она может применяться как вспомогательная база, но флот может там находиться не более нескольких часов. Наши корабли даже не нужно посылать туда.

— Значит моя миссия оказалась ненужной?

— На всякий случай мы будем продолжать поддерживать с тобой контакт, но официально, ты прав, все закончилось.

— Я счастлив. Наконец-то я буду способен сделать что-то сам. Где там Ананиас?

Пошел собирать свои кости в госпиталь. Док хлопочет о нем в Генштабе, но пока безрезультатно.

— Я еще не покончил с этим генеральчиком, Джесси. Слушай, ты можешь сделать мне небольшое одолжение? Узнай, каково было оборудование "Тантала". Ананиас им командовал, и я хотел бы знать, имел ли он доступ к информации связанной с Хаосом.

— Что ты, собственно, ищешь?

— Просто хотел бы сориентироваться, что могу узнать, а что нет.

— Хорошо, я проверю. Поверь мне, что возможность уничтожения этого типа доставит мне большое удовольствие.

В этот момент зазвучали сирены тревоги. "Тантал" медленно выходил из подпространства. Брон раздраженно ждал, пока его выпустят, так как все говорило о том, что экипаж срочно покидает корабль. Наконец открылась дверь и в проеме появился Дауквист.

— Ты должен благодарить Лаарса. Лично я хотел, чтобы ты остался здесь... Но он так увлекся твоим анализом диаграммы Хаоса, что просил меня разрешить тебе доступ к аппаратуре, которую он не может применять.

— Не может?

— Согласно Хаосу, этот корабль должен быть уничтожен. Все уже эвакуированы. Ты останешься на палубе с несколькими людьми из экипажа. "Тантал" будет находиться на постоянной и строго рассчитанной орбите. Если тебе посчастливится и ты останешься жив после предначертанной катастрофы, то мы заберем тебя, и Кана решит твою дальнейшую судьбу. Экипаж получил приказ уничтожить тебя, если ты попытаешься сойти с этой орбиты. Кроме того, ты можешь сам выбрать способ, каким добраться до Ада.

Брон молча следил за отлетом последнего десантного катера. Те, кто остался на "Тантале" по приказу Дауквиста, казалось, впитали самые отвратительные черты Разрушителей. Он старался не обращать на них внимания, но это почти не удавалось.

Брон отправился в компьютерную. Его разум уже начал высчитывать всевозможные варианты для нахождения выхода из создавшейся ситуации. Однако он решил отложить это до времени возврата в подпространство.

Включил терминал и начал постепенно вводить данные, стараясь не смотреть на руки и на экран.

— Брон, что ты делаешь?!

— Тренирую пальцы, они мне могут скоро понадобиться, чтобы сдвинуть кое-кому глотку!

— Покажи, что ты делаешь? Ты знаешь устав?

— Хватит, Джесси. Твоя роль закончена. Сейчас настала моя очередь.

— Ты провоцируешь меня? — в голосе девушки появились нотки недоверия.

— Замолчи!

Повторяю! Мне необходимо видеть, что ты делаешь. Мне очень не хочется применять карательные меры, Брон.

— Попробуй!

— Брон...

Не обращая внимания на крики из трансфера, он отослал данные прямо в главный компьютер.

— Предупреждаю тебя последний раз, может быть ты забыл как это делается?

— Позови Дока, — сказал раздраженно Брон. — Если я и забыл, то он мне это напомнит.

Первые результаты начали появляться на ленте. Он внимательно читал их. Голос Джесси становился все более визгливым. Наконец появился Док.

— Что происходит, Брон? Ты должен был давно знать, что эту девушку никогда нельзя раздражать.

Док производил впечатление очень хорошего руководителя.

— Слушай, Док. Я хотел бы узнать от тебя — какую игру ведет Анианас?

— Не ты один пытаешься узнать это. Он имеет большое влияние в Генштабе. Они позволяют ему совать нос во все дырки. Отвечаю также на твой предыдущий вопрос: он имел доступ ко всем данным по Хаосу.

— Это он посоветовал не мешать Разрушителям атаковать Онарис?

— Да, но это было согласовано с общим планом действий.

Брон внимательно просмотрел очередную ленту с данными компьютера. На этот раз результаты были более обещающими.

— Бомба — тоже была частью плана?

— Нет, этого мы никогда не принимали в расчет. Иначе ни за что не позволили бы Разрушителям испепелить планету.

— Может быть ты и не позволил бы, но Анианас...

— Не знаю.

— В этой истории ничего не связывается. А меньше всего сам Анианас.

Наконец Брон увидел значок на ленте, означающий конец расчета.

— Я думаю, что Ананиас знал о готовящемся уничтожении Онариса и притом давно. Он знал об этом так же хорошо, как и то, где и когда Разрушители смогут отыскать меня. Вы недооцениваете его. И он давно знал, что добытые мной данные ведут к планете Брик.

— Но ведь...

— Так что, Док, Ананиас просто-напросто водил вас за нос.

20

— Как? — взорвался Док Веедер. — Откуда ты знаешь?

— Мне удалось запомнить параметры с матрицы. И именно сейчас я провел их анализ. Я еще не смотрел звездные карты, но бьюсь об заклад, что База Разрушителей отдалена от планеты Брик, по крайней мере, на полгалактики. Все данные относительно сектора были фальшивые.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Скажу больше, Ананиас не только изменил данные, но имел в запасе и другие. А это привело нас к точке выхода. Совсем другой точке выхода. А сейчас, слушайте меня, Док. Мы с вами не справились с заданием отыскать и уничтожить Базу Разрушителей. Теперь очередь одного человека. Настала моя очередь. Я один и у меня есть план. Только, прошу вас, не мешайте мне.

— Если подойти формально, то ты все еще находишься в нашем подчинении. Конечно, все, что ты сообщил, требует тщательного расследования. Но сейчас не это главное. Главное, о чем я прошу тебя, Брон, это чтобы все, что ты собираешься сделать, согласовывалось с нами, понимаешь?

— Нет. Ананиас манипулирует вами. Я не знаю его намерений, но помогать ему — ни за что!

— Не говори так, Брон! У нас есть возможность заставить тебя подчиниться.

— Не пугай меня, Док. Я прекрасно знаю устройство биотропного передатчика. Он не действует даже в пределах одной планетной системы, не говоря уже о звездах...

— Это значит, что ты...

— Вы вынуждены применить усилитель. Достаточно его уничтожить, и я буду свободен.

— Ты блефуешь, Брон. Тебе не хватит жизни...

Пальцы Брона сомкнулись на кресте, висящем на шее.

— Так вы не оставите меня в покое?

— Ты рискуешь попасть под трибунал. Ты знаешь, что бывает за нарушение приказа?!

— Док! Ты что, в самом деле думаешь, что сможешь остановить меня? Сначала посчитай мои шансы дожить до трибунала!

Наступила долгая пауза.

— Ты выиграл. Мы будем работать с тобой. Но без вмешательства. Давай данные.

Брон быстро прочитал результаты расчетов.

— Проверяйте, но никакого результата не ждите. И не посылайте флот. Там не с кем воевать.

— Не понимаю. Ведь ты сам не можешь атаковать целый флот!

— Это не случайность, что "Тантал" приговорен.

— Я не могу с этим согласиться. Нужно что-то делать.

— Делайте, что хотите. У вас просто не хватит времени.

Брон вернулся к своим вычислениям, запрашивая навигационный компьютер о космографических данных. Он также больше не обращал внимания на то, будут ли читать в Службе результаты его вычислений. Понять что-либо из них было невозможно, не зная исходных параметров.

Джесси заняла место за пультом.

— Я не знаю, что ты сказал Доку, Брон, но он вылетел из пультывой как ошпаренный. Что же касается меня, то я знаю, как тебя успокоить. Даже если бы при этом нужно было убить тебя.

— Отвяжись, Джесси. Разве Док не сказал тебе, что меня нужно оставить в покое?

— Официально он сказал об этом. Однако не запретил разговаривать с тобой.

— Я скорее бы хотел сейчас получить нажатие кнопки кары, чем слушать тебя, моя дорогая.

— Понимаю тебя, Брон. Тебе посчастливилось забыть меня.

— Ну, как-то нужно было компенсировать мою примерную жизнь.

— Если бы ты помнил то, что и я, то никогда не позволил бы себе такие шутки... У меня нет слов, чтобы описать такое чудовище, каким ты являешься!

Он дождался последних результатов вычислений и пошел в оружейный отсек. Было весьма маловероятно, чтобы кто-то из экипажа заглянул туда во время полета в подпространстве. Но если бы такое случилось, рассчитывать на снисхождение ему не пришлось бы. Его мысли, видимо, каким-то образом просочились в канал связи, так как немедленно в голове раздалось учащенное дыхание Джесси.

Он шел медленно, прижимаясь к стене. И страстно надеялся, что дверь окажется незаблокированной. Так и оказалось. Техники во время эвакуации совсем потеряли голову и не думали о блокировке.

Когда он удостоверился, что может работать без помех, то стал внимательно изучать имеющуюся в этом помещении аппаратуру. Взрыватели ракет были знакомого типа. Его память медленно пробивалась через блокаду, по мере того, как распадалась гипноличность Андера. Он подошел к пусковой установке и проверил ее работоспособность. Вернее, попытался сделать это. Перед ним находились четыре ракеты типа "Немезида". Конечно, ни одна из них не походила на ту, что уничтожила Онарис. Они лежали в своих гнездах, ожидая человека, который должен был соединить их в одно целое. Брон быстро начал работать и уже через следующее мгновение понял, что его руки не утратили прежней сноровки.

Самая сложная часть операции заключалась в том, чтобы дослать ракеты на стартовую площадку. Во время подпространственного полета эта операция обязательно должна была привлечь внимание экипажа.

Брон еще раз проверил правильность программы приборов навигации ракет. Затем настала очередь двигателей. Конечно, их работа могла быть немедленно остановлена из навигационной рубки, но он надеялся, что пока там поймут, в чем дело, ракеты уже будут далеко. Он включил зажигание каждой из ракет и тотчас же, не дожидаясь команды с навигационного отсека, нажал кнопку тревоги. Результат этой операции напомнил ему полный хаос, о котором он так часто мечтал. Весь корабль наполнился звуками сирены, призывая экипаж немедленно занять свои места.

Когда он удостоверился, что все ракеты вышли на старт, то немедленно бросился в навигационную рубку.

Не успел он войти туда, как следом вбежали два Разрушителя, подозрительно посмотрели на него и ринулись дальше. Через несколько секунд наступила тишина. Брон с ангельским выражением лица внимательно просматривал навигационный атлас, в то время как Джесси не переставая кляла его на чем свет стоит.

Тишина продержалась недолго. Разрушители быстро сделали выводы.

Командир был большим и грубым и настолько молодым, что его китайская рожа могла сойти за оригинальную красоту. Черты лица его солдат носили на себе смещение рас, живущих на захваченных Разрушителями планетах.

— Ты, кретин! Не послушал предупреждений Дауквиста и решил выдать себя за героя?

Одно его движение, и стволы бластеров нацелились на Брона.

— Героя с Онариса! — продолжал смеяться Разрушитель. — Ну, что ж, так и быть, мы поможем тебе стать героем. Вот только я очень хотел бы увидеть, как такой герой будет молиться перед смертью. Ха-ха!

— И я с удовольствием понаблюдаю за этим, — заметила Джесси. — Я думаю, что эти славные ребята хотят показать тебе их собственный взгляд на Хаос. Все неприятности с тобой происходят из-за того, что ты никогда не знаешь, когда нужно остановиться.

— Ну, молись!

У Брона не было никакой возможности уклониться от удара. Кулак попал прямо в лицо, и он упал. Тотчас же сапог, окантованный железом, врезался ему в ребра, убеждая, что есть вещи похуже, чем рубашка из спор грибка.

— Будешь молиться? Знай, что твоя жизнь в моих руках, синкретист. Дауквист приказал стрелять при малейшем подозрении, Ну, так что?

— Подставь ему другую щеку, Брон. И может быть ты растрогаешь его до такой степени, что он сжалится над тобой. Это твой единственный шанс. Это было обиднее всего. То удовольствие, которое он уловил в ее словах...

— Заткнись, сука! Я еще доберусь до тебя...

Удар в живот был подобен удару молнии. Чьи-то руки подняли его. Молодой Разрушитель стал медленно и методично опускать свои кулаки то в тело Брона, то в его голову. Джесси строила из себя ангел-утешителя и с удовольствием специалиста наблюдала, комментируя отличную работу специалиста. Брон старался, насколько мог, расслабиться и потерял сознание.

Он погрузился в темноту почти с благодарностью?

21

Кажется, это началось с шепота посреди белой пустыни...

Голос Джесси.

Боль вернулась вместе с сознанием, а семантический предохранитель сделал невозможным его провал в полную потерю сознания.

Молодой китаец, как он назвал этого Разрушителя, стоял прямо перед ним, и глаза его блестели в темноте. Сильный удар в солнечное сплетение вырвал у Брона крик боли вместе с остатками воздуха из легких.

... израненное тело колеблется под ураганными порывами морозного ветра...

— Джесси, ради бога, перестань. Отвяжись от меня, наконец!

Он не пытался сделать то, что говорил вслух. У него начались нелады с рассудком. Эта девушка просто-напросто издевалась над ним. Она специально применяла семантический ключ, чтобы он сохранял сознание во время этой ужасной пытки. Страшные удары вновь обрушились на него.

Разум, который распался не от пыток железом...

— Джесси! Ты тварь!

Сейчас ему было все равно, выживет он, или нет. Единственное, чего он страстно желал, — это освобождения от этого безжалостного уничтожения его тела.

Какой-то искалеченный мученик сошел с ума, поднял голову и крикнул в небеса: Боже! Почему ты меня покинул?

Потребовалось несколько минут, чтобы Брон понял, что лавина ударов прекратилась. Перед глазами плавали красны круги и кровь слепила глаза. Он постарался выпрямиться, но смог сделать этого только благодаря рукам, поддерживавшим его. Он попробовал сосредоточиться. Двое Разрушителей внимательно рассматривали какой-то предмет, в котором он с трудом узнал свою Библию. Китаец опять подошел к нему. Брон задержал дыхание, ожидая новых ударов. Однако ничего не произошло. Через распухшие глаза он наблюдал, как Разрушитель удивленно смотрел на него.

— Мой бог! Я видел людей, которых убивал один удар моего кулака. А ты выдержал их много и все еще жив и к тому же даже не потерял сознания! Я не знаю твоей религии, синкретист, но вижу, что ты из породы твердых орешков. Жаль, очень жаль, что ты не с нами. Ты был бы очень полезен нам.

Как сквозь туман Брон почувствовал, что его куда-то несут. Потом он обнаружил, что лежит уже на чистой постели. Он не помнил рук, которые обмыли его от крови и смазали раны. Единственная вещь, которая произвела на него впечатление раскаленного железа, был голос Джесси, который не переставая резал его мозг.

Это только проба моих возможностей, Брон. Запомни это. Я учу тебя, ведь это счастье, что ты забыл обо мне.

Он пришел в себя в чужой каюте, ощущая, что кто-то недавно вышел отсюда. Он уверился в этом, ощутив запах чего-то странного.

Малейшее движение причиняло страшные боли. Но это не останавлило его, так как необходимо было добраться до зеркала. Выглядел он страшно. Вернувшись в постель, он сел и тут увидел на столике перед собой оставленный завтрак. Через силу, заставляя свои разбитые губы раскрыться, он немного поел.

Еда и самодисциплина, которую он вызвал сам в себе, немного поправили его состояние и, наконец, он ощутил, что может начать действовать.

— Джесси?

— Нет. Здесь Веедер. Джесси пошла завтракать.

— Одолжи мне немного наивности, Док. Я чувствую, что только этого мне и не хватает. Вчера было очень страшно. Я не чувствовал себя так со времени операции в Европе. Почему вы не дали мне умереть?

— Здесь две причины. Во-первых, Разрушители испытывают особое уважение, когда дело касается силы и выдержки. То, через что ты прошел, убило бы любого, кто не имел твоей выдержки и тренировки. Во-вторых, я думаю, что они не догадались, что ракеты стали на старт. Они выключили все датчики тревоги и заблокировали выходы. Поскольку они не являются оружейниками, то и не проверяли состояние пусковых установок. Я не знаю, что ты хотел сделать, но знаю, что ты дорого за это заплатил.

— Я бы заплатил еще больше, чтобы не слушать тебя.

— Они убили бы тебя, — запротестовал Док. — Твоя выдержка и несколько случайностей спасли тебя. Скажу, что ты обязан только поблагодарить ее за то, что еще жив, хотя немного и помят. Кстати, мы проверили данные. Ты прав. Это система из пяти планет на краю Галактики. Суперсовременная база, которую мы не могли бы найти без твоей помощи. Генштаб послал уже туда флот, и они будут там через 160 часов.

Разговор был прерван появлением китайца. Он улыбнулся Брону и показал ему забинтованные руки.

— У тебя дьявольски твердый лоб, синкретист. — сказал он и положил на кровать форму. — Одень ее. Ты солдат, а не какой-нибудь вонючий штатский.

На этот раз Брон не спорил. Форма прекрасно подошла по размеру. Китаец, которого звали Мак, удовлетворенно улыбался.

— Вот теперь ты настоящий Разрушитель. Если бы мне пришлось драться не на жизнь, а на смерть, я бы хотел, чтобы ты был рядом со мной.

Брон промолчал. Мнение этого человека опиралось на интуицию и ничто не могло изменить его. Похоже, что комедия подходила к концу.

Тридцатью пятью часами позже "Тантал" вышел из подпространства. На большом расстоянии от цели их полета корабль ожидал остальной флот Разрушителей. Это было труднозабываемое зрелище. В одно мгновение "Тантал" перестал быть просто брошенным в космосе куском металла. Сейчас вокруг корабля ярко сверкали звезды, сделанные рукой человека.

Случайно выбранная точка встречи кораблей не помешала анализу Службы. С этой минуты эскадра была обречена. Пространство вокруг Базы через несколько дней станет местом сбора самого большого флота Мстителей. Всюду, где будут пролетать корабли Каны, их гравитационный след обязательно будет найден Службой. Хотя почему-то Брон был уверен, что Мстители прилетят поздно.

"Тантал" вместе с флотом нырнул в подпространство. Экипаж занялся обычными делами, но постоянно один Разрушитель сторожил его. Но Брон не жалел об этом. Он уже ничего не мог сделать во время полета. Его отношения с командой резко изменились. Зная, какую судьбу он подготовил им, Брон временами жалел, что они должны погибнуть.

Он спал, когда "Тантал" отделился от остальных. Брона разбудила тишина, наступившая после выключения гравитационного привода. Он снова заснул.

Он лежал на подушке такой мягкой, как лоно матери. И плыл, плыл где-то, влекомый каким-то сильным течением, несущим его к цели. Он явственно слышал шум потока. И ощущал сильное давление. Слышал странные голоса, водянистые и липкие. Но больше всего им сейчас владел страх.

Он опять погрузился в темный туннель, куда-то уносясь из черных водах этой жуткой реки. На каждом повороте на него с новой силой наваливался страх, что дальше уже ничего не будет. Вскоре он поверил, что это конец, что река вот-вот вольется в какую-то пещеру и он останется там обнаженный и безоружный, столкнувшись с жуткой реальностью, совершенно не подготовленный к встрече с ней.

Беспокойство сменилось паникой. Шум воды усиливался, становясь все более угрожающим, более болезненным и давящим. Он угрожал потерей памяти, странной и ужасной лихорадкой.

Рев двигателей разогнал этот кошмар и вырвал его из сна. Придя в сознание, он упал на пол и с облегчением воспринял боль от падения, которая совсем разогнала сон. Однако, если кошмар исчез, то странный шум был явственно слышен в его голове.

22

— Док? Джесси? Снова шум в канале.

— Мы ничего не слышим, солдатик.

— Ананиас? Я думал, что тебе запретили подходить к пультам.

— Все устроилось относительно легко, парень. Кажется мне, что что-то получилось, если Док выпил кофе, а Джесси рюмку виски. Поскольку ты в курсе дела, то мне думалось, что мы могли бы поговорить откровенно.

— Мы всегда были откровенны. Так вот — ты обычная свинья, избавленная от угрызений совести. Знай, что когда я доберусь до тебя, тогда ...

— Хорошая память — это прекрасная вещь, Брон. Если мне не изменяет память, то было два парня, избавленных от совести и ты всегда был

первым. Можно даже сказать, что я получил свое только благодаря твоему влиянию.

— Но я здесь не для того, чтобы обмениваться комплиментами. Я хотел бы предупредить тебя.

— Ха-ха! Что бы ты не говорил, изменить уже ничего нельзя!

— Как раз наоборот. Ты уже забыл, что за всей историей скрывается целый план? С помощью бога и моей дедукции тебе еще может быть удастся спастись. Но это будет невозможно, если ты будешь мне мешать.

— Ты часто об этом говорил.

— Это не со зла. Единственная надежда, что флот Службы прилетит с опозданием.

— Что ты хочешь, Ананиас? Ведь тебе же на руку победа Службы?

— О, Боже! — крикнул откровенно удивленный Ананиас. — Ты же высоко витаешь в облаках, и это смешно. Если бы ты не был таким сильным катализатором, я бы тут же уничтожил тебя. Предупреждаю, Брон. Позволь событиям идти своим чередом. Не добавляй к ним своего Хаоса. Если же ты будешь все усложнять дальше, я начну действовать против тебя. Даже если тебя придется раскрыть. Поскольку ты помнишь немного, то я позволю тебе кое-что рассказать, чтобы заставить тебя призадуматься. Ты знаешь, кто придумал эти фальшивые данные? Ты! Твой помутившийся рассудок выдумал это! Но зачем? На это есть только один ответ. Потому, что если эти два флота ударят друг друга, то уничтожат друг друга. Я что тогда мы сделаем?

Брон не ответил. Он боролся с фальшью услышанных слов и не мог связать их с действительностью.

Тем временем "Тантал" был охвачен движением. Был приготовлен шлюз для приема шлюпки. Он внимательно наблюдал за работой экипажа. Эти люди жили в Космосе и считали его своим врагом. Это были решительные и чрезвычайно тренированные люди. Это еще подтвердило мысль Брона, что если грозные Разрушители встретятся со Службой, то победителей не будет. Это будет борьба на смерть, в которой обе стороны будут уничтожены. Хотя кое-какие корабли могут и остаться, но, вернувшись на свои базы, они уже ничем не будут напоминать два прекраснейших флота в Галактике.

Точка зрения Ананиаса могла быть отброшена при допущении, что какой-то из флотов будет сильнее, хотя бы и Разрушителей.

Внезапное усиление шума в голове вырвало его из размышлений. Он вспомнил бомбу, попадающую на Онарис с расстояния 6000 парсеков. Неожиданность вывода из этого закружили его голову.

— Ананиас!

Ответа не последовало.

— Ананиас!

Тишина. Канал связи был чистым, и первый раз за время операции Брон остался один.

Потеря связи беспокоила его, так как совпадала с новыми событиями, происходящими на палубе корабля. Он с интересом подметил, что экипаж изменил обычное отношение к нему и понял, что они получили новый приказ считать его опасным преступником, а не опасным синкретистом. Однако он все же мог выходить в коридор. Наблюдая за подходом красивой шлюпки к шлюзу "Тантала", он задумался. С этого

момента можно было уже не сомневаться, что его ждет. Китаец подошел к нему и приказал своим людям сковать его руки и ноги, чтобы он не мог быстро ходить. Потом брызнул в лицо Брона газом из баллончика, и сознание покинуло его.

Китаец в это время смотрел на Брона, и Брону показалось, что в тот момент, когда сознание покидало его, на лице Разрушителя промелькнула тень жалости.

— Чокнутый святоша. Но очень твердый. Это точно. Я надеюсь, что тобой займется Кана, ведь Дауквист полный кретин, — буркнул он себе под нос и повернулся к своим людям. — Он неплохой парень. И неважно, на чьей он стороне. Помимо всего он наш гость. На чьей стороне находится человек, зависит от того, где этот человек родился. Этот наверняка здесь погибнет. — Он ткнул Брона носком сапога и добавил:

— Андер Галтори! Негоже идти человеку в ад в наручниках. Но это необходимо. Корабль погибнет, и Кана должен быть уверен, что ты не исчезнешь вместе с "Танталом".

23

Брон пришел в себя в каком-то помещении. На нем не было кандалов и наручников, а также формы Разрушителей. Во время сна его одели в чистую тунику. В кармане он ощутил Библию. Кушетка, на которой он лежал, была явно не корабельная. Не было слышно и характерного для космического корабля шума.

Несколько секунд он собирался с мыслями, потом сорвался с постели, охваченный паникой.

— Джесси! Док! Ананиас!

Узкое окно-бойница позволяло видеть кусок серого коридора с каменным полом. Толстые двери закрывали выход.

— Джесси! Куда к дьяволу вы запропастились? Если вы слышите меня, отзовитесь! Дело чрезвычайной важности!

Охваченный паникой он старался привлечь к себе вниманис. Дверь дрожала под градом его ударов, но она была настолько толстой, что в коридоре его вопли едва ли были слышны, толстое же стекло в окне также с успехом глушило его крики.

— Джесси, ради Бога!

Наконец, в его голове заработали обычные шумы связи.

— Что там опять происходит?

— Заткнись, Джесси. Я должен сейчас же связаться с Ананиасом.

— Ты хочешь говорить с Ананиасом? — удивилась девушка. — Брон, я тоже мечтаю о такой встрече, но как только я встречу с ним, то от него полетят ошметки. Этот кретин всыпал мне что-то в стакан.

— Это меня не волнует. Делай то, что я тебе говорю. И срочно найди мне Дока. Скажи ему, чтобы он задержал флот. Мы совершили страшную ошибку.

— Ты должен предоставить более убедительные доказательства.

— Когда ты найдешь его, я приведу более веские аргументы. А пока что могу сказать, что если два флота вступят в битву, то погибнут оба.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Джесси, я уже почти труп. Но сейчас не это важно. Важно, что мы воюем не с тем, с кем надо!

— Что?

— То, что Кана не лгал, заявляя, что это не он уничтожил Онарис. У него, так же, как и у нас, нет такого сильного оружия. Это чужое оружие и выпущенное с ювелирной точностью, чтобы уничтожить планету, на которой жило 200 миллионов человек. Те существа, которые построили эту бомбу, уничтожили еще 35 планет, именно они являются нашими истинными врагами. Если мы атакуем Кану, то рискуем потерять оба флота, и тогда Галактика будет открыта для завоевания.

Если эта штука Чужаков, то откуда ты знаешь, что они летят к нам?

— Во-первых, я слышу их передатчики в нашем канале связи. Во-вторых, Кана создал свой флот именно поэтому.

— Я не верю этому, Брон! Кана создал свой флот, чтобы уничтожить Землю!

— Кане не нужна Земля. Поставь себя на его место. Если бы у него было такое оружие, как бомба, то он просто отправил бы его на Землю. А для этого не нужен такой флот, такой сильный флот, какой он имеет сейчас.

— Понимаю. Я объявляю красную тревогу для Дока и Ананиаса. Хотя я не верю, что ты сможешь убедить Веедера, но попытайся.

— Я прав, и ты, похоже, сама поняла это.

Это решит Док. Во всяком случае, ты все еще подчиняешься нам. И не пытайся освободиться, я сразу же призову тебя к ответу!

— Я не могу ждать, Джесси. Я должен предупредить также и Разрушителей, чтобы они могли уйти. Мы не должны допустить уничтожения их флота. Это единственная сила, готовая сейчас противостоять Чужакам.

— Я не могу позволить тебе сделать это, пока не придет Док, и только он может решить, что предпринять дальше.

— Я не говорил об угрозе со стороны Флота Службы, я имел в виду тот маленький хаосик, который произвел еще на "Тантале", когда испугался, что флот службы прилетит вовремя.

— Что? Что ты сделал? — закричала Джесси.

— Что? Просто организовал уничтожение этой системы.

— У тебя же нет соответствующего оборудования.

— Да, это так. Но у меня были ракеты типа "Немезида", и я выпустил их еще когда "Тантал" был в подпространстве. Я рассчитал курс их полета и ввел координаты цели. Вскоре вы узнаете, что я не вру.

— Ты глупец, Брон. Четыре ракеты даже такого типа, как "Немезида", не могут угрожать целому флоту и планетной системе. Самое большее, что они могут сделать, это сжечь пару континентов.

— Они все могут, если знают как их применить. Не только континенты, но и все планеты системы будут уничтожены.

— Не преувеличивай, Брон. Я, конечно, знаю, что ты порождение ада, но даже ты не в состоянии сделать что-то такое всего с четырьмя

ракетами. Разрушители их сразу же обнаружат, стоит им только вынырнуть из подпространства.

— Но не там, куда я послал их. При обычной траектории, — я с тобой согласен, их сразу же обнаружили бы охранные детекторы любого крейсера. Но они полетят не к флоту.

— Куда же ты их послал, Брон? На солнце?

— Нет. В этом не было нужды. Разве ты еще не догадалась? Самая близкая к их солнцу планета имеет очень малую плотность — это почти плазма, которая едва держится, образуя единое целое. Вот в нее я и нацелился.

— Но они же дезинтегрируют...

Джесси замолчала на полуслове, не в состоянии постичь все подробности его плана.

— Хотя, — наконец подала она голос, — если эта плазма вырвется на волю, то излучение может простерилизовать всю систему...

— Если я не ошибся в расчетах, то вся масса этой планетки будет притянута солнцем, и тогда возникнет Новая. Я должен предупредить Разрушителей. Поэтому вам необходимо сейчас же попросить Антарес передать сообщение на их волне. Соедини меня с Антаресом.

— Ты с ума сошел? Я не могу сделать этого без согласия Дока. Но даже он должен будет согласовать это с Генштабом!

— Времни нет, Джесси! Пока Штаб примет решение все будет кончено.

Брон опять бросился к двери и застучал по ней кулаками. Безрезультатно...

— К черту все это, Джесси ... Если вы сейчас же не предупредите Разрушителей, то я найду способ сделать это сам, но тогда ...

— Не делай этого, Брон. Мы подчиняемся приказам, а они определяют Разрушителей, как наших врагов. Если ты предупредишь их, это будет считаться предательством. Знай, я буду мешать тебе, как только смогу.

— Отстань!

Он ощупал дверь и засунул пальцы в щель под ней. Удовлетворенный осмотром, он огляделся вокруг в поисках чего-то, что могла бы пригодиться.

— Брон, брось это. Ты уже один раз не послушался нас, и тебя забили почти до смерти. Разве это тебя ничему не научило?

— Сделай мне одолжение, Джесси, испарись!

Маленький фонарь под потолком привлек его внимание. Он достал Библию и полистал ее. Листы были из бумаги. Затем он взялся за кушетку, которая, к счастью, не была привинчена к полу, и сдвинул ее.

— Предупреждаю тебя, Брон! Я убью тебя, как только ты начнешь переговоры с нашими врагами!

— Оставь меня в покое! Ты не осмелишься этого сделать, а ничто другое меня не остановит!

Брон поднял кушетку и сбил колпак со светильника. Свет задрожал, но не погас.

— Я не знаю, что ты намереваешься сделать, но прошу тебя, перестань! Предупреждаю тебя, Брон, что я очень раздражена и поэтому могу применить карающие воздействия!

— Это принесет тебе удовлетворение?

Джесси промолчала.

Брон погасил лампу, и камера теперь была освещена только слабым светом, сочившимся через маленькое окно.

— Удовлетворение? Ты даже не представляешь, с какой радостью я нажала бы сейчас на кнопку смерти. И только из-за ...

— Злости?

Брон встал на стоящую торчком кровать и дотянулся до проводов.

— Злость ... месть ... ненависть ... Не знаю уже, что ты еще возбудил во мне ...

Он взял два провода в руку и вложил между оголенными концами сложенный лист бумаги, вырванный из Библии. Потом соединил контакты проводов. Сверкнула искра, и бумага загорелась. Брон начал рвать Библию, добавляя все новые и новые листы. Затем носком сапога подтолкнул горящую кучу под дверь.

— Брон! Прекрати!

— Что же ты не нажимаешь кнопку, если это доставит тебе удовольствие?

От тлеющего дерева начал идти дым.

— Ну, нажимай скорее! Это может быть интересно для нас обоих.

Он приготовился к боли, но то, что он почувствовал, было гораздо страшнее, чем обычная боль. Все его нервы разом были поражены дикой ноющей судорогой. Даже когда она прекратилась, ему потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Голос застрял в горле. Истерическое бешенство Джесси иссякло. Он подумал, что эти тридцать секунд были страшными не только для него, но и для нее тоже.

— Ты свинья, свинья, грязная вонючая свинья — повторяла она шепотом.

Его охватила новая волна сумасшедшей боли, и он понял, что на этот раз она подержит кнопку подольше. К счастью, она слишком возбуждена, чтобы подумать о поддержании его в сознании с помощью семантического кода. С этой мыслью он потерял ощущение времени и пространства.

24

Брон пришел в себя от холодной воды, которую лили ему на голову. Он уже не был в той камере, а лежал в каком-то помещении под завязку набитой аппаратурой. Дауквист с выражением ярости на лице склонился над ним. Кана стоял рядом. Брон удивленно переводил взгляд с одного на другого.

— К черту! — загремел Дауквист.

— Ну ты и даешь, синкретист! Должен признать, что этот твой номер меня удивил больше всего. Но это твое последнее представление, парень!

— Не понимаю...

Брон продолжал играть свою роль, хотя инстинкт подсказывал ему, что сейчас он переигрывает. Но почему? Скорее всего подозрения Да-

уквиста сменились неуверенностью, хотя Брон пока что не понимал причин этого.

— Что случилось, Джесси?

— Ананиас предал тебя, Брон.

Голос был усталым и измученным. Она еще что-то говорила, но Брон уже ничего не слышал. Он все понял. Голос Джесси раздавался из всех динамиков, расположенных на пультах в этой лаборатории.

Улыбка Дауквиста была полна триумфа и ненависти.

— Ну, что, синкретист? Все еще не понимаешь? Ты и твоя девка из Службы? Мы уже с полчаса слушаем вас. Она хочет причинить тебе боль? Ты получишь возможность удовлетворить ее. Будешь мучиться как никто другой до сих пор не мучился. А когда мы все закончим, то вряд ли Служба осмелится забросить нам нового агента.

— Если вы слушали нас, то должно быть узнали, что я старался обратить ваше внимание на свою особу. Те ракеты, которые я отправил с "Тантала"... у вас всего несколько часов для бегства.

— Судя по твоим хитрым шуткам, это скорее всего еще одна глупая выходка. Служба только и мечтает, чтобы мы оставили линию обороны и рассредоточили свой флот.

— Нет, это не подлость. Я ведь не знал, что вы подслушиваете нас.

— Это не они, Брон. Ананиас сейчас находится на палубе корабля-транслятора. Он перехватывает нашу связь и транслирует разговор Разрушителям на обычных волнах.

Кана посмотрел на техника, обслуживающего аппаратуру.

— Это правда?

— Да, сэр. Сверхсветовая связь.

— Помимо всего прочего, это могло быть запланировано. Это, вероятно, ловушка, — буркнул Дауквист. — Отдай мне его, — он повернулся к Кане. — Думаю, что он у меня быстро заговорит.

Кана поднял руку.

— Нет. Если это ловушка, то флот Службы по крайней мере не захватит нас. Мы можем покинуть систему в боевом порядке. Но мое чутье подсказывает, что это не ловушка.

— А что же?

— Схемы Хаоса подсказали гибель "Тантала". Я знаю сейчас, что он выпустил ракеты. Но вот не знаю, где сейчас "Тантал".

— На высокой орбите вокруг первой планеты.

Выражение лица Дауквиста свидетельствовало о нерешительности.

— Нет... я считаю, что лучше будет...

— Разве ты не понимаешь, — крикнул Кана с той силой, с которой держал в подчинении всю Федерацию пиратских планет, — что если синкретист говорит правду, то мы все погибнем, пока будет идти вопрос.

— По тому позволь мне просто прибить его. Я не хотел бы иметь под боком шпиона. Что бы там ни говорили диаграммы, я считаю, что мы достаточно уже на рисковались.

— Я не могу этого позволить, ты знаешь, почему. — Кана посмотрел на Брона. — Я не доверяю тебе, синкретист, не доверяю. Если ты пока еще жив, то только благодаря тому, что умешь читать диаграммы Хаоса, а кроме того, ты являешься катализатором, который вызывает сильные — самые сильные в истории человечества изменения энтропии.

Поэтому, скажи мне, Брон, или как там тебя зовут, каким образом ты хочешь поймать космос за хвост?

Вдруг возле одного из пультов возникло замешательство и один из техников крикнул:

— "Тантал" замолчал!

Кана повернулся к Дауквисту.

— Ты еще сомневаешься в правильности диаграмм, Мартин: это результат взрыва тех ракет. Через несколько часов обломки долетят до центрального светила, но излучение дойдет до нас быстрее. Я объявляю немедленную эвакуацию!

— А я говорю, что это ловушка.

— Ловушка это или нет, но, мне кажется, что ты уже не можешь сомневаться в его способностях влиять на события в космосе.

Дауквист закипел от бешенства.

— Послушай, Кана. Почему ты не хочешь прикончить этого типа? Что станет со всеми этими диаграммами, когда он получит пулю в лоб?

— Интересный вопрос. Но поскольку его участие уже запланировано Хаосом, то ты, или просто не попадешь в его лоб, или мы станем свидетелями интересного явления бессмертия. И то, и другое противоречит моей этике. Вот поэтому я и запрещаю тебе делать то, чего ты так добиваешься. Мы потеряем системы, но сохраним весь флот. Нет смысла играть с огнем.

Дауквист неохотно обернулся к радиооператору.

— Объявляй тревогу. Всем немедленно вернуться на корабли. Наземному персоналу подготовиться к эвакуации. Всем кораблям после старта занять позиции на расстоянии шестнадцати диаметров системы, считая от крайней планеты системы. Этот приказ не обсуждается. Выполнение немедленное!

Дауквист двинулся дальше, отдавая новые приказания. Кана молча наблюдал за Броном.

— Послушай, синкретист, — через несколько минут раздался его голос. — Ты даешь слово не вредить нам? А кроме того, я хотел бы знать твоё истинное звание, которое тебе присвоила Служба.

— Я не могу дать ответа ни на первый, ни на второй вопросы. Во-первых, я все еще на службе и подчиняюсь приказам и поэтому не могу дать слова. Во-вторых, я забыл большинство подробностей из своей жизни.

— Так может быть твой ментор сможет ответить мне?

— Это агент Брон из Центрального Разведывательного Бюро Службы Безопасности, — объяснил голос Джесси из динамиков. — Его звание — коммодор.

— Ага, так. Я так и думал. Скажи мне, коммодор, она слышит твоими ушами?

— Не только слышит моими ушами, но и видит моими глазами.

— Интересно, — буркнул Кана и внимательно осмотрел голову Брона, однако электродов не заметил. — Пожалуй, я недооценил Службу. Ни ее технику, ни ее людей, которые ее создали. Однако я буду продолжать называть тебя Галторном-синкретистом, как бы там ни было, ты продолжаешь оставаться катализатором Хаоса. Пошли.

Сопровождаемые адъютантами, они вышли во двор. Вокруг простиралась пустыня. Атмосфера была влажной и холодной, насыщен-

ной одиночеством. Полная противоположность представлению о Базе Разрушителей. Единственное, что свидетельствовало о присутствии людей, — это втиснутые в скалистые расщелины домики и металлические бараки-лаборатории.

Он с интересом рассматривал раскинувшуюся панораму. Только когда Брон сориентировался, на какой высоте они находились, его оценка бледно-серого солнца изменилась. Он понял, что это пародия на зиму соответствовала в действительности полудню. Никому не пришло бы в голову построить свою Базу в таком не гостеприимном месте. И чем сильнее он задумывался над этим, тем более полно понимал всю историю. Корабли Разрушителей не были на своей базе. Сначала они решили оставить рабочих на планете, которую решили колонизировать. Это была обычная колония — лагерь для тысяч рабочих, которые должны были работать под этим серым солнцем. Люди были более выгодны, чем машины, особенно в первый период колонизации чужой планеты. Да и легче их было добыть. Кроме того, они сами себя воспроизводили, и людей было легче обучить разным специальностям, чем машины. Было неважно, что многие из них гибли во время адски трудной работы. Таким образом, в самом широком смысле слова, человечество восторжествовало над машинами.

25

Брон ощутил вдруг себя так, что это он приговорил этот мир к смерти. Вокруг было множество десантных ботов и ракетных шлюпок. На орбите флот Разрушителей строился для встречи с флотом Мстителей. Он был уверен, что тех рабов, которых они успели захватить на Онарисе, поспешно бросили на произвол судьбы.

Он почувствовал на себе пронизывающий взгляд Каны и подумал, а не может ли этот выдающийся интеллект читать его мысли. Однако по его виду трудно было догадаться, о чем он думает.

Каплевидные корабли, обеспечивающие непрерывное сообщение с кораблями на орбите, находились на дальних подступах к базе. Возле них непрерывно сновали многочисленные транспортные машины, перевозящие оборудование и людей. Все время в воздухе раздавались сигналы сирен. Группы ошалевших невольников с различных планет гнали через поле, как скот. Разрушители старались быстрее добраться до остального флота на орбите.

Множество беспокойных взглядов было направлено в сторону серого солнца, словно оно могло в один прекрасный момент покраснеть и взорваться. Через какое-то время этот тусклый мир познает самое горячее лето за все времена своего существования, но вместе с теплом и светом придет излучение, которое сделает невозможным жизнь на этой планете. Это был бесспорный факт, хотя никто не мог предсказать время катастрофы.

Брон сам начал ощущать нарастающее беспокойство. Словно катастрофическая натура событий сдавила своей тяжестью человеческую брезнь смерти. Внезапно его внимание привлекли новые события. Рядом с ними приземлился десантный бот. Семь транспортов приземлились немного дальше.

Кана подал знак, чтобы он сел в одну из машин, и обернулся, ища взглядом Дауквиста. Он подождал несколько минут, поглядывая то на солнце, то на свои часы, в то время как пилот бота пытался по радио вызвать полковника. Вокруг усиливался круговорот эвакуирующихся Разрушителей. Как только транспортник заполнялся до отказа, Кана давал разрешение на старт.

Поскольку Брон занял уже место в одной из машин, он должен был улететь раньше Каны.

Все также одетый в свою белую тунику, он думал, что Разрушители будут с угрозой относиться к нему, так как видели в нем причину настоящего кризиса. С удивлением он отметил, что они оказывают ему уважение, как обычному офицеру. Они помогли ему удобно разместиться в одной из трех кают экипажа и даже принесли бутылку виски.

Спустя несколько бесконечно тянувшихся минут, бот, наконец, стартовал, пронзая атмосферу обреченной планеты.

Стыковка с кораблем на орбите была очень точной, и Брон отметил, что еще никогда не видел такого совершенства даже среди экипажей Службы.

Его уже ждал вестовой, который провел его на командирский мостик. Немного позже прилетел Кана. Почти тотчас же заработали гравиприводы. Большая мощностная, посланная сразу в генераторы, говорила о том, что со стартом очень спешили. Кана подтолкнул Брона к контрольному экрану, чтобы он увидел причину спешки.

У него перехватило дыхание. Камеры смотрели на солнце, которое теперь уже не имело ничего общего со старым светилом этой системы. В его недрах бушевала солнечная буря таких размеров, что даже с расстояния 100 миллионов километров, казалось, угрожает кораблям. Гигантские языки огня вылетали с поверхности солнца со скоростью одной десятой скорости света. Перед глазами людей солнце начало сжиматься, покрываться морщинами, выбрасывать протуберанцы, его яркость увеличилась настолько, что автоматика не справлялась с яркостью изображения. Вместе с нарастающей радиацией языки огня расходились все дальше и дальше в космос.

Брон был не в состоянии оценить мощность взрыва, но объективы камер переключались на все больший угол зрения, чтобы охватить все происходящее целиком. Сильное излучение уже почти навсерьеза пробило атмосферу обитаемых планет. Вторая планета уже должна была превратиться в сплошное стекло. Третью, которую они покинули, скоро постигнет та же участь. Ее уже начало бомбардировать излучение, и жизнь на ее поверхности погибла. Быстрота и размеры катаклизма превышали все, что мог представить себе Брон.

Время от времени камеры показывали корабли Разрушителей на фоне распространяющейся бури. Каждый из них находился на своем курсе, который позволял им уйти от излучения, сохранив тем самым экипажи.

Потом камеры переключились на третью планету, фиксируя подробности происходящего. Семь кораблей все еще оставались на орбите и, видимо, там и останутся. Перед таким смертоносным излучением их не могли защитить даже мощные силовые экраны. Экипажи наверняка погибли. С планеты стартовал десантный бот и зигзагами пошел вверх, затем перевернулся вверх дюзам и врезался в поверхность. Кана пожелал узнать подробности. Один за другим были опознаны оставшиеся на орбите корабли. Их гибель была вопросом нескольких минут. Конечно, корабли можно будет потом отыскать, но людей уже там не будет.

Флагманский корабль "Энтерпрайз" находился довольно далеко от шевелящихся щупалец излучения, и вскоре рев перегруженных двигателей пришел в норму. Но Кана на этом не успокоился. Он кипел холодной злостью, и это было жутким зрелищем. Он беспрерывно требовал новых данных по всем кораблям своего флота, которым удалось уйти от катастрофы. Наконец он повернулся к Брону, и на лице его появилось выражение трудно сдерживаемой ярости.

— Теперь ты видишь, что натворил, синкретист? Я потерял три обитаемые планеты, по крайней мере семь кораблей, более тысячи людей... и Мартина Дауквиста.

Он замолчал, словно ему не хватало слов, но тут же снова начал говорить, продолжая бороться с нарастающим гневом.

— Один человек, какая-то дурацкая книжонка, и горсть биотроники. О, Боже! Ничего странного, что формы Хаоса трактуются с таким уважением. Если ты смог сделать столько, будучи всего лишь пленником, то я дрожу при мысли, что станет со Вселенной, если тебе доверят целый флот

Он с горечью посмотрел на экраны, показывающие набухшее солнце, которое заставили уничтожить свою же систему, которую оно же образовало тысячелетия назад.

— В первую очередь я должен заняться обеспечением безопасности флота. Приходи ко мне в каюту через час. Мы должны поговорить с тобой.

Он отошел к своим офицерам, которые готовились к совещанию, а по дороге зашел к радистам, пытавшимся поддерживать связь с кораблями флота.

Брон еще немного посидел возле экранов, ошеломленный гигантским Хаосом, который он сам и вызвал.

Разрушения в таком колоссальном масштабе при применении четырех относительно небольших ракет "Немезида" было возможно лишь благодаря его первородному гению, который нашептал ему, как можно увеличить в миллион раз разрушительный эффект их боевых зарядов. Но он один обнаружил в себе такой талант. Он стоял лицом к лицу с издавна начертанным предзнаменованием. Таким исключительным, что решение о его смерти на Онарисе было вынесено почти 700 миллионов лет назад совсем в другой Галактике.

26

— Док сказал, что тебе повезло, — и Солнце превратилось в Сверхновую, — сказала Джесси тихим голосом, который вывел его из раздумий.

— Он уже вернулся?

— Уже давно. Сейчас он просматривает свои записи, стараясь что-нибудь в них найти.

— Что?

— Он проиграл в Генштабе. Они сняли его с поста, и вся операция отдана под его начало этого гов... на Ананиаса.

— А руководство Флотом?

— Все! Он теперь Главный Советник Генштаба.

— А где он сейчас?

— В космосе на корабле радиосвязи. Хотя, я думаю, что он слышит наш разговор.

— Слышит наш разговор?

— Именно так, солдатик, — голос Ананиаса был приглушенным, но вполне разборчивым. — Я рад, что ты снова в форме. Ты состряпал миленькое дельце, которое превышает все твои прежние похождения. Но дело в том, что ты поставил не на тот цвет. Думаю, что тебе уже не нужно будет заботиться о врачах.

— Помогите мне, Ананиас. Задержи Флот Службы перед столкновением с Разрушителями. Флот Каны уже готов к бою. Он в состоянии размотать ваш флот в щепки?!

— Спокойно. Эти два флота никогда не приблизятся к тебе более чем на парсек. Я уже жалею об этом. И беспокоюсь за тебя. Ты забыл, что ли, что у нас был план и это был твой план! Разве ты не помнишь?

— Что-то у меня мельтешит в мозгу, но глобально я ничего не помню.

— К твоему сведению, мы оба были занесены в черный список, от которого смердило на целую милю. Мы могли быть повешены, если бы нас выдали. И то, что мы не повисли на рее, моя заслуга. Но я не мог все время тащить тебя за руку. Ты должен сам все сделать и притом быстро! Во всяком случае, если уж будет что-то суперважное, советуйся со мной. Если ты отколешь такой же номер еще раз, то считай, что мы уже потеряли Землю. Джесси? Ты там?

— Слушаю тебя, Ананиас.

— Стереги этого короля безбожников. Мы входим в подпространство, и я не смогу контролировать ваши переговоры. Если Брон начнет брыкаться, утихомирь его. Я свяжусь с вами, как только смогу.

— Хорошо. Ты горд собой? Штаб еще раз подтвердил свое решение. Выходит, что теперь мы работаем на тебя?

— Я давно говорил об этом. И продолжаю считать, что быть шефом всегда приятно. Но натворить такое я бы не смог. Истинный виновник наших несчастий сидит сейчас на другом конце канала. И если бы он потерял память, то я бы кое-что лично сказал бы ему.

Изменение уровня шумов означало, что Ананиас отключился. Благодаря этому Брон мог лучше слышать странные шумы, давно проходившие по их каналу связи. Он отметил, что они стали более громкими и отчетливыми. До сих пор несные шумы были почти сплошным гулом, но сейчас они стали разделяться на отдельные голоса, словно он слышал

крики птиц, поднятых по тревоге со своих гнездовий. Он подумал, что если громкость этих криков будет нарастать, то он не сможет связываться со Службой, тогда он будет вынужден полагаться только на самого себя. Брон отбросил эти невеселые мысли и сосредоточился на своих делах.

— Джесси или Андер, вы здесь?

— Здесь, Брон. Ты хочешь с ним поговорить?

— Непременно. Я должен знать, что такое катализатор Хаоса.

— Хорошо. Подожди несколько минут. И, кстати, прошу прощения за боль, причиненную тебе. Я должна была привести тебя в чувство. Когда два существа, такие близки друг другу, как мы, то, конечно, скрыть чувства невозможно.

— Ты хочешь сказать, что этого нельзя было избежать? Это должно было произойти рано или поздно? Ты думаешь иногда о наших прежних отношениях?

— Нет опасений, что я что-нибудь забуду, если ты подразумеваешь это.

— А как на самом деле? Это мне напоминает... мистическую связь мыслей между палачом и жертвой. Ты сейчас ближе ко мне, чем когда мы лежали с тобой в одной постели.

— Иногда я даже думаю, что ты читаешь мои мысли.

— У меня это часто случается. Немного от чувств, немного потому, что я могу поставить себя на твое место. Но это настолько неясно, что я нечетко все понимаю, но вполне достаточно, чтобы понять эмоции. Даже не знаешь, что и думать... видишь ли, когда ты трогаешь другую женщину, я покрываюсь гусиной кожей.

— Гусиной кожей?

— Именно. Когда жалеешь себя, когда ненавидишь. Это есть горечь любви, и вот тогда мне хочется рыть, хочу кричать им всем, чтобы они понимали тебя так, как понимаю я. Но этого никто не хочет понять.

— Даже я?

— Ты совсем другое дело. Мне кажется, что ты являешься одновременно и палачом и жертвой. Это твоя роль. Ты и меня так долго терпишь, потому, что это делает возможным дальнейшее существование нашей связи. Я знаю, что чтобы ни случилось, я буду терпеть так же как и ты. Только иногда наших связей оказывается мало, и я очень хочу вонзиться в твое тело зубами и ногтями, чтобы выравнять баланс. Я как... одуревшая. О, Боже! Это твой тип Хаоса, Брон! Ты с другого конца Вселенной дотрагиваешься до меня, разрываешь и калечишь мое сердце.

Она внезапно замолчала, словно ее кто-то прервал. Потом заговорила снова:

— Здесь Андер. Оставляю тебя с ним. Док принимает дежурство, и если тебе что-нибудь понадобится, связывайся с ним. Я пойду и напьюсь, как еще никогда не напивалась.

Новый голос раздался в голове Брона.

— Это Андер. Я слышал, что ты хотел узнать, что такое катализатор Хаоса.

— Да. Все об этом только и говорят.

— Ну, это очень простое понятие. Ты помнишь наше утверждение, что энтропия возрастает или уменьшается под действием разума.

Большинство людей не влияют на общую схему действия энтропии, и поэтому их нельзя отличить от общей массы. Единицы, однако, катализируют судьбы целых народов и проводят в жизнь общества свои мысли и ценности. Их деятельность можно в определенной степени проследить, так как они вызывают волны Хаоса. Вот таких людей и принято называть катализаторами Хаоса.

— Что это за люди?

— Почти все они исторически выдающиеся личности, а также некоторые святые. Это великие мыслители прошлого и нашего настоящего. Физики, почти все политики, а также такие, как ты, истребительные таланты которых оставили и оставляют шрамы на теле истории. Фамилии большинства из них тебе ничего не скажут, так как результатом их деятельности является не общественная ценность, а эффекты, изменяющие человеческую историю.

— Но ведь я еще не изменил историю! — почти крикнул Брон.

— Еще нет, но формы Хаоса начали изменяться. Если мы подробно исследуем их, то обнаружим массу дефектов, причиной которых в один прекрасный день станешь именно ты. Именно напряжение этих дефектов стало причиной уничтожения Онариса.

— Это пустая болтовня. Какое отношение ко всему этому имею я?

— К сожалению это не болтовня, Брон. На протяжении миллионов лет какое-то разумное существо прочитало то же самое в схемах Хаоса и ужаснулось. Может быть оно было не в состоянии узнать, кто именно будет причиной всего этого, но сумело рассчитать положение и время, причем с отличной точностью, и бомба упала всего лишь в нескольких метрах от места, где находился этот катализатор, хотя и с некоторым опозданием.

— Но почему именно я?

— Подозреваю, что все их усилия направлены на то, чтобы помешать тебе или другим специалистам по Хаосу, которых собирает Кана, что-то осуществить. Но ты являешься катализатором номер один, главным пунктом сосредоточения всех причин. Я не знаю, что ты натворил, но сферическая волна шока является сильнейшей, какую когда-либо регистрировали.

27

Сигнал аварийной тревоги разогнал остатки размышлений, а экипажи привел в состояние боевой готовности со скоростью и точностью, не оставляющей сомнений относительно ее качества. Сигнал тревоги будил в Броне полубытый инстинкт, натренированный еще на Службе. Он внимательно наблюдал за событиями, находясь на мостике "Энтерпрайза". Сейчас он все больше разбирался в приборах, и оборудовании, необходимых для ведения боя. Обеспокоенный, он считывал показания приборов, которые скорее всего информировал о виде угрозы.

Пока экраны были пусты. Ни один из них не вызывали тревоги.

Ситуация напоминала Брону ту, когда ожидали прилета бомбы, уничтожившей Онарис. Тогда на мостике царил такая же атмосфера беспокойства. Все началось с ожидания и предвидения появления точки, практически невидимой в пространстве, о которой было только известно, что она вырастет и превратится в дьявольское орудие уничтожения, к борьбе с которым никто не был готов.

— Док? Ты здесь?

— Слушаю тебя, Брон.

— Проверьте, почему объявлена тревога. Похоже, что они накнулись на что-то очень важное.

— Принято. Может быть, ты хочешь, чтобы мы выяснили подробности и только потом переслали в трибунал все документы?

— Не понял. Какие обвинения вы выдвигаете против меня?

— Все твои преступления будут сформулированы в обвинительном акте.

— Жаль, что у меня нет для вас времени!

Док засмеялся: — А конкретнее могу сказать, что ты обвиняешься в утаивании информации, ее фальсификации, манипулировании фондом Службы для финансирования проектов, не утвержденных руководством, не говоря уже о разных жалобах по твоей непосредственной деятельности, о фактах шпионажа, саботажа и измены.

— Для начала хватит и этого. Док, остановитесь. Поскольку я ничего не помню, то не могу поспорить с вами на эту тему. Каково ваше положение в этом деле, мистер Веедер?

— В течение пяти лет я работал над этим планом. Я отдал ему всю энергию и разум. И чего добился? Того, что Ананиас и ты сделали из меня дурака и выкинули из этого проекта.

— Ты не дурак, Док. Я никогда так не считал, поверь мне. Должна быть важная причина для такого расследования, хотя...

— Советую тебе поговорить с Ананиасом, так как Служба возьмется за него.

— Я считаю, что теперь он наверху!

— Политически это так. Но с точки зрения права прокуратура Службы ведет расследование, касающееся вас обоих. Это дело не смогут замять даже дружки Ананиаса из Генштаба. Я пробовал тебе помочь, но из этого ничего не вышло, им нужны очень убедительные доводы.

— Да... Спасибо за беспокойство. Я мог бы тебе кое-что рассказать, но, извини, не сейчас. Послушай меня внимательно, некоторые ответы находятся прямо здесь, а один из них должен вот-вот родиться.

К этому времени аппаратура, исследовавшая пространство вокруг корабля и связанная с корабельным компьютером закончила анализ. Ознакомившись с расчетными данными, Брон понял, что тревога была объявлена на основании предвидения Хаоса, точка которого была обнаружена приборами на основании разложенных морщин волн энтропии.

Экраны постепенно покрывались легкой дымкой электронных помех. Брон с сожалением отметил, что группа контроля вооружения не занимается наблюдением за показаниями приборов. Он подумал, что нужно было бы самому пойти и заняться этим, но чья-то рука задержала его и повернула в другую сторону. Перед ним стоял Кана.

— Я знаю, о чем ты думаешь, синкретист, но это у тебя не выйдет. Хаос сообщает, что вражеский корабль прилетит через десять минут. Мы откроем огонь только тогда, когда очень точно определим местоположение врага... правда, это ничего не даст, так как мы уже знаем события Хаоса, которые должны произойти. для Форм Хаоса потеря одного нашего корабля уже исторический факт.

— Но не для меня!— воскликнул Брон. — Сейчас вы получите координаты их корабля в трех измерениях плюс временная поправка. Этого достаточно, чтобы уничтожить врага.

— Конечно, мы можем попробовать,— кивнул Кана,— но ты не понимаешь самого главного. Мы уже знаем, что наше оружие бессильно, так как Хаос не может лгать. Нельзя изменить будущее событие, которое уже записано на матрице Вселенной.

— Почему?

— Потому что изменение неизменности— это противоречие. Мы определенно проиграли, еще не приняв боя. Как можно выиграть сражение, которое история уже зарегистрировала как проигранное?

— Я тебя понимаю, но твой аргумент нельзя принять разумом. Правда, я не знаю, как можно распутать этот узел, но это проблема Хаоса, а не моя.

Кана уставился на Брона пронизывающим взглядом. Потом повернулся и отдал приказ вахтенному офицеру:

— Главному оружейнику уступить место синкретисту. Этот бой поведет он. Выполнять его приказы, как мои.

Брону не нужно было повторять два раза. Вдохновленный своей интуицией, которая дополняла многолетние тренировки в Службе, он мгновенно включился в операцию, передавая группе контроля вооружения данные по Хаосу. Потом он повернулся к Кане.

— Готов присягнуть, что у вас команда Хаоса, которая программирует компьютер. Я должен поговорить с ними.

Кана сделал рукой знак, и один из техников подал Брону наушники.

— Команда Хаоса на линии, сэр.

— Отлично. Поправьте меня, если я ошибусь, но мы приближаемся к равнодействующей Хаоса, которая указывает на потерю одного из кораблей флота.

— Согласен.

— Откуда вы знаете, какой это будет корабль.

— Но это же очевидно. Взрыв с силой в 18 террамегатон просто так не происходит в космосе, а это соответствует взрыву корабля вместе с генератором. Данные координат пространства-времени говорят о корвете "Анна-Мария". Мы уже отдали приказ эвакуировать экипаж.

— Я отменяю этот приказ. Пусть "Анна-Мария" уходит из угрожающего пространства.

— Этого нельзя сделать,— запротестовал голос в наушниках. — Нельзя бороться с Хаосом.

Брон повернулся к Кане.

— Прошу подтвердить мой приказ.

Потом он опять сосредоточил свое внимание на пультах и стал задавать вопросы компьютеру. Ответы были негативными. Тогда он собрал совещание офицеров связи и постарался попроще изложить им свой

план. Никто не мог спорить с его логикой. В течение нескольких минут все уяснили свои задания. Радикальное вмешательство Брона вызвало заразительный энтузиазм у экипажа. Только Кана сохранял свой скепсис, но пока вмешиваться не стал.

Чужак появился на экранах внешнего образа. В человеческом восприятии он был монстроподобным. Бесформенная масса черного металла. Угловатая машина без намека на грациозность. Он шел с около-световой скоростью, значительно быстрее чем "Энтерпрайз" и весь остальной флот Разрушителей. С дальнего расстояния корабль казался слепым и полностью лишенным изысканности, всегда сопутствующей межзвездным кораблям. Пока боевой компьютер выдавал результаты траектории корабля, изображение чужака стало более ясным и четким. Экипаж "Энтерпрайза" был в полной боевой готовности и настраивал аппаратуру для обеспечения атаки с максимального расстояния.

Главный оружейник сидел перед пультом связи и быстро отдавал приказы своим помощником на других кораблях Флота. Голову он держал все время повернутой вбок, чтобы даже на мгновение не прерывать считывание информации, появляющейся на многочисленных дисплеях. Подтверждения проходили одно за другим. Все позиции были высчитаны и введены в главный компьютер. Если бы эксперимент Брона закончился бы крахом, то уже не было бы никаких возможностей изменить тактику. Брон наблюдал за показаниями приборов и как только цифры соскочили к нулям, кивнул головой.

Человеческие пальцы сорвали предохранитель, и компьютер принял на себя руководство атакой. Но на мостике "Энтерпрайза" никто не сомневался в том, что настоящая битва разыгрывается только между Броном Синкретистом и безжалостными Формами Хаоса.

28

— Ты видел этот корабль, Док?

— Да. И он не может принадлежать Разрушителям. Это ответ на многочисленные вопросы. Правительство Земли всегда отметало возможность внешнего вторжения или атаки внегалактических существ. Последние выборы прошли именно в таком духе. Теперь я понимаю, что они ошибались.

— А Кана оказался прав. Бомба именно их рук дело. Это чужаки уничтожили все планеты. Поэтому Кана не виновен.

— Вместе с Ананиасом вы подготовили уничтожение их базы и флота. Я послал эти записи в Штаб. Совет проверит их и решит, что делать дальше. Я оставляю дежурить Джесси, но побуду поблизости.

Брон наблюдал за экранами. Все датчики сигнализировали, что скоро чужой корабль окажется в зоне досягаемости корабельных ракет. Брон ощущал туманное предположение, что здесь что-то не так. Наконец он понял, что чужой шум в голове стих. Раньше голоса звучали четко

и ясно. Но теперь они успокоились, словно их владельцы приготовились смотреть спектакль, который вскоре должен разыграться.

"Энтерпрайз" первый выбросил цилиндрические тела ракет с мезонными боеголовками. Точность прицеливания позволяла попасть в цель с точностью до нескольких метров. И такой точности было вполне достаточно, чтобы уничтожить любой корабль на расстоянии в 50 километров. Однако Брон решил не рисковать. Увеличение изображения на экранах было таким, что ракеты, казалось, ползут, как улитки, а ведь каждая из них летела вперед со скоростью одной сотой скорости света. До сих пор неприятель не сделал ничего, чтобы защитить себя.

Вскоре "Энтерпрайз" выстрелил еще одной серией ракет. На этот раз с ядерными боеголовками. Они направлялись не на корабль чужаков, а в сторону точки, в которой, согласно Хаосу, должен был произойти взрыв. В атаке участвовало еще семь кораблей флота. Только пришельцы молчали и не подавали никаких сигналов, говорящих о подготовке к бою. Их корабль все так же медленно пронзал пространство, глухой и безмолвный, словно ему никто не угрожал. Шум голосов в голове появился было снова, но тут же затих.

Наконец ракеты добрались до цели. Фантастический взрыв двенадцати мезонных боеголовок заставил включиться камеры, и несколько секунд экраны мониторов оставались темными. Когда они вспыхнули вновь, общий крик разочарования пролетел по мостику. Чужой корабль был невредим. Он продолжал свой неумолимый полет в центр их эскадры, выдержав дезинтеграцию, которая должна была испепелить любой материал Вселенной.

Несколькими минутами позже вторая волна ракет достигла заданной точки пространства и взорвалась с силой в 18 террамегатон, вместо корвета "Анна-Мария". Сам же корвет летел прочь, видный на экранах как маленькая медная стрелка.

У Каны заблестели глаза

— Спасибо, синкретист. Ты начал показывать свою настоящую цену. Никому в истории еще не удавалось манипулировать случайностями Хаоса. Конечно, ни учеба в этой сумасшедшей Семинарии на Онарисе, да и вряд ли в Службе смогли бы тебя так подготовить. Ты прирожденный катализатор, а кроме того, необыкновенный человек.

Брон собрался было ответить, но его прервал крик одного из операторов. Они повернулись к экранам, транслировавшим спектакль, который захватывал дух. Мезонные удары по чужаку не наносили ему видимых повреждений, но скорее всего все же сбили с курса. Гигантский корабль теперь рыскал из стороны в сторону, но не как дрейфующий корабль, а как ветка в бурном потоке.

Все вглядывались в тяжелую и огромную массу, медленно вращающуюся в космосе. Резкость изображения позволяла судить о неуверенном управлении кораблем, но не давала ни малейшего представления ни о цели его полета, ни о роде двигателей. Внезапно они сделали интересное открытие. У чужака не было ни дюз, ни двигателей, ничего. Огромная конструкция была пустой коробкой, открытой с одной стороны. В ней, видимо, не было ни помещений, ни кают, ничего. Каким же образом кому-то удалось придать ей такую огромную скорость и держать на курсе? На этот вопрос никто не знал ответа.

Перед глазами людей разыгрывалась драматическая сцена. Загадочный предмет прошел через центр второго взрыва и продолжал свой полет дальше. Датчики следили за его прохождением, и люди напряженно старались отгадать его назначение. Навигационные прицелы направили свои линзы на изображение дальнего корвета "Джубал". Едва автомат отрегулировал резкость изображения, как летящий пришелец ударил в борт корабля Разрушителей.

Это привело к реакции между чужаком и "Джубалом", очень странной реакции. Взрыва не было, не было никаких энергетических излучений. Внешне это выглядело просто как исчезновение обоих тел в черноте космоса.

Вскоре единственными свидетелями событий остались люди на кораблях флота и оставшиеся без ответа вопросы свидетелей.

Тотчас же после этого шум голосов снова появился в голове Брона. Он оценил его как шум толпы, устраивающей кому-то овацию, но вместе с тем, какие-то испонятные акценты пробивались через этот постоянный гул, вызывая страх.

Без сомнения, кто-то был свидетелем разворачивающегося события, так как возникший шум точно по времени совпадал с его окончанием. Он попробовал представить себе личность этих незнакомцев, но это было выше человеческих сил. Эти существа были чем-то, что превышало человеческие возможности и фантазию. У него не было никаких отправных точек, за которые можно было ухватиться. Только две черты у этих существ можно было выделить как человеческие: страх и враждебность.

— Боже! — потрясенно прошептал наконец Кана. — Похоже, что у нас достойный соперник. Они проделали это, используя твою собственную защиту, синкретист.

— Как?

— Ты обманул Хаос. А они ответили уничтожением "Джубала" методами, не вызывающими энтропийных волн. Согласно теории Хаоса, твой метод, однако, более удачен. А это означает, что у нас есть кое-какие шансы на успех.

— Откуда такая уверенность?

Кана улыбнулся

— Дорогой синкретист, самый хороший довод — это бомба, упавшая на Онарис. Чужаки изучали Хаос миллионы лет. Я наблюдал за тобой и убедился, что твои действия часто инстинктивны. Ты нашел отличный выход из положения за неполные семь минут. Я начинаю понимать, почему они так боятся тебя.

Бешеный треск в канале связи дал понять Брону, что случилось что-то невероятное. Слышно было плохо.

— Ананиас на связи! Ты слышишь меня, черт?

— Веедер на связи. Что случилось, Ананиас?

— Будь на связи, Док, и прими по каналу связи разговор со Штабом, он будет решающим. Брон, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Мы вышли из подпространства и вскоре присоединяемся к флоту Службы. У меня в эскадре 68 кораблей. Все готовы к бою. Этот разговор идет обычной связью, чтобы Кана слышал меня.

— Я надеюсь, что ты не будешь ему угрожать? У него по крайней мере в два раза больше кораблей.

— Угрожать? Ты сошел с ума? Мы не угрожаем ему, а хотим соединиться! Хаос говорит, что основные силы врага придут через несколько дней. Согласно диаграммам это будет огромная армада... и она наделает много бед.

Брон повернулся к Кане.

— У нас несколько дней в запасе.

— Не нужно объяснять мне, что уже и так очевидно, — усмехнулся Разрушитель. — Соедини меня с Ананиасом, — и он повернулся к операторам связи. — Я намерен проверить, как он соблюдает условия, которые я заключил с ним на борту "Тантала", когда спас его.

29

Брон внимательно следил за техниками, готовящими связь с Ананиасом. Кана с нетерпением стучал пальцами по столу.

— Генерал Ананиас, моя разведка представила мне в неудовлетворительном свете твои высказывания относительно Федерации планет, называемой Разрушительной!

— Я предупреждал вас, Кана, что такая ситуация может оказаться неизбежной. Помните, во время нашей последней встречи...

— Это правда, но я хотел бы поставить все точки над "и" и прежде всего для Службы, которая наверняка сейчас прослушивает наш разговор.

— Как хотите. Вы знаете также хорошо, как и я, что внешняя угроза стала наконец реальностью и это не только в отношении периферийных провинций, которые в некотором отношении представляешь ты, а в конце концов и для самой Земли. Мы с тобой, Кана, знаем об этом давно. К несчастью, земное правительство в наше время очень нестабильно и трактует каждое заявление об угрозе нападения со стороны пришельцев, как паникерство.

— Точка зрения Земли меня не интересует! Ты был на "Тантале" во внесгалактическом пространстве и видел угрозу со стороны чужаков. Думаю, что ты согласишься с моей оценкой, что нельзя допустить их намерений не допускать человечество в глубокий космос и создавать там колоний.

— Я согласен...

— Это уже хорошо. А теперь, генерал, я хотел бы услышать от тебя ответ еще на один вопрос. Зачем ты очерняешь народ разрушителей?

— Я попробую объяснить, Кана. Поскольку я не в состоянии убедить правительство в своей правоте, я решил прибегнуть к крайним мерам. Для обороны Земли необходимо было создать и поддерживать в постоянной боевой готовности космический флот. Договорившись с командором Броном, мы специально приписали Разрушителям результаты атак чужаков. Благодаря этому мы убедили правительство выделить субсидии

для создания флота, прямой обязанностью которого было держать оборону Земли от Разрушителей.

Ни Брон, ни я не считали это всерьез и всегда фальсифицировали донесения, чтобы поддерживать эту версию. Сейчас, когда Брон находится в ваших руках, я хочу подчеркнуть, что именно он является виновником такой политики. Кроме того, он самый сильный из известных катализаторов Хаоса. Поэтому мы и решили поместить его туда, где существует самая сильная угроза, то есть возле тебя!

— Это правда, синкретист? — спросил Кана.

— Не знаю... но это многое объясняет. Значит это я все придумал?

— Да, все до самых мельчайших подробностей. Этот план идеально подходил к твоему умению превращать действие всех систем против них самих же. Ты обманул Службу и заставил послать тебя к Разрушителям. Это удалось. И только маленькая группа людей знала, что ты присоединившись к Разрушителям, не будешь бороться с ними. Но твоя потеря памяти, Брон, едва не разрушила все наши планы...

— Что же ты предлагаешь, генерал? — перебил Ананиаса Кана.

— После этого разговора я думаю, что Земля уже не сомневается, кто является нашим настоящим врагом. Понравится ей это, или нет, но она уже втянута в войну. И наша первая задача на современном этапе — это объединение двух флотов.

— Это необходимо? — спросил Кана.

— Ты знаешь особенности ведения космических войн, не так ли? Надеюсь, тебе известно, что два небольших флота имеют только четверть шансов в сравнении с большой группировкой сил.

— Статистически это так, но это может привести к политическому краху нашего союза. Ведь мы совсем недавно были смертельными врагами, и я не могу отдать свой флот под командование Земли.

— Этого от тебя никто не требует. Есть предложение отдать флот под командование Брона. Он опытный солдат и без сомнения величайший катализатор Хаоса в наше время. Его руководство объединенным флотом будет отличным компромиссом между Разрушителями и Землей.

Кана внимательно посмотрел на Брона.

— Я потерял полковника Дауквиста и до сих пор не могу найти кандидата на его должность. Да, я видел этого человека в действии и склонен думать, что он сможет развязать сложившуюся ситуацию. Я возложу на него руководство моим флотом, но только в том случае, если оба флота будут подчиняться ему и он сам не будет подвергаться нажиму с Земли.

— Джесси на линии, Брон, — ее голос звучал только у него в мозгу.

— Мы изменили волну, чтобы не мешать Ананиасу. Генштаб все время прослушивал вас и согласился с предложением Каны. Осталось выяснить твоё мнение!

— Это удивительно! — усмехнулся Брон. — Что их вынудило пойти на это?

— Отчасти пленки, которые переслал им Док, а также то, что 14 планет на границе исследованной области совсем недавно прекратили связь. Три из них успели передать, что они подверглись странной атаке. Они были уверены, что это не Разрушители. В штабе началась паника,

и вот тут они бросились за вашей помощью. Ну, что ты скажешь, берешь флот?

— Я боюсь не руководства, а своих способностей. Найди Андера и попроси его проанализировать запись событий, происшедших с этим псевдокораблем чужаков. Вполне очевидно, что если мы не найдем более результативного оружия против них, то проиграем сражение, даже не начав его.

— Принято. Я представлю тебе рапорт, как только получу ответ.

Брон повернулся к Кане, который следил за его лицом все время, пока шел этот безмолвный разговор.

— Генеральный Штаб принимает твои условия. Я беру командование над объединенными флотами, если, конечно, у тебя нет возражений.

— Нет.

— Я хотел бы предупредить тебя, что будет тяжело. Могут быть большие потери. Если нам не удалось уничтожить ту кучу мусора мезонной атакой, то что будет, когда в дело вступят их главные силы?

— Не знаю, — признался Кана. — Я много лет жду этого. Из-за этого многие свободные планеты принуждали входить в Федерацию. И все время считал, что нет шансов на успех, если чужаки начнут войну. Я старею, а эта война требует быстрых решений и ловких пальцев. Я готовил к этому Мартина, но он погиб. Однако мне почему-то кажется, что чужаки получают от этого не много счастья. В тебе, синкретист, есть что-то... от дьявола.

— Ананиас! — позвал Брон. — Четырнадцать периферийных планет не выходят на связь. Вражеские силы уже там. Ты можешь послать в тот район разведку для сбора подробной информации, это важно. И передай мне данные о типах кораблей, имеющих в твоём распоряжении, их тоннаж и вооружение. У тебя должна быть команда Хаоса. Я хотел бы, чтобы они полностью объединились с хаосниками Каны. У чужаков несколько миллионов лет преимущества в исследовании этой области, но я намерен их быстро догнать.

— Хорошо. Знаешь, я чувствую себя как в старые добрые времена.

— Оставь это. Высылай сейчас же несколько кораблей для исследования межгалактического пространства и постарайся собрать информацию о количестве чужих кораблей. Координаты района погибших планет есть в Штабе. Связь поддерживать будем на обычных волнах. Биотронный канал используй только в самом крайнем случае.

Визг волны связи стих как только Ананиас отключился. Сейчас, когда биотронный передатчик был перенастроен, Брон снова услышал шум. Какие-то два десятка голосов пробивались через общий фон помех. Создавалось впечатление, что эти звуки моделировались большими пузырями, лопающимися на поверхности болота. Их тон был нервный, быстрый и настолько назойливый, что, казалось все зависело от времени.

Он уже не сомневался, что слышит голоса подлетающих чужаков. Каким-то образом их система связи накладывалась на его биотронный канал. Их голоса вызывали у него странные мысли, понять которые он был не в силах.

30

Радио донесло, наконец, приглушенный голос Ананиаса:

— Ситуация складывается такая: авангард из сотни звездолетов находится на краю Млечного Пути. Можно сказать, что это стальной кулак главных сил, идущих сзади.

— Твоя команда Хаоса предугадала их прилет?

— Конечно, но они не смогли в свое время правильно расшифровать вычисления. Хаос показал какую-то деятельность на границе нашей Галактики, но мы не смогли определить, что это такое, так как работали с минимум информации. Теперь, когда мы получили доступ к архивам Разрушителей, мы сможем провести более подробные исследования.

— Уже поздно. Это нужно было сделать несколько лет назад.

— Согласен. Только Земля нас тогда не слушала. Что ты сейчас предпримешь?

— Нужно получить как можно больше информации об их кораблях, а также в небольших стычках испытать нашу технику ведения войны... и только после этого можно будет встретиться с их главными силами. Слушай, Ананиас, приготовь шесть звездолетов к атаке на самую маленькую группу их кораблей, какую только удастся найти.

— А почему бы не применить всю силу флота?

— Все корабли, которые примут участие в этом бою, могут погибнуть. Я же хочу получить сейчас максимум информации, рискуя только минимумом наших сил. Все данные о силе их вооружения, вся информация о результатах действия их оружия, плохая или хорошая, должны быть незамедлительно переданы мне.

— Принято.

Ананиас отключился. Брон немного расслабился, осматривая мостик "Энтерпрайза", который стал для него командным пунктом и домом вот уже двое суток. Техники занимали свои места. Брон без труда принял на себя обязанности Дауквиста. Он отметил, что его довольно необычное положение синкретиста в соединении со способностью командовать создали вокруг него атмосферу легенды. Он не мог требовать большего уважения и доброй воли от экипажа корабля.

Семь кораблей покинули надежное укрытие в системе красной звезды и двинулись на вылазку, целью которой была разведка сил противника. Во главе группы находился крейсер "Энтерпрайз". Как и все навигаторы, Брон чувствовал на себе огромную тяжесть одиночества по мере того, как они углублялись в межгалактическую пустыню. Они наткнулись на след одинокого корабля чужаков, который по-видимому совершенно случайно засекали на пределе чувствительности гравитационных датчиков. Детекторы подтвердили, что это корабль чужаков. Затем на экранах появился компактный спиралевидный предмет. Оружейники начали готовить ракеты к старту, и Брон не стал требовать от команды Хаоса результатов предстоящего сражения. Он хотел идти в атаку, руководимый надеждой, которую могли убить данные Хаоса. Все семь звездолетов имели план атаки, очень простой план: после нане-

сения удара отойти назад на расстояние до светового года от пришельца и ждать нового приказа.

Корабль чужаков казался более совершенным и более грозным, чем тот, что уничтожил "Джубал". Корпус пришельца был покрыт тысячами пластинок, которые могли быть и бойницами, и элементами броневой защиты. Готовясь к атаке и внимательно следя за приборами управления ракет, Брон внезапно услышал опять тихое бормотание чужих голосов в своей голове. Это было похоже на что-то очень знакомое... как будто человек невольно сдерживает дыхание перед тем, как должно что-то произойти. Шум постепенно перерастал в глухой рокот, полный надежды. Только вот, какой? Ожидают победу? В молчании и нетерпении ожидают чего-то... Ловушка!

Он прыгнул к пульту связи и закричал во весь голос:

— Прекратить атаку! Всем кораблям прекратить атаку и сделать поворот на 180 градусов!

Изображение на экранах померкло, когда "Энтерпрайз" начал мгновенное торможение с одновременным разворотом. Гравитационные компенсаторы ревели на полной мощности, гася инерцию корабля. Несмотря на это люди себя чувствовали несважно.

Голоса в голове Брона умолкли, и он тут же подумал, что был прав в своей догадке.

Когда все корабли Разрушителей отошли на расстояние световой минуты, чужак взорвался. Он в мгновение ока превратился в огненный шар, который разбухал и разбухал, захватывая все большее пространство вокруг себя. Через полминуты датчики кораблей сообщили, что уровень радиации может нарушить биологическую защиту. Брон приказал отойти дальше. Все корабли были целы, и каждый человек экипажа был обязан жизнью интуиции Брона.

Бешеное солнце, наконец, погасло. В голове Брона возникла целая буря голосов. Он подождал пока они немного утихнут и связался со Службой.

— Джесси?

— Слушаю тебя, Брон.

— Нет ничего нового?

— На Антаресе возникли проблемы с передатчиками, помехи были очень сильными. Но радисты сейчас уже отфильтровали шумы и принимают передачу почти без помех. Мне кажется, что вы сейчас наблюдали неплохой фейерверк, а?

— В свое время в маленьком баре Службы в Париже подавали коктейль, похожий на это. После шестого бокала я однажды проснулся только на третье утро с радиоактивной бурей во рту. Мне бы очень сейчас пригодился этот напиток.

Джесси рассмеялась.

— Похоже, что к тебе начала возвращаться память.

— Да, но только небольшими фрагментами. А большинство вещей я бы и не хотел вспоминать. Но вот что я хотел обязательно, так это вспомнить тебя. Но здесь какой-то провал. Ты не могла бы мне кое-что напомнить?

— Не могу, Брон. Мне запрещено говорить на эту тему.

— Но я хочу знать!

— Нет, ответа не будет. У нас с тобой сейчас сложилось психологическое равновесие, которое крайне опасно нарушать в столь кризисной ситуации. Это может окончиться трагически... для тебя.

— А для тебя?

— А меня можно не считать, я буду решать свои проблемы сама. Но ты должен знать, Брон. Может быть для Каны и Штаба ты и являешься командующим эскадры, но для меня ты самая обыкновенная свинья, и ты, я надеюсь, тоже знаешь об этом. Моя работа и состоит в том, чтобы ты никогда об этом не забывал.

— Большое спасибо. Поверь мне, что я буду работать над собой. У тебя уже есть ответ Андера?

— Он сидит в вычислительном центре и чинит главный компьютер. И что самое главное — бесплатно! Вот так-то. Хочешь с ним поговорить?

— Пускай заканчивает работу. Дай ему пленки с последними записями. Может быть они смогут быть ему полезны.

— Ты что-то нашел?

— Мне кажется, что мы не сможем сражаться с Чужаками, потому что не имеем подходящего оружия. Если они исследовали наши схемы Хаоса на протяжении тысячелетий, то точно знают границы наших возможностей. Они наверняка побеспокоились о защите своих кораблей от мезонных бомб. Но у нас есть что-то иное, что сильно их беспокоит, иначе они не напали бы на нас. Нужно не забывать, что они наблюдают за нами на протяжении уже семисот миллионов лет.

— И ты думаешь, что знаешь, что им мешает?

— Все говорит о том, что это связано с Хаосом. Они пытались помешать Кане собрать ученых в этой области, не так ли? Пробовали уничтожить меня. Применили оружие, уничтожившее "Джубал". Я начинаю верить, что сам Хаос скрывает Тайну. Но каким образом можно вести войну, применяя только математическую абстракцию? Это единственное, чего я никак не могу понять!

31

— Слышу тебя, Ананиас! Как дела?

— Плохо, Брон. Я потерял шесть звездолетов в самом идиотском бою, который когда-либо проводил. Чужаки просто-напросто издевались надо мной.

— Что случилось?

— Они столкнули корабли с курсов и бросили их друг на друга. Мы едва успели отвернуть, иначе я уже не разговаривал бы с тобой. Это меня очень беспокоит, Брон. Когда подойдут их основные силы, у нас просто не хватит кораблей, чтобы выдержать такое сражение. А наши ракеты не причиняют им вреда.

— Расскажи мне, что произошло на "Тантале", Ананиас.

— "Тантал" вылетел в глубокую разведку в космос. Мы вышли из подпространства в шестнадцати парсеках от границы нашей Галактики.

И к своему удивлению через несколько минут после выхода обнаружили, что неподалеку находится какой-то корабль. Сейчас я уже знаю, что это были ОНИ. Они рассчитали с помощью Хаоса наши координаты, а мы тогда еще не могли делать этого. Представляешь, что творилось, когда мы поняли, что это чужак. Ведь впервые человечество встретилось с чужим разумом! Мы безрезультатно пытались связаться с ним. Потом незнакомец двинулся на сближение с нами. И произошел взрыв, или что-то вроде этого, не знаю. Я ничего не могу вспомнить, так как был без сознания. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что весь экипаж мертв. Причина их смерти неизвестна. Неизвестна была до сих пор... Потом было еще хуже. Положение звезд не сходилось не с одной навигационной картой. Компьютер выдал ответ, что согласно с его данными Вселенная перевернулась. Поскольку это было невозможно, я пришел к выводу, что я и корабль были вывернуты наизнанку.

Как бы там ни было, я продолжал жить. Почти ни одна из систем корабля не работала. Я занялся монтажом системы обнаружения. Когда она заработала, радары дальнего действия Каны обнаружили мои слабые сигналы, и пришел патруль, который подобрал меня. Кана хотел, чтобы я рассказал на Земле об угрозе, и я согласился. Он посадил меня на торговое судно в порту Стеро, и я вернулся на Землю, честно рассказав всю историю. Но никто мне не поверил и все считали меня лгуном, который спасал свою шкуру и пустился на поиски оправдания причин гибели корабля. Кроме того, меня обвинили еще и в том, что сам корабль я продал Разрушителям. Вот так-то. Меня понизили в звании и лишили всех прав, но несколько друзей все же поверили мне. В их числе был и ты.

— Значит, из всего сказанного тобой можно сделать такой вывод: имеем четыре способа атаки-уничтожения: как "Джубала" — без соприкосновения с ним; повреждения бортовых компьютеров и отсюда беспорядочное изменение курса и отклонение, как это было с твоими шестью кораблями; самоуничтожение корабля, который мы хотим атаковать, и, наконец, прямое столкновение с противником, как это было с "Танталом". Ни один из этих способов не требует применения оружия в нашем понимании. Похоже, что для боя они используют свои корабли, как это делали когда-то солдаты на Земле под названием "камикадзе". Так, наверное... А если и не так, сейчас это не имеет значения. Продолжаем... каждый из этих способов требует материалов и достижений науки, которая опередила бы нас на века. И что самое главное, каждый метод отличается от другого. Поэтому надо предположить, что мы еще не знаем всех возможностей...

— Может быть разница в ведении боя исходит из их любви к разнообразию? — спросил Ананиас. — Или, вероятно, это имеет более глубокие значения...

— Наверняка это что-то означает. Ведь они посвятили изучению Хаоса миллионы лет. Я уже проверил, что если применить соответствующие действия, то можно изменить Хаос. Но мы имеем очень ограниченные возможности делать это в крупных масштабах. Они много раз анализировали будущие сражения и так изменили карты, что мы не можем отыскать их следы в космосе.

— Это значит, что нам свыше предопределено проиграть.

— Не совсем так. В этом понятии кроется логическая связь, которая может привести нас к обнаружению отсутствующей части этой загадки.

— Черт возьми, если я что-либо понимаю в этом, — буркнул Ананиас.

— Но, с другой стороны, я никогда бы не додумался до этого без твоей помощи.

— Посмотрим на проблему с другой стороны. Можно заложить данные в компьютер и прогнать их как военную игру. Получив теоретическую базу, мы изменяем тактику и еще раз начинаем игру. При достаточном количестве времени мы сможем отыскать такую тактику, которая может обеспечить нам достаточно высокую вероятность победы.

— Но какую связь это имеет с нами?

— Допустим, что чужаки проводили такую тренировку будущей битвы, применяя к ней теории Хаоса, и получили, что игра закончилась не в их пользу. Тогда они изменили данные и начали игру снова. И так продолжалось до тех пор, пока они не добились положительного результата. Ну что, еще не ясно?

— Откровенно говоря, нет.

— Тогда я объясню подробнее. Это означает, что предсказание Хаоса невозможно. Всегда может быть альтернативная развязка, я думаю, что существуют точки с ключевым значением для всей истории. Знание этих точек и изменение их — в этом роль катализатора Хаоса. Вот он, этот катализатор, он может порвать возможную сетку событий и направить будущее в совершенно другом направлении.

— Мой Бог! Брон! Если ты не ошибаешься...

— Я чувствую, что на этот раз не ошибаюсь. Если же это не так, то надежды у гомо-сапиенса уже не будет.

— Как ты используешь это?

— Я добавлю собственный Хаос, "made in Bron", в общую ситуацию. Попробую запрограммировать систему на работу против себя. У тебя на борту есть биотронный передатчик и приемник?

— Да, но...

— Включи приемник и принимай все, что слышишь. Ты увидишь, что в моем канале присутствует чужой сигнал. Ты услышишь, что при подготовке к бою голоса чужаков становятся напряженнее. И таким образом можно будет судить о грозящей нам опасности.

— Каким образом?

— По опыту уже известно, что в таких ситуациях их корабли взрываются. Так мы сможем избежать потерь хотя бы частично...

Сигнал тревоги вызвал Брона к экранам. Еще ничего не было видно, но компьютер уже выдавал данные по положению кораблей неприятеля, которые описывали в космосе гигантскую дугу. Судя по поступившим данным, к ним приближались несколько сотен чужих звездолетов. Большая их часть совпадала с волнами Хаоса, означавшими мгновенное изменение энтропии.

Брон изменил действия. Он немедленно потребовал от команды Хаоса прогнозирования будущего "Энтерпрайза". Через мгновение компьютер был запрограммирован и длинная диаграмма волн Хаоса, окружающих корабль, поползла из печатающего устройства. В течение нескольких ближайших часов линия корабля шла прямо, мимо явных

изменений в окружении, потом стремительно поползла вверх, достигла максимума и упала до нуля.

Техники застыли, издав крик ужаса, при виде грозящей им смерти через несколько часов. Брон внимательно посмотрел на диаграмму и попросил еще раз проиграть данные на компьютере.

— Как только дойдете до переломной точки, перепрограммируйте компьютер и начните сначала. И тотчас сообщите мне, если получите какую-нибудь разницу в очередных диаграммах.

В этот момент на мостике появился Кана и с интересом стал наблюдать за его действиями.

— Что ты тут колдуешь, синкретист? Хочешь доказать, что то, что должно произойти, может и не случиться?

— Я уверен, что в теории Хаоса существуют исключения, и я хотел бы их найти.

— При таком количестве атакующих кораблей нужно скорее заниматься подготовкой к бою, чем абстрактными измышлениями! Даю тебе на все это четыре часа, а потом изволь заниматься своими прямыми обязанностями командующего эскадрой!

— Хаос несовершенен, а кроме того, он не наука. Чужаки никогда бы не старались уничтожить меня в Онарисе, если бы серьезно верили, что я погибну через несколько часов.

На экранах высветились сотни световых точек. Неприятель развернул свои главные силы. Экипаж, в напряжении сидевший на своих боевых местах с испугом рассматривал эти страшные машины, изображение которых увеличивалось с каждой секундой. Все люди были очень испуганы из-за кажущейся непобедимости кораблей чужаков...

— Джесси, соедини меня с Андером.

— Он уже здесь.

— Андер! Я думаю, что в теории Хаоса существуют исключения. Я утверждаю, что возможно изменение причинно-следственных связей.

— Это составная часть теории многократных полей Иоганна. Эту теорию поддерживают многие математики, но, к сожалению, до сих пор она не доказана.

— Я думаю, что мне удастся ее доказать. Ты, наверное, просматривал записи и, конечно, заметил, что я немного обманул Хаос, заменив уничтожение "Анны-Марии" искусственным взрывом. Не было ли это изменением цепи причинности?

— Очень небольшое. Был уничтожен другой корабль.

— Да, но позже. А в это время могло что-то произойти, что дало бы начало новой цепи причинно-следствий. И это не могло бы произойти, если бы не порвалась первая цепь.

— Ход рассуждений, Брон, вполне правильный, но твои рассуждения еще требуют доказательств. К несчастью, ничего, о чем ты только что говорил, не произошло.

— Так... Я принял решение, чтобы тебе передали для анализа ленты с записью всех недавних событий, и этот разговор является непосредственным результатом этого решения, точно так же, как и любые другие последующие постановления, которые будут приняты в связи с этим.

Несколько секунд Андер молчал.

— Хорошо. Все эти факты слишком фантастичны, чтобы их сразу понять, но могу сказать пока, что ты добыл хороший пример изменения истории. Я уже тебе говорил, что ты хороший ученый, а не солдат.

— Это все, что я хотел знать. Я буду бороться против пришельцев даже до взрыва Вселенной, если будет нужно.

Его прервал техник из команды Хаоса, который молча протянул ему новые данные компьютера.

— Это невероятно, но, однако, это произошло. Путь корабля уже не ведет к нулю. Когда-то такие вещи назывались, наверное, чарами. Но я всегда думал, что это враки. Если говорить разумно, ничего нет более идиотского, чем все это.

— Идиотизм это или нет, — усмехнулся Брон, — но это сейчас произойдет. — Он потряс диаграммой. — С этого момента я буду решать, как должна выглядеть случайность. Я скажу еще вот что. Приходится сомневаться, что после всего этого Вселенная вернется в норму.

— Ты не просто свинья, а свинья-мегаломан, — включилась Джесси в голову Брона. — Если ты начнешь свои штучки, то я тут же расскажу всем такое о твоей матери, что ты сразу пожалеешь о том, что появился на свет!

32

— Ананиас, ты принимаешь эти голоса?

— Да. Я сообщил на все корабли.

— Отлично. И проверь, как твой капитан корабля умест пользоваться их предсказаниями. Я приказал Разрушителям также подключиться к этому каналу. Поскольку есть только один сигнал, то лучше было бы разделить наши атаки. Могу поспорить, что чужаки не имеют связи на сверхсветовых волнах и не подозревают, что мы слышим их. Пользуйтесь обычным оружием, чтобы они не сразу поняли, что мы раскусили их.

— Принято. Мы должны подключиться сейчас?

— Как только будете готовы. Сначала мы построимся в боевой порядок, а потом полетим прямо на них, атакуя все, что попадется на пути.

— Должен сказать, что...

Брон прервал связь и вызвал по интеркому Кану.

— Атакуем через десять минут. Мне будет спокойнее, если вы перейдете на борт другого корабля и покинете поле боя.

— Зачем? — удивился Кана. — Что ты собираешься делать?

— Я хочу использовать новую технику, которая столкнет с равновесия Хаос до такой степени, что наши диаграммы уже будут не нужны. Нельзя будет точно предсказать, какой корабль погибнет, а какой уцелеет. Я хотел бы знать, что вы будете в безопасности.

— Если мы проиграем это сражение, — покачал головой Кана, — то чужаки двинутся дальше. И уже все планеты Галактики окажутся в опасности. Поэтому я остаюсь на "Энтерпрайзе".

— Как хотите. Я только хочу, чтобы вы еще раз оценили опасность.

— Брон, с тех пор, как я познакомился с тобой, я потерял всякую уверенность, которую имел до сих пор — о жизни и о природе Вселенной. Ты всегда рискуешь. Ты принимаешь риск, словно это твоя стихия и твоя жизненная потребность. Ты странный человек, Брон.

— Чистая правда, — добавила Джесси.

Вся армада кораблей, построенная человеческими руками, двинулась на врага, выплунув перед собой сотни мезонных ракет, которые летели впереди как сотни гончих псов перед охотниками. Изображения на экранах начали концентрироваться на отдельных сценах поля боя.

Шум чужих голосов в голове Брона усилился, в них слышалась тревога и беспокойство, надежда и страх. Динамики транслировали по всем кораблям эти голоса. Конечно, в случае необходимости динамики можно было сделать потише, только Брон не мог регулировать этот шум в своей голове.

И вот настал первый контакт. Ослепительный блеск взрывающихся ракет заполнил экраны. Когда изображение восстановилось, на них возникло три корабля землян, устремившихся к врагу. Они атаковали в классическом пикировании, если можно применить такой термин к космосу, где нет верха и низа. Мгновение было тихо. Корабли землян свернули с боевого курса, и корабль чужаков полыхнул огнем, разлетаясь на куски.

Чужаки кричали от бешенства. Брон усилием воли сдерживал этот крик на относительно спокойном уровне.

Два боевых корабля землян пошли на сближение с тремя звездолетами пришельцев. В первый раз чужаки заколебались. Два их корабля поспешно изменили курс, уходя от атаки, а третий продолжал полет по курсу, и Брон заподозрил, что это корабль-ловушка. Брон испугался, что его план терпит крушение, но тут оба корабля землян, почти столкнувшись, исчезли в подпространстве. Только голоса их капитанов, считывающие данные координат, свидетельствовали, что все было правильно.

Брон заметил, что чужак не взорвался, хотя несколько секунд уже летел новым курсом, сбитый с прежнего резким уходом в подпространство земных кораблей. Два корабля пришельцев, которые раньше отошли в сторону, сейчас приблизились к кораблю-ловушке. И тут... произошел взрыв, в котором два корабля чужаков исчезли в ослепительной огневой вспышке.

Внезапная тишина в голове Брона предостерегала его, что сейчас включился в действие какой-то новый фактор. Необходимо было срочно отыскать на экранах следы опасности. Когда, наконец, он заметил ловушку, было уже поздно. Семь вражеских кораблей образовали кольцо с диаметром в полмиллиона миль с одним кораблем в центре. Это кольцо охватило почти половину флота Разрушителей. На первый взгляд, в них не было ничего необычного, если не считать, что все эти корабли удерживали свое положение с математической точностью.

Чужих голосов не было слышно. Это кольцо было какой-то дьявольской ловушкой, и пока что никто из людей не мог разгадать ее. У Брона не было времени ломать над ней голову. Один из крейсеров людей попытался пройти сквозь кольцо чужих кораблей. Он почти мгновенно исчез,

не оставив даже следа, и только гигантская искра проскочила между одним из кораблей кольца и исчезнувшим кораблем. Расстояние в четверть миллиона миль не было помехой для ее мощи.

Брон закрыл глаза. Уже тридцать кораблей его флота исчезли от попаданий этой искры. Те, которые летели в это кольцо и не могли отвернуть, должны были уйти в подпространство, прямо с ходу, без подготовки матриц полета, рискуя пропасть в неизвестных районах космоса.

В голосах чужих, вновь возникших в голове Брона, появилась надежда. Сейчас приказы Брона были стремительны. Он приказал атаковать кольцо снаружи. Два земных корабля попытались прорвать кольцо, и погибли. Наконец один из крейсеров выстрелил своим десантным ботом, который, постреливая выхлопами корректирующих дюз, устремился к цели. Чужак взорвался без промедления. И тогда что-то нарушилось в механизме этой гигантской ловушки. Искры ударили в свои же корабли, которые начали исчезать, очищая космос. После исчезновения этой ловушки голоса чужаков в голове Брона едва не довели его до безумия. Но они через несколько секунд стихли, и Брон смог принимать рапорты о результатах атаки. Он потерял пятьдесят кораблей и двадцать ушли в подпространство в неизвестном направлении (может быть, некоторые смогут когда-нибудь вернуться обратно).

Силы Брона были на исходе, он был физически истощен. Он усталым взглядом следил за разгромом армады врага, ощущая жуткое одиночество и боль в душе.

33

— Только не воображай, что я плачу от радости, — заявила Джесси, — я всегда знала, что ты прирожденный полководец. У меня на линии Андер. Но он не только настоящий мужчина, но вдобавок, у него еще есть разум.

— У меня тоже. Когда-нибудь я превращу тебя в блин, Джесси. Но сейчас мне нужно что-нибудь более конструктивно. Что нового, Андер?

— Меня заинтересовал остов того корабля. Я проследил его путь в Хаосе почти до самого источника. Так вот, у него тот же возраст, что и у бомбы, уничтожившей Онарис. Собственно, весь флот захватчиков имеет тот же возраст. Все они летят в пространстве 700 миллионов лет и летят всю дорогу со сверхсветовой скоростью.

— Что? Ты уверен?

— Нет ни малейших сомнений, это объясняет присутствие пустых кораблей. Согласно моим расчетам более 99% этого флота является пустыми транспортниками.

— Это меняет дело, — буркнул Брон. — Я думал, что там дюжина кораблей с экипажами.

— Даже меньше. В конце концов, у тебя психологическое преимущество.

— Откуда такая уверенность?

— Ну это же очевидно. Целью этого путешествия, длящегося уже 700 миллионов лет, является встреча с тобой. Ни одна форма жизни, не взирая на ее психологию, не может перенести это без следа. Ты являешься причиной существования этого флота. Не знаю, является ли эта раса долгожителями, или она передает своим знания от поколения к поколению, но в любом случае, ты являешься для них суперлегендой. Разве простой человек может бросить вызов Вселенной!

— Не знаю,— неуверенно произнес Брон. — По правде говоря, это похоже... на Бога.

— Да. И они знают, что этот БОГ существует! Поэтому, мне кажется, что эта атака скорее форма обороны, чем нападения.

— Обороны? Ты шутишь, Андер?

— Более или менее. Без доступа к подпространству ни один из этих кораблей не может вернуться на базу. Нет ни малейших причин, чтобы начинать атаку без возможности вернуться назад.

Единственным объяснением может быть... Ты не прав, Брон,. Это самоубийственная миссия без возврата, целью которого является попытка уничтожения какой-то будущей истории, погруженной в Хаос.

— Если все дело в уничтожении флота, то мы уже близки к цели. Хотя надо признать, что их пустые корабли— это грозное оружие.

— Я думаю, что это сделано специально. В этой акции каждый атом должен был набрать свой максимальный потенциал. Зная наши возможности, они устроили так, чтобы каждый атом их флота был защищен от нашего оружия и одновременно являлся оружием, против которого у нас нет защиты.

— Это совпадает с нашими выводами, даже эти пустые коробки не поддаются нашим ракетам. Их единственное слабое место— эта тенденция к самоуничтожению при контакте или близком подходе.

— О, Боже! Андер! Это разгадка! Функцией катализатора не является провоцирование новых действий, но ускорение уже существующих реакций. С ними просто нужно воевать их же оружием!

Брон бросился на мостик, вызывая по дороге оружейника и начальника арсенала. Он быстро растолковал им положение новой тактики боя, которую они приняли с удивлением, но быстро побежали выполнять приказ. Брон велел капитану "Энтерпрайза" выбрать соответствующую цель и все остальное время провел, отвечая Джесси, какая судьба ждет ее после всех дел.

Казалось, чужаки ощутили эту напряженную обстановку у людей. Их голоса стали более резкими, словно паника охватила их. Были слышны отдельные напряженные голоса, нервные, наполненные страхом и злостью. Брон почти физически ощутил чужаков в темноте, истекающих потом в затхлой атмосфере корабля среди невообразимо гигантских двигателей. Он внезапно ощутил желание умереть и избавиться от мучительного заключения, которое грозит закончиться поражением.

После того, как цель была выбрана, Брон начал ждать сигнала оружейника. Сигнал пришел, когда корабль вошел в зону атаки, а потом все показатели приборов упали к нулям. Передавая управление компьютеру, Брон подал сигнал к атаке.

Вражеский корабль был хорошо виден на экранах. Были видны также цилиндрические тела земных ракет, движущихся крайне медленно. Среди экипажа, который уже все знал, возросло напряжение. Мезонное оружие было главной силой, которую знали люди, а новая тактика ведения боя до сих пор еще не применялась.

По мере того как ракеты летели к цели, на экранах появлялись все новые и новые подробности. Ракеты с боеголовками взорвались бы, залив космос морем огня. Но они сейчас были без взрывателей и просто ткнулись в борт чужака. И ничего не произошло. Спустя несколько секунд из пришельца полетели спирали какой-то неизвестной энергии.

Чужак ошетилился длинными иглами фиолетового огня, словно скорреалистический ежик. Это энергетическое излучение образовало вокруг корпуса корабля хвост, похожий на лавлиний, такой величины, что в нем легко бы мог исчезнуть любой крейсерлюдей. Внезапно это странное излучение исчезло, оставив после себя ионизированную пустоту, обнажив место, где недавно находился корабль чужих.

Везде царствовала чернота космоса. Вся масса пришельца превратилась в излучение. И это произошло лишь благодаря новой тактике Брона.

Все это время бормотание голосов было приглушенное и беспокойное. На этот раз уже не было криков, а только ровное бормотание, наполненное страхом.

Брон выбрал новую цель и передал остальному флоту приказ об атаке. Он почувствовал, что чужаки поняли его решение. Сражение было выиграно.

Последующие атаки усилили эту уверенность. Вскоре два корабля доложили о результатах боя. Возможность и успешность атак на дальних расстояниях подняли боевой дух. Собственно, они были для этого уже подготовлены. Наконец они стали снова Разрушителями в буквальном смысле этого слова.

Брон видел сотни кораблей, атакующих врага. Блестящие точки ракет выглядели на черном фоне пустоты как роящиеся мошки. Мрачные неприятельские корабли все еще держали свой курс с невероятной точностью. Но уже через мгновение четкий ритм их движения изменился, они начали взрываться один за другим. Космос наполнился вспышками ярких солнц и хвостами ионизации. Иногда реакция была такой интенсивной, что создавалось впечатление словно новая галактика рождалась на краю Млечного Пути.

— Ананиас! Твоя очередь!

— Слышу тебя, Брон. Мы видим вас! Отличная забава!

— Словно на Рождество Христово в Европе. Мы все-таки узнали их слабое место! Их корабли способны противостоять любому нашему оружию, но взрываются при физическом контакте. У наших ракет взрыватели срабатывают в непосредственной близости с целью, поэтому мы просто-напросто сняли их и поставили контактного типа, хотя и в этом не было никакой нужды.

— Но без взрывателей не может работать боеголовка!— воскликнул Ананиас.

— И ладно. Их флот взрывает сам себя. Каждый их атом предназначен для самоуничтожения. Нужно только немного подтолкнуть их...

Пространство перед "Энтерпрайзом" разверзлось сотнями солнц. Ионизированные хвосты протянулись на миллионы миль и светились словно неоновые рекламы. Красные, фиолетовые и желтые шары огня горели словно фейерверки. Крики чужаков были отчаянными и становились все реже, словно участники этого дьявольского хора поочередно замолкали, выбывая из строя.

34

Наконец голоса врагов смолкли. Когда флот Службы встретился с Разрушителями, было уже известно, что Брон стал победителем. Общими силами они добивали чужие корабли, разбегавшиеся в разные стороны после разрома основных сил. Больше голосов в голове Брона не было!

Он расслабился и только сейчас почувствовал, как его охватывает страшная усталость. Как и его люди, Брон не спал последние 36 часов. Он посмотрел на экран, оценивая ситуацию, и понял, что бой окончательно закончился, и ушел с мостика к себе в каюту. Бросившись в постель, он мгновенно заснул.

Спустя какое-то время ему показалось, что легкие колебания вырывают его из сна. Он видел все как сквозь туман, и какая-то часть его сознания анализировала подробности этого повторяющегося кошмара. Вместо того, чтобы бороться с ним, он позволил разыграться фантазии. Все началось с абсолютной потери ощущений.словно разум отделился от тела. И он ощущал колебания легкого течения, несущего его сквозь черную воду. Впечатление нарастало, пока не стало реальностью. Несмотря на отсутствие света, четкость была идеальной и делала сон реальным. Он слышал тихий шум волн, разбивающихся о стены туннеля и резкое эхо, переходящее в ультразвук, который давал представление о всличине подземелья, в которое он попал. Где-то перед ним гусеподобный дух кричал голосом, в котором не было ничего человеческого. Невидимый плот ударился внезапно о край невидимого берега, ударился о волны и поплыл дальше, влекомый течением. Одинокая гусыня была разбужена, за ней проснулась другая, третья, и все они сразу создали страшный шум, от которого стыла кровь в жилах. Новый поворот... и он внезапно ощутил, что на нем одет скафандр.

Скафандр? Пальцы пощупали окружающую его пустоту. Он наткнулся на грубые швы перчаток. Все подтверждало тот факт, что отсутствие ощущений является результатом наличия двойного материала космического скафандра, а также того, что тело одеревенело от долгой неподвижности. Все это вместе с уменьшенной силой тяжести и несущим его течением делало чувства отсутствующими, но не объясняло, почему у него было полное ощущение всех этих невероятно подробных деталей. Было также неясно, что ожидало его в конце этой дьявольской дороги.

Гусиный гогот сменился криком, который перерос в рев разнородного хора, и наконец стал бормотанием. Сам этот голос был таким жутким, что его одного хватило бы, чтобы обратить человека в бегство. Но для Брона это было невозможно.

Сотни миллионов лет страха и ненависти были выражены голосом и горькой жалобой, исходящей от чего-то, что ожидало его за очередным поворотом.

Его охватила паника, заволакивая туманом сознание. Он бешено задергался в своем скафандре, не в состоянии даже пошевелить руками. Бессильный, он со страхом ждал пока течение вынесет его за очередной поворот. Миллионы атмосфер давили на стены туннеля. Воздух, которым он дышал, был теплым и липким от пота его собственного страха и так насыщен привкусом металла, что от этого деревснел язык. Каждый миг путешествия мог закончиться, и человек мог оказаться лицом к лицу с мучителями, которые запланировали его смерть в те времена, когда жизнь на Земле существовала еще только в виде кипящей магмы.

Он не знал, как они могут выглядеть, но не сомневался, что его разум выдержит их вид. Хор гусей становился все ближе. Казалось, что достаточно протянуть руку и можно дотронуться до этих жутких существ. Он почувствовал, что вот-вот должен появиться свет, хотя вокруг все было темно. Наконец, другой голос возник в его голове. Это было бессмысленное бормотание, которое, однако, встряхнуло его с такой силой, что он освободился от скафандра, от гусей и мистического влияния жуткой реки.

— Может быть в мерзкой темнице какой-то нечеловеческой инквизиции чей-то разум сошел с ума...

— Джесси, на помощь!

— ... не из-за пыток или слабости духа...

— Джесси! Смилуйся и вытащи меня отсюда!

... но под влиянием глубокой раны. Разве не знаешь, что бог умирает... умирает... ?

— Джесси? Я ничего не знаю о боге, ради бога, вытащи меня отсюда!

— Ты уже выходишь из этого, Брон. Продержись еще немного. Твой метаболизм быстро улучшается, а сердце бьется все ровнее.

Брон открыл глаза. На лице у него была кислородная маска, а над ней блестящие обеспокоенные глаза врача. Скосив глаза в сторону, Брон обнаружил, что лежит в медотсеке "Энтерпрайза".

— Джесси! Что это было?

— Ты находился в коме на протяжении семидесяти часов. Врачи старались вернуть тебе сознание, но все было безрезультатно. Я прибегла к семантическому ключу, чтобы вернуть тебя в сознание, так как все функции твоего организма начали останавливаться. Ананиас советовал применить массаж сердца.

— У меня снова был тот же сон, в котором я плыву по туннелю, где меня ждут чужие. Они ждали меня уже за следующим поворотом.

— Они еще не оставили тебя в покое, Брон. Ты уничтожил их флот, и они нашли другой способ, чтобы убить тебя. Сейчас они взялись за твой мозг.

— Ты принимаешь сигналы в биотронном канале?

— Да, причем это очень сильные сигналы.

— Их голоса замолчали, когда ты был разгромлен. Эти сигналы, видимо, приходят с их базы. Это вид закодированных изображений в форме звуков. Похоже, что это их система связи. Я легко принимаю их. А если расслабляюсь, то они действуют гипнотически.

— Это логично. Твоя кома напомнила результат глубокого гипноза. Это действует на все уровни сознания, как тот, что создал личность Галторна в твоём мозгу. Должна сказать, что это опасная игрушка, особенно в руках врагов.

— Я не думаю, что это была атака. Похоже, что это попытка установить контакт.

— Они хотят убить тебя, Брон! Это обычное старое как мир убийство!

— Нет, это нечто большее, Джесси! Мой сон — это реальность. Это была проекция реальной ситуации. Чтобы выжить, нужен космический скафандр. По-видимому, там жуткая жара. Давление. Существует какая-то атмосфера, так как я слышал звуки гидросферы и плыл в чем-то. Это реальное место, Джесси!

— Если оно и существует, то только в галактике Мессир-31, по другую сторону межгалактической пустоты. Не знаю, почему эта реальность должна быть такой важной!

— Потому что я должен там быть! Этот сон был видеофонной пробой Хаоса. Мой путь в этом туннеле является действенным элементом будущего.

— Ты изменил Хаос, Брон? Почему же тогда это предсказание должно быть неизменным?

— Потому что мы выиграли сражение с древним флотом. Но настоящий враг остался невредимым и стал без сомнения еще более грозным. Если он мог выпустить Бомбу на Онарис, то также легко может послать другую на Землю или какую-нибудь другую обитаемую планету. Эти бомбы может быть уже в пути. Если мы хотим выиграть поединок, то должны начать сражение с ними. А этот сон, Джесси, является какой-то частью случайно перехваченной мною передачи о готовящейся операции.

35

— Ананиас! Сколько у тебя кораблей, готовых к подпространственному прыжку к Мессир-31?

Ананиас тихо выругался, поняв всю сложность вопроса.

— Этого никто никогда не делал, Брон! Никто не пытался достичь другой Галактики. "Тантал" был дальше всех, но мы едва оторвались на мизинец от нашего Млечного Пути!

— На этот раз я хочу долететь до конца! Мне нужна информация о всех кораблях, которые могут совершить пространственный прыжок на расстояние в более десятка килопарсеков!

— Но в данном случае расстояние 600 килопарсеков! Ни один корабль не может так далеко прыгнуть!

— Ни один не пробовал, поэтому мы и не знаем. Нужны только добровольцы, около тридцати кораблей.

— Хорошо. Я уточню на компьютере и сообщу тебе как только что-то найду.

— Джесси? Ты здесь?

— Нет. Это Док. Наш компьютер подсчитал, что у тебя только два процента шансов добраться до этой галактики на борту корабля обычного типа. Еще не было случая, чтобы корабль прыгал более чем на 15 килопарсеков и возвращался в нормальное пространство.

— Даже при двух процентах я готов рискнуть. Мы пойдем короткими прыжками.

— Это ничего не изменит, так как нельзя определить координаты в пространстве, где нет контрольных ориентиров.

— Я знаю это, Док. Но мы обязательно что-нибудь придумаем.

— Я не вижу, как ты сможешь это сделать. Весь флот ты не сможешь взять с собой, а там звезд гораздо больше, чем в нашей галактике. Шансов попасть на обитаемую систему чужаков практически нет. Не забудь, что там могут оказаться миллионы обитаемых систем, и как же среди них ты собираешься отыскать Базу чужаков?

— Я возьму с собой полный экипаж Хаоса. У нас хорошая информация по Хаосу, полученная во время локализации происхождения чужого флота. Этот факт даст нам приблизительный сектор поиска. А на месте мы скорректируем астрономические поправки.

— Конечно, это ты командуешь флотом, и мы не можем помешать тебе. Но мы считаем, что операция является бессмысленной тратой людей и средств!

— Я приму к сведению твои замечания, Док, но должен играть партию по-своему. Где там Джесси?

— Она сегодня не дежурит. Позвать ее?

— Нет. Опиши ее внешность.

— Ты не знаешь, что я не могу этого сделать. И ты еще надеялся, что я отвечу?

— Не знаю, что может быть такого в особе, которая большинство времени проводит в издевательских упражнениях в мой голове.

— Информация является тайной потому, что мы не хотим, чтобы ты ее узнал. Вы являетесь психологически связанными и образуете сильную антагонистическую связь. Вы достигли высокого уровня взаимоотношений, которые не должны быть нарушены обычными сантиментами. Это делает вас отличным экипажем, самым лучшим из всех. Именно поэтому мы не допускаем, чтобы это равновесие было нарушено.

— Из-за чего, например? Любви? — в голосе Брона послышалась злость.

— Ты не недооцениваешь силу пары, Брон. За исключением физических контактов, вы связаны еще более сильно, нежели какие-то другие люди с обычной связью. Никогда нельзя достичь более сильной общности, чем та, какая существует у вас. Даже в классической любовной связи...

— Что еще?

— Я итак рассказал слишком много, Брон. С этого момента я не отвечу ни на один связанный с ней вопрос. Я просто хотел подчеркнуть своим рассказом всю хрупкость возникшего между вами равновесия.

— Я думаю, что ты сказал достаточно. Даже можно сказать, что промоделировал значительную часть будущего.

Брон подошел к компьютеру и остановился перед терминалом. Его пальцы осторожно нажали на клавиши, а глаза были устремлены вверх. Он внимательно смотрел на экраны внешнего обзора.

— Что ты делаешь, Брон? Разве необходимо что-то вводить в компьютер?

— Отвяжись! Вся эта история распухла на мило. Я сказал, что полечу на Мессир-31. И если выйду живым из этой авантюры, то вернусь, чтобы разгадать великую загадку нашей Галактики.

— О, Боже! Что ты еще придумал, Брон?

— Я вернусь за Джесси. И сомневаюсь, чтобы Служба смогла помешать мне.

Шесть кораблей землян постепенно, один за другим, ныряли в подпространство. Каждый раз во время спокойного полета Брон расстегивал ремни безопасности и начинал считывать координаты. Корвет Разрушителей, который назывался "Немезида", был намного меньше "Энтерпрайза", но тахионные генераторы имел самые мощные, когда-либо построенные руками человека. Вместе с ним, повторяя все маневры, были еще два корабля Разрушителей и три корабля Службы.

Экипаж для расчетов элементов Хаоса был набран из добровольцев, и бешено работал все это время над уточнением координат Базы. Рассчитывал их по курсам вражеской армады никто иной, как профессор Лаарс, который отлично справлялся с наиболее сложным и наиболее невероятным анализом Хаоса, который когда-либо проводился.

Из-за отсутствия ориентиров и звезд в качестве данных матрицы складывались результаты расчетов Хаоса при анализе обратного пути эскадры чужаков. Приспособление расчетов Хаоса к матрицам было делом новым и неизвестным. Корабли Брона уже сделали семь прыжков по пятьдесят килопарсеков каждый и все еще были налицо, никто не исчез. Все это привело к тому, что люди поверили в присутствие сверхъестественных сил.

Лаарс первый обратил внимание на странные зависимости в расчетах Хаоса. Все еще считая Брона никем другим, как ученым-синкретистом, он попросил его о помощи в решении загадок Хаоса и стаскивал к нему все материалы. С помощью Андера, а также пользуясь своими знаниями, Брон выдавал вполне удовлетворительные ответы. На этот раз Лаарс понял, что наткнулся на что-то сверхъестественное, и радость открытия сменилась беспокойством из-за возможных непредвиденных последствий.

— Мастер Галторн, вы должны объяснить мне вот это, — сказал он и разложил на столе десять длинных диаграмм.

— В чем дело, профессор?

— Вот здесь отклонение, — показал Лаарс, подчеркивая выводы компьютера на боках диаграммы. — Чем дальше мы летим, тем больше наш курс отклоняется от прямой линии.

— Может быть их флот летел именно так?

— Вряд ли! Они должны были лететь по кратчайшей линии, а это значит, по прямой, касательной к случайной. А это не что иное, как геодезическая линия, которая просто не может быть кривой.

— А фактор времени? Ведь Галактика вращается и летит на протяжении веков в пространстве. Наш курс должен немного отличаться от курса пролетевшего ранее чужого флота. Самая лучшая информация это та, которую мы можем извлечь из Хаоса— это позиция их Базы, но спустя 700 миллионов лет.

Лаарс открыл рот от удивления.

— Я уже объяснял, что в Хаосе все линии прямые. Вы путаете их с линиями обычного пространства-времени, где существуют кривые. В Хаосе все волны являются сферообразными, а все линии прямыми. Иначе и быть не может.

Брон снова посмотрел на диаграммы.

— Поскольку является аксиомой утверждение, что все оси в Хаосе прямые, а наш курс искривился, то из этого нужно сделать вывод, что данные, которые мы получили из компьютера, не являются данными Хаоса.

— Вы сомневаетесь в исправности аппаратуры?

— Конечно, нет! Я знаю, что вы все проверили прежде чем прийти ко мне. Скорее всего, что-то не так в самой энтропийной информации. Может быть так, что послан сигнал, который наши датчики не могут отличить от волн реального события?

Лаарс почесал затылок.

— Это зависит от мощности. Каждый сигнал, который не может отличаться от реального будет трактован как событие. И если на него наложится сигнал оригинала, то мы не можем заметить перемены. А почему вы об этом спрашиваете?

— Потому, что начинаю понимать, что мы можем больше не искать чужаков. Они ведут нас по кругу, как на поводке.

36

— Джесси! Давай Андера. Мне надо срочно узнать можно ли принять энтропийный сигнал?

— Андер ждет с того момента, когда ты начал говорить с Лаарсом. Он утверждает, что это не только возможно, но даже приспособлено к мгновенной связи на галактических расстояниях. Что-то вроде этого применено в нашем канале связи.

— И мы можем проследить луч их фонаря, приняв за основу какое-нибудь событие?

— Да. При их технике это тоже возможно.

Сигнал возвестил об окончании очередного прыжка и возвращении в обычное пространство. Брон ощутил внезапную боль, и в голове появились голоса чужаков, наполнив его страхом. Со времени его коматозного состояния на борту "Энтерпрайза" их голоса не звучали в его голове, но несмотря на это он регулярно принимал антигипнотические таблетки.

Офицер связи связался со всеми кораблями и доложил, что два корабля не появились в космосе. Может быть они вынырнули в каком-то совершенно другом месте, а может быть уже никогда не появятся в обычном пространстве, а будут вечно носиться по безмерным коридорам подпространства.

Во время программирования очередного прыжка Брон собрал совещание со всеми капитанами кораблей. Им осталось совершить еще четыре прыжка по пятьдесят килопарсеков каждый, и каждый из них грозил людям вечным скитанием в бездне космоса. Выполнив уже семь удачных прыжков, земные корабли уже давно перескочили через возможность лететь точно. Поэтому Брон предложил перемахнуть оставшееся расстояние в 200 килопарсеков одним прыжком. Никто не возражал, хотя все прекрасно понимали, чем это могло кончиться, так как они вторглись в область физики, совсем не изученной человечеством.

Лаарс привел доказательства, что существует энтропийная трансмиссия с таким напряжением, что все нормальные вычисления Хаоса сильно изменились. Ловушка казалась все реальнее, Но Брон приказал навести данные на матрицу для последнего прыжка. Туда, где находится источник сигнала и находится база чужаков. После подготовки все четыре корабля землян исчезли в подпространстве.

37

"Немезида" вынырнула одна. Странные чувства охватили Брона, когда одинокий корабль пересек границу туманности Андромеды. Страх, беспокойство и горечь из-за потери кораблей терзали его, но не это было главным сейчас. Он часто летал в космосе и понимал, какими разными бывают звездные системы.

Здесь, на первый взгляд, звезды были такие же спектры ничем не отличались, но глядя на них, он не мог убедить себя, что это звезды его мира. Каким-то необъяснимым образом это прекрасное звездное скопление имело в себе что-то чужое, что делало человека также чужим, одиноким и лишенным всякого значения.

Среди миллиардов звезд человеческой галактики только Земля вырастила разумное существо. А сейчас, стоя на крае другого звездного скопления, Брон должен был встретиться с чуждым человеку существом. Выставленный в роли одиночки, он, в результате событий, которые вероятнее всего были предопределены, знал, что когда приблизится к последнему повороту туннеля, останется один и без оружия. Один против формы жизни, которая исследовала космос еще в те времена, когда на Земле кипела лава и образовывались первые материки.

— Слушайте меня! — крикнул Брон, захваченный внезапной мыслью о том, что чужаки наверняка перехватывают его мысли. — Я знаю, что вы слышите меня!

Гусиный гогот на мгновение усилился, а потом затих, словно приглашая Брона к разговору. И он опять заговорил:

— Я иду, чтобы встретиться с вами. Вы уничтожили много наших планет и по крайней мере я не вижу в этом смысла. Если бы я захотел, то смог бы уничтожить ваших планет еще больше, так как владею кораблями, которые могут пересекать межгалактические пустоты в течение короткого времени. Поэтому я пришел к вам сильный, а не слабый. У меня сейчас нет оружия, но если со мной или моим кораблем что-нибудь произойдет, мой человеческий род жестоко отомстит вам за нашу гибель.

Еще раз голоса в голове Брона усилились, напоминая шум прибоя, а потом стихли, оставив в канале связи только легкий шум, подобный шуму перекачиваемого песка в полосе прибоя.

Лаарс пришел и принес последние расчеты. Он рассчитал источник энтропийного излучения, который лежал в двух килопарсеках от границы галактики. Брон отдал приказ о выполнении прыжка, и "Немезида" двинулась в свой последний путь.

Они вынырнули в обычное пространство возле обычного солнца класса K5 с массой около 80% массы Солнца. Вокруг звезды вращалась одна планета, немного меньшая чем Земля. Наблюдение с орбиты ничего не дало. Ее поверхность была покрыта скалами, без малейших следов жизни. В атмосфере преобладали углеводороды. Температура на грунте достигла почти 200 градусов по Цельсию. Энтропийный сигнал шел именно отсюда, но несовершенные приборы корабля не могли с абсолютной точностью определить их источник.

На борту имелся десантный бот, и Брон приказал подготовить его к полету, а также вызвал добровольцев для высадки на планету. Когда он облачился в космический скафандр, то сразу же понял, что его сон о страшном туннеле быстро становится реальностью.

Атмосфера планеты встретила их враждебно. Смерчи бросали бот из стороны в сторону, стремясь опрокинуть его. Резко проваливаясь в воздушные ямы, десантное суденышко то набирало высоту, то теряло ее.

Сквозь летящие тучи проглядывала поверхность. Они рассматривали грозные скалы, изборозженное волнами море из легких металлов. Кругом, сколько позволяли видеть глаза лежали огромные скальные массивы. Нигде не было видно результатов деятельности разума.

Бот сделал три посадки на поверхность, каждый раз возвращаясь на "Немезиду" для отдыха, регулирования приборов и анализа собранной информации. Лаарс пустил в ход все компьютеры, чтобы обнаружить источник сигналов на поверхности планеты. Информация, отобранная во время полетов на малых высотах, в конце концов начала выдавать определенную схему, которая указывала южное полушарие, а более подробные данные выдали координаты сектора с площадью в одну квадратную милю.

Брон приказал сделать съемки этого района с разных высот, необходимые для создания точного плана местности. Дрожащей рукой он ворошил фотографии. Только сейчас до него дошло, что он когда-то уже видел все это. И он инстинктивно разгадал игру света и теней. Он понял, что в коме на борту "Энтерпрайза" он видел все это. Сейчас он вернулся к началу того путешествия и был уверен, что на этот раз дойдет до конца.

— Джесси!

— Я слушаю тебя, Брон.

— Опиши мне клавиатуру канала нашей связи.

— Зачем? Чтобы ты отправился на каникулы?

— Рассказывай!

— Хорошо. Кататоническая регрессия, потеря чувств при сохранении сознания, наказание, смерть. Зачем тебе все это?

Брон посмотрел на одну из фотографий и указал пальцем на один из темных районов:

— Это вход в туннель. Я пойду туда. Насколько я понял, это будет тяжелое путешествие. У тебя есть около шести часов для подготовки. Отдохни. Когда я пойду, мне понадобится твоя помощь, вся помощь, которую ты сможешь мне оказать!

38

Десантный бот, подхваченный порывом ветра, тяжело плюхнулся на плоский камень, лежащий на поверхности планеты и имеющий внушительные размеры. Во время всего полета сквозь атмосферу его немилосердно хлестала буря, швыряя в него сконцентрированные полимеры углеводорода, внося помехи в показания приборов. Сейчас он сел, озираясь на посадочные ноги, и поднял нос к небу. В нескольких ярдах находился вход в пещеру. В нее впадал поток какой-то жидкости.

— Я уже не пытаюсь отговорить тебя от столь непродуманного действия, — мрачно отозвалась Джесси. — Это то самое место?

— Мы знаем, что сигналы идут из этого района, а этот поток, втекающий в пещеру, подтверждает мой сон.

— Так ты намереваешься все же сунуть туда свой нос?

— Я пойду туда!

— Один?

— Один. Но ты будешь со мной!

— Я не понимаю твоих поступков, Брон. Даже если там не окажется чужих, это будет равносильно самоубийству. Посмотри на этот ручей. Что ты хочешь доказать?

— Моя дорога через эту пещеру уже стала частью истории. Я должен обязательно узнать, что там, за последним поворотом.

— Будь откровенен сам с собой, Брон. Ты не мученик и ты не способен рисковать свое шкурой во имя установления хороших межгалактических контактов. Это не героизм, не обычное любопытство, и если ты идешь в этот туннель, то это означает, что ты уверен, что найдешь там что-то, что тебе нужно и что ты хочешь взять. Я не очень хорошо знаю, как ты это сделаешь, но должна признаться, что мне очень интересно, как все это произойдет.

— Ты знаешь, что в тебе самое плохое, Джесси? У тебя нет души.

— А знаешь ли ты, Брон, чего нет у тебя? У тебя нет будущего!

Какое-то мгновение Брон молчал, а потом разразился громким смехом.

Какое-то время человек изучал подходы к пещере и наконец решился. Он двигался по неровностям почвы незнакомой планеты, ка-

чаемый ветром, как поплавок на воде, с интересом отмечая, что ветер подталкивает его к пещере.

— Ну, смелее, Брон, я с тобой!

Голос Джесси был теперь единственной опорой в этом кошмаре.

— Как скафандр, выдержит?

— Данные датчиков говорят, что материал должен выдержать не менее десяти часов, если ты не повредишь его раньше. Мы сомневаемся, что ты сможешь выдержать так долго. Если на тебя нападет клаустрофобия, ты можешь натворить дел.

— Ты знаешь как меня успокоить.

— Ну вот и хорошо.

Он вошел в пещеру, стараясь не сразу включать рефлектор скафандра. Черные стены ни о чем не говорили и только тяжелый поток жидкого металла лизал их. Вдруг он что-то услышал. Гусиный гогот доходил до него скорее через внешние динамики скафандра, чем через биотронный канал связи. Он слышал их далекие крики, и понял, что они обнаружили его присутствие. Такой же тихий крик издала и Джесси.

Вскоре он должен был остановиться. тропинка, по которой он шел, оборвалась. Он попробовал пошарить ногой дно ручья, но его не оказалось. Ручей, казалось, тянул его к себе, нога поскользнулась, и он с криком влетел в поток. Он тотчас же всплыл, и ручей, уже перерастая в реку, понес его, тихо плещась о стены фантастического туннеля. Падая, он ударился рефлектором о выступ скалы, и хотя он был рассчитан на такие удары, но почему-то погас.

Впервые со времени входа в туннель его охватила паника.

— Как дела, Брон?

Голос Джесси вернул ему спокойствие.

— Меня несет по поверхности реки.

— Ты уже говорил об этом. Чужие или свои, но ты знаешь, что у тебя нет шансов вылезти оттуда. Может быть ты, наконец, скажешь, зачем влез в это дерьмо?

— Уверю тебя, что я ничего не ишу!

— Нет. Я достаточно хорошо тебя знаю.

— Я принял этот сон за часть Хаоса. И считаю это доказательством того, что все кончится хорошо и я найду место чужаков.

— А что дальше?

— Я не знаю. Знаю, что это должно произойти. Это аксиома!

— Может быть ты расскажешь, когда и как ты додумался до этого?

— Дорогая Джесси, это исходит непосредственно из всего, что до сих пор делали чужаки. Бомбы и армада кораблей, это все было направлено на уменьшение шансов встречи с ними. В течение миллионов лет они делали попытки помешать тому, что должно было произойти. Они бы не старались тратить столько сил на то, чтобы помешать тому, что должно произойти, если бы это не было так серьезно. А посему, значит, это должно произойти!

— Я смотрю на это немного по-другому, Брон. Считаю, что они делали все это, чтобы убить тебя. Поскольку это не удалось сделать на расстоянии, они заманили тебя в ловушку. Думаю, что сейчас ты находишься в ловушке Хаоса, из которой нет выхода. Они втянули тебя в

западню, которая грозит тебе смертью. В конце концов они полностью уничтожат твой потенциал Хаоса и тебя самого.

— Это неверно. Но даже если ты и права, они все равно проиграли.

— Почему?

— Есть один пункт, который ни ты, ни они не учитывают. Я ведь не обычный человек. Ведь благодаря нашей с тобой биотронной связи я являюсь синтезом двух индивидуумов, а также всех компьютеров, подключенных к нам, не говоря уже о Доке, Ананиасе и Андере. Чужаки могут убить меня, но ведь информация уже пошла к вам. Вы пошлете еще одного агента, и он закончит дело. Видишь ли, не только я являюсь катализатором Хаоса, а вся система, частью которой являюсь я.

— Тихо Брон. Я усиливаю прием. Слышу шум. Как поток?

— Стал немного сильнее, но мне трудно сориентироваться.

— Как только подвернется подходящий момент, попробуй остановить свое плавание. Согласно нашим приборам впереди тебя ждет водопад, причем очень сильный.

— Что?

— Я могу ошибаться, но он может быть уже через две мили.

— Джесси..!

— Да.

— Ничего. Какие у меня шансы?

— Беспозвоночный имел бы один процент. Но ты...

— Скафандр выдержит?

— Все зависит от того, как и обо что ты будешь ударяться. Скорее всего, нет. Часть его систем жизнеобеспечения не выдержит.

— Вскоре мы узнаем, кто из нас прав.

Он ощутил удар, Стараясь согнуться и понять, что с ним происходит, Брон внезапно почувствовал, что летит. Далеко внизу был виден котел кипящего металла. Без малейшего стыда он истерически закричал.

39

Большой разум израненного тела...

Он почувствовал легкое покачивание волн, на которых лежал.

... зря кричащий на диком ветру...

Потом он сориентировался, что поток несет его дальше в глубь темного туннеля. Он каким-то сверхчувством ощутил едва уловимое изменение направления потока. Услышал слабый плеск разбивающихся волн и голоса... Голоса, которые замораживали кровь.

Где-то вдали какой-то гусь клекотал свою песню, с горлом, полным крови. К нему подключились другие, образовав целое стадо, изливающее свою горечь и печаль.

Над ним семьсот миллионов лет эволюции проходило на потолке туннеля. Легкие Брона задыхались от сухого воздуха с металлическим привкусом. Невозможность пошевелить рукой или ногой доводила его до истерики. Еще один поворот, и его ударило о берег.

— Джесси!

— Я с тобой, Брон.

— Падение не убило меня.

— Мы вовремя ввели тебя в состояние кататонии. Благодаря этому ты упал очень мягко. По правде говоря, падение оказалось не таким опасным, как мы считали. Высота была сглажена семнадцатью уступами. Ты сейчас на глубине двух миль от поверхности и все время уходишь глубже. Сейчас мы ввели тебя в состояние отключенных восприятий, с сохранением сознания, так как не знаем, как на тебя повлияла обстановка.

— Выключи это. Я хочу видеть.

В голове Брона прозвучало нежное бормотание, а потом боль охватила все тело.

— Как ты себя чувствуешь?— спросила Джесси.

— Похоже, что у меня нет ни одного целого мускула, но переломов нет.

— Скафандр становится все более прочным. По мерс возрастания давления. Дьявол отлично стережет своих.

— Ты слышишь их?

— Мы уже рассчитали дальность. Ты должен достигнуть их через минут семь.

Гул голосов эхом отдавался от стен туннеля. Бешеный хор был теперь так близок, что было похоже, что он находится прямо перед ним. Новый толчок подсказал, что он прошел очередной поворот. На этот раз это был не сон. У него не было возможности выйти из этого кошмара, ставшего реальностью.

Течение было более спокойным. По эху он понял, что его внесло в гигантскую пещеру. И наконец он увидел свет вдоль гладких стен, и наступила внезапная тишина.

Его плечи оперлись о наклонную поверхность; ноги нащупали дно, и это позволило ему выползти из теснущего металла. Он удивленно озирался, готовый встретить неизвестный разум, но здесь никого не было.

Металлическая река медленно текла между крутыми, искусственно созданными берегами. Он находился в огромном зале со стенами, украшенными тысячами рисунков или резьбой по камню, которые могли быть как украшениями, так и необходимыми для чего-то неизвестного Брону. Высокие молчаливые машины, о предназначении которых трудно было даже догадаться— формы были совершенно чужды человеческому глазу — подавляли своим величием. Какое-то движение среди этих темных механизмов привело его в окаменевшее от страха состояние. Каркающий звук вызвал мурашки на теле. Живые существа, бывшие до сих пор в тени, вышли вперед мелкими семенящими движениями и прошли перед ним строем, направляясь к реке.

Он рассматривал их костистые клювы, которые они макали в металлическую реку, и постепенно удивление сменялось пониманием. Станные, слепые, совершенно безобразные на человеческий взгляд, и, очевидно, совершенно лишённые разума существа, которые жили и размножались в самом центре, без сомнения этой погибшей цивилизации.

Даже их ручки уже почти атрофировались, заменившись на развитый клюв и длинную гибкую шею.

Зал наводил на мысль о кафедральном соборе, и Брон, наконец-то, понял всю иронию и несостоятельность того хора, который так часто звучал в его голове. Когда-то этот гимн, видимо, имел смысл, но сейчас цивилизация выродилась и все пришло в упадок.

Немного придя в себя, Брон начал исследовать зал. В одном месте, в глубокой нише, он обнаружил множество, работающих приборов. Некоторые горели сотнями огоньков, на других перемигивались только одиночные. Одна машина, когда он подошел к ней, заговорила знакомыми голосами. Но сделала она это очень тихо, словно ее слова были приветствием или извинением за прошлую ненависть. Он рассматривал машину, вспоминая, что это был тот же голос, который угрожал ему во сне и руководил атакой флота врага. Сейчас эта машина признала в нем хозяина, но от этого он не почувствовал никакого триумфа.

— Где же чужаки, Брон?

— Те, которых я хотел найти, уже не существуют, Джесси. Их раса исчезла.

— Но они же нападали на нас!

— Далекие потомки тех существ, которые исчезли миллион лет назад, нас не помнят. Может быть они даже были в тех кораблях флота, но наверняка цель полета была забыта. А вообще, воссали машины.

— Как ты можешь быть так уверен, что врага не существует?

— Ты слышала когда-нибудь такое слово — эволюция? Человеку хватило четырех миллионов лет, чтобы слезть с дерева и вырваться в космос. Если у нас сохраняются такие же темпы развития, то можешь себе представить, чем мы можем стать через 6000 миллионов лет? Одно наверняка. Мы уже перестали существовать как "гомо-сапиенс". Но если не принять каких-то мер, я не знаю каких, нас может ожидать такая же участь.

— А что же с энтропийным излучением? Ведь оно существует!

— Предки этих существ умели делать хорошие машины. Они очевидно могут работать вечно, не требуя обслуживания. Может быть, источник этих сигналов был частью их системы связи. Может быть, включил его кто-то из последних существ, приглашая всех, кто достигнет соответствующего уровня технологии, прилететь и воспользоваться тем, что они оставили после себя. Что это за место? Музей, который должен демонстрировать достижения расы всем мыслящим существам, которые доберутся до него.

— Но зачем они послали бомбы и флот?

— Это просто. Вначале их эволюции это место было для них чем-то очень важным. И когда они узнали из анализа Хаоса, что в каком-то из дней чуждое существо вторгнется в их жизнь, войдет в этот зал и обворует их сокровищницу, то тут же постарались предотвратить это. Не нужно много воображения, чтобы представить себе, какие мысли одолевали их при этом. Они рассчитали, что это существо будет жить в их будущем. Но они не могли знать, что это они проиграли, и мы их уничтожим.

— Ты подозревал об этом с самого начала? — Джесси начала понимать, почему Брон так настаивал на обследовании планеты.

— Я понимал, что они не могли пережить эти миллионы лет. Несмотря на все доказательства, которые прилетели к нам из далекого прошлого, они не могли создать для нас реальную угрозу. Должно быть, тут что-то другое.

— И ты это ищешь?

— Эти существа ушли намного вперед во многих отраслях науки. Возьмем хотя бы энтропию. Они приспособили ее к своим нуждам, как мы электричество. Представь себе... что произойдет, если мы постигнем их достижения? Разве будет существовать во Вселенной что-то, чего мы не будем в состоянии сделать?

— И это все принадлежит тебе?

— Конечно! Когда-нибудь я вернусь сюда с людьми и оборудованием, и мы раскроем тайны этой пещеры. И тогда человечеству будет принадлежать все, что оно сможет понять!

— Может быть, кто-то и вернется сюда, но только не ты. У тебя кончится запас воздуха через три часа. И я не думаю, что у тебя есть шанс вылезти оттуда живым!

— Должен быть выход, так как есть вход. Необходимо только немного подумать, чтобы найти его.

40

В глубине зала Брон обнаружил большую смкость, наполненную коричневой жидкостью. Заинтересовавшись, он заглянул внутрь и внезапно увидел миллиарды маленьких огненных точек, которые мерцали и двигались безо всякой системы. Иногда между огоньками появлялся и исчезал огненный след. Даже непосвященному было понятно, что перед ним макет Хаоса. Его открытие станет скорее всего самым важным событием в истории исследования Хаоса. Если только удастся понять и использовать физику нового открытия.

Он рассматривал коричневую жидкость и не верил, что это реально действующая модель Хаоса. Значит, тогда какой-то из огоньков обозначает его судьбу. Вдруг в углу смкости очень сильно блеснуло. Однако, узнать, что это было, ему не удалось. Воздуха в баллонах оставалось всего на два с половиной часа. А он до сих пор не нашел способа выбраться отсюда.

Найти планету, добраться до пещеры, сделать потрясающее открытие... все это похоже на серию тестов, которые должны выявить уровень знаний тех, кто входит в число наследников. Последнее испытание состояло в том, чтобы выбраться отсюда живым. Логично рассуждая, это должно удастся. Только на этот раз у него не было ничего, что могло бы помочь в этом деле. Тест должен был быть рассчитан на выявление всех способностей пришельцев, но остатки воздуха делали это испытание похожим на садизм. Чужаки выбирали своих наследников с дьявольской изощренностью.

Он оперся ногами о чашу с коричневой жидкостью, уверенный, что где-то должен быть выход. Нужно было только отыскать его. Он был не в состоянии надеяться на то, что те, кто остался снаружи, смогут добраться сюда вниз за то время, пока у него будет в запасе воздух.

Внезапно он услышал голос Джесси:

— Брон? Что Кана делает со своим флотом?

— Думаю именно то, о чем я просил его.

— Они вышли на низкую орбиту вокруг солнца. Это ты приказал им сделать это?

— Отвяжись, Джесси. У меня и без этого хватает забот.

Он начал лихорадочно размышлять о проблемах выхода. Металлическая река проходила через решетку в дальнем конце зала и исчезала в глубине планеты. С этой стороны выхода не было.

— Брон! Десять тяжелых крейсеров Разрушителей вторглись в пределы внутренних планет Солнечной системы! Оборонные Космические Силы обнаружили на подходе еще пятьдесят боевых единиц. Кана намерена атаковать Землю?

Брон не ответил. Поиски привели его на середину зала, где возвышалась огромная колонна, упираясь в потолок. Она была абсолютно черного цвета. У самого основания была дверь, утопленная в глубину колосса. Солидность стен навредила на мысль о величине давления, которое выдерживала эта конструкция.

— Брон! Ты слышишь меня?

— Слышу, Джесси.

— Я хорошо осведомлена о твоих способностях в области Хаоса. Ты приказал уничтожить штаб-квартиру Службы?

— Не уничтожить, а захватить!

— Я так и думала. Но зачем?

— Потому что если я захвачу штаб-квартиру, то Земля потеряет контроль над этой станцией с передатчиком, а заодно и надо мной.

— У тебя нет шансов. Служба разгромит флот Каны, а ты станешь предателем!

— Большая часть флота у Ананиаса, учти это. Можешь связаться с ним...

— Исключительная простота колонны резко отличала ее от остальных машин, находившихся в зале, на это нельзя было не обратить внимание. Этот контраст наверняка что-то значил. И это могло озадачить только высокоразумное существо. Первый раз за все время пребывания в этом месте Брон улыбнулся.

— Свинья ты, Брон,— голос Джесси бился в его мозгу, как тяжелый молот.

— Свинья! Ты все рассчитал! Ананиас отвел флот так далеко, что мы не можем связаться с ним и вызывать подмогу. Одна надежда на биотронный канал на корабле-разведчике...

— которым командует Ананиас,— закончил за нее Брон. — Джесси, будь реалисткой. Согласись, что доминанта Земли закончилась.

— Ты хочешь уничтожить Землю, Брон?— крикнула она.

— Нет! Она должна существовать, но и Разрушители имеют такое же право жить во Вселенной! Но это будут уже не две антагонистические державы, а две равноправные части одного Объединения, или если

хочешь, одной Федерации! Эта часть соглашения достигнута мной, Каной и Аваниасом. Земля и ее планеты вместе с Федерацией Разрушителей будут теперь одним общим. Есть много планет, годных для заселения, и человечество не должно уничтожать себя в борьбе за них.

Он подошел к колонне, рассматривая дверь. Замок был очень простым. Даже если чужие оставили какие-либо инструкции, то найти их не было времени, и поэтому он делал все наугад, уверенный, что это приспособление было тем, чем должно было быть. Дверь распахнулась, он шагнул вперед, и дверь тут же закрылась. Закрылась за ним!

Тотчас же поток жидкого металла забулрил у его ног, и начал подниматься, вознося его вверх. Он поднимался все выше и выше и наконец начал сомневаться, будет ли конец всему этому... может быть колонна стала каким-то образом бесконечной? О движении говорил только легкий шорох трущегося о стены колонны скафандра.

— Брон! Штаб захвачен десантом! Ты можешь привести в свою защиту хотя бы одно доказательство, чтобы я не нажала кнопку смерти?

— Советую тебе поторопиться! Первая цель десантников— это уничтожение биотронных антенн. Но если не нажмешь... знаешь что случится? Я вернусь на землю за тобой. Я тут заимел неплохое царство, и для меня его тяжесть немного великовата, поэтому мне потребуется надежный помощник. И не говори, что тебя не прельщает роль первой дамы Вселенной.

— Знаешь, кто ты, Брон? Ты самый свинячий мегаломан!

— Мы оба, Джесси! Если память мне не изменяет, то ты тоже порядочная свинья.

Наконец-то что-то изменилось. Стало труднее подниматься. Брон понял, что путешествие подходит к концу. Сначала ничего не было видно, потом он высоко над собой увидел слабо светящиеся точки. С удивлением он понял, что это звезды. Где-то там, среди этих многочисленных точек, проходит Млечный Путь. И он поднимался к звездам, лежа на спине на вершине медленно текущего металла в тишине ночи чужой Галактики.

Брон включил световые и радиомаяки на скафандре и, ожидая подхода бота, стал рассматривать отдаленные созвездия своего царства.

Рыдания женщины, находящейся от него в 600 тысячах парсеков, напомнило ему, что рядом с глобальными проблемами всегда находятся обычные человеческие слабости. Сейчас уже ничего, без сомнения, не будет так, как было раньше.

ОРУЖИЕ ХАОСА

Под оливковым небом, раскинувшимся над планетой Монаи, царило несчастье. Изменилась форма гор, возвышавшихся над столицей Эйдель. Миллионы мерзкой белой массы ждали неуволимого сигнала, чтобы объединиться во все сокрушающую лавину. Скованный льдом город, притулившийся у подножия гор, со страхом следил за вершинами гор, ожидая катастрофы.

С востока, двигаясь по руслу замершей Спринг-Ривер, пробивал себе дорогу в сторону Эйделя небольшой вездеход. Сидящий за рулем Асбель внимательно следил за дорогой. Он и его товарищ, ехали уже очень долго, а управление вездеходом было сложным и довольно не-легким занятием. В кабине царил удушливая атмосфера гари и вони. Ко всему еще крупное тело Асбеля покоилось на маленьком для его тела сидении, а рулевая колонка во время движения больно била его по мускулистым ногам.

Сидящий сзади в машине Джегун, не отрываясь смотрел на снег, который нависал над Эйделем. Это был человек немного ниже Асбеля, на лице которого постоянно играла гримаса, вызванная мучительными размышлениями. В темных умных глазах, как в зеркале, отражались тайные страхи и странные чувства. В рисунке очертаний возвышающихся гор он прочел послание, которое для его товарища было пока что непонятным. Он хранил это в себе до тех пор, пока окончательно не пришел к выводу о правильности своего умозаключения.

— Асбель, мы едем в ловушку.

— Ты уверен? — водитель даже не вздрогнул, но вызванная усталостью слабость в теле спала, как сброшенный с тела плащ. В одно мгновение он стал настороженным зверем — зверем, в которого его превратили тренировки и многолетний опыт.

— Да, Я уверен. Посмотри, как дрожит иней на ветвях деревьев.

— Я ничего не вижу.

— На острых иголках кустов появилась легкая двойная дифракция. Во Вселенной возникло напряжение.

— У тебя, должно быть, более зоркое зрение, чем у меня.

— Ты не чувствуешь, как нарастает напряжение? Здесь, в этом месте, изменилась причинно-следственная связь. Катастрофа, которая должна была произойти, была отложена к нашему приезду. Если мы въедем в этот город — город-ловушка захлопнется.

— Оружие Хаоса? — невозмутимо спросил Асбель.

— А что может быть еще? Ведь мы вторгаемся в главный центр. И должны были уже догадаться, что рано или поздно они попробуют это на нас.

— До сих пор мы побеждали. Посмотрим, удастся ли на этот раз.

Не доезжая двух миль до города, Асбель свернул с русла и направил вездеход в скальную нишу берегового откоса.

Там он выключил двигатель и придвинулся к Джегуну.

— Как я понимаю, один из нас должен пойти в Эйдель, чтобы встретиться с Касдеем. У нас имеются причинно - следственные цели. Первая цепь, в которую вплетен Эйдель, уже исключается. Вторая приведет одного из нас к нужной точке. Только один из нас может попасть в город и выжить. У второго нет никакого шанса.

— Возникает вопрос, — заметил Джегун, — кто из нас является причиной, грозящей Эйделю катастрофой. Короче говоря, что нас привело сюда?

— Касдей. Он просил нас забрать его отсюда. Я пилотировал корабль, но ты устанавливал время. Может быть, мы оба замешаны в этом.

— Никогда в жизни! Можно рассчитать направление двух причинно - следственных цепей и так изменить реальность, чтобы гарантировать ее пересечение с местом катастрофы. Однако оперирование тремя случаями или большим количеством нашей информации невозможно. Эти события должны быть запланированы по отношению, к одному из нас, только одному. Однако у нас нет информации к кому именно.

— А если допустить, что ни один из нас не войдет в Эйдель?

— Тогда определенно Касдей погибнет. Оружие Хаоса делает все, чтобы задержать большую катастрофу в природе. — Говоря это, Джегун пробегал взглядом по контурам окружающих их скал, замечая, как напряжение изменяет полосы света, играющего на гранях снежинок. Вверху грозно нависала масса снега. — Они используют эту молодую звезду, всю ее энергию для этой операции. Если вскоре не наступит согласие, что-то лопнет. Когда это произойдет, вся энергия высвободится в виде супергигантского взрыва, который разрушит этот мир дотла.

— Что же ты предлагаешь?

— Я уже говорил тебе. Я выйду здесь, возьму с собой баллон, а ты отъедешь на несколько миль в глубь равнины. До тех пор, пока ты не доберешься до места, я постараюсь не провоцировать Хаос. А потом попытаюсь добраться до Касдея. Когда ЭТО начнется, быстро двигай назад и забирай нас.

— А что будет, если оружие Хаоса направлено на тебя?

— Не волнуйся. Я не в первый раз обвожу Хаос вокруг пальца. Пока происходит выравнивание энтропии, нельзя достичь точного попадания. И если настанет уж такая необходимость, то смерть кого-нибудь другого заменит мою.

Однако существовали и другие наблюдения, о которых не знали пассажиры вездехода. Они находились в Обсерватории Глубокого Галактического Пространства, расположенной на продуваемом всеми ветрами плоскогорье. Возле обсерваторного комплекса, нацеленного своими шпилями в космос, стояли два космических корабля, чьи экипажи составляли сеть наблюдения, разбросанную по горам, возвышающимся над городом, заваленным снегом. Размещение наблюдательных постов позволяло уловить грозящую Эйделю опасность. До сих пор балансирование в состоянии сомнительного равновесия снега не давало повода к мрачным размышлениям, возникавшим из прогноза

компьютера. Графики, вычерчиваемые по всей ширине компьютерных линий, говорили о том, что должна высвободиться энергия более мощная, чем таила в себе снежная лавина. Прогноз привел к тому, что юркие корабли с Терры теперь отдыхали здесь, на широком скальном плоскогорье Монай.

Они ожидали чего-нибудь необычного, но ничего такого пока не происходило. Единственным достойным внимания событием было неожиданное появление на экране теледетектора маленького снегохода. На палубе корабля-лаборатории "Гейзенберг" субинспектор пространства Гесс Ховер захотел более подробно рассмотреть вездеход, и приборы послушно приблизили к нему изображение. Ховер, нахмурившись, увидел знаки различия на темном корпусе машины.

— Местный?

Капитан Руттер покачал головой.

— Все говорит о том, что нет. Видимо, он откуда-то из района Нью-Сарк. Наверняка они пожалеют, что совершили это путешествие. Если выброс Хаоса вероятен, то здесь разразится пекло через совсем немного времени. Они даже не успеют выехать в город.

— Что там происходит? — поинтересовался кто-то сзади. Говоривший был высоким бородатым мужчиной в черном плаще, так сильно натянутом на плечах, что эта связь с одеждой была похожа на симбиоз. — Ты можешь еще раз проверить время?

— Конечно! — Руттер помахал рукой двум техникам. — Что ты имеешь в виду, Сарайя?

— Я не терплю тайн! — резко ответил мужчина в черном плаще. — Особенно в этом деле. Пока что мы исследовали эти снега над городом и рассчитали самый худший случай высвобождения энергии. Он составляет наименьшую часть изменений энтропии выравнивания Хаоса. Здесь должен существовать еще какой-то компонент.

— Готово, капитан, — один из техников подал Руттеру узкую ленту. — Если этот снегоход будет продолжать двигаться в прежнем направлении с той же скоростью, его путь пройдет через пункт Омега Хаоса точно в центре Эйделя.

— И это должно означать нечто большее, чем согласие, — мужчина в черном провел рукой по бороде. — Направьте на снегоход аппаратуру и попробуйте установить, откуда он и кто в нем приехал.

— Насколько я понимаю, — начал Ховер, — эта машина имеет несколько термоядерных зарядов, способных выравнивать энтропию.

— Сомневаюсь, чтобы это было так просто, — возразил Сарайя. — Руттер, как проресгировали власти города на прогноз внезапного уничтожения?

— С недоверчивым смехом. Они привели в готовность, однако, все свои силы, но считают это пустым делом.

— Будем считать, что на их счастье дело именно так и повернется. Если так окажется на самом деле, то впервые предсказания Хаоса окажутся беспочвенными.

— Я всегда считал угрозу Хаоса реальной, — зловеще заметил Ховер, пытаясь отрегулировать четкость изображения.

— К прогнозированию привлечено очень много лиц, которые не имеют ни знаний, ни средств, поэтому-то так и получается. Даже в

Центре Хаоса еще не утвердилась наука. Если бы я лично имел какие-либо сомнения, то уже само существование этого снегохода, направляющего к Омеге Хаоса, склонило бы меня к размышлениям.

— В таком случае, мне жаль, что вынужден разочаровать вас, но машина сошла с курса и остановилась.

— Дьявольщина! — мужчина в черном склонился над экранами. Затем отошел назад и начал листать какие-то бумаги. Глаза капитана Руттера и Ховера встретились. Они оба обменялись взглядами, полными сомнений и неверия. Затем вычисления данных Хаоса захватили все их внимание.

Вскоре на корабле-лаборатории, в помещении с аппаратурой, единственным звуком, который можно было услышать, был шум климатической установки. Любопытство, вызванное появлением вездехода, переросло в спокойное наблюдение за пультом и экранами мониторов. Одновременно датчик Хаоса начал отсчет до теоретического начала катастрофы.

— Омега минус десять...

Ховер был вынужден беспрерывно регулировать резкость теледетектора, который упорно не желал давать четкое изображение.

У других техников были такие же проблемы.

— Омега минус восемь...

Темная фигура в плаще быстро листала страницы записей, напоминающая скупого, который считает свои богатства.

— Омега минус шесть...

Выражение лица техника, наблюдавшего с помощью монитора за снегом над Эйделсм, ничего не говорило о том, что в поле его зрения произошли какие-то значительные изменения.

— Омега минус четыре...

Капитану Руттеру мешали сконцентрироваться помехи в изображении, которое он мог заметить краем глаза еще и потому, что в помещении прекратилось всякое движение. Он забеспокоился, так как готов был присягнуть, что что-то замигало над левым плечом субинспектора Ховера.

— Омега минус два...

Пантограф самопишущего устройства начал прыгать как сумасшедший, со все большей точностью вырисовывая фигуру в форме большого глаза. Когда компьютеры хаоса подтвердили грозящую катастрофу, перекрещивающиеся линии в центре графика данных совпали точно в центре пересечения большой и малой оси глаза. Рисунок заполнил экран. Сам центр невидимого зрачка находился в...

— Омега Хаоса!!!

Полное отсутствие мгновенной реакции вызвало очень сильный психический шок. Наблюдатели застыли, как каменные. Их внимание сосредоточилось на приборах, на тот случай, если бы они сообщили что-нибудь важное в неизменяемых сигналах общих данных. В это время вездеход развернулся и двинулся в ту сторону, откуда прибыл.

Мужчина в черном, с лицом, выражавшим сильное недоверие, бросил записную книжку на пол и подошел к пульту с самописцами, чтобы внимательно разглядеть нарисованный глаз. Это никоим образом не повлияло на разрешение загадки.

— Что будем делать? — спросил Руттер. — Мне кажется, что единственным событием, которое случится, будет то, что все вернется по домам, ощущая себя так, словно нас забросали тухлыми яйцами.

Это замечание разрядило атмосферу в комнате. Техники расслабились и развалились в креслах. Они с облегчением улыбались из-за того, что ничего не произошло. Только Ховер, сидящий за пультом, манипулировал приборами, пытаясь отрегулировать резкость изображения.

— Держи это! — внезапная команда субинспектора подействовала на присутствующих как удар током. — Кто-то вышел из вездехода и движется сюда!

— Ты уверен? — Сарайя недоверчиво посмотрел на субинспектора. — Ты уверен в этом Гесс?

— Посмотри сам. — Ховер подошел к одному из главных мониторов, которые давали точные изображения необходимого места. Несколько черных точек на белом снежном фоне обозначали след идущего мужчины, который тащил что-то за собой на шнуре.

— Зачем это он идет? — удивился Руттер. — Машина ведь отправилась назад. — Он посмотрел на Сарайя, ожидая ответа, и тот час пожалел об этом. Странные изменения на лице мужчины в черном были жуткими.

— Я скажу тебе, зачем! — Почти выкрикнул Сарайя. — Все кусочки собираются в единое целое! Я думаю, что этот человек каким-то образом ориентируется в прогнозе Хаоса. И хочет преодолеть это препятствие.

— Объясни попроще, — попросил Руттер.

Мужчина подошел ближе к монитору, и его голос задрожал от эмоций.

— Прогнозы Хаоса позволяют анализировать причинно-следственные цепи при помощи прочтения узоров энтропийного изменения для расходящихся цепей. События энтропии можно сравнить с четками, где осью является совпадение причины и следствия. При соответствующем количестве информации цепь можно прочитать или впереди или сзади времени.

— Я же просил проще! — произнес Руттер жалобным тоном.

Сарайя не обратил на эту просьбу никакого внимания, его глаза продолжали гореть небывалым огнем.

— Представьте себе шнур, лежащий на столе. Шнур, с нанизанными на нем бусинками. Потом представь себе второй шнур, лежащий по отношению к первому под прямым углом и в то же время пересекající первый. Бусинки должны принадлежать как первому, так и второму шнуру, представьте себе.

— Представляю, но не очень.

— Согласен. Причина рождает следствие и следствие идет за причиной. Не понимаешь, к чему клоню?

— Не совсем.

— В случае бусинки, общей для обоих шнуров, наступление причины и следствия должно быть выполнено до конца, иначе энтропийное событие не произойдет. С точки зрения философии и практики невозможно, чтобы было следствие без причины, либо существовала причина, не связанная непосредственно со следствием.

— Если ты хочешь рассказать мне об этом, то должен заметить, что моя голова не вмещает такие идеи.

— Так вот, мой военный дружище, правящая судьбой города цепь причин и следствий в какой-то точке совпадает с цепью вон того типа. При такой скорости движения этого человека, пройдет час, пока он доберется до Омеги Хаоса. Имея такой талант, можно изменить всю Вселенную.

— Это означает, что Омега Хаоса не существует?

— Не в этом дело. Энтропия превалирует, и это говорит о том, что события являются частью зарегистрированного Хаоса. Уже утром это будет историей. Ничто не может изменить факта, который должен произойти.

— Но кто-то опередил это, — рассудительно заметил Руттер.

— Но какой ценой? Такие задержки могут привести к напряжению структуры Вселенной. Я содрогаюсь от мысли, сколько энергии поглощено при этом. Поскольку нам известно, что вселенная пластична, это конкретное количество энергии будет высвобождено в тот момент, когда точка совпадения будет достигнута.

— И это могло бы объяснить разницу между потенциалом энергии, накопленной в Эйделе, и энергией, необходимой для выравнивания Хаоса, — подытожил Ховер.

— Знаешь, Гесс, ты попал в десятку. К дьяволу! Я должен был подумать об этом раньше. Этот тип не может иметь доступа к такой большой энергии. Этим должен руководить кто-то или что-то, обладающий фантастической властью над техникой Хаоса.

— Ага, вот результат проверки машины, — произнес Руттер, просмотрев врученные ему записи. — Как я и допускал, вездеход из Нью-Сарка. Был нанят двумя типами, которые прибыли из пространства несколько часов тому назад. Их зовут Джегун и Асбель.

— Гм...м, — буркнул мужчина в черном. — Что известно еще?

— Полиция Нью-Сарка проверила их по личному галактическому реестру. Установлено, что планета, с которой прибыли эти люди, формально не существует, так же, впрочем, как и они сами. Корабль прилетел издалека, и работники космодрома не смогли описать даже его двигатель.

— Ясно, что не смогли, — эти слова Сарайя пробормотал про себя.

— Капитан Руттер, передайте полиции приказ, чтобы они арестовали человека, который вернется в снегоходе в Нью-Сарк. Арестовали во что бы то ни стало, поскольку при задержании могут произойти ранее непредвиденные инциденты. Субинспектор Ховер, вы видите человека? Он должен быть доставлен на Центр Хаоса, на Терру, целый и невредимый! Без ограничения средств и методов для достижения этой цели. Я должен быть уверен, что он будет у меня. Для этого я предоставляю вам все полномочия.

— В самом деле, он такой важный тип?

— Я уверен в этом. В нашей Галактике нет более важного и более потенциально опасного человека. Он единственный в своем роде, в том месте, откуда он прибыл, и должно находиться Оружие Хаоса.

— Оружие Хаоса? А что это такое?

— Я сам бы хотел это знать.

— Мы задержим его, — твердо произнес Ховер. — Приготовьте турболет.

— Я полечу с тобой, — попросился Руттер.

— Нет! — мужчина в черном был решительно против. — Этот тип будет давно уже в Эйделе, пока субинспектор успеет добраться до него. Несмотря на то, что Хаос ждет, Эйдель все же погибнет. Если правильно прочитаны прогнозы, уцелеют очень немногие. Ховер получил специальную подготовку, чтобы выжить в таких условиях, а ты — нет!

Капитан с завистью посмотрел на Ховера, собирающегося к вылету. Руттер мог бы присягнуть, что над плечом субинспектора мигало что-то косматое. Он ясно видел это на фоне темной дверцы шкафчика. Однако присмотревшись пристальнее, он ничего не увидел. Заинтригованный он проверил радиосвязь с Ховером, а потом уставился на одинокую фигуру,двигающуюся к городу. Когда она исчезла, он осмотрел окраины города. В атмосфере происходило что-то странное — изображение раздваивалось...

2

Движение человека через снега, наблюдалось всеми с большим беспокойством, след его прослеживался на всех мониторах в виде очень четкого изображения. Домыслы о содержимом сетки, которую мужчина тащил за собой, были всевозможными. Тем временем, человек подошел к городу и ступил на его окраину. Одновременно из-за строений показался турболет субинспектора. Подымая клубы снега, машина приземлилась, из нее выскочил Ховер и бросился догонять свою жертву.

Если человек и видел турболет, то не придал этому значения, или же не подал вида. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы тащить груз по более ровной дороге. Он создавал впечатление, что постоянно наблюдает за нависшими над городом массами снега. Руттер включил все телекамеры и вел запись происходящего. Мошныи телесобыктивы приблизили фигуру человека, который так странно показывал кукиш судьбе.

Было ясно, что действия человека целенаправлены. Хотя строения города были хаотично расположены, человек уверенно двигался к центру города, отлично ориентируясь в хитросплетении улиц.

— Найдите мне план города, — отозвался вдруг человек в черном, — мы все время говорим о Омге Хаоса, но никому в голову не пришло посмотреть, что же делается в это время в центре.

Руттер достал план и положил его на пульт. Это был город с типовыми постройками, каких было много заложено на разных планетах после Большого Исхода с Терры. Центр города являл собой кольцо в форме раскинувшегося радиостроенного административного комплекса местных властей и Совета Координации Пространства. В точке Омга свою вторую молодость переживали старые дома правительства Монаи, перестроенные в межзвездный торговый центр.

Когда Руттер снова стал наблюдать за человеком, двигавшемся вперед, у него вдруг перехватило дыхание. Невдалеке от точки Омга Хаоса, он повернул обратно и бросился к грузу, который тащил за собой. Какое-

то мгновение он смотрел, казалось в объективы замаскированных телекамер, и хотя мешковатая теплая одежда скрывала его фигуру, было ясно, что он напряжен.

— Что это? — крикнул Сарайя. — Он знает что-то, о чем мы не догадываемся. — Он схватил трубку радиотелефона и закричал в микрофон: — Субинспектор, будьте внимательны, сейчас что-то произойдет. Наш приятель выглядит так, словно заглянул в ад.

— Я вижу его. Но ничего такого не происходит.

— Мужчина начал энергично дергать груз. Внезапно что-то появилось рядом с ним. Это выглядело как белый надувной мячик. Изображения стало подергиваться, по экрану пошли полосы помех и последняя стадия происходящего в городе была уже невидима — одно большое смазанное пятно.

Глаза всех присутствующих на корабле - лаборатории были устремлены на мониторы выдающие физические параметры, сигнализирувавшие о начале катастрофы. Однако, не приборы, а человеческий разум раскрыл, наконец, правду. Вместе с ударом подземных сил вся долина подверглась сильнейшей встряске, даже стабилизаторы корабля с трудом восстанавливали равновесие. Один из техников невольно вскрикнул, представив себе размеры катастрофы. Сперва вся долина забурилась как море, поднялась высоко вверх, а потом рухнула вниз, оставив вместо себя бездну, которая протянулась с востока на запад вдоль всего русла Спринг-Ривер.

После первого толчка помехи исчезли с экранов. Перед глазами наблюдателей проплывали волны, корежившие поверхность планеты. Казалось, что вся местность сдвинулась гигантскими подземными волнами. Казалось, что это огромное море, полное волн, бесцельно разбивавшихся о подножья плоскогорья, на котором находился город. Затем эти волны все же захлестнули скальный выступ и "омыли" окраины города. Та его часть, которая не исчезла в первый момент в раскаленных глубинах, была разорвана рушащимися скалами. Незыблемость земли, на которой человек осмеливался возводить строения, была теперь мифом. Земля превратилась теперь в нечто колышущееся, вздымающееся вверх и стремительно падающее вниз, целью которого было сравнять все в единую плоскость, присыпанную пылью и обломками.

Но это был еще не конец. С ужасом люди наблюдали, как гигантская лавина несется по склонам гор к городу Горы были разорваны Огромные куски скал откалывались и стремительно падали вниз, образуя огромный стремительно опасный вал, который внезапно сдвинулся и стремительно покатился на город, стирая его с лица земли.

— Хуод эрам демонстрандум! — провозгласил Сарайя после долгого молчания. Он старался своим голосом не выдавать обуревавших его чувств. — Руттер, у вас есть связь с субинспектором?

— В центре всей этой заварухи? — вопросом на ответ ответил капитан и недоуменно уставился на спросившего. Потом отвернулся и с горечью посмотрел на экраны монитора, транслирующие изменявшийся ландшафт, над которым висели тучи пыли.

— Вы должны попытаться связаться с ним. Или вы установите с ним связь, или будете твердо знать, что он погиб. Но прежде всего я хотел бы, чтобы вы установили точное местонахождение, человека, которого

пытался арестовать субинспектор. Несмотря на то, что происходит существует большая вероятность того, что он остался жив. Если он тот, за кого мы его принимаем, то должен быть неплохо подготовлен для этой работы. Он должен быть у нас, капитан! Нужно узнать его планы, они могут оказаться существенным условием для дальнейшего выживания человеческой расы. Это хоть вам ясно?

— Нет! — отрезал Руттер. — Но это не мешает мне выполнять приказ. Победим и отправимся на корабле в город. Если там еще остались человеческие останки, их нужно похоронить по обычаю предков.

— Смотрите! Снегоход возвращается! — доложил техник, обращаясь прямо к Сарайя. На экране монитора был виден снегоход, идущий прежним курсом. Он, видимо, находился вне зоны толчков.

— Это означает, что водитель надеется отыскать этого человека, которого мы стараемся заполучить, — сказал мужчина, плотнее заправивая плащ.

* * *

Ховер ясно видел мужчину впереди себя за несколько секунд перед началом катастрофы. Мужчина держал свой сверток, стягивая белую от снега сетку, которая скрывала содержимое в форме обтекаемого стручка. Сам аппарат был неизвестен субинспектору, но зато, предназначение тот-час же стало понятным. Когда первый толчок сдвинул землю и она закачалась, как палуба корабля в бурю, мужчина раскрыл стручок. Он достал из него нечто, превратившееся в большой белый цветок. Мужчина отклонил один из гигантских лепестков и вошел вовнутрь. Цветок сомкнул свои лепестки, превратившись в твердый, сплошной кокон, который начал пухнуть на глазах, превращаясь в шар с диаметром метров в пять.

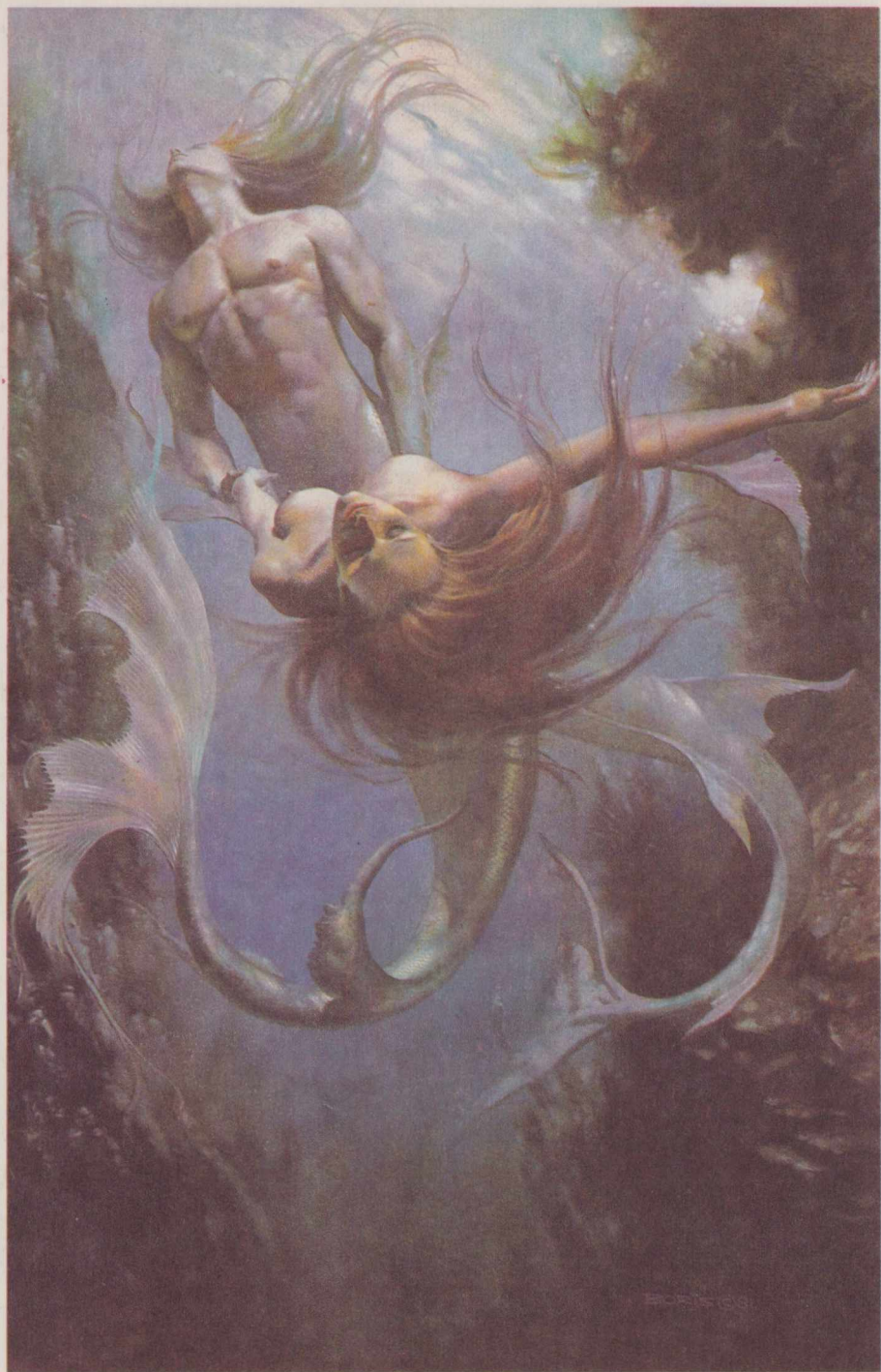
Субинспектор понял — снаряжение представляло собой хотя и странное, но, несомненно, спасательное устройство типа космической капсулы. Мужчина теперь находился в коконе из нескольких суперпрочных оболочек. И пробить их могли только специальные поля невероятных напряжений. Одновременно кокон предохранял от землетрясения. Его мягкость позволяла подпрыгивать на поверхности, амортизируя толчки и тряску.

Субинспектор замесался в поисках безопасного места. Едва он успел добежать до поворота улицы, как земля внезапно выгнулась под его ногами, вознося куда-то вверх. Тротуар разлетелся на мелкие кусочки, прорезанный сотнями трещин, которые открывались и закрывались, словно голодные пасти какого-то неведомого многоголового чудовища, Ховера бросило на землю, и в дюйме от его головы раскололся кусок стены. Он перевернулся, пытаясь оценить величину опасности и увидел, что следующая волна катит на него остатки домов.

— Помогите, мне, Таллатх! Я в опасности! — он взывал к чему-то нематериальному, что витало над его плечом.

— Ты веришь в меня?

— Ты нашел дьявольски удобный момент, чтобы задавать вопросы. Разве ты не разделяешь мое существование со своим? Чего ты хочешь? Крови?

Земля поднялась и резко рухнула вниз. Ховер на мгновение повис в воздухе. Почва разошлась, и Ховер начал падать вглубь пропасти.

— Таллатх!

Заклинившись между стенами трещины, он остановил падение, но в этот момент стенки начали сходитьсь. Наверху целый квартал рухнул, погребая под собой то место, где был зажат в смертельной ловушке субинспектор.

— Талл...

Время остановилось.

Казалось, что чья-то мощная лапа ухватила вселенную и остановила всякое движение. Падающие с неба куски стен и перекрытий остановились в полете, стенки трещины прекратили свое смыкание. Из всего, что находилось вокруг, только Ховер мог двигаться. Он с трудом выполз из трещины, хватаясь за висящие в воздухе куски стен, не дрогнувшие под его весом.

Потом Таллатх — жуткое существо, живущее на плече Ховера, — ослабило свою хватку, которой задержало бег времени. Казалось, что несколько этих страшных долгих секунд, многократно убыстрили темп катастрофы — трещины росли и ширились, с неба сыпались уже не стены, а куски домов, земля дыбилась, словно несобъезженный мустанг, подбрасывая субинспектора в воздух. Затем все кончилось.

Ховер сел сел прямо на землю и стал озирается. Ландшафт полностью изменился. Эйдель был стерт с лица земли, мощный хребет исчез с горизонта. Останки города были засыпаны снегом, перемешанным с камнями.

Ховер, придя немного в себя после пережитого, попробовал оценить ситуацию. Он был немного помят и сильно болела правая нога. Однако, кость была цела. Снаряжение, которым был увешан его комбинезон, было на месте. Но когда он увидел, что передатчик расплюснен в блин, то понял, что Таллатх буквально спас его за секунду до гибели.

— Спасибо тебе, — прошептал он чему-то нематериальному, висевшему над его плечом. — Ты ждал до последнего.

— Если ты чем-то недоволен, — произнес Таллатх, — я могу вернуть тебя в тот же отрезок времени и оставить там.

— Забудем об этом! — Ховер разглядывал развалины, пытаясь отыскать белый шар, в котором скрывался этот загадочный тип. Ничего не обнаружив, он пришел к выводу, что его защитный кокон каким-то образом оказался погребенным под массой снега и горной породы.

Побродив еще немного, он наткнулся на белый купол, едва видневшийся из-под черного снега, перемешанного с пылью и камнями. Тронув его, он понял, что капсула пуста и человека в ней нет.

Но рядом лежали чьи-то останки. Было похоже, что кто-то разбил бедняге голову. Это был не тот, кого искал субинспектор. Ситуация становилась все запутаннее. Собственно, не было способа, с помощью которого он смог бы среди уцелевших после катастрофы, распознать человека, которого искал. Единственным выходом, как сейчас казалось, было добраться до Омеги Хаоса. Существовала надежда, что там он сможет установить цель, ради которой появился пришелец у стен города.

Строения Конфедерации Пространства Монаи возвышались на огромной искусственной платформе. Сами дома, на первый взгляд, почти не пострадали. Но при более внимательном рассмотрении оказалось, что все стены треснули и держались только за счет пронизывающей их стальной арматуры.

По лежащей на земле табличке Ховер сориентировался, что именно здесь находился межзвездный центр. Во внезапном проблеске интуиции он вдруг понял, что теперь нужно искать двух человек, а не одного.

Он вернулся, пробуя пройти по той дороге, по которой вошел в город. Но ее уже не было. Она была рассечена трещинами, завалена кучами мусора и грязного снега. Помня о приказе Сарая, он вынужден был не обращать внимания на крики людей о помощи и просьбы тех, которые пытались спасти умирающих. Ему было очень трудно сохранять спокойствие, когда вслед ему летели проклятия. Однако чрезвычайность миссии, которую он выполнял, не оставляла выбора.

Наконец, он выбрался за город, на равнину. И здесь все неузнаваемо изменилось. На всем пространстве равнины, некогда плоская поверхность была спрессована и разорвана, словно огромное чудовище рвало землю когтями, разгребая ее в бессмысленной ярости уничтожения. Ховер ждал. Он был наготове. Он наблюдал за каждой тенью, возникающей вдалеке. Один из кораблей, взревев двигателями, легко оторвался от земли и, описывая широкую траекторию, пролетел над его головой, направляясь к центру города. Он отметил этот факт без особого интереса. "Допустим, — подумал он, — что мужчина, которого он искал, прибыл в город за кем-то, но несмотря на то, удалось ли ему выполнить свою миссию или нет, этот человек должен возвращаться назад по той же дороге." Ховер пришел к выводу, что его можно встретить здесь и перехватить.

Вскоре события подтвердили правильность его домыслов. Хотя он ничего не увидел, зато услышал рычание двигающегося вездехода, пробивающегося через завалы. Машина направлялась к цели, забирая немного влево по отношению к месту, где он находился. Быстро бросившись вперед, Ховер постарался перехватить его. На бегу он достал оружие. На ощупь отыскал обойму и вогнал ее в магазин, и тут заметил контуры двигающейся машины. Склонившись на колено Ховер прицелился и выстрелил. Огненная полоса ударила в лобовую плиту машины. Ховер отвернулся и зажал уши. Тот-час в спину его мягко толкнула ударная волна, воздух разорвался звуком разорванного воздуха. Мягкая, рыхлая земля приглушила звуки, и было маловероятным, чтобы шум был услышан на большом расстоянии. Машина клюнула носом и замедлила ход, по мере того, как водитель терял власть над управлением. Ховер подбежал к снегоходу, рванул на себя дверцу и быстро забрался внутрь. Он достал из кармана наркотический пластырь и прилепил его за ухом потерявшего сознание водителя. Это увеличит его обморок на какое-то время. Потом он включил фары, подавая сигнал, и выскочил из машины, прячась в темноте.

Сделав большой круг, чтобы оказаться в стороне от конусов света, он привалился к большому сугробу и стал ждать. Прошло немного времени. Вскоре из темноты возникла человеческая фигура и направилась к машине. То, как она двигалась, говорило о том, что человек

не знал, что произошло некоторое время тому назад в машине. Он смело залез во внутрь, и Ховер тут же выстрелил газовым зарядом в открытый люк. Медленно посчитав до двадцати, чтобы парализующий газ оказал свое действие и растворился в воздухе, он достал наркотический пластырь и не спеша двинулся к снегоходу.

И тут он допустил ошибку. Из темноты выскочил человек и несколькими молниеносными ударами, от которых не защитила даже теплая одежда Ховера, вырубил его. Не потеряв сознание, однако не способный двинуть ни рукой, ни ногой, субинспектор валялся в снегу. Нападавший перекатил его к свету фар и наклонился, чтобы рассмотреть.

— О, кого я вижу. Субинспектор пространства собственной персоной! Эта игра даже тебе не по зубам. И даже не пытайся играть в нее, пока не узнаешь, в чем она заключается, и не уяснишь ее правила. Расскажи об этом Сарая. И передай ему привет от Касея.

Человек удалился и спустя какое-то время взревел двигатель снегохода. Машина развернулась и двинулась к лежащему Ховеру. Он был страшно рад, что ноги его были парализованы и не чувствовал боли, когда правая гусеница снегохода разможила их. Над плечом замигал Таллатх. Он бы так и проспал все, если бы повреждения, нанесенные субинспектору, не показались ему смертельными. Это-то и разбудило его.

3

"И что же там видно внизу, Розочка?"

"Двое людей разбирают завалы после урагана."

Терранский институт Исследований явлений Хаоса, известный теперь под названием Центр Хаоса. Субинспектор пространства Джим Вилдхейт слышал о нем много раз и теперь, входя по широким ступенькам в административное крыло, с интересом разглядывал его. Он был вызван с другого конца Галактики и понятия не имел для чего.

* * *

Когда он вошел в Зал Совета, то сразу понял, почему приняты меры безопасности. Скорее всего впервые за время существования их организации, на одной планете собраны все двенадцать субинспекторов пространства. Это была дюжина людей, в обязанности которых входило обеспечение охраны человеческой цивилизации, разбросанной по огромному пространству Галактики. Они были легендарными властями вселенной. Их власть во много раз превышала власть императоров и наместников. Они были грозой для пиратов космоса и тиранов отсталых планет. Вилдхейт с облегчением констатировал, что несмотря на

влияние, которое оказывали субинспектора на судьбы Галактики, они остались обычными людьми.

Субинспектор Ховер, двигаясь на тележке (он ждал пока отрастут новые ноги из его клона), подчеркивал своим видом хрупкость их существования.

* * *

В зале был какой-то человек, которого Вилдхейт не знал. Весь в черном, большом плаще, падающем с плеч. Его одежда говорила о том, что этот человек прилетел сюда из отдаленного мира. Он не приветствовал входящих, а только сидел, сторбившись, подперев подбородок кулаком, прямо под большим портретом Брона, основателя Федерации. Его серые глаза постоянно за чем-то следили, словно в поисках ответа на вопросы, которые никто не мог задать.

Главный субинспектор Дельфан, единственный среди присутствующих при всех регалиях, призвал к порядку.

— Вы, наверняка, желаете знать, почему мы рискнули собрать всех вас сюда, оторвав от важных дел. Факт, что мы пошли на это, говорит о том, что ситуация очень обострилась. Господа, правда очень мрачная — Галактическая Федерация была атакована очень опасным и неизвестным противником, применившим странное оружие. Десять лет, и оно уничтожит все, что мы создавали в течение двух тысяч лет.

Среди присутствующих пролетел недоверчивый шумок. Субинспектор Тум Тцзе выкрикнул:

— Это очень трудно понять. Я имею сведения о трех секторах пространства, а у моих коллег есть сведения и об остальных. Если бы существовала такая опасность, мы бы знали об этом!

— Вы и знаете о ней, но только не берете эти факты в расчет. Например, смерть генерала Калигорн вблизи гармонии.

— Которая произошла из-за вспышки на солнце. Так что, скорее всего, это дело рук Господа Бога...

— В таком случае, Бог перестал нам помогать. Только в прошлом году погибло сто восемьдесят человек в результате разных катастроф, стихийных бедствий, аварий.

— Сто восемьдесят? — Тум Тцзе вспыхнул. — Галактика огромна. Счет таких смертей должен идти на миллиарды!

— Я не собираюсь оспаривать это, но речь идет о конкретных людях. Эти люди являются выдающимися личностями нашего времени. Это ученые и практики, чей гений пробил дорогу для всей человеческой расы. Статистический индекс смертей в их случаях был в тысячу раз выше, чем вероятностный.

— Господа! Проведенные нами исследования не оставляют никаких сомнений, что лучшие представители нашей расы, те, кто формирует наше будущее, исключены, причем, сознательно исключены из жизни. Человечество подвергается неизменному чуждому воздействию.

— Они стали жертвами? — Тум Тцзе все еще сомневался.

— Генерал Калигорн погиб из-за взрыва на солнце. И никто до него не достиг таких высот в развитии нашего космического оружия. Президент Бриант погиб во время метеоритной атаки на Барбу. Без его таланта руководителя мирам снова грозят локальные войны. Корабль Джулио Орайна погиб в пространственном вихре. Погиб мозг, который был на пути решения задачи обеспечения человечества новыми источниками энергии. Этот список можно было бы продолжать. Наше господство в космосе находится под угрозой.

— Мне кажется, что в этом заключается внутреннее противоречие. Как может существовать селективный отбор случайных событий? — не унимался Тум Тцзе, удивление которого, казалось, выражает чувства всех коллег. — А что вы имели в виду, говоря об оружии?

— На этот вопрос ответит Сарайя, шеф Центра Хаоса. Вам будет трудно согласиться с тем, о чем он расскажет. Прошу слушать внимательно и без вопросов, поскольку будущее человечества зависит от того, как хорошо все вы поймете сейчас.

Мужчина в черном расправил плащ, словно сложенные крылья, которые могли бы поднять его в воздух.

— Господа, субинспектор Дельфан представил уже проблему в общих чертах. Центр Хаоса при помощи субинспектора Ховера пробует найти решение этой проблемы. Но пока что мы не продвинулись ни на шаг, и все то, чего мы смогли достичь, нам совсем не нравится. Сначала я попрошу вас проделать некоторую мысленную инверсию: не бывает так, чтобы большие несчастья случались именно с великими людьми, а только великие люди являются причиной больших неприятностей.

— Ста тонкость как раз и ускользает от нас, — попытался пошутить Тум Тцзе.

— Но это же очень просто. Во всей Галактике каждый день происходят катастрофы. Кто-то гибнет, кто-то спасается. Каждому человеку случаются в жизни такие испытания, когда он избегает смерти. Субинспектор Вилдхейт, вы следите за ходом моих рассуждений?

— Не могу не согласиться с тем, о чем вы говорите, сэр. Я сам много раз бывал на волосок от смерти.

— Попробуем размышлять дальше. Допустим, что один из таких почти что смертельных случаев произошел иначе — раньше или позже, намного быстрее или медленнее, чуть влево или вправо.

— Тогда, скорее всего, я не разговаривал бы с вами, сэр. Меня бы не было тогда на свете.

— Вот именно! Мы подошли к существу дела. Допустим, что существует аппаратура, которая может изменять условия совершения катастрофы и выбирать такие варианты, чтобы личность имела нулевые шансы на благоприятный исход.

— Трудно представить себе что-либо подобное!

— Однако, все доказательства, собранные нами, прямо указывают на то, что такая аппаратура существует. Ховер и я наблюдали результаты ее действия. Для удобства мы называли ее Оружием Хаоса.

— Спрошу вас прямо, сэр, — не унимался Тум Тцзе, — вы хотите сказать, что это действует само по себе, само создает катастрофу?

— Нет. Оно только подправляет условия, в которых эта катастрофа происходит. Самим событием нельзя ни управлять, ни отменить его, поскольку оно уже записано в системах энтропии, которые мы называем Хаосом.

— Мы можем и ошибаться, — подал голос Ховер, — но разве в Эйделе Оружие не усилило катастрофу?

— Конечно. И по простой причине. Оно тормозит событие, которое несет в себе миллиарды эргов энергии, без применения такого же количества энергии с отрицательным потенциалом для сохранения равновесия. И чем дольше происходит процесс торможения, тем больше энергии поступает, когда же в конце концов процесс становится неуправляемым, вся накопленная энергия мгновенно высвобождается.

— Но мы не убеждены до конца, — упорствовал Вилдхейт. — Даже нельзя узнать, правы ли мы, и неизвестно, кто придумал все это и зачем испытывает на нас.

Ну в этом не может быть каких-либо сомнений. С тех пор, как мы вторглись в космос, экспансия человека возрастает в геометрической прогрессии. И уже в этот момент мы можем распространить свою расу и в другие Галактики. Но кто-то хочет нас остановить и притом быстро. Истребление наших выдающихся умов кажется им более результативным, чем тотальная звездная война. Это для их целей лучше всего подходит.

— Есть ли какие-нибудь следы, указывающие на них?

— Я хотел бы подумать вот над чем. Сколько во вселенной разумных рас? И сколько из них могут запаниковать от расширения экспансии? У меня есть кое-какие подозрения, субинспектор, но они без всяких доказательств. Поэтому вы и собраны все здесь. Вы знаете все, что происходит в границах ваших секторов. Нам требуется ваша помощь, потому что если мы не найдем и не уничтожим Оружие Хаоса, оно уничтожит нас.

Дельфан опять заговорил:

Дело было рассмотрено в Комитете Безопасности Главного Совета. Наше решение согласовано с работой в Центре Хаоса в области обнаружения оружия и определения того, кто пытается им действовать. Кроме того, мы можем рассчитывать на помощь военных. Гесс Ховер откомандирован в Центр Хаоса для обеспечения связи. Джим Вилдхейт назначен командовать операцией. Остальные получают конкретные задания, но не сейчас, а через некоторое время. Общественность пока что не получит никакой информации. Мне остается сообщить вам, что мы официально находимся в состоянии войны, хотя вначале еще должны обнаружить противника.

Установленный на столе коммуникатор пронзительно зазвенел.

Сарайя взял трубку, с мрачной миной выслушал сообщение. Потом задал несколько вопросов. Получив ответы, он резко бросив трубку, встал.

— Господа! Опасность уже рядом. Один из компьютеров Хаоса выдал странный рисунок относительно этого помещения. Если наша расшифровка верна, то до катастрофы, которая должна произойти здесь, осталось всего четыре минуты. Я приказываю осуществить мгновенную эвакуацию.

Космический паром "Шпайнер" вышел на околоземную орбиту и приготовился к торможению в течение трех полных оборотов. Расчет курса был полностью автоматизирован, и у капитана не было никакой работы у пульта управления. Он только иногда бросал взгляд на приборы и экраны, потягивая зеленый сок, привезенный с Венеры. Корабль после отключения двигателей перешел в свободный полет, а работа тормозных двигателей была весьма незначительной и давала экипажу и тремстам измученным отсутствием силы тяжести, пассажирам, хотя и слабую, но приятную тяжесть.

После первого витка, данные на приборах полностью совпали с программой. Компьютеры самостоятельно переключились на информационный канал, передавая данные в космопорт на Аляске. Однако, что-то нарушилось в работе компьютеров. Один из них вошел в режим несогласованности с двумя остальными. Сигнал пришел в рубку управления, и капитан быстро оценил ситуацию. Он решил, что два компьютера справятся с задачей обеспечения посадки без вмешательства пилота. И выключил ручное управление, которое включалось одновременно с выходом из строя первого компьютера. По радиоканалу он доложил о возникшей неисправности, после чего замолчал, ожидая дальнейшего развития событий.

И они не заставили себя ждать. На половине второго витка температурные датчики, помещенные в титановых чехлах, показали рост температуры к опасному пределу. Затем приборы на пульте показали, что скорость корабля возросла. Капитан, рассыпая проклятия, бросился к вспомогательным приборам и едва успел тронуть переключатели, как электронные системы выдали ему еще один сюрприз. Внезапное включение маршевых двигателей на полную мощность вдавило пассажиров в кресла со страшной силой. Паром спикировал в стратосферу и камнем понесся вниз. Обшивка "Шпайнера" раскалилась до бела: паром превратился в огненный шар. Странное напряжение во вселенной немного изменило траекторию падающего корабля, объятая огнем.

* * *

Группа эвакуированных людей собралась в парке, оживленно переговариваясь, ожидая каких-то необыкновенных событий. Вдруг кто-то крикнул: "Смотрите!"

Огненный шар с оглушающим грохотом врезался в здание Центра Хаоса. Взрыв разбросал обломки далеко в стороны. За несколько секунд Центр прекратил свое существование, превратившись в груду дымящихся развалин. Тянувшийся с неба след был похож на хвост дьявола.

— Что это было, черт побери? — воскликнул Дельфан.

— Похоже, что какой-то корабль, — ответил Сарайя с важной миной. — Рапорт о его гибели мы наверняка получим. С потерей центра мы лишились более трети всех компьютерных мощностей. И, в свою очередь, можно сомневаться, что информация, полученная таким путем, стоит всех потерь.

— Какая информация?

— Разве не удивительно, что такой невероятный случай произошел именно в это время и в этом месте. В нашей работе с Хаосом мы часто начинаем со следствия и проводим исследования вспять, чтобы установить причины. Подозреваю, что наш враг проделал то же самое — распотрошил какое-то будущее событие, которое беспокоило его, потом выследил причину, добираясь именно до этого места в этом времени.

— И такое возможно?

— Вполне. Из причинно-следственных точек изменения энтропии волны расходятся в эфир, как мыльные пузыри. Однако, только два тесно связанных между собой события имеют сходящиеся оси. Если начать с причины, конечно, удастся локализовать следствие. И наоборот. В этой ситуации можно допустить, что наши действия в будущем вызовут большие изменения. И наших противников так поразило это следствие, что они ударились в панику. В категориях энтропии, правда, это относительно небольшое несчастье.

— Означает ли это, что мы все представляем интерес для противника?

— Думаю, что нет. Скорее всего только один из нас. Многочисленные примеры действия Хаоса очень распылены, чтобы можно было проследить их. Ховер, как и я, мы присутствовали при катастрофе в Эйделсе, и никто там не стремился уничтожить нас. Поэтому можно считать, что мы оба вне подозрений. Единственным новым человеком, включенным в дела Центра Хаоса, оказался субинспектор Вилдхейт. Такое совпадения случайностей нельзя проигнорировать. Субинспектор Вилдхейт, как чувствует себя человек, заглядывающий в ствол Оружия Хаоса?

— Интересно, что вы собираетесь делать, Джим, чтобы узнать, чем вызван интерес к вашей личности?

— Ничего, — хмуро ответил субинспектор. — Думаю, что они ошиблись.

— Может быть, мы смогли узнать о предстоящей катастрофе потому что во время воспользовались информацией, полученной от Хаоса. Но так или иначе вы все же собираетесь всю свою оставшуюся жизнь провести возле компьютерной техники, не так ли, субинспектор? А если нет, то скорее всего перед очередной попыткой применения Оружия Хаоса вы будете пребывать в святом неведении. Разве что...

— Что такое? Что разве что...?

— Это странная идея, но, может быть, именно она является единственно верной. Во Времена Великого Исхода Землю покинули несколько небольших групп, которые самостоятельно решили организовать колонии. Одна из них, применяя религиозно-культовую форму, занималась восстановлением чувств, которые атрофировались у человека.

— Чувствователи? — невольно вырвалось у Тум Тизе, который внимательно следил за разговором.

— Именно! Они поселились на Майо. Благодаря суровому распорядку жизни и изменению в физиологии, они создали личности с качественно новыми признаками, личности, которые превосходят лю-

бые фантазии человека. Однако, сами чувствователи не знают всех возможностей своего организма. В минуты крайней опасности у них иногда просыпаются такие качества, о которых обычный человек может только мечтать. И все же они добились многого. Насколько мне известно, у них есть даже свой ясновидящий Хаоса, который может непосредственно считывать и расшифровывать рисунок Хаоса.

— Неужели такое возможно? — удивился Дельфан.

— В принципе подобное не кажется невероятным. Человеческий организм реагирует на тепловые, световые, звуковые волны. Поэтому я не вижу причин, почему бы ему не ощущать еще и энтропийные?

— Конечно, человек обладает рецепторами, которые реагируют на эти раздражители — глаза, уши, кожа. Но у него нет органа, который воспринимал бы волны Хаоса!

— Откуда вы это знаете? — спросил Сарайя, в глазах которого появилось разочарование. — У вас разве никогда не было странных ощущений? Вы разве никогда не угадывали следствие какой-нибудь причины? А как же тогда интуиция? Думаю, что любой из нас может в определенной степени считывать Хаос, но мы никогда не обращали на это свое внимание, не развивали в себе этого чувства.

Допустим, что этот ясновидящий существует на самом деле и его можно уговорить сотрудничать с Вилдхейтом. Тогда мы смогли бы вовремя отыскать ответы на мучащие нас вопросы.

— Но каким образом этот ваш ясновидящий может сделать подобное?

— Представьте себе возможности, вытекающие из способности предсказывать поведение Хаоса таким удивительным существом, каким является человек, с его умением логично мыслить и обобщать явления. И представьте себе эту обоюдную попытку, эти усилия для достижения цели, которой является оружие Хаоса.

Во-первых, враг не сможет добраться до Вилдхейта без предупреждения. Во-вторых, у нас имелся бы человек, который, как я уже говорил, мог бы заглядывать в ствол Оружия Хаоса. Чем черт не шутит, а может быть существовала бы большая вероятность того, что он смог бы установить по стволу кто нажимает на спусковой крючок?

Да, это имеет смысл, — кивнул Тум Тцзе. — Однако, чувствователи характеризуются малокоммуникабельными людьми, а Майо это закрытый мир. Установление контактов с ясновидцем будет очень сложным делом.

— Я уже думал над этим. Майо находится на самом краю Млечного пути. Если Федерация проиграет этот бой, то нравятся им это или нет, они обречены, поскольку именно Федерация заставляет чужаков пока держаться на расстоянии. Если наша оборона начнет ломаться, то под удар первыми попадут планеты типа Майо, находящиеся на переднем крае нашей человеческой цивилизации. А чужаки пленных не берут...

— Для нас это звучит убедительно. Однако, очень сомневаюсь, чтобы мы смогли убедить в этом кого-нибудь на границе, до тех пор, пока чужаки не станут реальной угрозой. Как можно думать о какой-то опасности, когда даже не знаешь что это такое!

— От субинспектора Вилдхейта будут зависеть их убеждения. Это ваше первое задание, — обратился Дельфан к Джиму. — Отправляйтесь на Майо и привлекайте на нашу сторону ясновидящую Хаоса.

4

В своем путешествии с Земли на другой конец Галактики, где Майо вращалась вокруг своего солнца, Вилдхейту повезло тем, что обе планеты были расположены по одну сторону широко раскинувшегося рукава Млечного Пути. Но даже в этом случае, преодоление семнадцати тысяч световых лет на борту небольшого патрульного корабля не было большим удовольствием. Спустя пять дней после старта с Земли, корабль "Гагенсхайм" выскочил из сверхсветового кокона и оказался в нормальном пространстве для того, чтобы сориентироваться, и опять нырнул в кокон на целых шесть дней. И только после этого он вынырнул в нормальное пространство, оказавшись совсем близко от цели.

С этого момента все время уходило на вычисления и наблюдения. Вилдхейт позавидовал капитанам больших линейных звездолетов, навигационное оборудование которых позволяло совершить всего один прыжок, который выводил корабль на расстояние в несколько дней полета к цели. Завидовал он и тому, что условия жизни на больших кораблях были другими. На "Гагенсхайме" все свободное место сводилось к гимнастическому тренажеру, каютке и капитанской рубке. Ко всему еще слабая гравитация так действовала на человеческие мышцы, что субинспектор даже побаивался, как бы посадка на планету с нормальной гравитацией не испортила его физическую подготовку. Ко всему еще и симбиот, который жил на его плече, по имени Коул, причинял ему докучливую зудящую боль.

В пространстве Коул всегда был беспокойным. Он дрожал в те моменты, когда устремлялся в путешествие по бесчисленным мирам пространства-времени, а потом, утомленный, возвращался на плечо Вилдхейта, влияясь в тело когтями метапсихических лап. Сопутствующее каждому такому возвращению пульсирование в нервных окончаниях его организма причиняло сильную боль.

Несмотря на все эти неудобства, существовал ряд причин, по которым Вилдхейт держал на своем плече симбиота. Когда они вошли в нормальное пространство и субинспектор стал рассчитывать очередной прыжок, Коул вдруг замер, погружаясь в размышления.

— Субинспектор, я вошел в связь с Таллатхом. Субинспектор Ховер желает поговорить с тобой.

— Странно! Мы далеко за пределами действия ФТЛ. Но допустим, что существует важная причина для того, чтобы связаться со мной, используя добавочные мощности.

— Таллатх убежден, что это необходимо. Иначе он не использовал бы для этого наших специальных каналов для перенесения твоих мыслей.

Вилдхейт не любил этой связи. Из всех паранормальных явлений, которые возникали при симбиоте с Коулом, только это он считал вторжением в его естество.

Он смирился с болью, причиняемой им, но никак не мог смириться, что слышит самого себя, говорящего голосом другого человека.

— Джим! — в звуках, издаваемых его же губами, он распознал голос Ховера, но высота и тон звука были различены из-за различия в голосовых связках.

— В чем дело, Гесс?

— Я использую чувственную связь, поскольку нет гарантии, что связь ФТЛ будет поддерживаться. Тема — наш таинственный приятель Сарайя.

— И что же?

— О, несколько подробностей, которые кажутся довольно странными. Во время нашей встречи он задал вопрос, кто создал Оружие, но ответа не было, он отреагировал встречным вопросом...

— Я помню это. Он спросил меня, сколько может быть разумных рас во Вселенной.

— Кроме того, я вспомнил еще кое-что. Как ты знаешь, я видел Оружие Хаоса в действии. Тот тип, который служит мишенью, вызвав несчастье, не был одним из наших выдающихся умов. Планеты, которую он назвал, как место, откуда он прибыл не существует. Он производил впечатление, что знает о наступлении катастрофы и ему даже удалось опередить ее, к тому же нельзя не учесть, что их машина находилась вне поля действия Оружия. Сарайя назвал его единственным в своем роде и сказал, что там, где появляется этот человек, действует Оружие Хаоса.

— К чему ты клонишь, Гесс?

— Просто я думаю, что Сарайя знает обо всем этом значительно больше, чем делает вид. Типам, которые приехали на снегоходе, удалось вытащить кого-то из города. Думаю, что это была та сволочь, которая напала на меня, а потом проехала гусеницами по ногам. Этот человек передал привет для Сарайя от какого-то Касдея.

— А что Сарайя?

— Повел себя так, что это имя ему совершенно незнакомо. И сделал вид, что это известие для него ничего не значит. Потом, представь себе, повернул все дело так, будто я эту историю выдумал. Он как будто не знает, что субинспектора регистрируют каждую секунду своей жизни. Я проверил потом соответствующую запись — информация была записана четко и ясно.

— Что это за информация?

— Цитирую: "Для тебя эта игра слишком сложная. Не пытайся включиться в нее, пока не поймешь, в чем она заключается, и не поймешь правил".

— И что же из этого?

— Ничего. Лично я сомневаюсь, что это именно то, что мы ищем. Скорее всего это придумано нашими врагами и ...вообще, мне кажется, что Сарайя ведет двойную игру. Ты должен знать о моих подозрениях, как шеф операции.

— Спасибо, Гесс, я запомню это. Кстати, как твои ноги?

— Прекрасно. Я недавно осматривал их. По возрасту они уже соответствуют восемнадцатилетним. Помню, и мои были такими же: крепкие, мускулистые, выносливые. Жаль, что они должны состариться, чтобы соответствовать моим утраченным.

— Интересно, могли бы мне пересадить новый мозг? Этот, мой, сейчас напихан вопросами до предела...

Связь прервалась. Вилдхейт опять занялся навигацией. Из-за сильных гравитационных вихрей появились волны из голубого космоса, и было очень тяжело рассчитать положение Майо. Субинспектору повезло при последнем прыжке. Он вышел в нормальное пространство всего на расстоянии суток полета.

* * *

Вилдхейт, появившись из темноты, нависшей над посадочным полем, где разместился корабль, подошел к окраине города. Впереди раскинулась река и в ее темной воде отражались огни города. Он поглядел по сторонам, стараясь отыскать какую-нибудь лодку, но к своему удивлению обнаружил мост.

Мост был широкий, с красивыми перилами, но какой-то неестественный, и, видимо, редко используемый. И все же он ступил на него, и сразу же симбиот на его плече беспокойно зашевелился.

Вилдхейт оставил транспортник возле корабля, решив, что демонстрация силы пока что ни к чему. Действительно идущий пешком человек выглядит более мирным, чем едущий на бронированной машине, увешанный оружием, способным единым залпом уничтожить небольшую планету. За это он расплачивался ноющими мышцами ног и болью в левом плече, вызванной сильно сжатыми психокогтями симбиота, находящегося с ним в неразрывной психосвязи.

Шествуя по мосту, Вилдхейт испытывал странное, мучительное чувство. Непосредственный контакт с культурой, такой удивительной, как чувствование, представлялся ему психологической игрой, ходы в которой будут необычайно сложными. Возможность небывалого и чувственного проникновения в его мозг означала то же самое, что интеллектуальная смерть и новое рождение. Нигде, даже на Терре, он не встречал никого, кто мог разделить его взгляды на смысл жизни обитателей Галактики, да, и, впрочем, существования самой Галактики. Его всегда отягощала ответственность-обязанность искать смысл и выход из данной ситуации точно так же, как и необходимость сократить свои чувства в связи с ограничениями, накладываемыми натурой.

Он начал расшифровывать знаки, начертанные на противоположном берегу реки на языке Альфа. Было похоже, что главным языком на этой планете был один из тридцати семи галактических диалектов, которые вбили в голову Вилдхейту с тем, чтобы они помогали ему выполнить возложенную на него миссию. По дороге он повторил структурные формы этого языка.

Ясно стал виден город. Он был гораздо менее цивилизован, чем говорилось в картах пространства. Это был хороший образец развития, задержанного на предтехнической стадии, хотя здесь и было использовано электричество. Повсюду горели фонари. Такой анахронизм не был редким среди человеческих поселений, образованных в Галактике после Великого Исхода.

В конце моста находились помещения стражи. Кроме этого, выход с моста был перегорожен оградой из колючей проволоки. Во всем этом

было что-то параноидальное, что как бы подчеркивало технические возможности тех, кому закрыта дорога в город. Вилдхейт увидел, что сможет преодолеть преграду, даже не замедлив шагов. Возле ворот он подергал канат, ведущий в будку стражи. Зазвонил звонок, громкий звон которого мог наверняка разбудить чуть ли не половину города.

Над головой субинспектора горели старые фонари, отбрасывая две тени на площадь перед воротами.

— Стой! Кто там?

— Субинспектор пространства Вилдхейт с Терры по приказу Совета Галактики. Я хочу поговорить с кем-нибудь из вашего руководства, с ясновидящим.

— Ты из другого мира! Тебе нельзя было садиться на нашу планету!

— Я уже сел. И кроме всего, я представляю интересы Федерации!

— Майо не признает Федерацию!

— Это не имеет значения. Мы между прочим защищаем вас.

— Приходи днем. Мы поищем кого-нибудь, кто захочет говорить с тобой.

— Это нужно сделать сейчас! Дело не терпит отлагательства!

— Подожди.

Вилдхейт сел на берегу реки, не переставая удивляться наивности общества, которое верит, что ворота, опутанные колючей проволокой, могут гарантировать безопасность.

Часом спустя ворота раскрылись. Старый седой человек сделал знак субинспектору, приглашая войти. Стоящие сзади стражники были одеты в темные одежды и вооружены короткими белыми палками.

— Я Пилон, — представился старик. — Из-за гвоей неучтивости и наглости меня подняли с постели. Хочу думать, что дело очень важное, раз ты осмелился побеспокоить меня.

— Да, наверное, это важно, раз я пролетел из-за него пять тысяч парсекков. Ты представляешь здесь власть?

— Я один из Совета Старейшин. Ты вынужден будешь довольствоваться этим.

Вилдхейт бросил взгляд на грозно выглядевших стражников. Было вполне очевидно, что Федерация не пользовалась на этой планете особой симпатией.

— Мы могли бы поговорить с тобой в другом, более удобном месте?

— Да, но сперва я хотел бы посмотреть на твою ладонь. Я должен узнать твои намерения. Очень многих мы просто не пропускаем после этого в город.

Удивленный Вилдхейт протянул руку.

Старец взял его ладонь обеими руками и закрыл глаза. Стражники подняли оружие и прицелились в пришельца, готовые немедленно выстрелить, если старик подаст сигнал.

Наконец Пилон произнес:

— Ты пришел к нам с мирными намерениями. Я беру на себя ответственность за твое пребывание на планете.

— Ты многим рискуешь, Пилон, — отозвался сейчас же один из стражников. — Хотя в любом случае тебе пришлось бы отвечать перед Советом.

— Я поступаю согласно нашему закону, — возразил старик, беря Вилдхейта под руку. — Идем ко мне. Это недалеко отсюда. Там мы сможем поговорить.

Вилдхейт позволил провести себя по грязным улочкам, со следами от колес телег. Ничто не свидетельствовало здесь о присутствии механического транспорта. Дома были из грубо обтесанного камня. Их архитектура не поражала индивидуальностью фантазии строителей.

— Что ты прочитал на моей ладони? — спросил субинспектор.

— Я узнал, что ты ожидаемый, а не нежеланный. Должен сказать, что твоё пребывание у нас опасно для тебя.

— Вы создаете себе дополнительные трудности, охраняя ворота города. Это трудно понять, так как единственными обитателями Майо являетесь вы, чувствователи.

— Существуют разные степени познания себя. Некоторые чрезвычайные проявления требуют охраны от влияния, а это в свою очередь требует охраны со стороны исключений. А подобное, довольно трудно.

Они вошли в узкий деревянный дом. Пилон протянул руку, чтобы снять с Вилдхейта верхнюю одежду, но субинспектор отрицательно покачал головой.

— Не нужно. Моя одежда автоматически регулирует температуру, а кроме того, в ней спрятано много разных нужных мне вещей.

— Как тебе угодно будет, — Старик внимательно посмотрел в лицо Вилдхейта. И Коул беспокойно задержался на плече субинспектора. Симбиот был явно напуган, хотя ничего непосредственно им не угрожало.

— Ты странный человек, инспектор, — произнес старик. — Оружие, которое ты держишь в своем кармане, может причинить большее несчастье, нежели вся планета Майо за всю ее историю. И еще ...я ничего не вижу, но ясно чувствую присутствие чужого существа на твоём плече. Ты из тех, кто в прошлом много пролил крови. Но при всем этом ты человек, наделенный мудростью и гуманизмом. Это ужасно и больно быть таким, как ты.

— Ближе к делу! — прервал старика Вилдхейт.

Они вошли в небольшую заваленную книгами комнату. Из мебели здесь были только стол и несколько кресел. Когда они сели, Пилон вопросительно уставился на субинспектора. Однако, его внимание, казалось, было сосредоточено где-то там, за стенами комнаты. В темноте, появившейся за окнами, слышались какие-то звуки.

— Так в чем же твоё дело, инспектор? — наконец произнес старец.

— Хаос. Я думаю, что ты знаешь, что такое Хаос?

— Это отражение медленной смерти вселенной. У Хаоса есть много тайн.

— Для нас это тоже тайны. Собственно, это и привело меня на вашу планету. Федерация Галактики просит у вас помощи. Кто-то или что-то пробует управлять Хаосом. Создано оружие, направленное на уничтожение отдельных людей, большинство из которых занималось или еще занимаются решением важных для человечества вопросов.

— Знаешь ли ты, что мы не признаем целей и устремлений Федерации?

— Знаю, но вы в свою очередь должны знать, что войска, расположенные в этой части пространства защищают и вашу систему от вторжения чужаков. Поэтому, нравиться кому-нибудь или нет, но существование Федерации и ваше собственное неразрывно связаны.

— Неплохой аргумент, инспектор.

— Значит так, единственным нашим оружием против оружия чужаков является предсказание, причем быстрое, проводимое на основе изменения Хаоса. Только так мы сможем обнаружить и обезвредить противника.

— У вас есть для этого вычислительные машины!

— Да, аппараты немногим меньшие этой комнаты, или звездолеты, битком напиханные электроникой. Но должен вам сказать, что нет ничего мобильнее человека. Мы узнали, что у чувствователей есть ясновидящий Хаоса, и хотели бы получить его для работы.

Пилон сложил руки на груди и молча погрузился в размышления.

— Ты ужасно, опасный человек, инспектор, — наконец, пробормотал он. — И к тому же не знаешь того, что ищешь. То, о чем ты просишь, невозможно. Если бы было подобное возможно, то не было бы разумно, и если и было бы разумно, то его результаты не были бы такими, как ты ожидаешь.

— Я прошу о помощи. Это правда, что ясновидящий существует?

— Да. Сомневаюсь, однако, что вы, люди сможете достигнуть с ним контакта.

— Не понимаю тебя, Пилон.

— Инспектор, как ты думаешь, почему чувствователи сторонятся человечества?

— Думаю, что это из-за селективного отбора суперличностей, который вы проводите, поэтому-то вы и прилагаете все силы, чтобы ничто не помешало чистоте экспериментов.

— Это не совсем так. Да, при создании чистой расы мы не можем рисковать из-за каких-то контактов сверхличностей с представителями человечества. Их судьба очень необычна, прекрасна, и нелзя, чтобы они печали под шовинистический каток человечества. Ты мудрый человек, инспектор, и поэтому ты должен понять меня. Ты бы передал в руки дебильного ребенка чудесные свойства, которые могли бы впоследствии стать опасным оружием?

— Вы с таких позиций оцениваете нас?

— Да, так мы представляем себе вашу Федерацию. Хороший, здоровый ребенок, но почему-то с детства недоразвитый. Его психика находится на эмоциональном уровне немногим выше элементарных инстинктивных реакций. Он делает бесчисленные движения и размножается, так как ничего другого не умеет делать; разрастаясь среди звезд словно раковая опухоль.

— Софистика!

— Разве? У нас много ясновидящих по разным специальностям. Каждый из них мог бы разрушить твоё представление о будущем общества. И мы не хотели бы брать на себя ответственность за то, что вы могли бы сделать с нами, узнав, какие варианты будущего мы вам пророчим.

— Думаю, что ты переоценивасшь возможности своих ясновидящих. Во всяком случае, спасибо тебе, ты предупредил меня. И таким образом тяжесть ответственности ложится на нас, а не на вас. И поэтому я еще раз прошу тебя, отдай нам ясновидящего Хаоса.

Шум за окном, до сих пор несколько приглушенный, постепенно нарастал и становился все более ясным. Вдруг послышался ритмичный стук бьющих друг о друга палок, а потом низкий рев рога. Коул на плече Вилдхейта беспокойно задвигался. Инспектор ощутил какой-то сильный и странный запах, похожий на запах фиалок.

— Что там происходит снаружи?

— Вернулись стражники. Чувствователи делятся на много каст. Одни готовы стать на твою сторону, другие все отдали бы за то, чтобы убить тебя. Я уже говорил тебе, что твое пребывание на этой планете небезопасно для тебя. Стражники обеспечивают порядок, пока Совет Старейшин не решит, что сделать для тебя или с тобой. Тем временем ты будешь находиться под стражей и не советую тебе сопротивляться.

Оружие субинспектора срабатывало при малейшем прикосновении пальцев. Но он решил пока повременить с его применением. Он встал и быстро подошел к окну, чтобы разглядеть в темноте источники этих странных звуков. Сначала он ничего не видел, потом стали появляться силуэты белых палок, которые держали невидимые сейчас руки.

Тук...тук...тук...

Голос большого рога, звук которого иногда уходил за пределы слышимости, в область инфразвука, поразил мозг субинспектора вибрирующей пульсацией, отрывающей волю от разума.

Тук...тук...тук...

Белые палки гипнотизировали, создавая пустоту в мыслях человека.

Тук...

...Вилдхейт ощутил таинственный аромат, какое-то легкое головокружение, сладкую истому, которая медленно разливалась по его жилам. Так и не успев воспользоваться своим грозным оружием, он зашатался и рухнул на пол без сознания.

5

Он очнулся в подземелье из белого камня. Камера имела такие своды, словно должна была выдерживать солидный вес стоящего над ней здания. Снаружи был день. Яркий солнечный свет падал на отлично отполированный пол через узкие щели-бойницы. Первой мыслью Вилдхейта была мысль об оружии, но его как и не было. Оно исчезло вместе с одеждой. Когда он был без сознания чьи-то руки умело сняли с него все снаряжение и одежду и одели его в простую хламиду, похожую на тогу. Коул был спокоен.

— Что же ты позволил влезть мне в такие неприятности? — спросил он у симбиота.

— Тебе ничего не угрожало, — возразил Коул. — Я призван охранять тебя только от опасности, которая грозит тебе смертью. Как тут разоб-

раться в этих странных вещах, которыми обмениваются люди в разговоре? Вы являетесь расой, которая патологически проигрывает свои дела в суде.

— В это утро я потерял еще и мораль новой философии, — заметил Вилдхейт.

Он обнаружил дверь, а вернее, ряд дверей. После бесполезных попыток открыть какую-либо из них субинспектор добрался до одного из окошек, через которое проникал в камеру солнечный свет.

Он увидел только длинную, широкую, увенчанную башнями крепостную стену. Через определенные расстояния на ней торчали грозные шипы. Высказывания Пилон о недоразвитости человеческой расы привели к тому, что Вилдхейт впервые засомневался в собственных действиях.

Субинспектор с хмурым настроением продолжал обследовать подземелье, но так и не нашел ничего стоящего внимания. Он сел на лавку и стал ждать дальнейших событий. Но пробыть долго в одиночестве ему не удалось. Одна дверь распахнулась, и в камеру вошел мужчина, одетый в черную тунику. Он подошел к Вилдхейту, и на лице его возникла гримаса угодничества.

— Субинспектор, меня зовут Дабрия, я являюсь одним из главных стражников Майо. Твой арест был вынужденным, это была печальная необходимость. Если бы ты заглянул в планетарный атлас, то понял бы, что Майо заповедная планета и посадка здесь запрещена.

— Сомневаюсь, что что-то может запретить субинспектору пространства садиться там, где он пожелает. Хотя многие правители многих систем и не желали бы этого права. В конце концов важность тех миссий, которые мы выполняем, превышает всяческие ограничения. Так вот, Федерация требует сейчас помощь вашего ясновидящего. Как можно ее получить?

— Мы понимаем ваши проблемы. Даже в этот момент, когда Совет Старейшин решает твой вопрос. Однако, тебе не повезло. У чувствителей быстро нарастает напряжение. Твое прибытие к нам может стать катализатором и вызвать страшную катастрофу. Ты опасен для всех нас.

— Верните мне мое снаряжение, одежду и дайте Ясновидящего Хаоса и через час нас уже не будет на Майо.

— Одностороннее соглашение, — Дабрия был невозмутим. — Что ты жертвуешь взамен?

— Шансы на развязку без меня как катализатора ваших внутренних проблем и исключение необходимости вызывать подразделения Федеральных Космических сил для моего освобождения. Думаю, что подобное действие могло бы вызвать в ваших кругах оппозиции некоторое недовольство.

— Угроза вероятна, но осуществить ее не удастся!

— В самом деле? Я бы не советовал пробовать.

Стражник отошел к двери.

— Я слышал о твоих способностях вести переговоры без использования технической аппаратуры, — начал он. — Хорошо, мы не будем предпринимать против тебя ничего. Может быть, предложенные тобой действия и решат наши проблемы. Тогда это было бы хорошо для нас

обоих. Конечно, некоторые будут против, но я думаю, что это можно будет устранить.

Дабрия, не переставая говорить, шагнул вперед. Прыгнув, он молниеносным движением руки попытался ударить в горло субинспектора. Но ребро его ладони пронзило воздух. В этот же момент встречный удар повалил Дабрия на колени, а удар ногой в лицо послал безвольное тело в скольжение по полу. Стол задержал движение тела стражника. Ошеломленный Дабрия попытался встать, но ему на грудь опустился тяжелый сапог.

— Твоя попытка напасть на меня была величайшей глупостью, — засмеялся Вилдхейт. — Мое убийство ничего бы не решило. Вам пришлось бы отвсчать перед шестью субинспекторами, чьи аргументы и вопросы были бы подкреплены мощью военного крейсера. А сейчас убирайся отсюда и приведи мне Ясновидящего!

* * *

Девушка следила за своими зверьками, пасущимися на Десятом Владении. Все утро она перегоняла их на другой склон под оборонной стеной, а сейчас привела их вниз и, разделив на две одинаковые группы, заставила шипать траву на дорожках. Потом опять вернула стадо на пастбище. Это занятие требовало терпеливости и спокойствия. Разумные животные ценили ее заботу, гарантировавшую им полные желудки безо всяких стрессов. Взамен Десятое Владение было тщательно выщипано и поддерживалось в порядке. Это владение представляло собой пример зависимости между миром людей и миром зверей. Жизнь в этой части Майо была прекрасной.

Когда работа близилась к концу, девушка, наконец-то, позволила себе оглянуться, чтобы оценить результаты своего труда. Она была довольна. Засць, при хорошей погоде, буйной траве и покое работа приносила истинную радость.

Когда они добрались до долины, со сторожевой башни послышался крик:

— Эй, там Роза!

Она подняла глаза и увидела старого Пилона, машущего ей со стены. Она засмеялась и побежала к стене.

— Ты пришел, чтобы мы и сегодня во что-нибудь сыграли? Знаешь, я могу высвободить энтропию прямо из звезд. Думаю, что вскоре я смогу вернуться аж к Большому взрыву, создавшему нашу вселенную, — она замолчала, заметив его серьезное лицо.

— Иди сюда, Розочка. Мы должны поговорить.

— Что такое? Я не имею права подняться на стену.

— Тебе разрешат сделать это. У меня для тебя важные новости.

— Это наверняка не конец света, иначе я бы давно знала об этом.

Она быстро направила стадо на пастбище и побегала к дверям башни. И стражники расступились перед ней, пропуская вверх. Она взобралась по крутым ступенькам и, не переводя дыхания, одним махом

взлетела на стену. Она была здесь впервые. Открывшийся отсюда вид захватил дух и закружил голову.

— Что случилось, Пилон? Почему ты такой грустный?

— Помнишь, как-то ты мне рассказывала о Хаосе. Говорила, что навалась война.

— Я знала это, что же здесь такого?

— Ты была права, дочка. Война пришла и к нам.

— Куда? На Майо?

— Еще нет. Но она достигла нашей Галактики. Из всех наших ясновидцев, только ты смогла это предсказать. Сейчас прилетел инспектор из Федерации и просит помощи. Твоя способность предсказывания Хаоса является единственной в своем роде. Может быть, только ты сможешь перебороть ту силу, что навалилась на Галактику.

— Значит я должна пойти и поговорить с ним?

— Дело не только в разговоре. Он хочет забрать тебя с собой.

— На звезды?

На звезды, а может и дальше.

— Что за вздор ты несешь?

— Его требование и так уже внесло разлад в Совет Старейшин.

Она отвернулась и посмотрела на зеленые поля, словно увидела их в первый раз.

— Ты хочешь, чтобы я улетела с ним?

— Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Прошлой ночью я был против этого. Но подумал и решил, что твои таланты не найдут применения на Майо. Только там, в космосе, ты сможешь развить их. Многие ясновидцы променяли бы свой талант на твой дар предвидения Хаоса. И мое решение исходило из факта, что если ты не используешь этот шанс, то может быть такого случая больше не представится.

— Ты можешь это объяснить?

— Тот человек сказал, что если Федерация проиграет сражение, наша планета тоже погибнет. Чужаки очистят от людей и этот край Галактики.

— Ты говоришь это таким скорбным тоном...

— Жизнь, великая штука, девочка. Стены, которые мы воздвигли между собой и остальным человечеством, стоят не зря. Пропасть между нами велика. У нас давно уже чувствователи посвятили свою жизнь раскрытию в человеке скрытых свойств натуры. Сейчас мы находимся как бы в клетке, почти все возможности уже исчерпаны. Нужен приток новых сил. И это может дать космос!

— Но разве нас не учили, что звезды еще не готовы принять нас к себе?

— А разве кто-нибудь проверял это утверждение? Разве мы не сами должны побеспокоиться о себе?

— В таком случае, я готова!

— Это будет нелегкая дорога, девочка. Многие из Совета против этого. Но если существует разгадка, мы должны найти ее. Иди! У Дабрия есть план. Он не успокоится, пока не решит эту проблему.

Когда Дабрия во второй раз входил в камеру, он остановился на пороге, не решаясь подойти ближе к узнику.

— Инспектор, в прошлый раз мы немного повздорили. Поверьте, это не было личной неприязнью. Несмотря даже на то, что мне прибавилось хлопот. Но я разделяю твои взгляды на то, что твоё убийство во много раз усложнило бы проблему, нежели положило бы конец. В связи с этим у меня есть предложение.

— И у меня тоже. Мне нужен ясновидящий Хаоса и свобода. Дайте мне два часа, в противном случае встречайте крейсер Федерации.

— В этом нет необходимости, инспектор. Я говорил с Пилоном. Мне, кажется, что всем нам одинаково необходимо, чтобы ясновидящий летел с тобой. Правда, здесь есть небольшая заковыка. Видишь ли наш закон, запрещает ясновидящим покидать Майо. Если Совет позволит твоему ясновидящему лететь с тобой, то оставшиеся чувствователи проявят недовольство, и это может привести к развалу нашей системы, всего того, что создавалось всками.

— Значит и у вас есть проблемы.

— Мы придумали решение проблемы, которое должно удовлетворить нас обоих. Пилон пошел за ясновидящим Хаоса, который должен согласиться помочь тебе. Когда он окажется здесь, мы оставим вас вдвоём, но стражник забудет запереть дверь. За ней ты найдешь свою одежду и снаряжение. Я верю в твои возможности, верю, что ты сможешь преодолеть все препятствия и похитить ясновидящего с планеты, пока мы будем стараться догнать вас. Ты получишь то, что являлось целью твоего прилета сюда, ну а я не буду держать на тебя зла.

— Кто еще знает об этом?

— Никто, кроме Пилона и ясновидящего.

— Значит, если дело дойдет до драки, то кровь будет настоящей?

— Изучив твоё оружие, я очень сомневаюсь в том, что это будет твоя кровь. Но сейчас нет другого выхода.

Весь следующий час Вилдхейт размышлял о двуличности человеческой натуры. Потом пришел Пилон и привел с собой девушку с дикими глазами, которая только недавно перешагнула черту созревания.

— Инспектор, это ясновидящий Хаоса. Ее зовут Роза. Заботься о ней, поскольку она единственный прекрасный цветок из всех, которые до сих пор удавалось вырастить чувствователям.

Вилдхейт с трудом встал.

— Вот уже не думал, что ясновидящим Хаоса окажется девушка.

— Хочу предупредить тебя, инспектор, что план твой не вполне верен. — Пилон скривился. — Знаю также, что результаты будут не такими, каких ты ждешь. Кроме того, ты толкнул нас на новую дорогу, и пути назад у нас уже нет. Кстати, у этой девочки есть еще одно имя, которое впредь ты должен будешь употреблять в обращении с ней. Ветка, это субинспектор пространства Вилдхейт, своего рода стражник Галактики. Его оружие ужасно, но помыслы откровенны. Он очень наивен и слабо интерпретирует естество вселенной. Ты должна его многому научить. Читай звезды, девочка...

Когда Пилон повернулся к выходу, Вилдхейт взял его под руку.

— Подожди! — сказал он. — Ветка, если бы я знал, что ты так молода, я не просил бы Совет о помощи. Перед нами трудная и опасная дорога,

охота за Оружием Хаоса, и будет очень опасным делом. Ты в самом деле готова идти со мной?

Пилон посмотрел на нее. В его глазах мелькнула тень разочарования.

— Что же ты, Ветка, ответишь?

— Эта минута уже оставила свой след на узорах Хаоса. Она дала начало одному из самых сильных утрясений энтропии, какие когда-либо имели место в Галактике.

— Слышишь, инспектор? Будущее продиктовало свой приговор. И пускай никому из нас не кажется, что он имеет право выбора. Начатое вами дело встряхнет вселенную. Неизвестно, хорошо это или нет, но оно должно было случиться.

Когда Пилон вышел, Вилдхейт повернулся к девушке. По выражению ее глаз он понял, что она четко видит симбиота на его плече.

— Ты удивлена, девочка? — спросил он как можно более нежным голосом. — Не бойся этого. Да, твой разум необычайно чувствителен. Большинство людей не видят Коула.

— Что это? — спросила она. Голос девушки дрожал от напряжения.

— Это Бог Коул.

— Не понимаю. Бог бесконечен.

— Верь в то, во что должна верить. Я сказал тебе правду. Существует много богов. Все они обладают огромной властью, однако ни один из них не обладает всемогуществом.

— Почему он так мигает?

— Он находится сразу в нескольких измерениях, и то, в котором находимся мы, является одним из них. Он беспрерывно мечется то в одно, то в другое, и поэтому он ни в каком не бывает полностью.

— Почему же он тогда сидит на твоём плече?

— Мы связаны с ним до смерти... До моей смерти. Коул бессмертен.

— И ты не можешь его снять? Никогда?

— Незачем. Он живет во мне.

— Как паразит? — вид Коула явно нервировал ее.

— Нет, не как паразит. Это симбиот. Мы помогаем друг другу. Понимаешь, помогаем, как два партнера.

— Не понимаю, — девушка покачала головой.

— Я отдаю Коулу духовную силу, необходимую ему для перемещения по измерениям, а он охраняет меня во время моей опасной работы.

Ветка избавилась, наконец, от терзавшего ее страха. Сейчас она уже могла рассмотреть Коула поближе.

— Он очень хорошенький.

— Дотронься до него.

— Можно?

— Если ты веришь в него, то ему будет это приятно. Ты веришь, что он существует?

— Я вижу его. Почему я должна сомневаться?

— Веришь, что он Бог?

Она мгновение колебалась. Потом глубоко заглянула в глаза Вилдхейта, пытаясь найти там усмешку или шутку. Но в глазах инспектора была одна только симпатия и нежность.

— Я верю, что он Бог, — наконец, прошептала она.

Очень осторожно она протянула руку и нежно дотронулась до нежной кожи симбиота. Так продолжалось несколько минут, потом она отняла руку.

— Что ты слышишь? — спросил Вилдхейт.

— Я слышала музыку, — ее голос был едва слышен.

— Прекрасно! Значит он признал тебя.

— А почему он не должен был признавать меня?

— Он живет во множестве миров, а все боги имеют хлопоты с отождествлением. Ты лишний раз подтвердила веру в его существование. Он получил большой приток психической энергии, которую использует для усиления нашего симбиоза.

— Ты большой формалист.

— Я скорее практик. Коулу так же нужна вера, как тебе еда. Когда появляется возможность, я ценю это. И если тебе понадобится его помощь, зови его. Он придет на твое доверие и поможет в беде. А теперь к делу! Когда сменится караул?

— Скоро. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Дабрия придумал план. Они не могут признать, что отпускают тебя со мной, поэтому нам организован побег. Как только сменится стража, я заберу оружие, одежду, и мы двинемся в путь. Ты сможешь провести меня через город к мосту?

— Наверное...

— Вот и хорошо. Там, за рекой, на старом космодроме мой корабль. Если нам удастся добраться до него, то будем спасены. Может быть, придется вступать в драку, пробиваясь через город. Поэтому держись возле меня и выполняй все, что я скажу. Понятно?

Услышав приглушенные голоса за стеной, он подошел к одной из дверей, раскрыл ее и выглянул наружу. В небольшом помещении он увидел стол, на котором лежала его одежда, снаряжение и наваленные кучей личные вещи. Вилдхейт быстро оделся и вернулся к двусшке.

— Если ты готова, подружка, то пошли, посмотрим, что приготовил нам Хаос.

Он сделал жест, приказывая ей отойти в сторону и взорвал массивную дверь камеры, прикрепив к ней пластиковую взрывчатку из своих запасов.

Не успел еще рассеяться дым, а он уже выстрелил снарядом с парализующим ядом в глубь коридора. Затем кивнул Ветке, и они ринулись вперед. В конце коридора они увидели двух охранников, без сознания лежащих на первых ступеньках, охраняемой ими лестницы, ведущей вверх. По ним они поднялись на защитную стену города.

— Куда сейчас?

— Налево. Там мы сможем обойти караульное помещение.

Улицы под стеной были пустынные. Башня на стене впереди означала возможность и сойти вниз, и появления стражников снизу. Вилдхейт еще раз выстрелил парализующим газом и очистил выход. Они бросились бежать по крутым ступенькам и внизу встретили бегущих навстречу стражников. Одного он свалил кулаком по шее, а второй, отпрянув в сторону, исчез в темноте.

Субинспектор не стал преследовать труса. Перед ним лежала освобожденная дорога через площадь, и они должны были как можно скорее добраться до моста, пока сюда не сбежала вся охрана города.

Малочисленные случайные прохожие были удивлены этой странной бегущей по улицам парой, но они не пытались даже помешать им. Вскоре беглецы вышли к берегу реки, вдали виднелся мост. В будке стражника возле шлагбаума заврещал сигнальный звонок. Другие звонки и сирены раздались в разных концах города, и вскоре, казалось, ревело гигантское раненое животное, разрывая своим голосом темное небо над городом.

6

Вилдхейт остановился и втащил девушку в проход между домами.

— Здесь есть другой мост, Ветка?

— Есть, но много километров отсюда.

— В таком случае мы должны действовать решительно. Если нам удастся пройти, как они смогут нас преследовать? Пешком?

— Думаю, что на масках. Это наши верховные животные.

— Как только мы попадем на мост, нужно бежать что есть силы. Не задерживайся ни на секунду, пока не попадешь на другой берег.

Уже во время бега Вилдхейт начал готовить к бою лучемет. Как только предместье оказалось в зоне поражения оружия, он открыл огонь. Энергетические лучи ударили в цель и вызвали сильный пожар. Раздались душераздирающие крики и вопли охраны. Стражники выбегали из будки, охваченной пламенем, и, заметив бегущих, хватались за оружие. Вилдхейт выстрелил газовой гранатой, и стражники повалились на землю, застыв в скрюченных позах.

Луч с легкостью разрезал железные ворота, закрывавшие вход на мост, и они, перепрыгивая через раскаленное железо, оказались на мосту. Сзади набегали новые преследователи, которые подтащили что-то похожее на излучатель, и начали наводить его на мост. Субинспектор, не останавливаясь, метнул назад серию маленьких шариков. Некоторые из них стали рваться еще в полете, излучая ослепительно яркий свет, который надолго ослеплял человека, обжигая своим светом сетчатку глаза. Другие упали на мост и, лопнув, взметнули ввысь клубы непролихаемо черного дыма, который тут же скрыл беглецов от преследователей. Когда они добрались до другого берега реки, мощный взрыв разнес мост на кусочки.

Хватая воздух, словно рыбы, вытасценные из воды, они повалились на траву. Дым понемногу рассеялся, и стали видны опоры моста, торчавшие над поверхностью темной и мутной воды. Это было все, что осталось от моста после взрыва.

— Это должно задержать их хоть нанемного, — заметил Вилдхейт, подавая девушке руку и поднимая ее. Он достал из кармана небольшой аппаратик и начал манипулировать его тумблерами.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась девушка.

— Возле моего корабля находится наземная машина, которую я пытаюсь сейчас вызвать к нам по радио. И чтобы это было быстрее, давай пойдём ей навстречу.

Вскоре они услышали шум двигателей вездехода. Подкатившаяся близко машина была лихо остановлена Вилдхейтом на полном ходу поворотом рукоятки на дистанционном пульте, и они взобрались в кабину.

Езда в такой машине была незнакома девушке. Она зажмурилась и вцепилась в подлокотники кресла. Когда они приблизились к звездолету, она внезапно громко вскрикнула, широко раскрыв глаза:

— Остановись! Дальше нельзя! Там смерть!

— Что случилось?

— Я вижу огромный, невероятный скачок энтропии. Взрыв...

Вилдхейт резко затормозил вездеход, готовый разразиться проклятиями к этой девчонке, пытавшейся предсказать будущее. Он, было, уже открыл рот, когда "Гагенсхайм" внезапно исчез в огненном облаке.

Внезапная вспышка осветила пустыню, стало светло, как днем. Жар от пламени был так силен, что сработала автоматическая защита, надвинув на смотровые приборы жаростойкие бронеовые пластинки. Огонь исчез так же внезапно, как и появился. Вилдхейт сразу же понял, что на корабль уже нельзя рассчитывать. От него наверняка уже осталось то, что даже не годилось на металлолом.

И тут, издавдалека, из темноты, они услышали шум ударяющихся друг о друга палок.

Стук...стук...

Звуки накладывались на низкое гудение зовущего вперед рога.

Стук...стук...

Большие, пахнувшие фиалками капли забарабанили по лобовому стеклу машины. Вилдхейт ощутил, что начинает терять сознание. Его реакцией было мгновенное отключение наружной вентиляции машины и включение внутреннего климатизатора. Разум поступил правильно, и вонючий запах быстро выветрился из кабины, уступая место свежему воздуху. Пистол Вилдхейт увеличил обороты двигателя машины, и она рванулась вперед с ревом рассерженного зверя, промчавшись рядом с обгоревшими останками корабля.

Странно, даже сильный гул двигателей не смог заглушить стук палок. И голос воющего рога неумолимо наполнял все закутки кабины, выходя порой за порог слышимости. Тряска машины бросала людей в разные стороны и они шатались словно травинки под напором ветра.

Вилдхейт, сыпля проклятия, включил мощные прожекторы, осветив пустынный пейзаж. Сноп света не высветил ничего необычного. Он зарядил автоматическую пушку и, остановившись на мгновение, выпустил на все триста шестьдесят градусов длинную очередь. Шум палок стих и оборвался вой рога. Для уверенности Вилдхейт выпустил еще одну такую же очередь, изменив немного прицел. Наверняка в зоне действия снарядов ничего не должно было остаться в живых. Он снова включил скорость и плавно двинул машину с места.

— Это все Дабрия, — сказал он. — Я должен был предусмотреть, что он втянет нас в ловушку. Позволяя нам бежать, он не был уверен, что будет полностью контролировать ситуацию. Конечно, лучшим выходом было бы уничтожить нас, но придать этому делу вид несчастного случая. Например, взрыв корабля. Тогда Федерация не утруждала бы себя посылкой следующего субинспектора, поскольку ясновидящий мертв. Я не представляю как твоим соотечественникам, девочка, удалось сжечь такой корабль, где они взяли оружие?

— Это не Дабрия, — покачала головой Ветка. — Это ясновидящие. Им не нужно было оружие для того, чтобы уничтожить твой корабль. Они могут, концентрируя волю, высвобождать мощную энергию.

Сноп света прожекторов осветил воронки от взрывов и тела лежащих стражников в черных туниках. Рядом с ними лежали белые палки. От огромного рога остались только разбросанные обломки.

— Мне жаль, что они погибли, — произнес печально Вилдхейт.

— Что мы будем сейчас делать? — спросила Ветка. Она чувствовала облегчение из-за того, что они избежали ловушки. Хотя страх еще полностью не покинул ее сознание.

— Мы должны найти какую-нибудь другую возможность покинуть планету. И это все! Как далеко отсюда до ближайшего космодрома?

— Здесь вообще нет космодромов. Когда Майо была объявлена лежащей за границами обитаемых миров, все космодромы были демонтированы, а звездолеты уничтожены. Таким же образом был введен запрет на посадку и взлет с планеты.

Вилдхейт остановил вздох и выключил двигатели.

— Коул, я хочу поговорить с Ховером, — начал он. — Ты можешь связаться с Таллатхом?

— Я не вижу в этом никакой необходимости, — отрезал Коул. — Ведь ты можешь воспользоваться для этого передатчиком ФТЛ.

— Его мощности не хватит пробиться к Земле. Местное солнце излучает волны, которые будут затруднять прохождение связи по каналу.

— Ну что ж, поскольку ты любишь меня, я свяжу тебя с Ховертом.

Такой вид связи всегда оставался загадкой для людей. Симбиоты силой духа проникали сквозь разные измерения, используя свой разум, который люди не могли понять. В какой-то момент квантового времени, в какой-то альтернативной вселенной, оба симбиота сближаются и, ставшись единым целым, единой личностью, обеспечивают такую связь. Но они неохотно пользуются этой возможностью, так как она требует огромного напряжения разума симбиотов.

Коул подал знак.

— Алло, Джим! Здесь Ховер! Что случилось?

— Я все еще на Майо, Гесс. Со мной ясновидящий Хаоса, но корабль взорван. В этот момент мы находимся в вздохе, и местная полиция настроена против нас очень враждебно. Что ты можешь сделать, чтобы вытащить нас отсюда?

— Подожди секунду, я проверю расписание рейсов звездолетов. Гм...неважно. Космические силы Федерации ввязались в бой с чужаками, которые пытаются прорвать линию нашей обороны в квадрате 42-41, и все корабли сейчас там. Даже если мы и разыщем звездолет, то сможем добраться до вас не раньше, чем через шесть дней. Ко всему еще

с этой стороны рукава нет ни одного торговца. Мы можем отправить патрульный звездолет с Земли, но он прилетит только через десять дней. Вы продержитесь так долго?

— Шансов практически нет. Без корабля я не смогу пополнить запас горючего в вездеходе, не говоря уже о еде.

— Ладно, Джим. Я объявляю тревогу по всем службам. Где-то должен быть разведчик или фрахтовик, который не значится в сводке. Во всяком случае, ты постарайся максимально экономить энергию, чтобы было чем навести на вас корабль. Как ведет себя этот ясновидящий?

— Это девушка и зовут ее Ветка.

— Ты не переборщил с опасностями?

— Нет, Гесс. Мы пока что в порядке. Девушке всего шестнадцать лет.

— И она гадает по Хаосу?

— Да, она чувствует Хаос с рождения. Мы сгорели бы, если бы она не уловила изменения энтропии вокруг моего корабля.

— Хорошо. Нам скоро понадобится все ее умение. Оружие Хаоса поразило Ганнена, когда он находился на борту корабля. Вместе с ним погибло еще несколько ученых, подающих надежды в области космических явлений.

Вилдхейт отъехал на пятьдесят миль от остановки корабля и решил здесь заночевать. Машина оставила после себя на песке широкий, легко различимый след, но субинспектор решил, что большое расстояние пока что обеспечивает им безопасность. Он отключил все системы, кроме радиомаяка.

Уже перед рассветом писк зуммера вырвал Вилдхейта из объятий сна.

— Что это? — встрепелась Ветка.

— Космический корабль вошел в стратосферу планеты. Судя по всему, он идет на посадку. Может быть нам повезет.

Он включил детекторы, и на экране сразу же появился отраженный сигнал от корабля.

— Да, он идет на посадку, но, судя по всему, это не корабль Службы Пространства. Как-то он странно садится, не пользуясь приборами, наощупь, словно пьяный пилот сидит за пультом управления.

— Это плохо? — спросила Ветка.

— Знаешь, во всем космосе только одна раса может так лихо управлять звездолетом. Это рхакья.

— Рхакья?

— Да, это цыгане космоса. Их три или четыре племени. Они путешествуют на старых, собранных из всякого хлама звездолетах. Никто не выделил им звездной системы, да они особенно и не стремятся создать свой собственный мир и осесть на нем.

Из траектории полета корабля следовало, что ее окончание придется прямо на крышу вездехода, где находился радиомаяк. Поэтому Вилдхейт поспешно выключил его и отогнул машину на милю в сторону. Наконец, огромный корпус звездолета вынырнул из-за облаков и, нутужно ревя двигателями завис на долю секунды над почвой Майо, а потом резко нырнул вниз, впечатываясь в песок, чудом не развалившись при этом.

— Да, это наверняка рхакья. Подождем до рассвета, а потом подыдем к ним. Да и грунт вокруг корабля раскисел докрасна.

Они дождались первых лучей восходящего солнца, и Вилдхейт завел машину, направляя ее к высившемуся невдалеке гиганту.

В корпусе открылся люк и из него высунулась фигура в огромной треугольной шляпе на голове. Человек направился к вездеходу.

— Кес-кес Салтзейм, — воскликнул Вилдхейт, показывая Ветке этого человека. — Один из их главарей.

— Эй, субинспектор! Ну и встреча! Вот совпадение!

— Это было бы совпадением, если бы ты не слышал сообщения по ФЛТ, приказывающего всем кораблям, находящимся в этом районе, подобрать нас!

Салтзейм широко улыбнулся, показывая гнилые зубы.

— Субинспектор, для тебя все является нарушением закона — воровство, пиратство, насилие — все, что придаст жизни немного пикантности. Это не означает, что я получаю от всего этого удовольствие. Но ведь из этого и состоит жизнь, понимаешь?

— Достаточно хорошо.

— Итак, я попадаю в историю с субинспектором, который участвует в неудачном похищении молоденькой девушки. Я подумал, что коль скоро у меня есть корабль и, если вся эта история правда, то я смогу иметь свой интерес в этом деле.

— Ты ошибаешься, Кес-кес. Я просто-напросто реквизирую твой корабль. У меня для этого полномочия!

— Это одни слова, лишённые всякого смысла, субинспектор. Я вот что думаю. Сколько мне могут заплатить владыки Майо за твою голову? Но это только допущение, понимаешь?

— Понимаю. Сколько же ты хочешь?

Во время разговора из корабля вышли еще дюжины две рахкью, мужчины и женщины, старые и молодые. Они сбились в круг, с интересом вслушиваясь в разговор. Салтзейм делал вид, что разглядывает небо.

— Ходят слухи о каких-то типах, которые терроризируют эту часть космоса, — начал он, — и это повышает ставку. При этом я не могу оставить субинспектора без штанов...

Окружавшие его соплеменники засмеялись.

— ...Значит, шесть миллионов стелларов...

— Ты сошел с ума!

— ...и вездеход...

— Это собственность Федерации, я не могу продавать его!

— ...и девчонку!

— А она вообще вне игры! Послушай, я бы сделал большое дело для всей Галактики, если бы смахнул это ржавое корыто вместе с твоим крысиным выводком с лица Майо.

— Но ты не сделалшь этого, субинспектор. Заходя на посадку, я видел на подходе к этой пустыне тысячу наездников. Ну что, подыдем итоги?

— Я могу предложить тебе три миллиона. Это в тысячу раз больше, чем стоит твоя лоханка, со всеми потрохами и барахлом.

— А вездеход?

— Я оставлю его в пустыне. Если же ты заберешь его, пеняй на себя. За кражу государственного имущества — смертная казнь.

— А девочка?

— Она тебя не касается. Первый, кто коснется ее, умрет.

Салтзейм сделал вид, что глубоко задумался над предложением.

— Тяжело с тобой торговаться, субинспектор. Ну да ладно, договорились. Будьте гостями на нашем корабле. Он поднимет нас в небеса, если, конечно, мы сдвинемся с места.

Вилдхейт пожал плечами. Он знал, что Кес-кес не оставит вездеход в пустыне. И это было плохо, так как все снаряжение и аппаратура, которыми была наплевана машина, представляли собой опасность, если воспользоваться ими, не зная назначения. В обязанности субинспектора входило включение дистанционного устройства для уничтожения вездехода. Но, мгновение поколебавшись, Вилдхейт все же решил иметь под рукой дополнительное оружие вездехода, и рхакья начали его погрузку в грузовой отсек.

Внутри звездолета было неописуемо грязно. Корпус, из-за огромной толщины, выглядел солидным и целым. Но зато механизмы, аппаратура и приборы, начиняющие его, представляли собой мешанину из старых, найденных на свалках, и новых, украденных в портах и станциях обслуживания со всей Галактики.

Все это свидетельствовало в пользу мастеров рхакья, сумевших собрать это в целое, и говорило об отчаянном стремлении этих людей к свободе. Вот таким образом они и устраивали свою жизнь.

В центре корабля находился центр управления. Рубка была заставлена аппаратурой, экранами, детекторами. Вместе с тем, здесь валялись какие-то деревянные козелки, камешки, старые вещи, брошенные по закускам. Все это дополняли маленькие зверьки и птицы из разных миров, которые ели ту же из мисок и гадили, где попало.

Салтзейм уступил им свою каюту. Здесь царил относительный порядок, нарушаемый разве только что смешной деталью — ванной, доверху наполненной старыми книгами. Рхакья показал им каюту, но выходить почему-то не спешил, и Вилдхейт, поняв, в чем дело, присел за стол выписать кредитную карту.

— Благодарю, субинспектор. Эта каюта в твоём распоряжении до конца полета. А девушку мы поместим в другое место.

— Она будет со мной. Запомни, любой, кто прикоснется к ней, умрет.

— Я ручаюсь за своих. Даю слово.

— Это слово только твоё. А кто удержит твою банду, когда ты напьешься?

— Разве я не барон племени?

— Тебе это только кажется, а оттого ты глупец. Ты разве не слышишь, что они болтают о "аминдуми"?

— Можно очень легко подавиться, инспектор, если убить кого-нибудь из племени без причины.

— Помни, что сейчас вся ответственность лежит на тебе. Властвуй, но помни, если ты не сможешь удержать своих людей в определенных рамках поведения, я сделаю это за тебя.

Салтзейм вышел, что-то буркнув себе под нос. Вилдхейт занялся осмотром каюты.

— Можешь лечь на койку, Ветка. Здесь есть штора, задерни ее и думаю, что тебе будет удобно.

— А ты?

— Я не буду спать. У меня есть такие таблетки, которые прогонят сон. Я должен быть начеку.

— Зачем ты спорил с Салтзеймом?

— Кес-кес дурак. Он теряет власть. Он уже не может давать никаких обещаний и гарантий.

— А что такое "аминдуми"?

— Чтобы понять это выражение, нужно знать историю рхакья. Я уже говорил тебе, что это цыгане космоса, их три или четыре племени. Способ существования этих людей делает их экономически независимыми от Федерации...

Говоря это, Вилдхейт внимательно осматривал каюту. Он с интересом изучал переплетение проводов и труб на стенках.

— ...браки в замкнутых обществах, — продолжал он, — а также длительные космические полеты приводят к тому, что у них рождается очень много дебильных детей. Если бы не было притока свежей крови, рхакья давно бы исчезли. И вот этот приток свежей крови регулируется советом племени. Племя дает разрешение на брак. Инстинкт подсказал им целесообразность браков с людьми других миров.

Субинспектор вытащил из кармана какой-то прибор и, сняв со стены несколько панелей, занялся изучением проводки. Через некоторое время он недоуменно пожал плечами, видимо, не обнаружив того, что хотел найти, и опять заговорил:

— Они крадут женщин на других планетах. Потом, обычно, идет оргия, во время которой каждый взрослый мужчина племени совокупляется с ней. Оплодотворяет несчастную, конечно же, только один, но установить, кто же этот счастливый папаша, нельзя. Беременная женщина до самых родов находится под неусыпным наблюдением. Потом племя забирает у нее ребенка, и отдаст женщине-рхакья, частоящую же мать убивают. Конечный ритуал очень жестокий, а жертва и есть "аминдуми".

— Они хотят так поступить со мной?

Вилдхейт подтянул пояс с оружием.

— Между намерениями и их осуществлением очень большое расстояние. А вообще будет лучше, если ты ляжешь на койку, поскольку старт, которым отличается кес-кес, не идеал изящности и плавности.

7

Старт был ужасающим. В конце концов это и неудивительно для такого космического корабля. После нескольких сильных взрывов, разваливающийся исполин словно неохотно поднялся в небо. Казалось, что он взлетает скорее из-за силы воли экипажа, а не из-за действия вразумной работающей двигатель. Достижение второй космической скорости приветствовалось восторженными криками в рубке, словно они и не надеялись, что это удастся. Вилдхейт внимательно прислушивался к шумам, сопровождавшим каждую фазу старта, и, морщась при каждой заминке или угрозе во время маневров, тихо чертыхался. Когда корабль

все же вышел на орбиту и гравитационные двигатели стали равномерно разгонять его, экипаж занялся завтраком. Ветку и Вилдхейта пригласили в кают-компанию. Здесь Вилдхейт увидел, что почти все члены племени страдают наследственными пороками. Чуть ли не половина рхакья были умственно отсталыми. Он давно знал, что за недоразвитым умом кроется звериная жестокость, отсутствие моральных устоев. И что его еще больше убедило в этом наблюдении — это то, что все были вооружены! И это создавало для двух пришельцев крайне неблагоприятную ситуацию.

Вначале все было спокойно. На одном конце стола, во главе его, сидел Салтзейм, по правую руку от него сидели ясновидящая и субинспектор. На толстых металлических подносах принесли дымящиеся куски жареного мяса. Кес-кес длинным острым ножом умело порезал мясо и раздал порции. Гостей он также обслужил, с той только разницей, что не швырлял мясо, а подал на острие ножа.

Запивали мясо самогоном, выгнанным тут же, на корабле, и плохо очищенным. Вилдхейт с самого начала беспокоился, так как взгляд всех мужчин был устремлен на Ветку. И это беспокойство возросло еще больше, когда алкоголь затуманил разум и снял и без того слабые тормоза с чувств. Вскоре тема "аминдуми" перестала быть вероятной и зазвучала реально в пьяных устах. Этого субинспектор не мог выдержать. Он встал и взял девушку под руку.

— Хватит, кес-кес, нам пора!

— Садись, субинспектор! Это кровь играет в их жилах. В космосе так мало развлечений.

— Но Ветка не намерена стать одним из них! — Вилдхейт кивнул в сторону сидящих женщин. — Успокой их, или я сделаю это за тебя.

— Я их отец, — воинственно заявил барон. — Никто из них не осмелится...

Вдруг какой-то тщедушный паренек с темными блестящими глазами на худощавом лице соскочил с табуретки и, подойдя к Ветке, ловко схватил ее за талию. Тотчас же рука субинспектора рванулась к оружию. Он бросил взгляд на Салтзейма, давая ему шанс предотвратить трагедию. Опьяневший кес-кес с трудом выпрямил тяжелое тело и затряс головой, пытаясь прогнать хмель. Он крикнул парню, а когда тот среагировал, наклонился над столом и взмахнул ножом.

Все замерли от ужаса. Ладонь парня была отсечена возле запястья и упала на стол в одно из блюд с мясом. Рхакья был в шоке и пока что не чувствовал боли. В изумлении уставившись на свою ладонь, он продолжал глупо ухмыляться. Но уже через мгновение потерял сознание и рухнул на пол.

В кают-компании воцарилась абсолютная тишина, и внезапно все рхакья заорали, как сумасшедшие, требуя смерти и мщения. Вилдхейт поднял оружие и выстрелил в потолок.

— А сейчас послушайте! — обратился он ко всем. — Вы, рхакья, хотите получить больше того, что вам положено. Впредь не пытайтесь прикоснуться к девушке! Я не буду миндальничать, как ваш кес-кес, а разрежу любого пополам, кто попытается сделать это.

Когда они вернулись в каюту, Ветка была спокойна. А Вилдхейт почему-то думал, что все это подействует на нее сильнее. И все же он

заставил ее выпить успокаивающее лекарство и лечь, а сам сел поудобнее перед дверью.

Остаток вахты прошел на удивление спокойно. Однако, когда в начале следующей он вышел из каюты, все встреченные рхакья смотрели на него с открытой ненавистью. В рубке он встретил какую-то незнакомую личность в треугольной шляпе Салтзейма. Все говорило о том, что в племени произошла смена власти. И сейчас в куче мусора, несущегося вслед за кораблем в черноте космоса, летело также тело их недавнего вождя.

Ничего не произошло почти до половины третьей вахты, пока в дверь кто-то не постучал и не позвал их на обед. Вилдхейт, надеясь, что в прошлый раз рхакья получили хороший урок, согласился выйти. Они увидели все племя сидящим совершенно спокойно за большим столом, в атмосфере напряженного ожидания, которая вынудила субинспектора положить руки на оружие. Напряжение немного спало, когда люди выпили, но Вилдхейт не ослаблял внимания.

Атака была внезапной и подлой. Внезапно кто-то плеснул самогоном прямо в лицо Вилдхейта, а сзади набросился крепкий рхакья, который только что вошел в кают-компанию. В каждой руке он держал нож. Взмахнув обими руками он вознамерился вогнать ножи в тело субинспектора. Вилдхейт был ослеплен вонючей жидкостью и не был в состоянии заметить опасность, грозившую со спины, но Коул не мог допустить, чтобы убили его симбиота. Он мгновенно остановил время, и все замерли, только Вилдхейт остался вне временной ловушки. Он протер глаза, повернулся, вывернув руки нападавшего с ножами, и ударил прямо под сердце. Потом Коул снял защитное временное поле, и все опять пошло своим чередом. И только после этого Вилдхейт вытащил оружие. Ответный удар был молниеносным. Трех нападавших рхакья субинспектор разрезал бластером пополам, а остальным "подарил" газовую гранату. Все, кто находился в непосредственной близости, упали без сознания. Один из рхакья в самом дальнем углу кают-компания прицелился из пистолета, но Вилдхейт опередил его, и тонкий луч уперся в пистолет, который мгновенно расплавился и потек каплями металла, разбрызгиваясь во все стороны. Рхакья, державший его, с обгоревшей до кисти рукой, рухнул ничком на пол. Вилдхейт убил еще троих и, оглядевшись по сторонам, обнаружил, что остался один, не считая мертвых. Только сейчас он понял, что девушки рядом с ним не было. Он рванулся из кают-компания в коридор и услышал шум за одной из многочисленных дверей, луч бластера легко прорезал тонкую сталь, и субинспектор ворвался в каюту. Две находившиеся в каюте молодые рхакья были мертвы. Их неподвижные тела лежали в таких позах, что, казалось, у них не осталось ни одной целой кости. Вилдхейт, потрясенный этим зрелищем, подошел к Веткс, сидящей в углу каюты и смотревшей на него с нечеловеческим спокойствием.

— Кто это сделал? — спросил он, указывая на изломанные тела.

— Я, — в ее голосе не было слышно никаких эмоций.

— Как... — он вдруг понял, что говорит это с жалостью. Но еще больше его беспокоило то, что девушка так спокойна.

Она посмотрела на свои маленькие смуглые ладони, а потом опять на него.

— Ясновидящие и чувствователи имеют разную специализацию, но это не означает, что они не умеют больше ничего делать. Есть много того, что мы не применяем на практике. Однако, если это нужно для жизни среди звезд, то, поверь, мы приспособимся. Думаю, что со временем я буду убивать еще лучше.

— Можешь мне поверить, — хмуро произнес Вилдхейт, — что эти убийства не являются целью моей деятельности. Я, наоборот, должен всеми силами поддерживать мир среди звезд.

— Зачем же тебе столько смертоносного оружия? — спросила она, удивленно вскинув на него свои глаза. — Разве мира не желают все планеты?

— Когда-нибудь я объясню тебе это, — пообещал он. Но тут же засомневался, а сможет ли объяснить ей то, что даже самому не всегда ясно.

Вдруг Ветка тяжело вздохнула. Появляющиеся на ее лице гримасы говорили о том, что ее разум проник в какие-то далекие миры.

— Что происходит, девочка?

— Хаос изменяется. Что-то случилось, что-то приведет к изменению энтропии.

— Достаточному, чтобы уничтожить звездолет?

— Да. Но в этом есть что-то странное. Взрыв энтропии должен был уже произойти, но цепь причины-следствия прервана и реакция запаздывает.

— Оружие Хаоса?

— Не знаю, как это назвать, но здесь задействовано огромное количество энергии. Она начинает уже усиливать напряжение во вселенной.

Когда она это сказала, Вилдхейт понял, что она хотела передать ему. В воздухе появилось что-то похожее на легкий туман.

Он попытался понять суть происходящего явления. Но его внимание отвлек какой-то шум в коридоре. Он обернулся, готовый в новой атаке, но увидел фигуру лишь одного рхакя. Когда Вилдхейт сделал предупреждающий выстрел, исчезающий за косяком двери тип что-то бросил на пол. Субинспектор выстрелил газовой гранатой и бросился следом. На полу возле неподвижного рхакя лежал дистанционный пульт управления вездеходом.

Он вернулся к Ветке, обеспокоенный положением переключателей на пульте.

— Что случилось, инспектор?

— Какой-то кретин баловался с пультом и включил кнопку самоуничтожения машина.

— Да, это может объяснить причину, кивнула девушка.

— Синхронизация во времени. Однако, если бы даже вездеход и взорвался в грузовом отсеке, это не могло бы привести к уничтожению такого гигантского корабля. Значит, Оружие Хаоса задержало реакцию. Но почему и зачем?

— Для того, чтобы усилить ее. Чем больше напряжение во вселенной, тем больше высвобождается энергии в момент взрыва. Это отчаянный шаг.

— Отчаянный? — удивился Вилдхейт.

— Да. Ты собираешься найти Оружие Хаоса, не так ли?

— Это так.

— Значит, для этого требуется моя помощь.

— Ты прямо ясновидящая, — засмеялся Вилдхейт.

— Поэтому единственным способом задержать нас является расширение поля потенциальных несчастий таким образом, чтобы мы не смогли избежать их.

— Конечно! Самоуничтожающее устройство вездехода само по себе не может причинить большого вреда звездолету. Но если достигнуть определенного напряжения во вселенной, то взрыв вездехода, без сомнений разнесет на кусочки весь этот корабль. Но как нам можно избежать этого?

— Не знаю, — Ветка притронулась ко лбу стиснутыми в кулачки руками. — Думаю, что мы можем попробовать удалиться за зону действия взрыва.

Внезапно из интеркома раздался чей-то голос.

— Инспектор Вилдхейт, предлагаем перемирие. Корабль достиг скорости входа в подпространство. Просрочка входа может оказаться губительной для корабля. Ты сейчас занял ту часть звездолета, где находится аппаратура управления подпространственным полетом. Если ты вернешься в свою каюту, мы сможем заняться переходом в подпространство. Тебе и твоей девушке гарантируем полную безопасность.

Вилдхейт посмотрел на Ветку и прищурился.

— Сомневаюсь, чтобы в этой ситуации мы могли что-нибудь выгадать. Попробуем выторговать себе свободу. — Он включил интерком на передачу.

— Здесь Вилдхейт. У меня уже было столько гарантий с вашей стороны, что мне бы хватило на всю жизнь. Вы сможете попасть к приборам лишь при условии, что мы получим исправный космический бот. Ваша так называемая гостеприимность стала уже слишком назойливой. И учтите, что если я еще прибью пару ваших людей, то вам уже может не хватить их для нормального обеспечения полета. Так как?

— Мы идем на компромисс, инспектор, — в голосе рхакья было слышно облегчение. — Три миллиона стелларов достаточная компенсация всех наших потерь.

Ветка и Вилдхейт вернулись в свою каюту и стали ждать, ощущая все растущее напряжение в пространстве. Свет расщепился до такого состояния, что на границах света и тени появились размытые течения.

На всех поверхностях накапливалось статическое электричество, вызывающее снопы искр и отрицательные электромагнитные поля, которые вместе с малой гравитацией приводили к тому, что небольшие предметы начали двигаться по каюте. И если этот процесс будет продолжаться, то даже прикреплённые предметы вскоре должны будут сорваться с места и начать угрожать жизни людей.

Вилдхейт, видя эту нарастающую опасность, прокричал в интерком:

— Быстрее готовьте космобот! Мы должны как можно быстрее покинуть ваш корабль!

Объяснить причину такой спешки он не мог. И он даже не стал пытаться объяснить что-либо.

Рхакья, привычные ко всем странным явлениям в космосе скорее всего приписывали световые эффекты какой-то бешеной бушующей поблизости буре. Они будут проклинать слабую защиту корабля и плохое оборудование, винить действие алкоголя на свои организмы или какой-то придуманный вихрь в пространстве.

Только Вилдхейт и Ветка знали истинную причину этого грозного явления.

— Инспектор, спасательный космобот готов к старту! — донеслись, наконец, долгожданные слова. — Он находится в носовом грузовом отсеке. Мы через семь минут уходим в подпространство. Надеемся, что уже никогда больше не встретимся с тобой!

— Я тоже желаю этого! — засмеялся Вилдхейт. — Пошли, Ветка!

Видимо, опасаясь встречи с ними, все рхакья попрятались по помещениям корабля. Так как на протяжении всего их пути к носовому шлюзу они не встретили ни одного человеческого существа. В шлюзе они увидели следы поспешной работы — разбросанные обрывки пластиковой упаковки, куски защитной ленты. На платформе лежал новенький космобот, только что вытасненный из грузового контейнера, видимо, украденный в каком-то космопорту.

Вилдхейт прошептал молитву, опасаясь, что рхакья могли что-нибудь испортить в двигателе катера, следуя своему подлому характеру.

Вилдхейт открыл люк, и вместе с Веткой они заняли места в креслах. Вдавлив стартовый клавиш в панель, он выбросил космобот в космическое пространство.

Как только катер вылетел из грузового шлюза, Ветка и Вилдхейт обрели нормальное зрение, исчезло электрическое поле. Небольшой кораблик был устроен так, что должен был как можно быстрее покинуть место катастрофы, поэтому постоянное ускорение в два "же" гнало космобот до тех пор, пока не исчерпались запасы горючего в малых вспомогательных стартовых двигателях. Затем пассажиры должны были выбирать: либо лететь и дальше по инерции, либо продолжать полет, включив главный двигатель. Вилдхейт выбрал первое. Они могли вернуться на Майю, так как путешествие в другую звездную систему с обычной досветовой скоростью затянулось бы на немислимо долгий срок. Здесь, в системе Майю, они могли спокойно дожидаться Ховера.

Корабль рхакья был обречен. Его контуры расплывались все сильнее, и он начинал напоминать мыльный пузырь, на котором отражался свет солнца всеми цветами радуги. Система была нестабильной, пузырь пульсировал, надувался, грозя лопнуть. Парящие в нем завихрения нарастали. Вилдхейт представил себе, как рхакья, заключенные в искривленной, изменяющиеся вселенной, пытаются понять то, что происходит с ними.

И тут пузырь лопнул. Мгновение казалось, что корабль не будет поврежден, но затем освобожденная энергия мгновенно расколола корпус звездолета, и на пульте управления космобота загорелся сигнал

опасности. Ситуация в пространстве странно изменилась. Датчики внешне зафиксировали, что температура на месте взрыва начала стремительно падать. Казалось, пространство поглощает каждый квант энергии, превращая корабль рхакья в бесполезную кучу железа, стремительно проваливавшуюся в неизвестно откуда взявшуюся черную дыру.

Вилдхейт включил радар, пытаясь обнаружить хоть какую-нибудь орбитальную станцию в этом районе космоса, и начал передачу на волнах ФТЛ. Ветка все еще вглядывалась в то место, где исчез корабль рхакья. Она считала, что применение оружия Хаоса было актом отчаяния. Покушение не удалось. И сейчас только от нее и субинспектора зависело выяснение степени этого отчаяния. Ветка подумала, что, пожалуй, она полюбит звезды.

8

Спустя семьдесят часов, на экранах космобота появились два звездолета. Оба двигались с досветовой скоростью, и один, более отдаленный, находился на расстоянии, граничащем с разрешающей способностью радара. Ближний корабль, немного меньший, двигался более быстро. Все говорило о том, что Ховеру удалось каким-то образом направить в этот сектор пространства разведывательный корабль, а следом тяжелый крейсер Космических Сил. Но было странно, что капитаны кораблей не знают о том, что принимают участие в одной и той же спасательной акции. Вилдхейт знал, как дорог каждый звездолет в бою с чужими, и поэтому, немного удивившись, решил связаться с Землей. Коул тотчас же согласился.

— Как твои ноги, Гесс?

— Хорошо. Джим, прекрасно. Уже подрезали ногти на пальцах. Мускулы постоянно тренируются. Думаю, это будут отличные ноги!

— Ну, я очень рад, дружище. После последней нашей связи, нам удалось сесте на корабль рхакья, и теперь мы дрейфуем на периферии системы Майо, в спасательном космоботе. Кстати, крейсер можно было бы и не посылать.

— Я понял, Джим. Прилет патрульного корабля ожидайте через дня три. Мне жаль, но это все, что мы можем сделать в нынешней ситуации.

— Повтори еще раз, Гесс. Только медленнее.

— Три дня — это все, что мы можем сделать. Ближе нет ни одного корабля.

— Это странно. Так как сейчас на экране радара фиксируются каких-то два звездолета.

— И все же это не могут быть корабли Федерации! Ты посылал сигнал о помощи?

— Нет. У меня работает только радиомаяк.

— Я подумал, что это могут быть чужие звездолеты, которые обошли наши корабли. Имей это в виду, Джим. Если сколько-нибудь сомнева-

ешся в происхождении этих кораблей, выключи радиомаяк, не привлекая к себе внимания. Мы постараемся ускорить посылку звездолета.

— Хорошо! Я выключу все приборы, оставив только канал ФТЛ.

— Слушай, Джим! Помнишь, я говорил, что существует связь между Сарайя и теми людьми, которые спровоцировали катастрофу в Эйделе? Так вот, при проверке оказалось, что планета, с которой будто бы происходит Сарайя, в действительности не существует! Он человек без прошлого!

* * *

Вилдхейт, закончив мыслесвязь, выключил все системы космобота, кроме системы жизнеобеспечения. Он выключил даже радар, чтобы его радиоэхо не было уловлено детекторами чужих звездолетов и не выдало местонахождение космобота. С экрана исчезли приближающееся корабли, и никто не мог сказать, является ли их прилет случайным или намеренным.

Ветка нарушила тишину, царящую в рубке:

— Коул очень старый, правда?

— Не имею понятия. Он говорит, что он бессмертен, а я считаю, что бессмертие весьма спорная вещь.

— Я прочитала его узоры в Хаосе. Ты знаешь, что он происходит из времен, которые предшествовали Большому Взрыву, положившему начало нашей Вселенной.

— Я такое трудно поверить.

— Перед Большим Взрывом существовала другая Вселенная, — сказала она.

— Откуда ты знаешь это?

— Я могу читать узоры Хаоса из той Вселенной. В нашей Вселенной энтропия возрастает вместе с течением времени, а у них — она уменьшалась. Наша Вселенная расширяется, а их — уменьшалась. Именно это и послужило причиной Большого Взрыва.

— Космология никогда не была наукой, которую я хорошо знал.

Отсутствие информации о приближающихся кораблях было раздражающим и опасным. Вилдхейт считал, что если присутствие кораблей дело случая, то мощности двигателей космобота будет достаточно, чтобы перейти на орбиту вокруг солнца, оставив за ним чужие корабли. Но для этого необходимо было знать траектории пришельцев, чтобы выполнить необходимые расчеты. И он решил рискнуть, включив на несколько секунд радар. Этого хватило, чтобы удостовериться в том, что попытка скрыться была напрасной. Меньший корабль летел точно на перехват космобота, а больший, хотя и на расстоянии нескольких часов полета, летел за ним. Вилдхейт подумал, что было бы лучше больше не выключать радар.

— Похоже, что мы скоро будем иметь соседей, — невесело произнес он, кивая на экраны.

Сейчас уже действие радара мало имело значения, и Вилдхейт внимательно наблюдал за приближающимся звездолетом. Опытный

пилот резко погасил скорость и так точно сравнялся с космоботом, что корабли зависли неподвижно друг относительно друга на расстоянии не более сотни метров.

Вилдхейт навел на пришельца телеобъективы и попытался определить его тип. Чужой звездолет, хотя и небольшой в сравнении с обычными земными кораблями, выглядел гигантом по сравнению с космоботом. Это была необычная конструкция, сплюснутая с боков и угловатая. Двигатели были странного типа, так же, как, впрочем, и вооружение, которым корабль был усеян от кормы до носа. Стволы орудий, торчавшие от артиллерийских гондол, говорили о мощи огня, который они могли извергнуть в любой момент. На поцарапанном корпусе звездолета не было никаких опознавательных знаков. Натренированный глаз субинспектора все же распознал в этой необычной конструкции руку человека.

Ветка, которая присматривалась к кораблю, легко вздохнула.

— Что ты там увидела, детка? — спросил Вилдхейт.

— Этот корабль очень старый...Его линия Хаоса теряется в далеком прошлом.

— Надеюсь, не во времена Большого Взрыва, — с иронией добавил Джим.

— Нет. Ему всего лишь шесть или семь тысяч лет.

— Но ведь история полетов человека в космос едва насчитывает более двух тысяч лет.

— Я знаю об этом. Я не могу объяснить это. Но говорю правду.

Неподвижный корабль пока что подтверждал догадку субинспектора, что это не чужак, иначе он давно бы уже открыл огонь. Внезапно ожил канал ФТЛ связи:

— На спасательном космоботе! Включите гравитационное поле, приготовьтесь к шлюзованию!

Голос говорил на интерлигве.

Вилдхейт включил передатчик.

— Кто вы? Дайте свою принадлежность!

— Это неважно, приятель. Мы должны как можно быстрее покинуть эту систему, и вы полетите с нами!

Космобот был охвачен гравитационным полем так внезапно, что резкий рывок бросил застигнутого врасплох Вилдхейта на пульт управления. Когда он пришел в себя, космобот летел в развернутую пасть приемного грузового шлюза.

* * *

Вся операция прошла молниеносно. Как только космобот оказался на приемной платформе, шлюзовой люк закрылся, и двигатели звездолета заработали. Вилдхейт и Ветка сидели, напряженно ожидая, пока произойдет шлюзование и можно будет открыть внешний люк космобота.

Сигнал известил их, что можно входить. В шлюзовой камере никого не было, но вот открылся внутренний люк, и в камеру вошел мужчина в бронзового цвета комбинезоне. В руке он держал оружие.

— Кого мы видим? Субинспектора космоса и с ним красотку! Какие славные вещички можно иногда выловить в космосе! Брось оружие, инспектор! Здесь оно тебе не пригодится!

Вилдхейт долгим взглядом смерил незнакомца... и положил бластер. Он очень хорошо разбирался в таких людях, и знал, что они не любят шутить. В шлюзовую камеру вошел второй мужчина и повел их в глубь корабля. Первый пошел следом за ними.

Вилдхейт был поражен тем, что увидел внутри. Так же, как и тем, что увидел снаружи. Несомненно, корабль был построен людьми, но его конструкция не имела ничего общего с тем, что знал до сих пор Вилдхейт. Поскольку он понял назначение некоторых приборов и аппаратов, но совершенно чуждыми показались ему остальные механизмы и технология. Здесь был детектор Хаоса и блок компьютеров, которые напоминали Центр Хаоса.

Их провели в каюту, обитую панелями из настоящего дерева. За столом сидел мужчина в комбинезоне бронзового цвета, и еще двое стояли справа и слева от него.

— А, субинспектор! Головоломка начинает складываться в правильный узор. Готов присягнуть, что Сарайя приложил к этому свои руки.

— Ты знаешь Сарайя? — удивился Вилдхейт.

— Можно даже сказать, что я знаю его очень давно, — говоря это, мужчина красноречиво посмотрел на своих товарищей. — Сарайя так ничему не научился.

— Кто вы?

— Тебя интересует мое имя? Я — Касдей, а вот тот, который уперся бластером в твою спину — Джегун, вел вас сюда Асбель. Справа от меня стоит Гадрель, а слева — Пенемон. Нашу пятерку можно назвать авантюристами, а может быть, даже ренегатами. И ты не можешь не оценить нашу решительность и готовность убивать.

— Я уже встречал таких, как вы.

— Рад, что ты понял меня, субинспектор. Но в данный момент ты не имеешь перевеса перед нами. Что вы здесь делаете на спасательном космоботе?

— Я Джим Вилдхейт, субинспектор пространства. Я выполняю специальную миссию, по поручению Федерации.

— В чем же заключается эта миссия?

— Это неважно!

— Так... Значит, если я тебя не заставлю ответить, ты не ответишь. — Касдей опять взглянул на своих товарищей. — Ну что же, придется заставить. Но может быть, мы сможем договориться полюбовно? Я задам тебе несколько вопросов, чтобы сориентироваться, не пересекаются ли где наши интересы. Если ты согласишься, мы выдадим из тебя ответ силой, которая будет зависеть от нашего настроения.

— Это преступление против Федерации!

— Не смей нас! Имели мы твою Федерацию крупным планом! Должен сказать тебе, инспектор, что Федерация для нас НИЧТО! В сравнении с нашими врагами, ваши враги похожи на самых близких

приятелей. Я хотел бы сообщить тебе один факт, инспектор. До той игры, в которую ты чудом попал, ты все равно не дорос.

В этот момент корабль резко трянуло, огни погасли.

Касдей вскочил.

— Раз уж мы заговорили о врагах, то должен сообщить тебе, что за нами гонится бешеная собака и мы будем вынуждены выбить ей клыки. А наш разговор придется продолжить несколько позже.

Касдей и трое его товарищей вышли. Джегун махнул бластером, показывая Вилдхейту и Ветке вход в другую каюту. Они вошли, и он с грохотом захлопнул дверь за ними.

Корабль еще трижды сильно трянуло, и Вилдхейт подумал, что может быть даже пробит корпус. Но скорее всего этого пока что не случилось. Вилдхейт понял, что это залпы с догоняющего корабля. Потом заработали орудия корабля Касдея. Эти странные орудия стреляли почти бесшумно, лишь легкие толчки отдавались эхом по всему кораблю.

Субинспектора не удивило мертвенно бледное лицо девушки. Он решил подбодрить ее.

— Не бойся, Ветка. Мне кажется, что наши новые товарищи не из тех, кто не может отыскать выход из безвыходных ситуаций.

— Ты имеешь в виду корабль? Это меня не беспокоит! — Ветка покачала головой. — Его линия уходит в будущее, И с ним пока что ничего не случится. Зато люди... с ними гораздо сложнее... я пока что не могу сказать с точностью о их будущем. Верно только то, что им очень много лет и они гораздо старше своего корабля.

— Сколько же им лет, Ветка?

— Шесть или семь тысяч лет. Их линии уходят глубоко в прошлое. Дабрия тоже такой, как эти люди.

— Стражник Дабрия?

— Да. Он тоже старый. Он думал, что об этом никто не знает. Но я то знаю, поскольку могла прочитать его линию.

— Что же испугало тебя?

— Дабрия — ужасный человек. Только такой, как он, властвовать над ясновидящими. А люди на этом корабле еще более страшные, чем Дабрия. Как человек может жить столько лет, инспектор?

— Вообще то я не очень уверен, что они такие старые. Однако Галактика все становится более изученной. Касдей принадлежит к тем, кто вызвал катастрофу в Эйделе и где было применено оружие Хаоса. Скорее всего Сарайя тоже из их шайки. Тем более, что его происхождение неизвестно. Если воссоединить все эти знания с тем, что нам известно о Дабрия, то получается семь человек, которые происходят неизвестно откуда. Так кто же они на самом деле?

— Не знаю, но...

— Весь корабль внезапно задрожал, но это не был короткий толчок, как раньше. Эта тряска продолжалась около двух минут. В это время Коул своими психокотгами впился в плечо субинспектора.

Что это было?

— Видимо, прыжок в подпространство, скорее всего они ушли от преследования. Но он не похож на прыжок, совершаемый нашими кораблями, хотя и напоминает его.

Если они хотели скрыться таким способом от противника, то им это вполне удалось. Опять началась вибрация с разной частотой и силой. Вилдхейт подумал, что ни один корабль, даже такой странной конструкции, не может выдержать такой знакопеременной нагрузки. Однако Ветка тут же проинформировала его, что бояться не стоит. Вибрация нарастала, металл на стенках пошел волнами, и Вилдхейт опять почувствовал холодок на спине — корабль, по его мнению, мог легко разгерметизироваться. Но Ветка не могла ошибаться. Только какой-то новый фактор мог способствовать исполнению прогноза линии Хаоса. И он появился.

В каюту вбежал Джегун.

— Инспектор, мы попали в хитрую засаду, и, если нам не удастся вырваться, нам конец! И вам тоже! Поэтому вы должны помочь нам!

— Кто напал?

— Это долго объяснять. Достаточно сказать, что они владеют Оружием Хаоса.

— Если я помогу вам, вы ответите на мои вопросы?

— Помогите нам выскочить из этой дьяволицы и тогда ставь свои вопросы.

Джегун выскочил из каюты, оставив дверь открытой. Вилдхейт, потянув за собой девушку, выбежал в коридор. Впереди стоял Джегун, указывая на отсек управления огнем. Вилдхейт вошел, сел в кресло за пультом, и его руки легли на кнопки и переключатели. Некоторое время он осваивал приборы и, наконец, пришел к уверенности, что сможет управиться с ними.

Ветка села в кресло сзади, и они оба увидели на экранах многочисленные вражеские корабли, сгруппированные в большой засаде. Вилдхейт выбрал один из них и подвел прицел под его корпус. Ветка молча остановила его руку.

Он с недоумением обернулся к ней.

— Не этот, а вон тот! — она пальцем ткнула в экран, показывая нужный корабль противника.

Вилдхейт тут же передвинул прицел на указанное место. В углу экрана выскочили цифры, указывающие расстояние и относительную скорость цели. Когда на целеуказателе появились нули, Вилдхейт тронул пустую клавишу. Корабль затрясся от работы орудий, и через шесть секунд корабль противника взорвался, разбрасывая обломки далеко в стороны. Вилдхейт удивительно покачал головой. Ветка, предсказывая изменение энтропии, помогала тем самым точно знать, какой звездолет будет уничтожен.

— Это что-то новое в видении боя, — усмехнулся он, обернувшись к девушке. — А теперь, который?

Она опять ткнула в экран пальцем. Вилдхейт переставил прицел и выстрелил. Было видно, как снаряды пошли к цели, и в какой-то момент траектория чужого звездолета и летящих снарядов пересеклась в одной точке. Взрыв! Вилдхейт подумал, что Ветка сама является мощным Оружием Хаоса. Он начал стрелять, целясь туда, куда показывала девушка. Не ожидая результата, он стрелял в следующий корабль. Последствия были ошеломляющие. Ни один снаряд не пропал даром, а меткий результативный огонь проделал зияющие бреши в атакующей армаде. На экране то и дело вспыхивали цифры компьютера, показыва-

ющие потери противника. В сознании Вилдхейта возникла мрачная картина взрывающихся звездолетов, свиста вырывающегося из пробоев воздуха, раскаленных переборок смертельного излучения, детонирующих снарядов в артиллерийских погребах, разбросанных по ближайшему космосу обломков и спасательных космоботов и трупы...трупы людей.

9

По мере того, как проходило время, вибрации постепенно слабели, пока не прекратились совсем. На экранах были видны корабли противника, убегающие с места боя. Хотя сражение и было выиграно, Ветка продолжала указывать на новые объекты, а Вилдхейт стрелял, пока вражеские корабли не оказались вне пределов досягаемости орудий звездолета.

В запале боя субинспектор был так захвачен необходимостью держать высокий темп огня по целям, указанным Веткой, что ни разу не подумал о том, как велик их успех. Сейчас, когда бой утих, он пробежал взглядом по навигаторскому пульту. Данные говорили о том, что было сделано двести девятнадцать выстрелов, и каждый из них был удачным. Удивительно!

Внезапно Вилдхейт осознал, что вокруг их появились зрители. Пятеро незнакомцев, захвативших их в плен, молча наблюдали за их действиями.

— Такая меткость, не только удивительна, субинспектор, но и невозможна! — заметил сквозь зубы Касдей.

— Просто сегодня удачный день, — ответил Вилдхейт с кривой ухмылкой.

— Я не шучу, субинспектор. Я знаю это оружие и границы человеческих возможностей. Ты перекрыл и первое и второе десятикратно. Но как это ты смог? Как?

Вилдхейт глянул на девушку, и она ответила:

— Узоры Хаоса несли в себе предсказание уничтожения этих кораблей. Нужно было только установить время и вычислить положение в пространстве каждого из них.

— Конечно, предсказание такого рода для единичных случаев возможно. Но даже для этого требуется дня два расчетов. — Было заметно, что Касдей интенсивно мыслит. — Но невозможно рассчитать в мгновение ока сотни точек Омеги Хаоса!

Это становится возможным при условии, что узоры видны. — Ветка сказала это очень спокойно, но скорее всего отлично понимала, какое впечатление на присутствующих произвели ее слова.

Пятерых членов экипажа пронзила стрела недоверия, сплетенная нитью надежды.

— Ты, свихнувшийся недоумок, — выдавил, наконец, из себя Касдей, — хочешь сказать, что можно читать узоры непосредственно на Хаосе?

— Это правда, — сказал Вилдхейт, — если бы не эта способность, я все еще был бы на корабле рхакья, который был уничтожен Оружием Хаоса.

На лице главаря появилось понимающее выражение.

— Тогда это многое объясняет! Недавно мы зафиксировали формирование континуума, указывающее на действие Оружия Хаоса. Мы не знали, что существует цель, такая важная, заставившая наших врагов потратить на ее уничтожение столько энергии. Наши приборы определили, что Оружие поглощает энергию десяти звездных масс в секунду. Мы двинулись туда, но нашли только вас в спасательном боте. И ничего не поняли из этого.

— А сейчас?

— Конечно, все ясно. Мы можем с уверенностью сказать, что эта ловушка не для нас. Это за вами идут по пятам.

— Не может быть!

— Ваше право верить этому или нет. Но не забывай, что ты и девушка являетесь самыми важными существами во вселенной. Кто-то, кто читает по узорам Хаоса будущее, очень волнуется из-за того, что видит. Поэтому, прерывая причинно-следственные цепи, пробегая по ним вспять, он надеется найти возможность изменить прошлое, которое приведет к тому, что в будущем он спасется от несчастья.

— Каким образом этот кто-то может добраться до меня и до Ветки?

— Нет ничего проще. У вас землян есть поговорка: "Нет гвоздя — не будет подковы, нет подковы — не будет коня, нет коня — не будет всадника". Так вот гвоздь — первопричина всего. И сейчас очень важно знать, есть он или нет, понятно? Ты и эта девушка являетесь именно теми гвоздями, которые служат причиной, появится всадник или нет. И связь между вами и событием, каким является битва, уже зафиксирована в узорах Хаоса.

— Это правда, Ветка?

— Хотя это все и звучит наивно, но тем не менее, верно. Кто-то исследует вспять систему сходящихся осей, следуя от будущего результата к скрытой в прошлом причине. Мы с нашим противником стоим на противоположных концах цепи, возбуждая серию событий, которые грозят вселенной большим пожаром. Прибегая к сравнению Касдея, можно сказать, что недавняя ловушка была попыткой уничтожить подкову.

— В таком случае, что же будет дальше? — спросил Вилдхейт.

— Думаю, что следующая очередь за конем, — хмуро произнес Касдей. — Кажется мне, что я зря говорил Сарая о правилах игры. Этот хитрый лис занялся своей собственной игрой, создав свои собственные правила. Мы должны убраться отсюда побыстрее, инспектор. Я хочу посоветоваться с командой, а потом мы кое-что предложим тебе.

— Мы обречем свободу?

— Не только. Вы получите нечто большее. Возьми оружие, инспектор, если это придаст тебе больше уверенности в себе. Я должен покинуть вас, предстоит много работы. Большой прыжок. После sireны вы должны лечь и крепко зажать зубами что-нибудь мягкое. Полет отсюда будет весьма неприятной штукой.

В то время как пять членов экипажа копались в пульте управления звездолетом, Вилдхейт и Ветка направились в ангар, где осталось их оружие. Снова его удивила необычная конструкция корабля. У Вилдхейта возникло впечатление, что все технические проблемы были здесь решены очень мудро и было это выполнено цивилизацией весьма чуждой человеческой. Было в этом корабле что-то чужое, хотя спроектирован и построен он был существами, похожими на человека. И постоянной была мысль о существовании в пространстве другой человеческой цивилизации, однако такую возможность отрицали все его чувства и знания. Он знал о существовании во вселенной совершенно чуждых человечеству культур. Однако, кроме Земли, не было других планет, которые родили бы человеческую расу.

Вилдхейт разыскал пояс с оружием и проверил запас патронов и ампул с газом. Не очень расчетливое применение оружия там, откуда он похитил ясновидящую Хаоса, немного опустошило его запасы. И пополнить их можно только на одной из стратегических баз, разбросанных по всей Галактике. Однако, он все же был достаточно вооружен, чтобы выдержать приличный бой, если будет необходимо. Они находились в ангаре, когда раздался вой сирены. Они кинулись на палубу. Ветка прикусила ткань своего рукава, а Вилдхейт засунул в рот перевязочный пакет. Начинался прыжок. Появилась вибрация, которая уже была им знакома. Затем она перешла в сотрясения, которые причиняли одновременно боль и страдания, и приятные ощущения, и все это на грани выносливости человеческого организма. Над плечом Вилдхейта бесшумно затрепетал симбиот, впиваясь своими когтями прямо в сердце субинспектора.

Пока тело Вилдхейта подвергалось тяжелым испытаниям, его разум отчаянно анализировал характер явлений. При знакомых ему прыжках в подпространство корабль избегал ограничений скорости света, применяя туннельный эффект, который приводил звездолет через запретную зону скорости света в тахионное пространство. В этом состоянии ничто не движется со скоростью меньшей, чем скорость света. И все законы физики изменяются. Если в момент прыжка не происходили изменения скорости, то есть, в момент входа и выхода корабля из тахионного пространства, тогда отсутствовал временной эффект.

Этот прыжок терзал тела Вилдхейта и Ветки, и имел он совершенно другой эффект. Субинспектор пришел к выводу, что таким образом они являются испытателями пробы адаптации разумом во времени природы уменьшающегося времени. Корабль каким-то образом не перескочил через границу скорости света, а протыкался через нее, как через сеть, пробиваясь через случайные дыры. Сила этого явления не была постоянной, она изменялась, накатываясь волнами.

Вилдхейт взглянул на Ветку. Он очень беспокоился о девушке, не будет ли это тяжелое испытание пределом ее выносливости? Он заметил в лице Ветки что-то, что тотчас же развеяло его тревоги. И это основательно потрясло его. Он увидел спокойствие, то же самое, что и на корабле рхакья, в каюте с теми двумя девушками, мертвыми лежащими у ее ног. Лицо девушки также излучало сейчас какую-то жуткую внут-

реннюю силу, значительно превышавшую ее собственную. Он вспомнил слова Пилона с Майо... "отнесись к звездам внимательно, маленькая. Может быть, они тебе понравятся и ты оставишь некоторые из них..."

Просчитав приблизительное количество человеческих жертв, которые погибли с момента, когда было произнесено это предупреждение, субинспектор понял, что вселенная еще не готова к контакту с ясновидящими.

Внезапно толчок очередной фазы прыжка подбросил их в воздух с такой силой, что даже Ветка вскрикнула. Их тут же поглотила темнота, которая старалась как бы высосать из них жизнь. Вилдхейт начал бороться с этим, а потом сдался. Он ощущал, как его тело, лишенное жизненных сил, уже не может сопротивляться. Время потеряло для него всякий смысл. Когда после прошествия какого-то времени он приобрел сознание, то понял, что все связанные с прыжком ощущения прошли. Ветка производила впечатление человека невозмутимого, но с удивленной миной на лице. Вилдхейт встал и потрогал голову, проверяя ее целостность. Коул, очень потрепанный и притихший, сидел на плече субинспектора.

— Ах! — изрек Вилдхейт, — когда те ребята говорили, что прыжок будет неприятный, то им нельзя отказать в проникательности.

— "Те ребята", как ты говоришь, имеют узоры, читая которые можно проследить прошлое от начала зарегистрированной истории Земли. — Ветка скривилась. — Где мы сейчас? — спросила она через секунду.

— После такого прыжка мы могли бы оказаться в любой точке Галактики.

— Я имею ввиду положение относительно звезд. Я хочу спросить, в какой вселенной?

— Гм! Мне кажется, что у нас будут проблемы с идентификацией. Для меня термин "вселенная" охватывает все. Все планеты, все Галактики, все пространство, попросту в с е ! Существует только одна вселенная, поскольку с самого определения вытекает, что она охватывает все!

— Это не так! — девушка сделала несогласный жест. — Перед Большим Взрывом существовала еще одна вселенная.

— Я могу в это поверить. Однако, не убеждай меня, что мы попали в нее.

— Все может быть.

— Откуда такое предположение?

— Субинспектор Джим, я могу читать узоры Хаоса. Разве ты уже забыл об этом? В этой области, в которую мы попали, энтропия уменьшается вместе со временем.

— Это невозможно!

— Почему? Направление энтропии является единственным символом расширения или сжатия вселенной. Наша вселенная началась с Большого Взрыва, а та — кончилась с ним!

— У тебя есть преимущество. Я не могу и не имею возможностей проверить это.

— Идем в рубку. Быть может, звезды расскажут нам свою историю.

Вилдхейт, полный сомнений, пошел следом. Когда они вошли в рубку, субинспектор был поражен открывшимся зрелищем. Свет, который

он ошибочно принял за освещение, был ничем иным, как светом звезд во всем невообразимом их блеске.

У него закружилась голова. И это внезапное головокружение вернуло ему сознание реальности массы звезд. Так прекрасно и точно расположенных в пространстве. Глаза охватывали мириады густо рассеянных звезд, создающих огненный барьер, который рассеивал черноту космоса. Хотя субинспектор знал, что каждая звезда отстоит от другой на много световых лет, трудно было поверить, что им не грозит столкновение. То, что было видно, составляло только часть огромной галактической системы. Эта Галактика была так плотно втиснута в пространство, что сгущение звезд было в миллионы раз сильнее, нежели когда-либо видимос Вилдхейтом в его вселенной.

Это было реальностью. Много миллионов Галактик — каждая со своими звездными системами, стекались в сокращающейся вселенной в одно место, чтобы потом послужить причиной Большого Взрыва. В этот момент материя всей вселенной в одно мгновение возвратилась к какому-то единству, которое будет началом их ВСЕЛЕННОЙ!

Касдей бесшумно возник за ними и отрегулировал напряжение поляризационных полей так, чтобы притушить свет звезд до уровня, который выносит человеческий глаз.

— Субинспектор Вилдхейт, — сказал он, — я обещал тебе кое-что интересное. И мои друзья единогласно согласились с тем, что я хочу тебе сейчас сказать.

Касдей подошел к пульту управления, что-то тронул там, потом повернулся к Вилдхейту и девушке. Яркие лучи звезд образовали на его лице тысячи морщинок. Субинспектору показалось, что этот мужчина невообразимо старый, такой, как утврждала Ветка. Стоя на палубе чужого корабля, в неправдоподобном звездном свете, в товариществе таких двух невероятных существ — Касдея и Ветки, он вдруг понял весь драматизм и нереальность ситуации. Это было мгновение вне времени, в которое могло произойти все, что угодно. И последовавшие за этим мгновением слова Касдея полностью подтвердили его опасения.

— Я не очень хорошо знаю, с чего начать, поскольку есть много дел, о которых ты не имеешь никакого понятия. Думаю, что эта девушка благодаря своим врожденным способностям наполовину уже угадала правду. Для тебя, инспектор, эта история поначалу покажется самой невероятной из всех, которые ты когда-либо слышал. Достаточно сказать, что если бы это было ложью, никто из нас не был бы сейчас в этом месте и времени.

— Твой рассказ имеет какое-либо отношение к Оружию Хаоса? — нетерпеливо спросил Вилдхейт.

— Существенное, и ты в этом сейчас убедишься. Я начну с того момента, который тебе знаком. Как уже говорила эта малышка, кто-то исследует систему сходящихся осей, идя от будущего до существующей в прошлом причины. Вы двое и стоите на одном конце этой причинной цепи.

— Я понимаю значение твоих слов, Касдей. Однако, не понимаю причины.

— Причину легко понять тогда, когда ты узнаешь, что существуют две вселенные — твоя и та, в которой сейчас находимся мы!

— И доказательством является то, что я вижу. Во вселенной, которую я знаю, нет такой концентрации звезд.

— Конечно! Это избавляет меня от объяснений. Существует однако еще одна вещь, о которой ты пока что не мог знать. Это то, что обитатели этой вселенной, которых мы будем называть, ну, скажем, ра, уже давно знают о этой двойной природе Вселенной. Поскольку они понимают, что их вселенная обречена, а твоя — может обеспечить их дальнейшее существование, то, — Касдей замолчал. — Это они владеют Оружием Хаоса, — продолжал он через некоторое время своим обычным голосом. — Это часть их плана, согласно которому, они пытаются покончить с вами. Эти ра сильно обеспокоены угрозой, которую создаете вы оба.

— Я не понимаю, в чем заключается эта угроза?

— Сейчас поймешь. В центре Хаоса, кроме Сарая, авторитет имеешь только ты. Участие Сарая в этом деле проявится немного позднее, пока он считается смертельным врагом ра.

Он много лет исследовал Хаос, разыскивая скрытый фактор, который сдержал бы планы ра или даже уничтожил бы их. Судя по судорожным попыткам ра остановить его, Сарая-таки нашел этот фактор. Этот фактор — субинспектор Пространства и ясновидящий Хаоса, которые помогают пятерым врагам ра.

— Помогают?

— Да, инспектор. Думаю, что Сарая принял всех нас во внимание. Твой враг является и нашим врагом. У нас нет над ним преимущества в связи, а также возможностей двигаться между вселенными. Но у нас есть некоторое преимущество, связанное с Хаосом. Я предлагаю объединить наши силы.

— При условии, что ты ответишь мне на многие вопросы. Кем ты, собственно, являешься, Касдей?

Мужчина вздохнул.

— Я уже говорил, что это очень невероятная история, которую ты когда-либо слышал. Ну да ладно. Прохождение через пространство очень трудное, опасное и сложное. Совсем недавно, строительство космических кораблей продолжалось несколько лет. Корабли могли вместить самое большее десять человек. Еще несколько лет тому назад массовые путешествия из старой вселенной в новую были невозможны. Пионеры прыжков понимали это и пытались попасть в новую вселенную с пылом колонизаторов. Неважно, что существовали минимальные шансы на выживание колонии. Пионеры стремились к основанию колоний, рискуя исчезнуть при переходе между вселенными навсегда. Когда-то один из таких кораблей, облетающих новую вселенную наткнулся на систему, где жили существа очень похожие на людей. И, проблема колонизации разрешилась. Пионеры, используя генетические приемы скрещивания рас, начали эффективные работы с этой еще нечеловеческой расой.

— Ты так и не ответил на мой вопрос!

— Ты не дослушал меня, субинспектор. Тот мир, который отыскивали ра, называется сейчас Земля, а люди были неандертальцами. В результате генетических экспериментов ра и возник гомо сапиенс!

10

Вилдхейт сражался со своими мыслями.

— Ты считаешь, что гомо сапиенс не мог появиться сам?

— Я знаю только, что эволюция человеческой расы на Земле остановилась на уровне неандертальца. Это было последней стадией в развитии тех существ. И дальше был тупик. Да, инспектор, это было так. Только благодаря нашему вмешательству, неандертальцы получили разум, а позже культуру. Этот импульс привел к тому, что они слезли с деревьев и покинули пещеры, чтобы затем отправиться в космос.

— Ты являешься одним из ра?

— Нас пятеро, потом Сарайя и еще кое-кто. Мы все оттуда. Составляем остатки последних экипажей, которые когда-то опекали молодую человеческую цивилизацию. Человек первобытный, однако, проявил странную склонность к связи со своими более звероподобными братьями-неандертальцами, и это изломало расу. Колония продержалась только столетие и то благодаря постоянному вмешательству со стороны селекционеров ра.

Наконец, сражение было выиграно, и установилось генетическое превосходство гомо сапиенс. За эту победу мы были прокляты.

— Прокляты?

— В переносном смысле. Реальность была еще более мрачной. Экипажи кораблей, проходящих через границу вселенной, решали очень важный вопрос: сохранить человеческую расу перед лицом сокращающейся вселенной. Они делали это, сея разум в новой вселенной. И, как я говорил, деятельность эта длилась довольно долго. Но вот, среди ра произошла смена настроений. Внезапно оказалось, что речь идет уже не о поддержании жизни человека, а о существовании самих ра!

— Чисто человеческая реакция!

— Которая привела к непредвиденным последствиям. По мере того, как сокращалась старая вселенная, целые Галактики начали сливаться в единое целое. Границы десятков тысяч населенных миров стирались. Время истощалось. Что же делали экипажи кораблей, проложивших путь в новую вселенную? Массовое пересечение границы вселенных было еще невозможно и, оказалось, что в действительности эти экипажи жертвовали всю новую вселенную не ра, а новой человеческой расе. Ситуация породила явление, которое назвали Большим Гневом. Экипажи кораблей, исследующих новую вселенную, внезапно подвергались уничтожению. И только некоторым удалось спастись.

Мы были одними из них. Чтобы выжить нам пришлось бежать в эту новую вселенную.

— Когда же это произошло?

— Около трех тысяч лет перед началом эры, когда начала фиксироваться ваша история. Когда возник Большой Гнев, мы работали втятером, основывая шумерские города-государства.

— Но это было около семи тысяч лет назад! — вскричал Вилдхейт. — Значит, вы бессмертны?

— Да. Имей в виду то, что пересечение границы требует пересечения барьера скорости света, а не как при ваших прыжках в подпространстве, когда вы обходите этот барьер. Поэтому все корабли, проходящие через границу, летают со скоростью света. Итак, нас преследовали и гнали. И мы, люди без дома, были готовы на единственный поступок, который наши преследователи не могли даже представить.

— Что же это?

— Изменения времени. Наше субъективное ощущение времени при 99 процентах скорости света претерпевает существенное изменение. Прошло семьдесят веков, а мы постарели всего на тридцать земных лет. Наши преследователи, имея в своем времени семьи, детей, не рискнули отрываться от них во времени.

— Но ведь все они давно уже мертвы! И не могут дотянуться до вас!

— Большой Гнев был так силен, что даже потомки тех ра возненавидели нас. Мы каждое столетие навешиваемся домой, рассчитывая на то, что о нас уже забыли. И каждый раз нас встречала ненависть и мы вынуждены были опять скрываться в будущем. И это одна из причин, по которой мы вынуждены были объединиться, субинспектор. После семи тысяч лет гонений бессмертие измучило нас.

— Сарайя принадлежал экипажу, который выжил?

— Сарайя, Дабрия, Селемия, Этхан и Аспель. Мы разные, но у всех одна цель. Большой Гнев изгнал их, но все это время они неустанно продолжали выполнять свой долг — заботясь о молодой цивилизации. Мне кажется, что эти дела придали смысл их изувеченным жизням. Они по очереди оседали в столетиях, чтобы остаток жизни провести в нормальном темпе жизни. Разве что Дабрия и Сарайя остались.

— Почему ты считаешь, что Сарайя не знает, что происходит?

— Мы продолжаем полеты в старую вселенную, а он этого не делает. Произойшли большие перемены, а он этого не знает, не осознает.

— Какие перемены?

— Ра усовершенствовали технику Хаоса. Она теперь может угадывать наши действия на столетие вперед. Из-за изменения времени можно ожидать нападения их космического флота. Но в конечном итоге зло не в этом.

— А в чем же?

— Сарайя не знает самого главного. Ра, наконец-то, решили проблему массового перехода через континуум. Путешествие в ваш мир стало для них реальностью. И что же они находят здесь? Вооруженную до зубов галактическую Федерацию, занимающую большинство пригодных для жизни планет в пределах одной Галактики и готовую двинуться в другие. Словом, сильного противника, который является хозяином вселенной, спокоен веку предназначенной для ра.

— Значит Большой Гнев вспыхивал с новой силой. И поэтому ра применили Оружие Хаоса против Федерации?

— Да. Это политика ослабления вашей цивилизации. Сточки зрения доставки вооруженных сил, ра еще не готовы к проведению в космосе звездной длительной войны с Федерацией. Они начнут активные действия только тогда, когда ваша система начнет трещать по швам.

— Одна вещь заставляет усомниться в ваших словах, — заявил Вилдхейт. — В нашей вселенной, человек, как раса, живет только в одной Галактике, составляющей ничтожную песчинку в целостности вселенной. Разве в ней не нашлось бы еще места для Ра?

— Субинспектор, технические проблемы межзвездных полетов уже решены. Федеральные космические корабли начинают, пока еще робко, проникать в межгалактическое пространство, не так ли? Представь себе, в каком фантастическом темпе может развиваться человечество при неограниченном жизненном пространстве и возможностях! Занимая только вчера всего один мир, сегодня уже в его власти более сотни, а через сто лет их потребуется уже тысяча. Через же два столетия человечество будет жить на миллионах планет. Ты хочешь утверждать, что через пятьсот лет места хватит в этой вселенной и для нас и для вас.

— Ты прав, Касдей. Однако, как Сарайя может думать, что их удастся удержать?

— Допустим, ты отработаешь тактику сражения, имея доступ к данным, списанным с будущей истории. Ты создашь план сражения и будешь уверен в его результате. Ты подправляешь историю в свою пользу!

— Будущее можно прочитать из узоров Хаоса?

— В принципе да. Можно предсказать изменения энтропии и локализовать ее. Это, конечно, не скажет тебе, кто выйдет победителем из битвы, но определенно ответит, какие большие взрывы энергии произойдут в твоем мире и где распространиться огонь от этих взрывов. История имеет свои капризы, субинспектор. Время, личность, совпадение случайностей — все влияет на ее результат. Эти факторы мы назвали катализаторами событий. Если тебе удастся локализовать и разработать свою комбинацию катализаторов, ты сможешь управлять историей.

— И этим занимается Сарайя?

— Да. И ра знают об этом. Они возлагают большие надежды на Оружие Хаоса, которое должно обеспечить им в конечном счете численное превосходство. Сарайя, не имея возможности организовать оборону такой молодой культуры, какой является ваша цивилизация, занялся исследованием катализаторов.

Вилдхейт отыскал на пульте регулятор поляризации и вернул фантастический вид звездному полю. Он стоял, всматриваясь в головокружительное зрелище сверкающих звезд. Девушка тоже не могла отвести от них своего взгляда. Она сохраняла полное спокойствие, в противоположность субинспектору, которого угнетала страшная перспектива сражения со всеми этими звездами. Спокойствие же Ветки основывалось на убеждении, что преимущество тысячи миллиардов звезд над одной не является той проблемой, о которой стоит беспокоиться. Именно в этот момент Вилдхейт задумался, почему Дабрия посчитал необходимым посвятить остаток своей жизни попыткам захватить власть над ясновидящими.

Внезапный спад напряжения звездного света привел к тому, что все трое одновременно глянули вверх. Недалеко от корабля возник строй огромных звездолетов. И тут же весь их корабль наполнился воем сирен. Касдей бросился к пульту управления. Он был на полпути, когда четыре огромных звездолета противника заслонили почти все звезды на экране.

— Что это? — крикнул Вилдхейт.

— Ра! На этот раз охотники. У нас нет ни лучей, ни снарядов, которые могли бы пробить их защиту.

Джегун и Асбель вбежали в рубку и уселись перед приборами.

— Думаю, что на этот раз, инспектор, они прилетели, чтобы застрелить коня, — крикнул Джегун, выдавив на своем лице кривую ухмылку.

Руки Касдея забегали по пульту управления. Мощный рев двигателей оглушил людей, но уже через мгновение он перешел в ультразвуковую фазу. Корабль содрогнулся, свет звезд погас. По коже людей пробежали мурашки. Несколько секунд спустя свет звезд появился вновь, но он исходил уже от других звезд. Однако огромные военные корабли были и здесь. Касдей снова послал свой корабль в прыжок, но когда они выскочили в нормальное пространство, то и там обнаружили охотников, изготовившихся к атаке. Они опять нырнули в континуум, и только тут Касдей позволил себе сказать пару слов по поводу случившегося.

— Сейчас ты видишь, инспектор, что я имел в виду, говоря о их успехах в деле освоения Хаоса. Они предсказывают наше появление с точностью до секунды, а позицию — до нескольких метров. В лучшем случае нам удастся прыгнуть еще раз. Но в конце концов нам все же придется попасть под огонь их орудий. Единственное, что нам сейчас останется, это уйти в новую вселенную.

— Нет! — этот крик был первым словом, которое произнесла Ветка после долгого молчания, — разве вы не видите, что они только этого и ждут?

— Что такое? — Касдей непонимающе уставился на нее.

— Конечно, именно так! Это единственный путь для достижения ими победы: направить катализаторы Сарая в далекое будущее, выполнить там уничтожение, а потом опять активизировать.

— Что может быть хуже уничтожения всех катализаторов одновременно? — руки Касдея неуверенно остановились над кнопками пульта управления. — У тебя есть более приемлемые предложения, девочка?

— У тебя на борту нет чего-нибудь такого, чем можно было бы уничтожить корабли врага там, в пространстве?

— Есть небольшое количество космических мин, которое вполне могут уничтожить эти корабли. Нужно только доставить их к ним. У мин нет двигателей, как у торпед. Но, конечно же, ра не будут ждать, пока мы подлетим поближе и выпустим мины.

— Субинспектор Джим, — девушка обратилась к Вилдхейту, — Как мы можем воспользоваться этим оружием?

— Сколько времени необходимо для постановки этих мин в пространство? — в свою очередь спросил Вилдхейт.

— У них имеются баллоны со сжатым газом, которые обеспечивают выпуск мин непосредственно с борта корабля. А нам нужна минута, чтобы выйти в точку, где должны появиться крейсера.

— Значит трудность заключается в том, чтобы появиться точно за одну минуту в точке согласно предсказаниям Хаоса. Это можно сделать Ветка?

— Я могу провести на место, указанное узорами Хаоса, и дать координаты точки. Но чтобы Хаос остался в равновесии, необходимо остаться в таком положении не менее минуты.

— Но почему?

— Поскольку необходимо следовать предсказаниям Хаоса, мы должны там находиться. Если мы этого не сделаем, узор Хаоса изменит точку нашего выхода в пространство, и мы не попадем туда, куда нужно.

— Это превосходит возможности моего разума, — пожал плечами Вилдхейт. — Однако, нам ничего не остается делать, как поверить тебе на слово, Ветка. Как, Касдей?

— Очень большой риск, — покачал головой Касдей. — Если девушка ошибается, и мы будем торчать там целую минуту, это будет равносильно смертному приговору.

— Я не могу ошибаться, идиот! — голос Ветки был спокоен. Однако Вилдхейт заметил на ее лице появление необычайно гневного выражения. Он не мог решить, была ли это обида на недоверие к ее способности или Касдей дотронулся до какой-то другой болевой точки. Опасаясь, чтобы этого не произошло во второй раз, он перехватил инициативу в разговоре.

— Джегун! Необходимо срочно активировать мины! — приказал он. — Сообщи нам, как только закончишь работу. Касдей, установи время, согласно указаниям Ветки. Ветка, как только Джегун будет готов, дай нам координаты!

— Зачем действовать так категорично?

Касдей все еще пребывал в нерешительности.

— Какой толк от катализатора, если он не влияет на реакцию? Мы сейчас не в состоянии ответить огнем на огонь, но можем повлиять Хаосом на Хаос!

Когда Ветка отдала приказ, звезды вспыхнули на экранах внешнего обзора, но больших кораблей ра еще не было. Джегун, согласно команде, выпустил серию мин. Было отчетливо видно, как они мчались вперед, оставляя за собой струи замерзшего газа. Потом все стало тихо. Контрольное время истекло, но ничего не произошло.

Разочарованный Касдей медленно наливался гневом.

— Разве я не говорил, что это ошибка? Теперь мы даже не знаем, когда они нападут на нас!

— А может быть, наши действия вынудили их совершить дополнительный прыжок в пространство? — спокойно спросила Ветка.

— Что??? — Касдей замахнулся, намереваясь ударить ее по лицу. Девушка неуловимым движением парировала удар и вывернула ему руку. Не ясно, чем бы все это кончилось, но тут на экранах возникли гигантские звездолеты противника.

Одновременно с этим начались взрывы. Все корабли взрывались такими яркими цветами огня, что компьютер вынужден был пригасить изображение на экранах.

Прошло почти две минуты, пока снова можно было смотреть на звезды. От вражеской эскадры осталась чудовищная груда металла, беспорядочно вращающаяся по невообразимым орбитам.

— Уходим отсюда!

Асбель занял место за пультом управления. Касдей, бледный и хмурый, молча нянчил больную руку и яростно пожирал глазами нисвероятно спокойную Ветку.

— Ты, паршивая сучка! — наконец смог он выдавить из себя. — Зачем ты это сделала?

— А ты думал, что я буду стоять и ждать, пока ты ударишь меня? Так вот, заруби себе на носу, что я знаю наперед все твои действия, еще до того, как ты только думаешь их предпринять! Если еще раз ты или кто-нибудь из твоих дружков будут намереваться сделать что-то подобное, я просто убью его!

— Что? Что ты себе воображаешь? Ты...! — Касдей не верил своим ушам. Он был ошарашен заявлением этой девчонки. — Ты еще не знаешь, какая судьба ждет тебя, паршивая...?

— Он поднял здоровую руку и только тут заметил, что ствол лучемета, который сжимал в своей руке, направлен ему прямо в живот.

— Хватит! — крикнул субинспектор. — Разве нам мало тех врагов! — он махнул рукой в сторону экранов. — Я не осуждаю тебя, Ветка. Однако учти, что нам нужны союзники в борьбе с ра. Понятно? В тепер, Джегун, помоги мне. Нужно зафиксировать руку Касдея.

— Ты командуешь на моем корабле? — закричал Касдей.

— Не потому что мне хочется этого. Если между нами начнутся разногласия, мы погибнем, разве тебе это не ясно?

— На каком основании ты считаешь что можешь командовать здесь? — не унимался Касдей.

— Послушай, Ветка и я в течение нескольких часов уничтожили столько звездолетов ра, сколько ты не смог сделать за все семьдесят веков своей с нами борьбы! Разве это не довод?

— Да, но...

— Если оставить тебе полную свободу действий, то ты еще семь тысяч лет будешь убегать от них, но учти, в конечном счете тебя все же догонит смерть. А я не могу и не хочу позволить такую потерю времени. Ты сам предложил об"единить наши усилия. Я согласился, но при этом я ставлю сейчас условие: пока работа не будет выполнена, все приказы буду отдавать я. Потом вы сможете пойти своим путем аж до самого ада, в таком темпе, в каком тебе захочется. Но сейчас это решаю я!

Касдей криво улыбнулся. Он чувствовал боль в плече и не был настроен спорить.

— Хорошо. Будь по-твоему. Только пускай эта дура не путается у меня под ногами. В противном случае, я покажу ей некоторые приемчики, предугадать которые она не сможет.

Вилдхейт краем глаза заметил что Ветка напряглась, готовая прыгнуть как тигрица. Но внезапно она застыла на месте, как памятник, предугадав намерения субинспектора пустить в ход ампулу с газом.

Она повернулась и посмотрела на него глазами, полными гнева и ярости.

— Да, это относится к тебе, Ветка, — Вилдхейт был бескомпромиссен. — Может быть, мы все и не идеально подходим друг другу, но в данном случае у нас единственная цель — уничтожить это проклятое оружие Хаоса. И я верю в то, что не позволю кому-нибудь стоять у меня на пути. Можно ли установить связь с Землей? — обратился он к Асбелю.

— Никакой возможности. Через границу континиума ничто не может пробиться! Связь можно восстановить, как только мы вернемся в космос. А что случилось?

— Сарайя создал эту нашу общность катализаторов и, я думаю, он знает, как нас можно использовать. Сложность заключается в том, что он забыл нам это сказать. Даже при самом буйном воображении трудно уловить смысл в вызове, обращенном целой вселенной, располагая всего одним единственным оружием, хотя и столь эффективным.../ А настолько ли мы эффективны??? — подумал про себя Вилдхейт, но вслух продолжал./, поэтому необходимо как можно скорее узнать, что задумал Сарайя.

Часть вторая

11

— У меня телепатическая связь с Таллатхом. Субинспектор Ховер хочет поговорить с тобой, но перед этим я хотел бы сказать пару слов Таллатху.

Вилдхейт, разбуженный, встал с койки и зажег свет в каюте. Глянул на часы чисто рефлекторно, хотя уже готовил свой мозг к связи.

— В чем дело, Коул?

— То, к чему то готовишься, пугает даже нас, Богов!

— Я ни к чему не готовлюсь. Но прошу говори дальше.

— Такой катаклизм уже был. Многие из нас не выдержали такого испытания. Когда дело касается изменения вселенной, даже измерения меняются, искажаются формы. Многие из нас погибли во время необычайных бурь, которые даже мы не могли понять.

— Оставь космологию, которая не поддается моему пониманию. Что тебе нужно от меня?

— Вопрос касается того, что ты ждешь от меня. В этом измерении ты являешься моим верным и любимым кормильцем. В награду за это я стараюсь время от времени спасать тебя от ошибок, допущенных из-за твоей же глупости. Однако то, во что ты сейчас влезаешь, превышает все мои возможности. Я не смогу помочь тебе там, где ты сможешь оказаться!

— Другими словами, когда дорога станет уж слишком ухабистой, я должен буду рассчитывать только на себя?

— Это верная интерпретация моей мысли. Люди в своей короткой одномерной жизни гордятся возможностью умереть. Я не могу так поступать, я бессмертен, и у меня сложное строение личности. Во избежание потерь я покину тебя, но ты получишь кое-что взамен. Ты можешь вызывать меня в ситуациях, не являющихся смертельными.

— Благодарю. Когда же ты уйдешь?

— Я останусь с тобой до последнего момента. Когда ты поймешь, что меня уже нет, то знай, что надвигается гибель. Сейчас, когда я поговорил с тобой, я начинаю связь с субинспектором Ховером.

— Джим, слава Богу, ты живой! — голос Ховера исходил из уст Вилдхейта. — Дьявольски тяжело уговорить Таллатха выйти на связь. Как он упирался, говоря, что это очень опасно!

— Он не обманывал тебя, Гесс. Как твои ноги?

— Они о'кей. Вчера пробежали целую милю!

— Поздравляю. Уже назначили дату операции?

— О, мой Бог.

— В чем дело, Гесс?

— Джим, как ты думаешь, сколько времени прошло с момента нашего последнего разговора?

— Когда мы установили с тобой контакт, я был на спасательной шлюпке, после старта с корабля рхакья. Думаю, что-то около тридцати часов объективного времени.

— Джим, дружище, выслушай меня внимательно! Тот разговор происходил почти двадцать восемь месяцев тому назад!

— В таком случае ноги уже при тебе?

— Конечно! Что же с тобой случилось?

— Понимаешь, я попал к типам, которые довольно бесцеремонно обращаются со скоростью света. Думаю, что некоторые маневры, совершенные ими, и вызвали такое временное искажение.

— Не понимаю! Где ты сейчас находишься?

— Ты не поверишь в это, Гесс.

— А ты попробуй расскажи.

— Мы находимся в совершенно новой вселенной. — Мы — это я и девчонка, которая предсказывает Хаос, а также симбиот, готовый сложить свои полномочия, и пять типов, которые определили возникновение нашей цивилизации.

— Да, ты прав, я не могу поверить в такую белиберду. Хотя...

— Хотя что?

— Хотя Сарайя стоит возле меня и на все, о чем ты говоришь, кивает головой.

— Он-то понимает. Ведь именно он втравил меня в это. Спроси-ка у него, что еще предусмотрено в этом представлении?

Кто-то громко постучал в дверь каюты.

— Подожди, Гесс. Кто-то стучится.

За дверью стоял Годрели. По его лицу стекал пот.

— Инспектор! Ра выстраиваются для массированной атаки. В пространстве появилось более тысячи их кораблей. Касдей хочет видеть тебя.

— Сейчас иду, — ответил Вилдхейт.

— Так скажи Сарайе, что ра начинают нападение.

— Что за нападение? Какие ра?

— Потом! Скажи, и только. Он поймет!

— Хорошо. Он стал ругаться на чем свет стоит. Подожди, он говорит, что не надеялся на такие действия с их стороны. Перепрыгнув границу между вселенными, они могут вызвать катастрофу. Ты понимаешь это Джим?

— Очень хорошо.

— Он говорит, что нужно немедленно уничтожить Оружие Хаоса. И спрашивает, ты сможешь это сделать?

— Не знаю, но попытаюсь.

— Сарайя говорит, что это не то слово — "попытаюсь". Надо действовать, и решительно!

— Если это в человеческих силах, то я сделаю!

— Отлично. Таллатх начинает нервничать, я прерываю связь. Береги себя, Джим.

* * *

Все собрались в рубке. Светились экраны мониторов, хотя и без них можно было заметить через иллюминаторы огромное количество ярких огоньков движущихся на фоне неподвижных звезд. Предварительная оценка Гадрели оказалась заниженной, поскольку тысяча превратилась сейчас в десятки тысяч, а уже через секунду — в сотни тысяч. Огоньки роились в пространстве словно осы, двигаясь в направлении своей земли обетованной.

Экраны демонстрировали увеличенный и более зловещий вид эскадры. Между ничем не выделяющимися кораблями, которые Вилдхейт опознал как транспортники, летели также многочисленные грозно выглядявшие корабли с вооружением. Это были военные крейсеры. Во главе каждой армады летели огромные боевые звездолеты, от одного такого только чудом увернулся Касдей. Количество вражеских кораблей уже сравнялось с силами Космических Войск Федерации, но конца пока не было видно.

— Это что, в движение пришла вся вселенная? — прошептал Вилдхейт. В его голосе звучала грустная нота.

— Не те масштабы, инспектор, — отозвался Касдей с хмурым выражением на лице. — Это всего-навсего силы пяти звездных систем. В Галактике существует сто тысяч обитаемых звездных систем, во вселенной, по крайней мере, сто миллиардов галактик! Перед нами лишь ничтожная крупинка ра.

— И они боятся Федерации!

— Их корабли не имеют баз в вашей вселенной. И даже если они создадут свои колонии у вас, то задача будет: как обеспечить их население предметами первой необходимости, а не тем, как взять у них что-то. Не забывай, что только некоторые из этих кораблей оснащены настолько хорошо, что могут пролететь между вселенными и вернуться назад. Логически рассуждая, они оказались в невыгодном положении. Корабли Федерации могут атаковать их и, вернувшись на свои базы, пополнить запасы. Ра же должны возить с собой все. Для того, чтобы основать технически развитую колонию, необходимо потратить лет двадцать и не рассчитывать на чью-либо помощь. Поэтому часть флота заведомо списывается на потери. Ее задача захватить плацдарм и, конечно же, удержат его.

Вилдхейт повернулся к мониторам, пытаясь связать вид вооруженных мощных кораблей с рассказом Касдея, считавшего их обреченными на гибель. Он признал, что разница во взглядах могла происходить из-за чуждости их происхождения, однако, здравый смысл сводил с ума при виде беспрерывного золотого потока кораблей, который тек, казалось, из бесконечности.

— Где находится Оружие Хаоса? — спросил он.

— Оно временно помещено где-то на границе вселенных, что ты намереваешься предпринять?

— Я хочу ликвидировать его!

— Ты так же ошибаешься, как и твоя баба.

— Почему? Разве это невозможно?

— Не торопись с решением, пока не увидишь его. Мне кажется, что и ты не представляешь себе его размеры. Это оружие высасывает звезду как ты яйцо! Чтобы послать луч энергии, ра создали кольцо из черных

дыр — каждая массой в два раза больше массы солнца. Когда Оружие начинает действовать, то происходит изменение числа "пи" на протяжении пяти световых лет.

— И все нужно попытаться. Если эта армада попадет в нашу вселенную, то и Оружие Хаоса будет функционировать, тогда ра обязательно победят.

— Почему?

— Ты можешь себе представить более убийственную комбинацию, чем уничтожение такого флота вместе с Оружием? Когда мы доберемся до границ вселенных, можно будет вызвать небольшие катастрофы в определенных местах и тогда...

— Твои слова свидетельствуют о хороших знаниях. Ты удивляешь меня, поскольку до сих пор твои знания о Хаосе были, мягко говоря, поверхностными.

— У меня запоздалая реакция, — улыбнулся Вилдхейт, не желая вдаваться в подробности. — Атака уже началась?

— Спроси у своей прорицательницы. Она ведь очень хорошо знает будущее.

— Откуда такая уверенность?

— Инспектор, я видел, как она остановилась, едва ты подумал о том, чтобы достать оружие. Ты даже мускулом не успел вздрогнуть, а она уже знала твои намерения.

— Ветка!

— Узоры меняются очень стремительно. И я не могу описать это словами. Знаю только, что грядет катастрофа. Но еще есть время для нападения на Оружие Хаоса, так как нет изменения энтропии. Думаю, что есть смысл попробовать.

— Согласен, — кивнул Касдей. — Асбель, давай координаты стыка вселенных. Я хочу, чтобы инспектор сам увидел, на что он замахивается. Лично я не вижу возможностей управиться с таким гигантом, но может быть катализаторы Сарая способны сделать что-нибудь большее, нежели говорит логика.

— Где мы находимся? — спросил Вилдхейт, когда корабль замедлил свой полет.

— Точно на границе двух вселенных, теоретически нигде. — Оказалось, что Асбель является единственным, кто разбирается в вычислениях на компьютере.

— В этой точке мы не принадлежим ни к одной вселенной. Этот район единственный в своем роде, здесь нет звезд, массы, теоретически он безграничен, здесь не действуют обыкновенные законы физики. Его границы определяются только скоростью света. Это ни пространство, ни что-либо другое. То есть это ничто в самом прямом смысле этого слова.

— Однако материя может здесь существовать? — Вилдхейт пытался понять Асбеля.

— Конечно, но не нужно обольщаться простотой этого факта, инспектор. Математика этого пространства ошибочна. На предметы действуют обычные законы физики только в определенном положении. Проще говоря, корпус нашего корабля сохраняет закон обычного мира внутри себя. Но снаружи они не действуют.

— И что на практике?

— А то, что это единственное место, где может находиться Оружие Хаоса. Человек смог бы передвинуть здесь планеты движением пальца, словно это воздушные шарики. Они бы двигались в том направлении, куда их толкнули, и остановились бы там, где их остановили. В этом мире можно манипулировать даже черными дырами. Несмотря на то, что они обладают сильным внутренним гравитационным полем, внешняя сила притяжения здесь не действует. Все это, инспектор, создает благоприятные условия для их использования.

Асбель драматическим жестом нажал кнопку. Ожил один из самых больших экранов, на котором тут же возникла захватывающая конструкция. В левом углу экрана, вокруг невидимой оси, безостановочно вращалась большая, аккуратная, ажурная металлическая конструкция, напоминающая гигантский шарикоподшипник, но без шариков. В центре экрана, очевидно на той же оси, что и у вращающейся конструкции, находились огромные блоки аппаратуры, которые ассоциировались у Вилдхейта со старинной электронной лампой. Слои отклоняющих колец управлялись главным электродом этого странного приспособления.

В правом углу экрана на той же оси, виднелась огромная широкая плита, которая вращалась в том же направлении, что и металлическая клетка. Из центра плиты торчал гигантский золотистый стержень, конец которого расширялся как раструб старинного ружья. Немного ниже всей этой конструкции вращались небольшие спутники. Все это освещало четыре небольших солнца, висящих неподвижно, словно связанные невидимой нитью.

— Это и есть Оружие Хаоса? — прошептал, потрясенный Вилдхейт.

— Да, инспектор. А сейчас я покажу некоторые подробности. В этой конструкции находятся, хотя их и нельзя увидеть, десять черных колапсаров, каждый диаметром около двух километров и массой, превышающей массу твоего земного солнца в два раза.

Диаметр всей конструкции около двадцати пяти километров. В центре, вот эта, ускорительная секция, она имеет в длину сто пятьдесят километров, а справа — вихревой реактор объемом пять кубических километров. Стержень выполняет функции коллектора. Звездная энергия втягивается в него со скоростью десять звездных масс в секунду!

— О, черт!

— Полоса излучения, выходящая вон из той конструкции, представляет собой чистую энтропию, очищенную от всех посторонних примесей. Ее энергия так огромна, что несмотря на колоссальное завихрение во время перехода через границу она все же сохраняет способность изменять ход события в определенной точке новой вселенной.

— Но это же бессмысленно! — воскликнул Вилдхейт. — Такая огромная энергия и в конечном итоге такой ничтожный эффект!

— Эффекты являются чем-то общим, зависящим от точки зрения и необходимости, инспектор. Видишь ли, они не занимаются одиночными событиями. Выполняя серию вычислений Хаоса, они вполне могут изменить цепочку событий, которые покажутся им опасными как сегод-

ня, так и в будущем. Сила физических эффектов несоизмерима с очевидностью результатов. И считается только количество изменений, которые удастся им произвести.

Касдей, который стоял в стороне, приблизился.

— Разве ты не понимаешь, инспектор, что уничтожение планеты означает столько же, сколько и потеря гвоздя от подковы, когда в игру включена возможность победить или проиграть в гигантской битве? Должен заметить, что всегда, когда было применено Оружие Хаоса, самые большие катастрофы создавали лишь эффект дуновения. Можно целенаправленно вносить небольшие изменения в ваш пока еще довольно хаотический мир, ожидая, что через какое-то время обязательно возникнет скачкообразное изменение, с образованием нового качества...

— Инспектор! — крикнул Гадриели, наблюдающий за изображением на экране. — Мне кажется, что мы сейчас увидим кое-что интересное!

Все столпились вокруг экрана и Гадриели указал на кольцо тонкой нити, которое возникло неизвестно откуда и, словно невесомое, начало быстро перемещаться в сторону стержня. Найдя его, оно свернулось в спираль, становясь с каждым мгновением все толще, и вот уже это был моток нитей, постепенно растягивающийся в противоположные стороны. Через какое-то время, перед взорами людей предстал уже вибрирующий шнур энергии, лихорадочно поглощаемый раструбом стержня.

— Похоже на то, что готовится какая-то очередная пакость ра! — Асбель явно был под впечатлением от увиденного. — Никогда не видел, чтобы этот процесс протекал столь стремительно! Интересно, что они готовят на сей раз? Если освободить всю эту энергию сразу, то толчок отшвырнет нас на другой конец действительности!

— Ну что, инспектор, расхотелось лезть в пасть к дьяволу? — спросил Касдей. — Внимательно посмотри на все это. Только здесь, на границе, можно убедиться в своем бессилии.

Вилдхейт не слушал его. Коул стал на удивление страшно напряжен. Субинспектор повернулся, чтобы посмотреть на Ветку. Его напугал вид ее напряженного лица. Страх сковал все ее тело. Ее руки спазматически дергались, она пыталась что-то сказать, но голосовые связки были так парализованы страхом, что она не могла даже закричать.

Вилдхейт, лихорадочно пытаясь сориентироваться в ситуации, опять повернулся к экрану. И сразу же причина страха Ветки стала для него совершенно ясной. Оружие Хаоса было направлено прямо на них.

12

Касдей тоже увидел это. Он ринулся к пульта управления, намереваясь увести корабль с линии прицела Оружия и предупредить выстрел. Ветка, придя в себя после шока, крикнула в знак протеста и оттеснила Касдея от пульта. Он оттолкнул ее и схватился за рычаги, но девушка опять помешала ему, схватив за руки.

— Не отводи корабль!

— Отойди, дурная баба! — Касдей с силой оттолкнул ее.

После секундной борьбы Ветка еще больше усилила свой натиск и резким внезапным ударом ребра ладони свалила его к своим ногам.

Гардиели, как загипнотизированный, наблюдал за Оружием Хаоса. Шум борьбы заставил его обернуться. Он быстро вскочил и подбежал к поверженному командиру.

— Что ты наделала? Хочешь угробить всех нас? — закричал он и угрожающе начал подниматься.

Ветка стояла неподвижно.

Гардиели махнул рукой и протянул руки к тумблерам пульта управления.

— Нет! Не трогай их!

Гардиели развернулся в сторону Асбеля, собираясь, очевидно, позвать на помощь. На экране грозно блестело нацеленное на незваных пришельцев Оружие Хаоса, с ошеломляющей быстротой поглощающее гигантское количество энергии. И нельзя было предугадать, когда произойдет выстрел.

Это мгновенное ослабление внимания Гардиели, дало Ветке шанс, который ей сейчас требовался. Она мгновенно нанесла удар в плечо Гардиели, вынуждая его оторвать руки от пульта управления. Он потерял равновесие, и следующий удар, такой же быстрый, что глаз не уловил даже движения руки нападающего, послал мужчину на пол. Вид его неестественно вывернутой головы свидетельствовал, что он, к сожалению, мертв. И в это же мгновение под потолком тихо лопнула ампула с газом. Ветка повалилась на пол. Остальные тоже потеряли сознание.

Пенемо был первым, кто пришел в себя, его руки сразу же потянулись к пульта. Ошеломленная Ветка села на пол и без видимой пользы попыталась остановить его. Сквозь нарастающий грохот двигателей, запущенных Пенемо, Вилдхейт услышал его слова. Они поразили его как удар грома, и он даже засомневался, правильно ли делал, защищая Касдея.

— Вы глупцы! — бормотала девушка. — Разве вы не видите, что именно здесь они не могут причинить нам никакого вреда. Ведь это же так ясно. Вы сами же говорили, что...

Но сделать уже было ничего нельзя. Именно в этот момент корабль покинул сферу, где логика Хаоса не действовала. Когда они выскочили из этого необычного пространства между вселенными, Вилдхейт последний раз взглянул на экран, который демонстрировал изображение выстреленной в их сторону яркой полосы энергии. Где-то на границе скорости света мощная волна чистой энергии угодила в корабль, подхватила его и, закружив, понесла, неизвестно куда. Удар был настолько силен, что даже Коул заверещал от страха.

То, что наступило потом, нельзя описать. К проникающей вибрации, вызванной перепрыгиванием через границы скорости света, добавилась новая, пластичного вида вибрация. Вилдхейт, допуская, что это был вид какого-то резонанса, возникающего на стыке вселенных, по которому и скользил сейчас корабль. Ее сила грозила всем смертью.

Возникающие в конструкции корабля напряжения стали раздирать его корпус на части. Переборки лопались как скорлупа яйца, а металлические обломки обшивки разлетались во все стороны, как снаряды. В рубке все пульты и экраны двигались словно живые, все искривлялось и визуально деформировалось. Появились искры и дым, загорелась изоляция.

Вилдхейт почувствовал, как к его руке прикоснулась женская ладонь.

— Помоги мне, инспектор. Там... — Ветка показала на пульт управления.

Он не знал, что она хочет сделать, но старался облегчить ей путь по разрушенной рубке управления, отодвигая в стороны разрушенную аппаратуру.

Ветка закрыла глаза, концентрируя силы, и наощупь стала искать органы управления двигателями. Это продолжалось до тех пор, пока она не проникла в Хаос настолько, чтобы точно знать, какие последствия вызовут ее действия.

Ее ладони были в крови от ран, нанесенных вибрирующим покоренным пластиком пульта.

Наконец она нашла то, что искала. Отыскивая более спокойные угрозы Хаоса, она медленно вводила корабль в более спокойные течения, чтобы в конце концов привести его в состояние полной неподвижности где-то в тихом защищенном от бурь и ветров энтропии закутке пространства. В момент, когда операция закончилась, Касдей пришел в себя и, поднявшись, с трудом добрал до пульта. Он послушно принял от нее управление, точно выполняя инструкции и, постепенно, по мере уменьшения толчков, выравнивал корабль.

— Инспектор, — Касдей нахмурился, — я виновен в случившемся. Если бы я сразу послушал ее, мы избежали бы всей этой катавасии. И без нее вообще не могли бы выбраться из нее. Я не знаю, как она это сделала, но наши жизни спасены благодаря ей. — Резким движением он схватил руку Ветки и поцеловал окровавленные пальцы.

— Я тоже ошибся, — согласился Вилдхейт. — Однако, она сама спровоцировала нас. Надо было все объяснить, хотя, я думаю, в той ситуации это не помогло бы. Ты уверена, что мы были в безопасности?

— Конечно! Оружие Хаоса без катастрофической потенции, которой можно манипулировать, не является оружием в нашем понимании. Оно может быть применено только, когда мы сами окажемся в ситуации потенциальной угрозы.

— Но несмотря на это, что же тебя так испугало?

— Я увидела внезапный взрыв Хаоса в момент, когда Касдей ударился в панику. Но я увидела кое-что еще.

— Что же?

— Окончательную катастрофу! Это нельзя описать словами.

Пенемо присмотрелся к лежащему телу Гадриели.

— Он мертв! — в голосе его звучало удивление. — Я всегда считал, что его нельзя было побороть, а тем более убить. Интересно, как выглядит учитель этой девушки, который обучал ее на Майю методом ведения рукопашного боя. Да, эта девушка действительно опасна.

— Я же предупреждал вас, — буркнул Вилдхейт. — Однако, я подозреваю, что это только начало будущих событий. Если бы я был одним из ра, то поступил бы с нами более жестоко.

Касдей при помощи оставшихся целых приборов пытался проверить состояние корабля. Его выводы были удручающими.

— Корпус в более или менее хорошем состоянии, воздуха хватает, но это все. Почти вся аппаратура не работает, и хотя двигатели не повреждены, я не решусь еще раз активировать их без контрольной аппаратуры. Вся конструкция может развалиться при малейшем ускорении. Короче говоря, мы находимся в остове от бывшего корабля, который принял свой последний бой. Мы можем рассчитывать только на ближайшую смерть.

— Это немного, — согласился Вилдхейт. — Кстати, в какой вселенной мы сейчас находимся?

— В новой, судя по расположению звезд. Но невозможно определить, в какой Галактике. Принимая во внимание угол, под которым мы пересекали границу, можно находиться в любой точке пространства.

— Каким же образом мы сможем вернуться к Оружию Хаоса?

— Это невозможно! На корабле можно лишь дотащиться в лучшем случае до обитаемой планеты и провести там остаток жизни, пробуя организовать оборону на случай, если ра когда-нибудь обнаружат ее. Существует еще одна возможность — вообще не попасть на обитаемую планету и погибнуть где-нибудь в пространстве от рук ра или своих собственных.

— Значит, сражение проиграно. И в первом и во втором случае. Как ты считаешь, Ветка?

— Я не вижу возможностей каких-нибудь осмысленных действий. Рисунок не указывает на след места в пространстве, где можно было бы укрыться. Поэтому я предлагаю подождать ра. Только они будут нас искать и только они смогут найти нас.

— Ждать Ра? — воскликнул Касдей. — Ничто не утешило бы их, как мы, на борту разбитого корабля. Они с радостью избавились бы от нас.

— Не сейчас, — покачала головой Ветка. — Катализаторы Сарайя уничтожили уже много их кораблей. И мы наверняка заинтересовали их. Они пленят нас, но не убьют.

— Это еще хуже. Знаешь, как Ра относятся к своим пленным? Большой гнев силен как никогда. Мы не за тем скрывались семь тысяч лет, чтобы оказаться в их лапах.

— У нас нет выбора!

— Разве? Мы можем запустить двигатели в закрытый режим, и корабль погибнет в огне, захватив с собой много жизней Ра.

— Ну, беря в расчет их численность, это был бы благородный, но совершенно никчемный жест, — проговорил Вилдхейт, — Во всяком случае, если бы можно было так легко убить нас из реакций Хаоса, они вообще не занимались бы играми с нами. Ветка права. Будем ждать Ра.

— Тебе легко так рассуждать, инспектор. Ты не был гоним тысячами. Мы намерены бежать как можно быстрее, а если они нас настигнут, то должны сражаться до конца. Если ты не присоединяешься

к нам, то можешь возвращаться на свою спасательную шлюпку и ждать, пока Ра не найдут вас!

— В этом и заключается предлагаемая помощь?

— Будем реалистами. Помощь мертвых ни к чему!

— У меня есть задание. Я должен уничтожить Оружие Хаоса. Твой корабль не может доставить меня туда, преодолеть стык вселенных может только корабль Ра. Поэтому я должен буду ждать их, а потом увидим, что делать дальше.

— Только вы двое, инспектор! Это мое последнее слово!

— Нет! Мы все! — рука Вилдхейта легко легла на пояс с оружием.

Касдей напрягся, словно готовясь прыгнуть на инспектора, однако тут же расслабился и ткнул пальцем в экран внешнего обзора.

— Дискуссия велась зря, — произнес он. — Они уже тут.

На экране, который еще функционировал, четким строем летела дюжина огромных военных кораблей противника, а еще один был так близко, что легко можно было рассмотреть все подробности его конструкции.

Касдей бросился к боевому пульта, но неподвижные стрелки приборов, и погасшие лампочки ясно говорили сами за себя. Не было энергии!

Корабли Ра уже окружали их плотным кольцом. Они не торопились, видимо зная, что корабль беспомощен. Затем, вокруг корабля возник бледно-голубой купол, который окружил их старый звездолет, защитным полем.

— Что это? — поинтересовался Вилдхейт.

— Защитный энергетический экран, — ответил Пенемо. — Разбитый звездолет может взорваться в любой момент, поэтому-то они и парализуют экранами любые энергетические процессы на нашем корабле. Потом уже можно делать все, что угодно, без опасения.

— Когда они установят контакт?

— Скоро. Поскольку им попалась богатая добыча, они не станут торопиться и тщательно будут обдумывать свой шаг. Уж их то привычки я хорошо знаю!

— А этот большой корабль? Что в нем?

— Не знаю. По сравнению со своими размерами, он очень слабо вооружен. Может быть, это научно-исследовательское судно?

Пока Пенемо говорил, корабли, образовавшие кольцо, выбросили голубые лучи, которые осторожно, но решительно, потянули изуродованный корабль к гиганту. Открылся огромный люк, и показалась выдвижная причальная площадка. Изнутри гиганта вылетели такие же лучи и потянули звездолет еще интенсивнее. В момент касания площадки силовое поле исчезло. И Касдей тут же пробежал пальцами по пульта управления.

— Зря стараетесь, — покачала головой Ветка. — Узоры Хаоса в данный момент неизменны.

На экране внешнего обзора появилась группа Ра.

— Встречающие или экзекуторы? — спросил Асбель.

— Следователи! — ответил Касдей напряженно. — Если бы они хотели уничтожить нас, то сделали бы это давно.

По корпусу их корабля что-то застучало, и динамики донесли голос, языка Вилдхейт не знал.

— Они приказывают нам выйти без оружия, — прервал Касдей. — У нас в распоряжении две минуты. потом они пустят парализующий газ. Должен сказать, что он вызывает страшные мучения.

— Симпатичные ребята, — Прокомментировал эти слова Вилдхейт.

— Для Ра это необычно. Они привыкли сперва распылять газ, а уж потом предупреждать свою жертву. Поэтому пленных бывает мало.

— Значит, мы выходим, — решил Вилдхейт. — Нельзя гостеприимных хозяев заставлять ждать себя.

Все разделись донага. Ветка очень неохотно, однако уступив взгляду Вилдхейта. Когда они выбрались их шлюза, Касдей поднял высоко руки и растопырил пальцы, показывая, что никакого оружия нет. Когда он подошел к ожидающим Ра, на шею и плечи ему опустился хомут, который зафиксировал руки и половину туловища в определенной позиции. Остальные подверглись точно такой же процедуре.

Зазвучал приказ, и Касдей перевел:

— Пошли. Каждый, кто будет выполнять команды нечетко, будет иметь неприятности.

— Что?

— Думаю, что эти штучки, — он указал хомут на своей шее, — действуют на принципе иглоукалывания. Укол должен причинять жуткую боль и парализовать определенную часть тела. Можно будет только молить о смерти, как о благе.

Касдей первым двинулся вперед, нырнув в дверь, скрытую в глубине шлюзовой камеры.

Они оказались в какой-то комнате. Вилдхейт по пути задумался, зачем пленников заковали в ярмо, хотя было бы значительно проще применить наручники. Но в этой комнате он понял, почему. Ярма были прикованы к металлической раме, которая тут же была поднята вверх. Головы людей оказались на одном уровне. После этого Ра вышли и сейчас же из всех стен и потолка хлынули потоки жидкости. Удары струй заставляли дрожать людей как марионеток.

— Что это? — закричал Вилдхейт, пытаясь перекрыть шум воды.

— Смесь унижения с обеззараживанием. — Касдей с трудом раскрыл рот. — Сейчас будет еще интереснее.

Когда распылители перестали действовать, камеру начала наполнять светло-желтая жидкость. Ее уровень быстро повышался, температура воздуха становилась невыносимой. Жидкость издавала сильный, неприятный запах, от которого першило в горле, затрудняя дыхание. Жидкость поступала под таким давлением, что на поверхности образовывались волны. Пленникам угрожала возможность захлебнуться, когда уровень поднялся до горла.

В результате очередного, мощного подъема уровня жидкости они оказались накрытыми с головой. Это продолжалось какие-то мгновения, но людям все показалось, что они утонут. Однако тут же жидкость резко пошла на убыль, и Вилдхейт с удивлением заметил, что он и его товарищи оказались выкрашенными в золотисто-желтый цвет.

Но и это был далеко не конец. Все еще в ярме, Вилдхейт внезапно почувствовал, что пол камеры начал медленно вращаться. При свете целой батареи рефлекторов началась экзекуция, что-то вроде меди-

цинского осмотра. Людей исследовали с помощью зондов, причиняющих сильную боль, на которую реагировал каждый мускул их тела. Вилдхейт, пройдя исследование, с сочувствием подумал о Ветке, которой без сомнения причиняли такую же боль.

Вскоре процедуры закончились. Субинспектора провели в небольшое помещение, где ему выдали желтого цвета одежду, а ярмо было зафиксировано в стене в специальном зажиме. Оно располагалось на такой высоте, что пленнику приходилось становиться на цыпочки, чтобы голова не отрывалась от шеи. Касдей и Пенемо, позолоченные и смертельно усталые, были подвергнуты таким же пыткам, что и Вилдхейт. Вскоре привели Асбея и Джегуна, а несколько позже Ветку.

Из всех присутствующих, только она одна сохраняла спокойствие и уверенность. Она появилась перед мужчинами, словно золотая нимфа, внося своим присутствием спокойствие и отгоняя страх.

— Зачем они выкрасили всех нас в желтый цвет?— удивился Вилдхейт.

— Прежде всего, потому, что это единственный цвет кожи, который для народа Ра является естественным. Исторически это имеет связь с легендарными желтыми бестиями, которые в праистории внесли в сущность первобытных Ра примитивные звериные инстинкты. С психологической точки зрения это располагает к совершению преступления. Ра не чувствуют угрызания совести, убивая желтую жертву. Факт, что они сами окрасили ее в такой цвет, замалчивается и игнорируется.

— Присвой кому-нибудь злое имя и ты можешь с чистой совестью его повесить, — заметил Вилдхейт.

— Ха! Ты будешь счастлив, если они повесят нас. Ра не любят делать поблажки своим врагам.

13

Через час гигантский корабль отправился в путь. Нарастающий шум двигателей в конце концов перешел порог слышимости. Вилдхейт подозревал, что они перескочили стык вселенных. Он был доволен этим, поскольку Ра смогут доставить его поближе к Оружию Хаоса. Законченный в ярмо, заточенный в стенах звездолета, он не мог себе представить, каким образом сможет выполнить свое задание. Реакция Ра на действия Ветки и его самого доказывала, что им предназначалось все же нанести мощный сокрушительный удар по империи Ра. А что может быть разрушительнее, чем уничтожение Оружия Хаоса?

Он уже довольно давно чувствовал себя как-то необычно, так же, как на корабле Касдея, при приближении к порогу скорости света. На этот раз однако, когда они проникли в структуру светового барьера, ощущения были более сильными. Они стояли в очень неудобных позах и это еще более усугубляло нестерпимую боль в каждой клеточке тела.

Все почувствовали облегчение, когда огромный корабль протиснулся между вселенными и болевые ощущения исчезли.

Сразу же Джегун, Асбель, Пенемо и Касдей были увидены стражниками.

— Что видно в узорах Хаоса, Ветка? — спросил Вилдхейт, закусывая губы.

— Окончательная катастрофа. Разум не в состоянии охватить ее величину. Это несчастье, при котором все остальное блекнет.

— Причиной ее является уничтожение Оружия Хаоса?

— Трудно сказать, но думаю: что нет.

— Что же это может быть?

— Узоры столь сложны, чтобы их можно было прочесть. Знаю только, что это произойдет.

Вилдхейт задремал.

Время от времени он просыпался, чтобы увидеть, что Ветка не спит и спокойно наблюдает за ним. Он подивился ее внутренней силе, позволяющей ее организму функционировать, тогда как он, физически более сильный, был так измучен, что спал, невзирая на все неудобства.

Его разбудил какой-то мужчина, видимо врач. Он осмотрел плечо Вилдхейта, на котором сидел невидимы Коул, после чего стал заглядывать в свои записи, сравнивая видимо их с увиденным. Он не нашел ничего достойного внимания, так как его осмотр был весьма поверхностен и он не увидел сидящего симбиота.

Позже привели Касдея, ярма на нем уже не было. Физически этот человек не пострадал, однако, глаза у него были такие испуганные, словно он переживал что-то, что полностью лишило его разума.

— Инспектор! Теперь твоя очередь и твоей девчонки. Я буду играть роль переводчика. Таким образом я выиграл пару часов жизни.

— А остальные трое?

— Они не представляли для Ра никакой ценности. Большой Гнев сейчас перерос в Большое Любопытство. Интерес к тебе и к этой девчонке, а также к той угрозе, которую вы представляете для Хаоса пересилили желание немедленно покончить с вами. Они не могут поверить в существование такого мощного каталитического эффекта, а также подвергнуть сомнению вероятность осуществления их собственных предсказаний.

— Скажи им, — отозвался Вилдхейт, — что я требую снять с нас эти хомуты!

— Они накажут вас даже за попытку подумать об этом, — возразил Касдей.

— Кроме всего прочего, скажи им также, что они должны информировать обо всем их командира!

— Зачем это тебе?

— Судя по тому, что ты рассказал, Ветка и я являемся для них чем-то вроде легенды. А хорошая легенда не должна умереть.

— Думаю, что мне сохранять жизнь, чтобы я смог пересказать ее, — неуверенно пробормотал Касдей. — Нужно попытаться.

Он повернулся к охранникам и стал что-то втолковывать им подробно и быстро. Наконец, один из них вышел. Вскочил он через десять бесконечно длинных минут. За ним шел Ра, видимо, высокого ранга.

— Ты доставил им беспокойство, — спокойно проговорил Касдей. — Ошейники они сейчас снимут.

— Отлично! Будь праведным переводчиком, Касдей. Переводи не только смысл слов, но постарайся передать им также и наше настроение. И ничему не удивляйся.

— Хотел бы я знать, что ты задумал, инспектор.

— Я хочу воспользоваться нашими козырями. Так, как только смогу. Именно этому и обучают инспекторов в школах. Тебе разве не казалось странным, что для того, чтобы остановить надвигающуюся войну, Федерация ограничилась посылкой одного единственного человека.

Офицер высокого ранга, который пришел со стражником, внимательно следил за тем, как снимают с Ветки и с Вилдхейта ошейники. Субинспектор внимательно присматривался к офицеру, выбирая план действий. Лицо Ра было обезображено глубокими морщинами, массивный, как скала, череп, был покрыт серо-стального цвета волосами и, видимо, хранил в себе колоссальный интеллект. Этот Ра, без сомнения, был существом незаурядным.

Ветка и Вилдхейт были препровождены в обширное помещение с ослепительно белыми стенами. Им приказали стать на небольшом возвышении, находящемся в центре комнаты. Офицер сел за стол и подпер голову рукой. Вооруженные охранники, по трое под каждой стеной, держали пленников на мушке, Касдей стал в стороне от линии огня, на случай, если спровоцированный инспектором Ра прикажет пристрелить пленников.

— С кем я говорю? — Вилдхейт сразу же перешел в атаку.

Офицер скривился, явно разочарованный:

— Перед тобой землянин, Командующий флотом. Командор Зекиль из Научного Общества Военных Сил Ра. Я специалист по Хаосу, инспектор.

Касдей переводил очень точно, стараясь передавать каждую интонацию в голосе.

— Несмотря на это, мы найдем общий язык, — улыбнулся Вилдхейт, потирая подбородок. — Мы ведь также специалисты: Ветка — по Хаосу, а я — по обороне Федерации. Это удача для вас, командор, что вы проявили терпение, в противном случае, я имел бы все основания обижаться на ваше гостеприимство. Понимаю, что вам необходимо вести себя осторожно, но должен сказать, что у вас совершенно отсутствуют факты о том, что вы делаете.

— Ого? В самом деле? — Зекиль рассмеялся. — Понимаю, ты очень против того, что так разозлило тебя. — Касдей очень точно передал сарказм, звучавший в устах командора.

— Вовсе нет! — улыбнулся Вилдхейт. — Это была ошибка, которая пойдет нам на пользу. Желтые бестии существовали и в нашей истории. Однако, мы все же не выросли из своих легенд. В результате из всех живых существ остались только они. Таким образом, вы помогаете нам представить себе не только своих предков, но и потомков. Поэтому получается, что мы выказываем покорность.

Зекиль нахмурился, по его лицу пробежала гримаса гнева. Он посмотрел на Касдея, убедившись, что перевод был верен. Затем перевернул стопку лежащих на столе белых пластинок.

— Я не ожидал подобного. Ничто не указывает на мегаломанию или чересчур развитое желание умереть. Поэтому я прихожу к выводу, субинспектор, что ты играешь со мной. Это очень нерассудительно, с твоей стороны. Думаю, что ты еще пожалеешь об этом.

Жестом он подозвал стражников.

— Уведите инспектора, — приказал он, — и примените к нему что-нибудь такое, что собьет с него спесь и сделает более послушным. Я хочу видеть его на коленях, просящего о пощаде. Заберите и девушку. Она была свидетелем этого разговора. Позже, я продолжу начатое.

— Ты несносный глупец! — яростно закричал Касдей, тыча пальцем в лицо Вилдхейта. — Ты затронул его самое больное место, вспомнив о желтых существах. Или ты в самом деле посчитал, что он сможет снести это?

— Сейчас нет, но вскоре да! — ответил Вилдхейт когда они остались одни. — Но сначала нужно, чтобы он немного размяк. Стражники опять водрузили ярмо на шю Вилдхейта и вывели в соседнее помещение. Там хомут был укреплен в специальных захватах, а ступни зафиксированы в замках. Один из Ра, на вид специалист в этом деле, начал нагревать в термопечи длинный металлический стержень. Потом повернувшись к жертве, начал внимательно изучать его бедра и плечи.

— Инспектор, советую сейчас же попросить о милости, — поспешил скороговоркой Касдей. — Тогда может быть это кончится безболезненно.

— Переводи! — приказал Вилдхейт. — Ты не поймешь это, но все идет по плану.

— О, ангелы, космоса, если бы ты только знал, что они сделают с тобой.

— Это я хорошо знаю, но они не знают, что припасено у меня.

Ра-специалист схватил прут, раскаленный добела, и приблизил его к глазам инспектора.

— Ну, посмотрим, желтjak, сколько ты продержишься, пока не загнешься! Большинство выдерживает только три сеанса. Видишь, все искусство заключается в том, чтобы знать, где приложить эту штуку для достижения максимального эффекта.

— Я не советую тебе это делать, — холодно произнес Вилдхейт.

— Инспектор, заклинаю тебя во имя всех демонов космоса! — Касдей, охваченный ужасом, посмотрел на Ветку, ожидая ее поддержки. Однако лицо девушки хранило полное спокойствие.

Ра положил уже остывший прут обратно в огонь. Поддержав его минуту, он быстро вытащил и приложил к бедру инспектора. Горящее тело зашипело, издавая характерный смрад. Раздался душераздирающий вопль, однако издал его сам Ра, когда прут вонзился в его руку. Долго секунды он ошеломленно уставился на него, пока до мозга доходила невероятность случившегося. Это была ужасающая правда — прут пронзил его руку, выжигая в плоти огромную дыру.

Когда это окончательно дошло до его тупых мозгов, он завыл от ужаса. Может быть, именно тогда мелькнула и пропала фигура отвратительного существа, которое жило на плече субинспектора. Трудно угадать, понял ли палач то, что увидел, во всяком случае он что-то

крикнул на диалекте, которого не знал даже Касдей, и выбежал из комнаты.

— Спасибо тебе, Колу, — облегченно вздохнул Вилдхейт. — Ты сделал хорошую работу.

— Я обещал тебе, что скоро покину тебя. Однако, думаю, что время пока не наступило.

В помещение ворвались трое охранников, а через порог в комнату заглядывал палач с перевязанной рукой. Двое Ра подошли к инспектору, третий опасливо, постарался зайти сзади.

— Они спорят из-за того, что сидит на тебе... — Каждый сам еще не понимал того, что произошло.

Два стражника тщательно осмотрели шею и плечи Вилдхейта. Конечно, ничего не найдено, хотя Коул находился там, безусловный и невидимый.

Палач стали уговаривать продолжать пытки, но он отговаривался, объясняя, что не может работать из-за сильной боли в руке. Тогда другой вытащил прут и двинулся к Вилдхейту. Раненый палач быстро отошел в дальний угол комнаты, уверенный, что опять заметил дрожащий силуэт страшилища на плече землянина. Он закричал, протягивая вперед руку, предостерегая своего коллегу. Вилдхейт внезапно ощутил боль в плече. Но страх не охватил его. Он ждал необычного.

Где-то в отдалении раздался шум, похожий на далекий грохот. Охранник с раскаленным прутом остановился и покачал головой, словно этот грохот рождался у него в голове. Следующий звук был более громким и близким. Металлические стены камеры отозвались сильной вибрацией. Один из Ра выбежал из камеры, узнать в чем дело.

Палач с прутом двинулся вперед. А потом ударил гром. Что-то черное как бы взорвалось в камере, нанося вокруг мелкие, но сильные удары. Печь, брызнув искрами, погасла, а прут, который держал стражник, проткнул ему руку. Черная волна или что-то в этом роде оплела помещение скрученными шнурками. Какие-то особые силы подняли вверх все незакрепленные предметы, которые начали с каким-то ужасным ритмом биться с грохотом и звоном о металлические стены камеры. Затем силовая спираль, схватив все эти предметы, свалила также и тела двух охранников. Их лица почернели, но крови не было видно.

Охранник, который ходил смотреть причину грохота, остановился на пороге, ошеломленно глядя в происходящее в комнате. Он схватился за оружие, чтобы убить того, кого считал причиной этого Хаоса — инспектора Вилдхейта. Голос, который принадлежал Экилю, отдал какой-то приказ. Но стражник покачал головой, не соглашаясь подчиниться и выстрелил. И случилось странное. Оружие выстрелило ему прямо в лицо. Он рухнул, заливаясь кровью. В дверях стоял Экиль, боясь переступить порог. В его глазах отразилось глубокое уважение, когда он попытался осмыслить увиденное.

— Для связанного человека ты обладаешь большой силой.

Касдей должен был побороть изумление, чтобы правильно перевести.

— Ну, что же, — сказал Вилдхейт. — Вы можете увидеть, что произойдет, когда у меня будут свободные руки.

Словно в доказательство его слов, ярмо на шее лопнуло и разлетелось на куски, а сковывавшие руки наручники превратились в браслеты. Замки, в которых находились его ноги, рассыпались, превратившись в пыль. Субинспектор при этом не пошевелил пальцем.

— Достаточно? — спросил он. — Может быть, показать еще что-нибудь?

— Думаю, что уже доказал все, что надо. — Что за существо живет у тебя? — Командор не мог скрыть своей заинтересованности.

— Как я уже говорил, командор, я представляю ваших предков и потомков. Я одно из желтых существ, которые раздражали вас в прошлом, раздражают в настоящем и будут раздражать в будущем.

Зекиль, покачивая головой, провел Вилдхейта в большую белую каюту. Там он усадил инспектора в кресло, а сам остался стоять возле стола. Стоявшие по углам стражники нервно переступали с ноги на ногу, но нацеливать оружие на Вилдхейта не отважились. Видимо, они уже были наслышаны о судьбе своих товарищей, которые пытались причинить вред инспектору.

Вилдхейт внимательно наблюдал за офицером.

— Я понимаю, что еще не убедил вас, командор. Это неосмотрительно, с вашей стороны, подозревать меня, хотя и бездоказательно, каким образом я сделал это. Чтобы вы сказали на еще один пример того, какая большая разница в классе разделяет нас.

— Это сумасшедшие.

— У вас есть люди, тренированные для рукопашного боя?

— Да, и много.

— Назначьте троих, которые рискуют начать рукопашный бой. И назначьте еще человек пятьдесят из экипажа в качестве свидетелей. Это шанс для вас. Только так можно уничтожить рождение новой легенды.

— Только трое против тебя и твоей магии, инспектор? Это ловушка, в которую ты меня тащишь! — Зекиль задумался.

— Вовсе нет! Я предлагаю троих парней против моей девушки.

— Насколько я знаю, она не располагает легендарным оружием инспекторов... — глаза Зекиля выражали сомнение. Он посмотрел на стражников, которые с интересом прислушивались к разговору, делая вид, что не слышали ни слова. — Но если я не соглашусь, то явно поддержу легенду. Я согласен на твой блеф, инспектор. Посединок проведем так, как ты говорил. Поскольку я не знаю, что ты хочешь этим достигнуть...

— Спросите, что вам надо потерять, если моя девушка одолест ваших парней, командор. Ты согласна, Ветка?

Когда их взгляды встретились, она была спокойна и попыталась скрыть лукавое выражение лица, но ей все же не удалось погасить ухмылку.

— Ты старый хитрый лис, инспектор Джим, — прошептала она.

— Я должен учитывать общество, в котором мы находимся.

— Хитрый или нет, — пожал плечами Зекиль, — но на этот раз вы падете жертвой своего же шантажа.

Командор позвал офицера и отдал ряд приказов. Вскоре собранные люди начали формировать шеренги. Неудержимое веселье от такого неожиданного развлечения сдерживалось только присутствием старон Зекиля.

Когда все разместились вдоль стен, по оценке Вилдхейта, их было не меньше сотни, командор приказал выйти бойцам. Крупные, мускулистые тела, однако легкие шаги борцов свидетельствовали о их быстроте и мгновенной реакции. Смеясь, они шутили между собой, ставя пари, как быстро умрет эта желтая бестия женского пола.

Ветка стояла в центре низкого круглого возвышения, спокойно наблюдая за приближающимися мужчинами. И только глаза говорили о сильном внутреннем напряжении. Это как-то повлияло на противников, которые задержались перед ней. Зекиль крикнул, подстегивая борцов.

Один из них вспрыгнул на сцену, делая движения руками, скорее стараясь схватить девушку, чем ее ударить. Это было полным идиотизмом с его стороны, за который он тотчас же поплатился.

Ветка безжалостно остановила его. Она сделала неулловимое движение руками и, используя прыжок противника, подбросила его вверх, а затем ударила его телом о край сцены. Парень соскользнул вниз и застыл неподвижно с переломанным позвоночником. Вздых ужаса пронесся над рядами Ра. Оставшиеся двое бойцов, оценив степень опасности, мгновенно протрезвели. Забава, на которую они рассчитывали, потеряла свою привлекательность и оказалась борьбой не на жизнь, а на смерть. Они коротко посоветовались между собой, затем один двинулся вперед, принимая боевую стойку. Ветка внимательно следила за ним. Положение ее тела и весь вид говорили о том, что она не готова к обороне.

Но нападавший Ра не дал обмануть себя. Внезапно он сделал прыжок и нанес один-единственный удар, который должен был убить ее.

Страшный удар этот, однако, попал в пустоту. А девушка оказалась возле него, за ним, вокруг него, исполняя какой-то фантастический танец, хореография которого строилась на предупреждении и угадывании движений противника. Сбитый с толку, совершенно дезориентированный и злой из-за того, что не может сделать ни единого верного удара, Ра неосторожно раскрылся. Последовала короткая серия похожих на пчелиные укусы ударов, которые он не мог отразить, что привело его в бешеное состояние. После этого девушка покрыла ударами все его тело. Ее же противник бил наощупь, ослепленный этими точными ударами.

Тем временем последний из бойцов непрерывно кружил вокруг, пытаясь оказаться за спиной Ветки. Он выжидал, стремясь нанести удар сзади. Такая тактика вызывала гневные комментарии у Ра, стоящих возле стен. Однако мастерское разумное избиение человека, убеждало кружащегося вокруг Ра в правильности выбора такого способа ведения боя. Внезапно он сделал выпад локтем, пытаясь ударить противника в позвоночник. В быстром смещении борющихся никто не смог заметить, что же произошло. В результате один из противников Ветки оказался лежащим у ее ног, изо рта у него текла кровь, второй же со странно вывернутыми руками убегал со сцены, сломя голову.

Вопль его товарищей разнесся в воздухе и остановил беглеца. Ветка подняла руку вверх, и тут же наступила мертвая тишина. Она молча указала пальцем на дезертира. Это было позором, что он убегал от желтой бестии. Однако если бы он продолжил бой со сломанными руками, то наверняка погиб бы. Но всеобщее презрение было ужаснее. Он двинулся обратно к Ветке и она одним ударом, почти неслучайным для человеческого глаза, сломала ему гортань.

14

На лице Касдея, стоящего рядом с инспектором отразилось замешательство, смешанное с облегчением.

— Я вообще не понимаю, зачем ты подвергал риску девушку?

— Риск невелик, Касдей. Вспомни, что она сделала с Гадриллом! Ведь Дабрия лично учил ее, и она знает, какие удары можно наносить и какие отражать.

— Да, но она против троих...

— Это неважно. Она обладает одним большим преимуществом, которого нет у Ра. Она может предугадывать время и точное положение руки или ноги во время удара и даже предвидеть то решение, которое примет ее противник. В сравнении с ней, Ра были просто слепыми. Ко всему еще Ра являются убийцами благодаря тренингу, а Ветка приобрела эти способности инстинктивно. Думаю, что когда-нибудь она попробует убить и меня.

Командор Зекиль, лицо которого нахмурилось от гнева, взял Вилдхейта под руку. Люди, наблюдавшие за поединком, смешались, сбились в кучу, стали спорить, высказывая симпатии к этой желтой бестии.

— Инспектор! Берите девушку и идите за мной! — приказал Зекиль. — Я хочу кое-что сказать вам.

Вилдхейт подал знак Ветке, чтобы она присоединилась к ним.

Несколько охранников за ними было двинулись, но Зекиль остановил их взмахом руки, и они быстро пошли по коридорам. Вскоре они вошли в большую, хорошо обставленную каюту; командор захлопнул дверь и заговорил, обращаясь к Вилдхейту.

— Мы должны договориться с вами, инспектор. Возможно, у вас есть нечто защищающее вас, возможно... Да, можно даже предположить, что убить вас невозможно. Но что касается лично меня, я все же попробовал. Согласно нашим вычислениям Хаоса, вы оба являетесь самым мощными из известных катализаторов. Я свидетельствую, что сила вашего взаимодействия абсолютно несоизмерима с силой двух нормальных людей. Но это индивидуальное преимущество является всем, чем вы располагаете. Вся эта болтовня о желтых бестиях является ложью, чистым вымыслом.

— Вы можете верить или не верить, — кивнул Вилдхейт. — Однако, я готов поспорить, что среди нижних чинов вашего корабля легенда уже начинает обрести новую жизнь. В каждой культуре существует

тайное поклонение своим божествам, поскольку существо никогда не может сравниться со своим богом.

— Ага! — Зекиль тотчас же вступил в спор. — Я считал, что это какая-то социологическая несуразность. А тем временем вы доставили мне много неприятностей. Вы заразили моих людей страхами и подорвали дисциплину, которая всегда царила на корабле. Вы оказываете губительное влияние, которое нельзя остановить, и я прихожу в бешенство от того, что тебя нельзя ликвидировать. Нужно будет провести большую работу, чтобы уничтожить результаты действия такого катализатора.

— Конечно, это дилемма, — поддакнул Вилдхейт.

Существенно, но вскоре мы разберемся и с этим. Я хочу сделать анализ твоих способностей на палубе моего корабля. Я переведу вас на научную станцию по изучению Хаоса, там дисциплина не на высоте и вы не очень повлияете на нее. Если вы будете работать с учеными, то мы сохраним вам жизнь. Но если вы будете продолжать свои штучки, мы уничтожим вас, невзирая ни на что! Предупреждаю вас, инспектор, оставайтесь в каюте и не пытайтесь давать представлений, потому что я лично прослежу, чтобы вас выбросили в пространство как мусор.

Командор вышел, хлопнув дверью. Вилдхейт пожал плечами и начал ходить по каюте.

— Я говорил тебе, Касдей, что все будет по-моему?

— Я был бы счастлив, если бы узнал, что это значит "по-моему". Не только Ра пережили сегодня несколько потрясений... Еще не было пленников, которые оказались закрытыми в каюте командора. Это свидетельствует о впечатлении, которое вы оказали на Зекиля. Я очень хотел бы услышать, как он попытается защититься от желтых бестий.

Вилдхейт внимательно рассматривал какой-то пульт, В его верхней части был смонтирован шестигранник, похожий на экран.

— Ты сможешь это включить? — спросил он Касдея.

— Немного сложно, но символы инструкции достаточно простые. Что ты хочешь увидеть?

— Может ли этот экран показать изображение из навигаторской рубки?

— Зачем?

— Я хочу знать, где нас хотят оставить

— Мы наверняка попали в стык между вселенными, но не перешли на ту сторону. Скорее всего мы находимся между двумя вселенными. Единственно верной является информация, что нас доставят на научную станцию.

— Почему ты так решил?

— Зекиль говорил об изоляции там, где дисциплина не очень поддерживается, Скорее всего это космическая станция, а не исследовательская база на какой-нибудь планете.

Во время этого разговора Касдей регулировал пульт командора. Он включил уже несколько изображений, показавших внутренности корабля. Затем он включился в банк информации. Наконец появилось изображение звездных систем с границ вселенных.

— Не на что смотреть, хотя это и не означает, что там ничего нет. Космическая станция — это очень маленький объект.

— Какую ширину имеет стык вселенных?

— Пенемо мог бы объяснить это лучше меня. Я же могу сказать только так — границы стыка ограничены скоростью, а не размерами. Это необычайно загадочное место.

Видхейт сел за пульт и уставился в пустой экран. На экране не было ни малейшего движения, и только в сознании инспектора огромный корабль мчался к далекой точке, которую нельзя было увидеть. Наблюдение за экраном становилось все более утомительным и никчемным. Субинспектор устроился поудобнее в кресле. Его внимание ослабло, и в конце концов Видхейт погрузился в дремоту.

Разбудил его вой аварийных сирен. Его взгляд упал на экран, он внезапно вскочил и позвал Ветку и Касдея.

— Идите сюда и посмотрите, куда мы попали.

Глазам наблюдавших открылась фантастическая конструкция Оружия Хаоса. Подробности конструкции становились все четче, по мере того как корабль подлетал ближе.

— Что же, это удачное стечение обстоятельств!

— Я не верю в то, что мы счастливики, — возразил Касдей. — Мы должны подумать. Факт, что научная аппаратура находится в непосредственной близости от мощного Оружия, не имеет существенного значения. Важнее всего характер этого соединения.

В границе вселенных не происходят физические явления, это спокойное состояние материи, благодаря которому можно точно изучить изменения Хаоса. Подозреваю, что Зекиль поэтому и ведет свой корабль ко стыку.

Они помолчали, чувствуя уважение к громаде Оружия. Прошло несколько часов, в течение которых между кораблем и одним из спутников реактора сновали челноки. В кабину принесли еду. Принесли также скафандры, которые наполовину скрыли желтый цвет кожи.

Субинспектор долго рассматривал Оружие Хаоса. Касдей показал как регулировать изменение изображения, пользуясь телеоптикой, чтобы охватить всю конструкцию.

Конструкция Оружия была невероятной, но еще более захватывающей была ее работа. Вся система, включая и расстояния между частями, имела около двухсотпятидесяти километров. Сейчас Оружие не действовало. Была видна внутренняя часть огромного стержня, в который вливалась звездная материя. Материал, из которого все было построено, немного выщербился из-за действия постоянно текущей звездной плазмы.

Зекиль, вернувшись, застал Видхейта, сидящим за пультом и зачехленным зрелищем. Зекиль покачал головой.

— Если мы еще когда-нибудь захватим корабль с субинспектором на борту, я отдам приказ тут же уничтожить его. Думаю, что еще одну такую встречу я не переживу. Инспектора и девушку мы передаем на нашу лабораторию по исследованию Хаоса, — обратился он к Касдею. — Там займутся исследованием их способностей. Вы будете выполнять обязанности переводчика и таким образом можете быть получите приговор.

— Понимаю, — произнес Касдей.

— Я не думаю, что вам удастся бежать. Бежать по-просту некуда. Шансы выжить у вас прямо пропорциональны степени сотрудничества с нами. В шлюзовой камере вас ждет челнок. Собирайте остальных и дайте на посадку.

Касдей, слегка ошеломленный неожиданно свалившейся свободой, двинулся за своими людьми. Вскоре они все собрались у входа в шлюзовую камеру. Их сопровождали Зекиль и два охранника. Через несколько минут челнок стартовал в космос, делая сложные маневры для уравнивания скорости своей и спутника, расположенного в кольце Оружия Хаоса.

Маневр выхода на орбиту был выполнен блестяще. Вскоре они уже ступили на палубу стального мирка станции. Тянущиеся бесконечные коридоры привели их в гигантский зал, забитый аппаратурой, назначение которой было неизвестно инспектору. Стало еще раз ясно, что наука Ра шагнула далеко за пределы достижений ученых Федерации. Осмотр лабораторий и помещений обслуживания с точки зрения конструкций и их приспособленности к потребностям человека оставили впечатление чего-то футуристического.

Ветка, Вилдхейт и Касдей были отделены от троих спутников и проведены в обширный зал, заполненный рядами кассет, которые напоминали театральный зал в виде амфитеатра. За полукруглым столом сидела группа людей. Субинспектору, Ветке и Касдею приказали встать перед столом.

Один Ра встал и внимательно посмотрел на Вилдхейта.

— Ты знаешь, почему тебя привели сюда, инспектор? — внезапно задал он вопрос.

— Конечно. Я здесь за тем, чтобы уничтожить вас!

Среди собравшихся поднялся шум. Зекиль покачал головой.

— Откуда такая уверенность, что тебе удастся уничтожить нас?

— Это записано на узорах Хаоса.

— Узоры можно по-разному интерпретировать. Существуют разные способы манипулирования и подстановки, благодаря которым исполняется выравнивание Хаоса без предварительного предсказания.

— Но не в этом случае!

— На каком основании ты так считаешь?

— Поскольку вы стоите перед лицом катастрофы, — произнес инспектор, поглядывая на Ветку. — Это будет катастрофа, перед которой бледнеют все остальные несчастья. И ничего нельзя изменить или подставить. От вас все равно ничего не останется.

Наступило долгое гнетущее молчание. Потом заговорил один из Ра.

— Можешь верить мне или нет, — начал он, — но наше предсказание совпадает с вашим, однако у нас есть много данных об изменениях разных интерпретаций, и мы намереваемся использовать их.

— Тонуций хватается за соломинку, — усмехнулся Вилдхейт.

— Не скажи. У вас есть необычная сила, катализатор Хаоса. И мы понимаем, что убийство вас не прервало бы катализа. Смерть такого человека скорее ускорит реакцию. Поэтому мы намереваемся проводить на вас анализ Хаоса, чтобы определить характер ваших спо-

собностей, и управлять катализом так, чтобы уменьшить размеры разрушений.

— Этого вам не удастся, — возразил Вилдхейт. — Узоры уже сложились, и в них нет будущего для Ра.

— Несмотря на это, мы впишем в них, что надо, инспектор. Собственно, мы у вас узнаем, как это сделать. Благодаря тому, что мы исследуем вас, мы не только сможем продолжить наше существование, но и изменить всю нашу историю. Думаю, что теперь нам лучше заняться практикой, поскольку время идет, а у нас очень много работы.

Клетка, в которой находился Вилдхейт, была сделана не только для того, чтобы заточить человека, но и как лифт, с помощью которого можно было переносить пассажира, то есть его, Касдея, в один из залов, набитого всевозможной аппаратурой. Закрытый в этой шаровидной клетке он был высоко поднят в воздух. На ум невольно приходили средневековые способы пыток. Один из них заключался в том, что человека поднимали в клетке и оставляли там висеть, чтобы он постепенно умирал от жажды, голода, холода, становясь добычей стервятников. Место, предназначенное для клетки с Вилдхейтом, было менее прозаическое.

В гигантском блоке со сторонами в пятьдесят квадратных метров, сделанном из какого-то прочного материала находилось выпускное отверстие. Под прямым углом к стене между сторонами шестигранника был проложен округлый туннель. Клетка осторожно опускалась на дно колодца до того места, где туннель пересекался с ним. Шарообразная клетка устанавливалась на оси вращения в трех измерениях. Внутрь доходил лишь слабый свет извне. Во время короткой посадки субинспектор заметил на концах туннеля излучатели, которые должны были зондировать содержимое клетки.

— Слышишь меня, инспектор? — раздавшийся голос отозвался в стенах туннеля.

— Кто это?

— Пенемо. Я буду твоим переводчиком.

— Что они намереваются сделать со мной?

— Ты будешь изолирован, насколько это возможно, от излучения воздействия энтропии. И тебя подвергнут изменениям энтропии, чтобы определить твои свойства. Они надеются, что смогут очертить границы характера твоего каталитического воздействия.

— Что же это даст им?

— Не знаю. Если Сарайя хорошо выполнил свою работу, то настоящим катализатором является сама станция, а ты — всего лишь посредник, да, именно так. Думаю, что Ра боялся признаться себе в этом, хотя это и не препятствует доказывать им обратное.

— Будет больно?

— Это зависит от поля, которое применят, и от результатов, которые получат.

— Скажи им, чтобы торопились, потому что в этой клетке для популев мои мышцы деревенеют и я их уже почти не чувствую!

У Пенемо не было возможности ускорить действие программы, поскольку аппаратура начала действовать тотчас же. Сначала подул

сильный ветер. Вилдхейт оказался в самом центре миниатюрного урагана. Ветер с ревом пронесся через прутья клетки. Затем начались световые эффекты. На конце туннеля появилась красная пульсация. Непрерывное гудение сигнализировало об очередной фазе исследований, в результате в глубь туннеля были выпущены пучки каких-то излучений, сконцентрированных на инспекторе.

Вилдхейт не знал характера излучения. Некоторое время он ощущал сильное тепло. Затем его поразил электрический заряд. Волосы поднялись дыбом, Решетка клетки начала искрить. Человек отодвинулся как можно дальше от стенок, но искры пролетали между пальцев, грудью, с ушей на шею, с носа на подбородок.

— Как дела? — спросил Пенемо.

— Когда жарится мясо хороший повар всегда добавляет соус. Скажи им, чтобы они немедленно выключили эту штуку, иначе через мгновение я зажарюсь заживо!

— Я попробую, — голос Пенемо звучал неуверенно. Очевидно, ему удалось передать эту просьбу, так как откуда-то из глубин донесся громкий звук и электрический разряд исчез.

— Спасибо! — крикнул Вилдхейт. — Тебе удалось убедить их.

— Это не я, ты сам сделал это, — возразил Пенемо. — Когда они начали изучать будущее, твой показатель Хаоса возрос и начал стремительно уходить в бесконечность. Его увеличение было таким сильным, что они не смогли остановить действие поля, и это стоило потери ценной аппаратуры. Зекиль сходит с ума и считает, что ты сделал это специально, чтобы позлить его.

— Что из этого следует?

— На основании результатов, которые до сих пор я видел, думаю, что твое предсказание относительно последней катастрофы остается в силе. Это не все, предсказание говорит, что в момент взрыва ты окажешься где-то вблизи эпицентра. Это доказывает существование ситуационного катализатора, а ты являешься посредником, который вызывает реакцию. Мы не все здесь пришли к согласию касательно характера катастрофы и ситуации, в которой она произойдет.

— Я хотел бы получить немного информации. Они намереваются вытащить меня отсюда?

— Еще нет. Они пытаются смонтировать какое-то новое контрольное оборудование, чтобы провести еще несколько проб с изменением некоторых параметров. В одной точке временного исчисления события абсолютно не вяжутся с первоначальными предсказаниями. Относительно тебя катастрофа должна произойти в течение нескольких дней, тогда как они считают, что это дело лет. Если ты окажешься прав, а они ошибаются, то очень немногие Ра имеют какие-либо шансы увидеть новую вселенную.

Они разместились в одном из крыльев станции, где их ожидал сюрприз — одноместные каюты и общая кают-компания. Охрана носила

чисто символический характер. Кроме редких приходов звездолетов с продовольствием, не было больше никаких шансов на побег. За исключением нескольких особо охраняемых зон, они могли свободно передвигаться по всей станции. И Вилдхейт отлично пользовался этим.

Использование четырех ренегатов Ра в роли переводчиков, означало, что на практике они имели доступ к текстам результатов экспериментов. Одновременно они располагали свободным временем, чтобы изучить станцию и ее связь с Оружием Хаоса. Ценнейшей информацией оказалось то, что здесь программировалось действие Оружия и выбирались объекты бомбардировки. Но системы управления Оружием контролировались другой Станцией, находящейся неподалеку.

Сообщение между орбитальными станциями осуществлялось только через коммуникационные системы и никогда обслуживающий персонал станций не совершал дружественные визиты друг к другу. Это усложняло планы Вилдхейта, который пытался устроить диверсию.

Тем временем напряжение среди технического персонала росло. Согласно подозрениям Пенемо, подтверждалось то, что катализатором Хаоса был сплав ситуаций, а инспектор играл роль лишь посредника. Ра не сумели отыскать результаты в таком нематериальном деле, как теоретическая ситуация. Проводимые ими тесты все ясней указывали на существование причинной связи между Вилдхейтом и катастрофой. Существовали однако и большие расхождения между временными предсказаниями, выполненными Вилдхейтом, и анализом Хаоса, сделанным Ра.

Однако Ра пережили минуты триумфа, когда посвятили свое внимание Ветке. До сих пор ее рисунок Хаоса оставался точно таким же, как и их. И ничто не указывало на надвигающуюся катастрофу, а тем более, что она является ее катализатором. То, что вызывающий их страх катализатор Хаоса делится на две неодинаковые составляющие, было учтено в их новых исследованиях, и они все сильнее убеждались в том, что проблема будет вот-вот решена.

Касдей изменил свое представление о Ветке. Его злило то, что она охотно работала с Ра во время тестирования, а также то, как они дискутировали с техниками по поводу результатов исследований. Когда он укорил ее за это, она отделалась ничего не значащими замечаниями и перестала обращать внимание на него. Если бы Зскиль не помирил их, то, без сомнения, вскоре произошел бы окончательный разрыв.

Во время, отведенное для отдыха, прибыла группа охранников, которые забрали с собой Ветку, Асбея и Джегуна и переправили их на грузовой корабль, пришвартованный к одному из шлюзов. Их отправили в неизвестное место, оставив Вилдхейта, Касдея и Пенемо в отчаянии и гневе.

Вместе с отлетом Ветки у них забрали ключ, благодаря которому они намеревались осуществить свои планы. Внезапно вся затея показалась им никчемной, а перспектива быстрого приближения катастрофы менее

реальной, чем стопки диаграмм, из которых вытекало, что произойдет она в более отдаленном будущем.

Они не были уверены, что это разделение выходило из результатов исследований или было замышлено. Визит Зекиля еще больше усилил их разочарование. Он был в очень радостном настроении.

— Наша миссия приходит к концу! — сообщил он. — Я уже вызвал полицейский корабль, который должен будет забрать вас на военную базу. Касдей и Пенемо предстанут перед военным судом за участие в действиях, спровоцировавших Большой Гнев, а также других занятиях, приведших к измене. Что же касается тебя, инспектор, то сопротивление вызовет только ускорение приближения твоей смерти.

— Я удивляюсь, зачем вам все эти трудности? — пожал плечами Касдей. — Военная база находится далеко отсюда. Есть ли смысл отправлять нас туда только затем, чтобы вынести смертный приговор?

— Ты не понимаешь существа дела. Сейчас, когда тень, висевшая над вами, прояснилась, показательный процесс над вами будет одним из самых интересных за всю историю цивилизации Ра.

— А что, разве тень развеялась? — срагировал Пенемо.

— Осталось оценить кое-какие мелочи, но тут нет сложностей с решением всей проблемы в целом. Девушка с Майо демонстрирует исключительную быстроту реакций, проявляющуюся еще больше с тех пор, как она была отделена от инспектора. Без ее помощи мы никогда бы не продвинулись так далеко за столь короткое время.

— Интересно, за какую цену вы купили ее помощь? — внезапно спросил Вилдхейт.

— Это не твое дело! Впрочем, если тебе это интересно, за обещание освободить планету Майо эт гнета Федерации.

— О, черт! Я должен был предвидеть это! — Вилдхейт почти смеялся. — Командор, вы еще убедитесь, что выторговали самое худшее, что могло бы быть.

— Нет ничего такого, что не смогло бы уладить действие пары лучестов, — цинично возразил Зекиль.

— Вам не кажется, что Ветка предусмотрела и это? О, нет, командор, даже дьявол подумал бы, прежде чем доверять кому-нибудь из чувствителей.

— Ты разочаровываешь меня, инспектор. Я отдаю тебе дань уважения, как человеку дельному, но тем не менее проигравшему игру. Не портить представления о себе исканием дырки от бублика. Больше мы не планируем никаких исследований. Можешь отдыхать до прибытия полицейского крейсера.

Когда командор покинул станцию, Вилдхейт собрал своих людей.

— Что-то здесь не сработало, — начал он. — Пенемо ты видел результаты последних тестов? Что могло говорить об изменениях в узорах Хаоса?

— Ничего. Две цифры, правда, могли привести к изменению исчисления времени.

— Какую же игру повел Зекиль? Он не глуп, чтобы строить свои расчеты на Ветке. Из предсказаний Хаоса они никогда не узнают жет ли она или нет.

— Как думаешь, куда они забрали их?

— Скорее всего они находятся на соседней станции управления Оружием.

— Значит там провели дополнительное исследование, — сказал Пенемо. — Не исключено, что они нашли еще кое-что. Однако, я подозреваю нечто другое. Думаю, что девочка показала им методику предсказаний, благодаря которой они узнали, что относящиеся к тебе уравнения Хаоса могут исполниться, если только уничтожить тебя. Результат ошеломляющий, не так ли? Но тем не менее имеет всего лишь локальное значение. Другими словами, то, что сейчас произойдет, не означает мировую катастрофу, а катастрофу касающуюся только одного инспектора.

— Сомневаюсь, что можно было бы сделать подобное, — начал записывать Касдей. — Так или иначе высвободится слишком много энергии. Если, например, в этот момент высвободится вся энергия находящихся на станции устройств, то наверняка были бы уничтожены и все близлежащие станции. Если Ветка находится в какой-то из них, то она, несомненно, погибнет.

— Неправда! — возразил Пенемо. — В районе стыка вселенных следствие подлежит пространственному ограничению. Эта станция может погибнуть, а вот другая, пускай даже на расстоянии метра от нас, останется целой. Здесь не существует внезапного обмена энергиями.

— Разве это возможно, чтобы они спланировали нечто подобное? Допустим, однако, что в действительности они намереваются уничтожить станцию вместе с инспектором, чтобы добиться энтропии, которая выровняет Хаос.

— Да этого бы вполне хватило.

— Значит можно считать, что окончательная катастрофа может произойти именно здесь, на станции.

— Поэтому нам надо всеми силами стремиться убраться отсюда! Если это не было предсказано Хаосом, взрыв будет заменен чем-нибудь другим. Самое разумное решение — это похитить корабль Ра и добраться к краю стыка в старую вселенную. И пускай там, где-нибудь в самом центре флотилии Ра, выполняющей разбойничье нападение, нас постигнет катастрофа.

— Я полностью поддерживаю этот план, — сказал Пенемо. — Да, именно так, хотя в этом есть слабое звено. У нас нет доступа к кораблям.

— А этот полицейский корабль, который должен вот-вот явиться сюда? — предположил Касдей.

— Интересно, правда ли это? — Пенемо погружился в размышления. — Если они намереваются уничтожить нас, то нет ни малейшего смысла присылать сюда звездолет. Если он и прилетит, но ничего не будет забирать. Если же корабль появится, мы ошиблись относительно их планов.

— Здесь мы не можем ошибаться! Никаким другим способом нельзя объяснить разницу между установкой времени катастрофы инспектором и Ра.

— Это парадокс! Думаю, что малышка смогла бы его объяснить.

— А я начинаю сомневаться, не Ветка ли имеет отношение к нему? — заявил Вилдхейт. — Она умеет предсказывать линии Хаоса в реальном времени. Ра требует несколько мегатонн аппаратуры и масса

времени для того, чтобы рассчитать хотя бы часть данных, которые она может получить, едва взглянув на узоры Хаоса. Она может разбить их на голову, если захочет!

— К чему это ты клонишь, инспектор?

— Что было бы если бы все представление смонтировал не Зекиль, а Ветка? Что если она использует как Ра, так и нас для своих собственных целей?

— Ты далеко заходишь в своих выдумках...

— Я никак не могу отделаться от подобных мыслей. Она поторговалась с Зекилем и получила обещания, что Майо будет освобождена от влияния Федерации. Хотя эта планета никогда и не зависела от нас. Майо сама обрекла себя на изоляцию. Чего же хочет достигнуть эта девчонка, пытаясь выторговать то, что ей не нужно?

— Не знаю, — произнес Касдей. — Однако думаю, что мы чувствовали бы себя более спокойно на борту корабля где-нибудь в глубоком космосе. Сейчас уже никому из нас нечего терять, невзирая ни на что, теоретически мы все уже давно мертвы. Поэтому начинаем искать пути для того, чтобы убраться отсюда.

Допустив, что прилет полицейского крейсера не ловушка, они составили отчаянный план, который требовал точности действий. Техники Ра, закончив исследование, вернулись к своим будничным заботам, а охрану пленников поручили небольшому отряду военных. Сообщники получили доступ во все уголки станции, за исключением особо охраняемых. Воспользовавшись этим, они занялись более тщательным изучением особенностей конструкции станции и ее механизмов, обратив внимание на блок, содержащий аппаратуру связи, а также механизмов шлюзовых камер, ведущих на причал.

Пенсмо подчеркнул, что станция построена исключительно в научных целях и ее проектировщики не принимали в расчет возможность диверсии. Вся конструкция была разделена герметичными переборками на пять главных секций. Те в свою очередь были поделены на уровни таким образом, что пробоина в переборке главного сегмента, где находились склад и служебные помещения, привела бы к рассечению станции на несколько частей. Одновременно блокировался переход из секции в секцию. В верхней части находились личные каюты и бытовые помещения экипажа, под ним — лаборатории. Еще ниже находилась складская секция и шлюз. В более низких уровнях располагались другие лаборатории, помещения связистов и компьютерный блок.

Наблюдая за сменной дежурной вахты, Касдей точно выяснил количество членов экипажа. Было установлено, что во время, предоставленное для отдыха, когда производилась смена, в районе главного шлюза находилась всего пять Ра. В это же время более сотни их собирались наверху, в кают-компани. Уничтожение в точно выбранный момент части наружной обшивки привело бы к тому, что Ра потеряли бы контроль над половиной станции вместе с радиорубкой.

Конечно, появилась проблема защиты от оставшихся наверху Ра. Одетые в скафандры, они могли прорваться вниз. Эту проблему Вилдхейт разрешил. Нужно было вывести из строя все космические скафандры. Такие же скафандры, находящиеся возле шлюзовой камеры, они оставили для себя.

Самой большой проблемой была синхронизация действий во времени. План мог оказаться результативным, лишь в том случае, если будет проведен точно в момент смены вахт. И пленники должны знать точное время прибытия крейсера. Наверняка, если план будет осуществлен немного раньше, то Ра, находящиеся наверху, найдут способ исправить скафандры и прорваться в захваченную часть станции, а также найти способ связаться с другими станциями, сообщив о мятеже.

Получить информацию о приближающемся корабле непосредственно в радиорубке, не обратив при этом на себя внимание, было невозможно. В связи с этим, трое пленников решили сосредоточиться на наблюдении за командой, обслуживающей шлюзовые камеры, и по их реакции попытаться определить время подхода корабля.

Последней проблемой было оружие. Они установили, что небольшое количество оружия, находящееся на борту станции, было сосредоточено в руках охранников, стерегущих их. Это были газовые пистолеты с ограниченным радиусом действия, которые могли покалечить или убить, не причинив вреда самой станции. Охранники носили пистолеты с собой все время. За исключением времени отдыха, когда они снимали ремни с оружием и ложились на койки. Оружие хранилось на стеллажах. Вилдхейт и Касдей сошлись на том, что они могли спокойно войти в каюту, не вызывая подозрений и завладеть оружием. Синхронизация времени при этом должна быть абсолютной. Оптимальным было время прилета корабля. Но это время было неизвестным, и пленники, по очереди, вели неусыпное наблюдение за шлюзовой камерой. Но вот настал момент, когда на дежурстве Пенемо вокруг камеры повысилась активность причальной команды. Пенемо тотчас же доложил Вилдхейту, который решил немедленно предпринять атаку, хотя стечение обстоятельств не было благоприятным.

Вместе с Касдеем они двинулись за оружием. Присутствие пленников во всех помещениях было обычным, поэтому, когда они вошли в каюту, трое охранников, отдыхавших после дежурства, весело поздоровались. Все произошло быстро, и пока Ра сориентировались в ситуации, двое из них были без сознания, а третий — мертв. Вилдхейт схватил пистолет и, заскочив в соседнюю каюту, послал несколько струй наугад. Однако в помещении никого не было. Значит трое охранников где-то были на обходе станции. Это не предусматривалось планом, но времени на раздумья не было. Касдей выскочил следом с двумя пистолетами. Пенемо, уже в скафандре проходил через сектор складов, прокладывая себе дорогу к шлюзовой камере. Зная механизм шлюза, он надеялся послать фальшивый сигнал для внутренней блокировки.

На счастье, оказалось, что на складе Ра не было. Пенемо быстро снял шитки с управляющего механизма и чертыхнувшись, наткнувшись на неожиданное препятствие. Приходилось идти на изменения в плане. Он включил главный пускатель, молясь, чтобы открылись обе двери шлюза.

Однако ничего не случилось. Двери оставались закрытыми. На пульте управления зажались огоньки предупреждающие о ряде

неисправностей в механизме управления, шлюзом. Указатели, которые должны были молчать, выдали Пенемо Ра. Близкий к отчаянию, он запустил пальцы в провода, отрывая их один за другим.

Вдруг дверь дрогнула и начала открываться. Воздух с ревом устремился в щель. Пенемо ухватился за рычаги, удерживая тело от напора воздуха, тянущего его в раскрывающуюся темноту. По всем секциям станции, отреагировав на внезапное падение давления, загрохотали герметичные двери, отсекая наглухо их друг от друга. Воздух весь вышел, и Пенемо двинулся к главному шлюзу. Он надеялся, что Касдей и Вилдхейт уже там.

Субинспектор и Касдей не знали, что не все идет у них по плану. Невыгодное стечение обстоятельств привело к тому, что в нижних уровнях станции находилось значительно больше людей, чем они рассчитывали. Вначале они не придали этому значения. Четверо Ра были застрелены еще до тревоги, сигнал который поднял всех на ноги. Оставшиеся трое охранников, к счастью, были в это время на пути к шлюзу.

Однако, они сразу же сообразили, что происходит, и вернулись, застав Вилдхейта и Касдея в одном из лабораторных отсеков.

В то время как инспектор вызывал огонь на себя, укрываясь за стенкой, сплошь уставленной аппаратурой, Касдей ловко взобрался на один из мощных изоляторов Хаоса и спокойно залег, ожидая пока трое стражников появятся у входа. Метким залпом он повалил трех входящих и вернулся, чтобы помочь Вилдхейту очистить коридор от нескольких не обращающих внимания на опасность техников, которые решительно преградили дорогу беглецам. Это не было приятным занятием, однако необходимым, чтобы выжить. Действия заняли ценное время, которое должно было быть предназначено для блокирования связи. Вилдхейт решил рискнуть, хотя преждевременное установление контакта с приближающимся кораблем могло в дальнейшем создать некоторые трудности. Он подал знак Касдею, что пора надеть скафандры и незамедлительно отправляться в центральную часть корабля. Это было нелегко, так как один из техников имел оружие и припер их к стенке за шкафом со спасательным снаряжением, пока Касдей в конце концов не нашел позицию для выстрела.

С этого момента они больше не встречали сопротивления. Одетые в скафандры, они добрались до двери, которая, как оказалось, не имела шлюзовой камеры и поэтому не открывалась в полете. Однако немного дальше, они нашли то, что было нужно. Наконец то перед их взором открылась камера с ожидавшим Пенемо. Ему уже удалось отключить освещение от главного кабеля. Осталось только аварийное низковольтное освещение. Вилдхейт решил, что оно светило даже сильнее, чем требовал того их план. При помощи металлического прута он разбил три светильника из цепи, окружавшей вход в шлюз. Задействованная возле входа аппаратура предупреждения сигнализировала о прибытии космического корабля, однако, набор сигналов, кроме предупреждения охраны, ничего не говорил о типе прибывшего корабля. Не было также никакой информации, которая сообщала бы, когда шлюзовый рукав коснется наружной обшивки их станции.

16

Это был самый критический момент всей операции, очень многое зависело от того, предупрежден ли экипаж корабля о ситуации, сложившейся на станции. Вилдхейт решил ожидать наихудшего и поступить так, если бы из шлюза появились предупрежденные и вооруженные враги.

Створки шлюза раскрылись, пропустив шестерых человек с оружием наготове. Они явно были предупреждены о ситуации на станции. Полицейские тщательно обыскали шлюз и, ничего не найдя, двинулись в сторону складов. Их командир подключился к настенному коммуникатору и начал разговаривать с кем-то, кто находился на отрезанной части станции. Вот тогда-то, что полицейские приняли за пустые скафандры, закрепленные в захватах и стоявшие в нишах, внезапно ожило за их спинами. Газовые пули, хотя и были направлены не совсем точно, но и этого оказалось вполне достаточно, так как пустота, газ, а также отсутствие брони на скафандрах сделали свое дело.

Касдей воткнул в разъем штекер коммуникатора, которым только недавно пользовался командир полицейских.

— Мы захватили нагнецов, но имеем потери в людях, — быстро проговорил он в микрофон. — Поэтому мы возвращаемся к себе. Передайте информацию нашему капитану.

Он отключился и подошел к Вилдхейту и Пенемо, которые рассматривали бластеры полицейских. После изучения они взяли с собой три штуки и, подождав немного, ровно столько, сколько нужно было по их расчету для передачи сказанного Касдеем, вошли в шлюз.

Как и ожидалось, шлюз был состыкован с рукавом-переходом крейсера, и тут их ждали двое полицейских, но без оружия. Прогрели выстрелы, и вот уже на полу камеры лежали два трупа.

Трос беглецов рванули через рукав к шлюзовой камере. Однако здесь они столкнулись с первой трудностью. Внутренняя дверь шлюза не открылась, хотя камера и рукав были заполнены воздухом. Пенемо схватился за ручное управление шлюза и с трудом повернул маховик двери. Возникла небольшая щель, но тут же прогремел выстрел, показывающий, что экипаж корабля готов сразиться с ними.

Вилдхейт лихорадочно обдумывал выход из положения. Решив, что экипаж крейсера не одет в скафандры, он несколькими выстрелами из бластера пробил обшивку рукава. Заревел воздух. Поток его был так силен, что повалил их на пол шлюзовой камеры. Из открытой двери шлюза воздух бил широкой струей, опустошая помещения крейсера. Пенемо мгновенно заблокировал дверь, а Касдей стал методично стрелять в образовавшуюся щель, отгоняя выстрелами полицейских, пытавшихся закрыть шлюз.

Наконец все стихло. Дверь свободно раскрылась, и беглецы вошли в корабль. В коридоре валялись тела полицейских, погибших от удушья. Касдей и Пенемо оттащили соединительный рукав и отключили его от шлюзовой камеры. После этого Пенемо занялся восстановлением атмосферы на корабле, а Вилдхейт с Касдеем, оставаясь в скафандрах, быстро обшарили захваченный крейсер, удостовераясь, что никого больше нет

на борту. Затем настала очередь изучения пульта управления. Обнаружив цель аварийного старта, они привели ее в действие, и корабль, выполнив разворот, стал отдаляться от станции и Оружия Хаоса.

Вилдхейт не принимал участия в управлении, он не отрываясь смотрел на оживающие экраны, стараясь уяснить обстановку. То, что он увидел, обеспокоило его. Мощная конструкция Оружия Хаоса была повернута так, что он мог заглянуть в его жерло. Были видны огромные волокна звездной материи, которая сейчас клубилась в фантастические петли и вихри, преобразовываясь в силу, которая могла вызывать глобальные катастрофы.

Он крикнул, предупреждая Касдея и Пенемо, но они уже заметили опасность. И выдавили из двигателей крейсера еще больше мощности. Эти усилия стали приносить результат, но в это мгновение Оружие задействовало.

И выстрел достиг цели. Они почувствовали, как какая-то сила, внезапно подхватив их, потащила куда-то в сторону. Скорость увеличилась так внезапно, что ни один двигатель не мог бы сделать такое. Рев двигателей перешел в визг, и наступила темнота...

Сколько прошло времени, неизвестно, во всяком случае, когда Вилдхейт пришел в себя, он почувствовал что очень голоден, словно не ел целую неделю.

Касдей пытался подняться, но ноги не могли выдержать тела. Пенемо был в сознании, но тоже не мог встать на ноги. Наконец Касдею удалось доползти до аптечки и достать капсулу с лекарством. Нечто похожее на глюкозу действовало ободряюще. Сил прибавилось настолько, что он смог встать.

— Что случилось? — спросил он слабым голосом.

— Похоже, что мы пробили стык вселенной и оказались по какую-то сторону от них, — пробормотал Касдей. — Сейчас попробуем сориентироваться.

Экраны засветились, но изображения на них не было до тех пор, пока Касдей не начал манипулировать регуляторами. Только тогда они поняли, что блеск звезд заливал все экраны. Зрелище было невероятным. Еще более невероятным чем то, что они видели с корабля Касдея. Скопление звезд и Галактик было немыслимым. Они составляли мощный сверкающий монолит. Уловить разные солнца можно было только благодаря тому, что была небольшая разница в их цвете, температуре. Стера представляла собой самый страшный вид, который может быть у вселенной. Протяженность, глубина, мощь этого зрелища парализовала разум людей.

— Это старая вселенная, — отзывался Пенемо. — Где-то вблизи ядра. Думаю, что вскоре скопление сольется в единую махину ядра.

— И что же потом? — спросил Вилдхейт.

— Не знаю. Мы можем только гадать. Скорее всего наступит Большой взрыв и родится новая вселенная.

— Возрожденный Феникс, — кивнул Вилдхейт. — Но когда же это произойдет?

— Этого нельзя узнать! Даже Ра, пользующиеся предсказаниями Хаоса, не могут точно установить. По моему мнению, события такой

силы происходят относительно медленно, если рассматривать это в космическом масштабе. Это может продолжаться миллионы лет. Существует такое равновесие сил, которое неустойчиво, и какое-то событие, в космических масштабах незначительное, мгновенно может вызвать смещение его то в одну, то в другую сторону. Это может быть атом или звезда...

— Или человек! — произнес Вилдхейт.

— Да, думаю, что это может и быть человек, — согласился Пенемо. И, проследив за взглядом Вилдхейта, который смотрел на край стола, невольно вскрикнул. Края столешницы начали терять четкость. Их окружал небольшой ореол, мягкое сияние, переливающееся всеми цветами радуги.

— Это все Ветка! — тяжело вздохнул Вилдхейт. — Это она нас втянула сюда. Мы торчим сейчас в зоне действия Оружия. Находимся в том месте, где сконцентрировалась вся энергия, которую предсказывали все тесты Хаоса — миллионы солнц и Галактик только и ждут, когда будет дан последний толчок, за которым последует неотвратимый конец вселенной.

— Но Оружие Хаоса является собственностью Ра, — запротестовал Касдей. — Не думаю, что они позволяют девчонке использовать его в личных целях!

— А если она пообещала им, что уничтожит нас?

Вселенную охватило огромное напряжение. По мере течения времени ореолы появились вокруг всех краев и плоскостей в корабле. Все становилось на вид скользким, как будто покрытым слизью. Небольшие предметы выпадали из причинно-следственных связей и начинали деформироваться. Крепления начали ослабевать. Винты самопроизвольно отвинчиваться. С незначительно наклоненных предметов начали скатываться тяжелые предметы. Двигаться по палубе стало небезопасно, можно было упасть и больно ушибиться.

Сидящий на плече Коул начал беспокойно перебирать лапами. Субинспектор спустился на нижнюю палубу. Где они могли поговорить наедине.

— Сколько еще это продлится, Коул, пока ты меня покинешь?

— Не очень долго. Я останусь с тобой до последней минуты. — Голос симбиота был угрюмым. — Нас, богов это, когда тревожит. Я останусь с тобой до последнего, иначе мой уход будет выглядеть предательством. Поверь мне, я очень сожалею, но не могу не уйти. Другого выхода я не вижу.

— Я не буду считать это изменой, — усмехнулся Вилдхейт. — Даже боги не бывают безукоризненными! Я буду счастлив, если по крайней мере, хоть один из нас спасется.

— А если изменить ситуацию, если бы ты был богом, а я человеческим существом, ты бы покинул меня?

— На этот вопрос нет ответа. Мое обычное мышление формируется человеческими эмоциями, которые тебе неизвестны, даже если ты и бог.

— Поэтому-то я и не спешу покидать тебя. Кстати, я сейчас нахожусь в духовной связи с Таллатхом. Хочешь поговорить с инспектором Ховером?

— Если это возможно.

— Давай.

— Джим! Ради бога! — Голос Ховера раздался внезапно, — где ты сейчас находишься? И что делаешь?

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы разговаривали с тобой?

— Двенадцать месяцев.

— А я считал иначе. Три недели — это был предел. Было бы прекрасно начислить мне зарплату за этот год.

— Не болтай глупости, Джим! У нас война в самом разгаре. Тебе удалось обезвредить Оружие Хаоса?

— Нет. Зато ему удалось обезвредить меня. Если тебе это утешит, могу сообщить, что сейчас все запрограммировано так, что с моей смертью полтит в тартарары им вселенная Ра. Как тебе нравится такой финал?

— Это очень важно, Джим, я сейчас же подам рапорт.

— Сообщи Сарайя, что с моей смертью произойдет Большой Взрыв, с которого и началась наша вселенная. Это все, что я в состоянии сделать для вас. Думаю, что скоро начнется. Кстати, много их кораблей прорвалось?

— Много. К счастью, некоторые из них попали в неприятность — вступили в бой с чужими вблизи Окраины и получили по зубам. Это спасло нас от необходимости вступить с ними в бой. Но очень многие прорвались в наш сектор. Мы их хорошо потрепали. Но после короткого и яростного сражения они внезапно исчезли!

— Что сделали?

— Исчезли. Просто исчезли из нашего пространства.

— Не может быть!

— Что здесь удивительного?

— Гесс! Их корабли имеют типовую подпространственную аппаратуру, однако, они могут летать и там, куда ты ни за что не захотел бы попасть — в сфере сжимающегося времени. Возможно, они разбросаны сейчас в будущих десятилетиях, ожидая присылки снаряжения и продовольствия, которого, однако, не будет.

— Знаешь, Джим, хорошо, что ты только раз в год выходишь на связь. Иначе у меня в голове давно была бы каша. Пока из всего, что ты говоришь, не все доходит до меня...

— Не волнуйся. Сарайя прав. Начало конца Вселенной Ра — Это вопрос часов, самое большое дней. То, что говорил он, и то, что должен был вызвать катализатор, вытекает из Хаоса. Остается только пожалеть, что не смогу присутствовать на торжествах победы. Что же касается катализатора, то только сейчас, я, кажется, понял одну вещь...

— Какую же?

Видхейт промолчал и попросил Коула отключить связь. Он спешил наверх.

Контуры даже больших предметов становилась все более размытым. Трение ботинок о пол было меньшим, чем трение двух мокрых льдин друг о друга. Обратное возвращение на верхнюю палубу оказалось настоящим кошмаром.

Касдей и Пенемо сидели на полу рубки, устав бороться с соскальзыванием с кресел. Они ошеломленно наблюдали за тем, как большие и малые предметы в рубке сдвигались с места, поднимались в воздух: падали на пол, кружились в каком-то водовороте. Был лишь вопрос,

когда смертоносная сила доберется до двигателей и генераторов и уничтожит корабль. Казалось маловероятным, что этот взрыв может положить начало катастрофе, и поэтому Вилдхейт страстно надеялся на что-то другое, что всколыхнуло бы эту вселенную и вызвало бы величайшую катастрофу.

Затем произошло что-то, что вначале выглядело в противоположность тому, чего можно было ожидать. Наступила тишина. Полная тишина. Разум троих людей охватило абсолютное спокойствие, почти нереальное. Контуры всех предметов в рубке приобрели свою четкость.

Оружие Хаоса отвернулось, отводя свое поле, и тогда наступил второй удар.

17

Вся вселенная затряслась от серии мощнейших толчков. Огромная невидимая рука схватила Галактики, звезды, полицейский крейсер... Сжала все в гигантском кулаке, встряхивая безмолвными молниями. Толчки привели к тому, что на корабле разлетелась и сдвинулась аппаратура.

Коул заверещал и исчез, но тут же опять появился. Неуверенно замигал, что говорило о том, что он оказался без движения, не присутствуя ни в одном из измерений, в которых он до сих пор полусуществовал.

Желание увидеть события оказалось настолько сильным, что вернуло его обратно на плечо Вилдхейта. Он сделал это, несмотря на то, что вся мудрость предостерегала его против этого. Вилдхейт понимал нерешительность симбиота, но в глубине души все же был рад чувствовать когти Коула. Он знал, что когда боль в плече исчезнет, настанет его время.

Это было началом конца даже по космическим меркам. Гигантская вибрация повторного толчка привела к тому, что все закружилось перед глазами. Звезды потеряли свою индивидуальность, растаяв в струе раскаленной материи. Плотность звезд была здесь так велика, что гравитационное поле всех космических объектов объединилось в единое целое. Блеск этого образования затмил все, что находилось в этом квадрате пространства. На притененных экранах возникла восхитительная картина огромного плазменного шара. Останки бывших солнц разлетелись во все стороны. Где-то в центре раскаленного добела сердца бился пульс умирающей вселенной. В какой-то момент времени оно конвульсивно содрогнулось и остановилось. Началась новая фаза трагедии. Внезапно начала расти вначале небольшая, а затем все большая сфера абсолютной темноты. Образовался сектор пространства, в котором силы притяжения так сконцентрировали материю, что из горячего пепла звезд образовалась зловещая черная дыра.

Огромный шар огня поглотил сам себя. Но вскоре надвигающаяся волна звезд заставила подавиться черную дыру, аппетит которой казался столь чрезмерным.

Внутри светлого круга образовался второй шар излучения с температурой и свойствами, не имеющими аналогов в современной физике мира. Расщепленные атомы в этом шаре были так спрессованы, что вскоре даже черная дыра была поглощена этим созданием.

Вилдхейт отвел взгляд от бушующего ядра и внимательно постарался рассмотреть бурю, которая достигла апогея в оставшейся части пространства. Вся вселенная толкалась сплеталась, взрывалась и распадалась в сумасшедшем беге, стремясь воссоединиться в рамках этого конца всего.

Вилдхейту не нужно было смотреть на приборы, чтобы убедиться, что крейсер включился в этот бег. Размеры гигантского шара увеличивались. Еще быстрее увеличивалась скорость летящего на них звездного скопления. Втягиваемые в спиральную воронку в процессе самоуничтожения солнца сжимались все плотнее. Излучение возросло до такой степени, что климатизаторы корабля не могли работать в нормальном темпе. Температура стремительно ползла вверх. Но это не причиняло беспокойства людям, поскольку и так было ясно, что наряду с остановкой двигателей, что-то должно было произойти и с системами жизнеобеспечения. Беглецы начали медленно погружаться в приятное летаргическое состояние. Вилдхейт, истекая потом, держался страданием, пытаясь сохранить ясность мышления. Иногда он впадал в дремоту, но тотчас же пробуждался, чтобы отметить неумовимое движение корабля к своему страшному концу. Какая-то сознательная часть его мозга давала ему понять, что он начинает бредить и что его обычное состояние сознания в своей основе является приятной формой смерти. Но все же инстинкт самосохранения вынудил его встать и подойти к пульту управления, чтобы определить шансы на выживание. Он отлично понимал, что не имеет понятия, чего нужно добиваться. Даже если бы двигатели работали, вряд ли удалось вырваться из этой звездной западни. К тому же он не знал устройства пульта управления, чтобы установить причину аварии. Касдэй и Пенемо смирились со смертью. Вилдхейт шатаясь двинулся вниз, в машинное отделение, намереваясь разобраться с двигателем.

Вдали от рубки воздух казался более холодным и дышать было легче. Может, в нем было больше кислорода? Несколько раз он терял нить мышления, но все же усилием воли опять заставлял себя вернуться в эту страшную реальность.

Скафандр в темной нише напомнил ему о Сарайя — черном нетопыре в плаще. Сноп света, льющейся из иллюминатора, наводил на мысль об огне, видимом через окно, выходящем в ад. Очередной мираж — Гесс Ховер, который торопился на своих ногах на помощь другу — исчез, когда он подошел ближе. В темном машинном отделении он внезапно увидел фигурку Ветки. Ее лицо было искажено отчаянием, а руки протянуты в умоляющем жесте. Видение было настолько реальным, что Вилдхейт, казалось, услышал слова из шепчущих уст девушки:

— Коул, прошу тебя не вмешивайся!

Вилдхейт удивленный этим странным желанием, внезапно осознал, что симбиот по-прежнему находился у него на плече.

— Сколько еще до конца, Коул?

— Уже немного. Старые звезды создаются заново. Даже атомы были разбиты и собраны вновь. Для богов настали тяжелые времена.

Фигурка Ветки расплылась и опять сфокусировалась. На этот раз она обращалась к кому-то другому. Слова были настоящие, не призрачные.

— Помоги мне. Почти уже пришло время!

Коул замер, словно он тоже мог реагировать на этот плод воображения Вилдхейта. На корабле что-то испортилось. В относительно небольшом количестве оставшегося воздуха ощутимо запахло терпким, удушающим дымом.

— Настало время... сейчас... — донеслись до его сознания слова.

Взрыв потряс человека. Нарастающая боль в плече была нестерпимой. Субинспектор чувствовал ее так, словно Коул вырвал нить, связывающую их. Он попытался было укоротить ее, но она нарастала так стремительно что впору было потерять сознание. Он громко кричал до тех пор, пока потерял сознание и избавился от дальнейшего мучения. И только где-то в глубинах сознания звучали странные слова:

— Прощай, инспектор! Прощай!

То, что наступило позже, не было для Вилдхейта ни смертью, ни жизнью. Он находился на дне какой-то глубокой пучины, в которой отсутствовали всякие ощущения. Он чувствовал только Ток времени, но не мог оценить его, не мог понять, сколько его прошло и на что оно было предназначено. Внезапно он ощутил чудовищную боль в плече. Тянувшую вниз, к сердцу.

Некоторые эпизоды того, что было с ним совсем недавно, он помнил, или ему это казалось. Какие-то люди возникали возле него и потрясали белыми палками. Он чувствовал запах лскарств, которые дарили ему дни, а может быть целую вечность отдыха...

— Спокойнее, Джим! Уже все позади! — донесся до него чей-то голос.

Он постарался сосредоточиться.

— Гесс?

Возле госпитальной койки он увидел пару коротких служебных шортов, из которых торчала пара отличных мужских ног. Он перевел взгляд вверх и увидел субинспектора пространства Ховера. Вилдхейт попробовал сесть но боль в плече, пронзившая его, заставила упасть обратно на простынь.

— Гесс, где я?

— В госпитальном отсеке космического крейсера "Звездный скорпион", если этот ответ удовлетворит тебя. Ты был очень болен.

— Помню... конец старой вселенной... на полицейском крейсере Ра... Гесс, я не мог выбраться оттуда живым!

— Спокойнее, дружище! Весь ваш корабль был целиком вырван из старой вселенной и переброшен к нам, в новую. Не знаю точно, как это было сделано, но знаю, кто это сделал и почему.

— Коул?

— Нет. В противоположность Таллатху Коул пытался воспрепятствовать этому. В последний момент он пытался задержать корабль там, на месте, на это, к счастью, ему не удалось. Он погиб в воронке вселенной. Ты должен благодарить чувствователей, которые действовали под командой Ветки.

— Да... мне казалось тогда, что я вижу ее... и она просила Коула не вмешиваться.

— Похоже на то, что и ты времени не терял. Хотя она пыталась спасти не тебя. Ей нужен был корабль.

— Зачем, черт возьми?

— Отсутствие кораблей привело к тому, что ясновидящие на Майо не могли покинуть планету. Когда Ветка оказалась вне ее пределов, она получила возможность воспользоваться своими магическими силами и похитить корабль. Допускаю, что именно этот корабль понадобился ей.

— Но почему?

— Он довольно небольшой и легкий в обслуживании, а кроме этого имеет систему прохождения стыка вселенных. Именно это и было ей нужно. Благодаря этому, она могла вернуться к своим.

— Где она сейчас?

— Сидит возле приборов управления Оружием Хаоса и разбивает в пух и прах нашу оборону и все наши попытки войти в боевой контакт с флотилией Ра.

Вилдхейт лежал на спине и спокойно переваривал полученную информацию. Потом произнес:

— Гесс, что стало с полицейским крейсером?

— Это особая история, чувстватели переправили его на Майо. К счастью, Дабрия был готов к такого рода неожиданностям и перехватил его вместе с тобой и еще двумя типами на борту. Когда они пришли в себя, то потребовали соединить их с Сарайя и попросили забрать вас с планеты.

— А сам корабль? Он в порядке?

— Скоро будет. Когда мы получили вас, он был похож на кучу слепленных кусков металла, поскольку вы разобрали его до винтика. Нужно кончать с этой пагубной страстью к развинчиванию, Джим. Демонгирование космических кораблей в полете может оказаться вредным для здоровья. Потребовались два корабля-лаборатории и монтажная станция, чтобы почти за месяц на равнине планеты Майо собрать эти куски в более или менее работоспособную кучу.

— Он сейчас на ходу?

— Говорят, что да. Наши спецс не плохо поработали. Это единственный звездолет, который может доставить нас на стык вселенных для того, чтобы увидеться с некоей дамочкой.

— А Касдей и Пенемо? Как они?

Их удалось вытащить из лап смерти. Они выздоровели быстрее тебя и даже помогли в ремонте корабля.

— Они будут нужны для полета через стык, Гесс. Жаль Коула. Почему он отдал свою жизнь только для того, чтобы помешать Ветке похитить корабль?

— Таллатх объяснил это. Вместе с Коулом они считали, что чувстватели, обретя свободу, составили бы большую угрозу для рода человеческого. Большую даже чем Ра и все чужие расы вместе взятые. Сарайя утверждает то же самое. Он намеревается сделать что-то, чтобы противопоставить Майо, когда закончится вся эта авантюра.

— Я получу другого симбиота?

— Сомневаюсь. Ведь ты первый человек, который пережил разрыв симбиотических связей. И новые испытания стали бы искушать судьбу.

Сейчас тебе вернут твою старую форму и ты начнешь работать. Чем быстрее мы уничтожим Оружие Хаоса, тем быстрее сможем вернуться к своим обычным обязанностям.

— Я не могу дождаться этого.

— Скажи, при случае, применишь ли ты это, Джим?

— Что я должен принять?

— Желтую кожу. Может возникнуть новая мода. Весь женский персонал госпиталя просто заинтригован. Тебе трудно будет избавиться от клички Желтая Бестия.

— А кто бы хотел? Это достоинство, и через час я скажу тебе, Гесс, как это сделать!

18

На равнине планеты Майо даже высокие корабли-лаборатории выглядели карликами возле гиганта-ремонтника Космических Сил Федерации. В центре него царил оживление, притих темный пузатый полицейский крейсер, вызвав оживление людей своим таинственным оборудованием и двигателями. Технический уровень Федерации пока что не мог создать корабль, способный преодолеть барьер скорости света. Многие ученые считали, что достижение таких скоростей практически невозможно. Однако, перед людьми сейчас находился корабль, который ввергнул теоретиков в недоумение и доказал своим существованием, что в физике гипотезы могут тормозить движение вперед, если применять и законы природы. Было собрано заседание Совета Федерации, на котором выступили Сарайя и Дельфан. В результате прений было решено отправить этот корабль с экипажем в полет к границе вселенных с целью немедленного уничтожения Оружия Хаоса. Вилдхейт был назначен командиром штурмовой группы, а Касдей и Пенемо отвечали за пилотирование корабля Ра. В экипаж вошли также Гесс Ховер и двое из команды спецгруппы.

И вот наконец состоялся старт.

Когда корабль перешел границу вселенных и оказался в ВЕЛИКОМ НИЧТО, Пенемо доложил, что некоторые приборы корабля начали показывать неточные данные. Их окружала бесконечность, в которой можно было легко потерять ориентацию, и даже малейшая ошибка могла привести к тому, что они никогда бы не нашли Оружие. При отклонении в измерениях на любой оси в трехмерном объеме в одну миллионную долю градуса шансы на случайное обнаружение Оружия Хаоса были меньше одной сотой процента. Но даже и эта величина требовала счастливого совпадения.

Вилдхейт принял к сведению доклад Пенемо, но тем не менее решил продолжать полет. Однако все было тщетно. Оружие обнаружено не было! Все члены экипажа стали понимать нереальность их экспедиции. В сравнении с бесконечностью границы, безмерность реального пространства, которое удается все же изобразить на карте, показалась им чем-то маленьким и домашним. Их разум поражала мысль о том, что

они могут бесконечно путешествовать со скоростью света через границу вселенных и никогда не найти ничего, кроме вечной тьмы.

Они оказались между молотом и наковальней. Продолжение полета не давало шансов на успех. Возвращение домой означало смерть. Они старались найти выход, и, наконец, Касдея осенило. Во всем стыке вселенных энтропии не существовало, и сигнал работающего оборудования мог исходить только из района Оружия Хаоса.

Наступил ответственный момент ориентирования корабля. Вскоре стали поступать данные, показывающие активность энтропии. Радости людей не было пределов. Они наконец-то смогли точно определить положение объекта и направление полета. Они выравняли траекторию, взяв курс на новую точку, и затаили дыхание, когда детекторы начали передавать сигналы, свидетельствовавшие о сильной активности Хаоса.

Через какое-то время на корабельных экранах проявились слабые контуры Оружия. Однако по соседству с ним роилась масса кораблей Ра. Вилдхейт решил было отойти назад и выработать новый план действий, когда вдруг осознал, что находится на таком же корабле Ра, и было очень трудно вообразить, чтобы враги могли разгадать характер их миссии. Он приказал Пенемо заняться аппаратурой связи и отвечать только на необходимые вопросы. Касдей получил приказ вести корабль прямо на станцию управления Оружием, где скорее всего находилась Ветка.

Маневр удался. Присутствие полицейского крейсера вызвало небольшое количество запросов, на которые Пенемо тотчас же прореагировал нужным образом. Их решительность при подходе к станции развеяла существующие у людей до сих пор сомнения. Выполняя стандартные процедуры стыковки, они прикрепились переходным рукавом к станции и прошли к шлюзовой камере прежде, чем кто-либо сумел определить, что их действия не очень смахивают на действия полиции.

На самой станции первые Ра, кто увидел ошибку, были убиты на месте, не успев предупредить остальных. Тщательная подготовка к бегству в недалеком прошлом теперь очень пригодилась. Быстро была выведена из строя связь. Во время этой акции Вилдхейту очень понравились действия двух командос, отобранных Ховером. Субинспектор поставил им ряд задач, наиважнейшей из которых было обеспечение обратной дороги, а сам он вместе с Касдеем отправился на поиски Ветки.

Станция хотя и состояла из сегментов, как и та, на которой они были раньше, построена была несколько иначе. Характерные для станций слежения залы были разделены здесь на несколько уровней, каждый из которых в свою очередь делился коридорами на небольшие помещения. Поиски Ветки в такой ситуации оказались довольно сложным делом, равно как и трудность самих поисков, осложненных встречами с Ра и пересечением любой информации, могущей попасть на корабли противника, кружившие неподалеку. Не жалея боеприпасов, они огнем очищали территорию, через которую проходили. Ведя непрерывный бой, они несумолимо приближались к внешнему кольцу станции.

Именно там, возле пультов управления Хаосом, они и нашли Ветку. Она сидела перед экраном и с неотрывным вниманием следила за бегу-

шей цветной кривой, ползущей по дисплею. Вокруг нее, возле длинных консолей, сгруппировались техники Ра, внимательно прислушиваясь к переводу Джегуна и Асбеля ее приказов, касающихся сложных компьютерных операций.

Девушка, целиком поглощенная считыванием данных, показывающихся на экранах, и перевариванием полученной информации, не заметила неожиданно появившихся людей. Внезапно она застыла от ужаса, заметив, что одна из линий, до сих пор находящаяся внизу, внезапно начала стремительно подниматься к верхнему краю экрана. Вилдхейт был готов оценить ее эмоции — именно сейчас Ховер устанавливал мину в центральной части станции, и Ветка без сомнения засвидетельствовала скорое ее уничтожение. Ветка огляделась вокруг, пытаясь понять причину этого явления, и только сейчас заметила инспектора.

— Джим! — крикнула она, и лицо ее поссерело.

Техники Ра по приказу Касдея неподвижно остались сидеть на своих местах, в то время как Джегун и Асбель, подхватив ошеломленную девушку, потащили ее к выходу. Как только они вышли, газовая граната, брошенная Вилдхейтом, лишила их возможности преследовать беглецов. Один из командос прикрывал их отход, когда Вилдхейт с товарищами спешил к шлюзовой камере.

— Джим, я... — Ветка старалась что-то объяснить.

— Беги, беги! Поговорим после!

Вилдхейт бежал за ней, готовый в любой момент силой потащить ее дальше, если она остановится. Однако, этого не случилось, видимо, информация, которую она получила, была ошеломляющей и вполне соответствовала сотрудничеству.

Гесс Ховер проследил за отходящими товарищами и, когда прошли все, выдсрнул предохранитель, который запускал часовое устройство мины, одновременно включая систему неизвлекаемости.

Пенсмо запустил двигатель, и они стартовали. Все прошло гладко, в окружающем пространстве все было спокойно. Касдей выполнил маневр поворота, стараясь, чтобы огромная чаша энергетической секции находилась между кораблем и станцией управления Оружием. Эта хитрость должна была сбить с толку Ра, не дать им повода для связывания их присутствия с возможной катастрофой. Они успели почти облететь реактор, когда мина взорвалась. Станция управления в мгновение ока превратилась в маленькое солнце. Это было странное солнце. Его диаметр не превышал диаметра станции, поскольку в районе стыка исключался всякий приток энергии между разрозненными телами. Исключением был только свет. Взрыв такой мощный, что мог стереть в порошок целую планету, был здесь замкнут в шаре, составляющем корпус станции, но выход энергии создал сильнейший источник светового излучения.

Как и предполагал Вилдхейт, это привлекло внимание кораблей Ра, многие из которых направились к месту катастрофы, пытаясь определить, что же произошло. Отсутствие каких-либо неприятельских действий свидетельствовало о том, что никто не связал это событие с маленьким полицейским кораблем, который незаметно двинулся к ускорителям Оружия.

Оставалось еще три мины, которые можно было установить на отдельных Станциях Хаоса, уничтожив таким образом Оружие. Однако здесь они столкнулись с определенными трудностями. Дело было в том, что из-за отсутствия течения энергии между телами, в области стыка вселенных эффективность мины была крайне незначительна. Ее действие было бы только тогда результативным, если заложить ее внутри станции.

Пенемо снова занялся прослушиванием эфира. И внезапно стал серьезным.

— Они начинают что-то подозревать! — крикнул он. — Я слышу, как их командир дает задание относительно полицейского корабля, который только недавно побывал на уничтоженной станции. Судя по всему, они сейчас пошлют по всему Флоту опознавательный сигнал.

— Допустим, что их подозрения окажутся подтвержденными, что они тогда предпримут? — поинтересовался Вилдхейт.

— Они не могут здесь применить свое лучевое оружие в этой области по той причине, по какой мы не можем воспользоваться минами. Однако, они могут, окружив нас, сблизиться, подойти ближе и воткнуть в бок какую-нибудь гадость, распоров таким образом обшивку.

— Похоже на то, что они именно это намереваются предпринять, — подтвердил Пенемо.

Словно в подтверждение этих слов дюжина кораблей противника развернулась в их сторону и пошла на сближение. Дальнейшее движение полицейского корабля вдоль тянувшегося на расстоянии ста пятидесяти километров ускорителя, оказалось опасным. Подлетающие корабли Ра, очень точно уравнивали свои скорости со скоростью полицейского крейсера, окружая сзади, сбоку, спереди, стараясь ограничить маневр. Корабль беглецов и его эскорт продолжали некоторое время свой рискованный полет вдоль ускорителя вплоть до щели между ним и гигантскими ловушками, где размещались черные дыры.

Ра рассчитывали именно здесь закончить поимку чужака. Дополнительные силы были посланы на другую сторону ускорителя для того, чтобы помешать бегству. Взгляд, который бросил обеспокоенный Касдей на Вилдхейта, говорил о том, что они оба увидели путь к спасению. Касдей, не ожидая согласия инспектора, в момент прохождения щели резко развернул корабль, втиснулся в щель и направился вдоль оси ускорителя Оружия.

Корабли Ра даже и не попытались преследовать их. Причина этому мгновенно стала понятна. На самом деле канал ствола Оружия Хаоса имел гигантские размеры, но эти размеры искажались напряженностью поля и, казалось, что ширина его едва превышает размеры полицейского корабля. Ствол имел длину около ста пятидесяти километров, и Ра решили подождать противника возле выхода.

Однако не этого боялись люди.

Где-то далеко впереди блеснул яркий свет. Они сразу поняли, что это означает. Через стык вглубь раструба Оружия двинулась звездная масса. Началась заправка реактора перед очередным выстрелом. Казалось, что маленький кораблик, застрявший во внутренностях Оружия прямо на главной оси, не имеет ни малейших шансов спастись от чудовищной мощной силы.

Касдей развернул корабль и, решив дать полное ускорение, попытался вывести крейсер из ствола. Двигатели ревели все оглушительнее. Корабль мчался к выходу. Но тут Вилдхейт закричал, показывая в верхний экран и приказывая остановить корабль. Касдей мгновенно включил тормозные двигатели и начал направлять корабль к выступу, видневшемуся на внутренней поверхности ствола. Их глазам открылась шлюзовая камера, видимо, предназначенная для пропускания обслуживающего персонала. Именно здесь можно было заложить мину!!!

Переходного рукава у них не было и было очень мало времени на проведение операции. Ховер, быстро оценив ситуацию, надел скафандр, а командос подготовил мину, Касдей медленно повел корабль прямо к шлюзу. Ховер повел корабль, и все прикинули к экранам, наблюдая за его фигурой.

19

Шлюз полицейского корабля был рассчитан на одного человека, поэтому Ховер отправился один. Касдей корректировочными двигателями удерживал корабль возле шлюза. Никто на борту не сомневался в том, что-то, что делает сейчас Ховер, опасно и трудно. Связанный фалом, он ловко пересек разделяющее пространство между кораблем и накопителем Оружия, с трудом затормозил, преодолевая большую инерцию мины. Добавив сюда необходимость скорейшего бегства, пока Ра не перекроют выход, или возможность выстрела Оружия, это гигантское напряжение нервов было вполне понятным. Минуты медленно тянулись в своей монотонности. Вилдхейт надел скафандр, готовый по первой просьбе броситься на помощь другу. Напряжение становилось невыносимым. Но вот темная фигура субинспектора скользнула через пространство к кораблю. Послышался шум воздуха, заполнявшего шлюз. Еще там он включился в бортовую переговорную сеть и прокричал:

— Уходим!

— Что такое? — не желая верить в худшее, спросил Вилдхейт.

— Уж я рассчитаюсь с вами! Неужели нельзя было предупредить меня? То, что находится снаружи корабля, это черт знает что! Там же совсем нет теплообмена. Человек варится в собственном поту. Попробуй справиться в таких условиях со стокилограммовой массой.

В это время Касдей уже вывел корабль на главную ось ствола. Сзади, со стороны реактора, можно было увидеть светящуюся ярко, как солнце, измененную звездную материю. Трудно было сказать, когда мог произойти выстрел, однако, наверняка времени было мало. Касдей бешено разгонял корабль, стараясь успеть. Но реактор набирал яркость свечения. А где-то впереди их поджидала Флотилия Ра. И именно в этот момент взорвалась мина.

Реакция распространилась по всей длине реактора, приняв форму цилиндрической звезды. Корабль несясь через раскаленный ад наощупь, так как от перегрузки вышли из строя все экраны. А еще через секунду

произошел выстрел, но к этому времени ускоритель уже не существовал. Высвобожденная звездная масса вместо того, чтобы вырваться на волю тонким пучком излучения, распространялась во все стороны, усиливая эффект взрыва мины.

Небольшая часть энергии в виде тонкого луча попала все же в корабль, стеганув его сильным ударом. Полицейский крейсер покинул ствол ускорителя, словно снаряд, выпущенный из орудия. Касдей лихо-радочно пытался восстановить управление, а пока что корабль мчался через щель, потом через середину гигантской, вращающейся клетки. А там находились черные дыры! Пассажиров корабля залили лучи чистой энтропии низкой концентрации. Это привело к сильным толчкам, которые достигли максимума при прохождении через критическую точку. Ховер первым оценил это явление.

— Это может стать дурной привычкой! — усмехнулся он. — Я по крайней мере лет двадцать не ощущал ничего подобного.

Шансы на то, чтобы это стало привычкой, мгновенно пропали. Луч реактора Оружия, высвобожденный из ствола уничтоженного ускорителя, широко разлился и охватил вращающуюся клетку. В катастрофу были вовлечены черные дыры. Сила их гравитации объединилась в одну гигантскую дыру, поглотив внутрь себя всю конструкцию.

Непрерывное облучение образовавшейся черной дыры из реактора Оружия вызвало по каким-то неведомым причинам исчезновение физической нейтральности в этой области границы. Из глубины черной дыры выскочила огромная гравитационная волна и схватила в свои объятия и крейсер, и Флотилию Ра, и даже само Оружие Хаоса. Сидящий за пультом управления Касдей ударил по клавишам мощности. Двигатели взревели на пределе. Флотилия Ра попала в смертельную ловушку. Ведь они находились без движения, двигатели их кораблей работали на холостом ходу. И черная дыра втянула их в свои недра словно пушинки, никакие маневры не смогли спасти их корабли.

Еще более фантастическим явлением было действие гравитации на остатки Оружия Хаоса. Вначале медленно, а потом все быстрее их втягивали мощные волны гравитации, пока не поглотили совсем. Реактор перестал облучать дыру лучами энергии, и черная дыра прекратила излучать гравитацию. Касдей облегченно вздохнул, почувствовав, что корабль благополучно вырывается из объятий черной дыры.

Они пересекли стык и благополучно возвратились в свою вселенную. Ховер занялся ФТЛ связью. Вызывая Сарая и Дельфана, находящихся на Майо, он пытался передать им информацию об удачной атаке на Оружие Хаоса. Но когда он убедился, что не может вызвать корабли-лаборатории и ремонтный корабль, то связался со станцией базы космических Сил Федерации, и ему сообщили, что связи с Майо нет.

Кроме того, было сообщено, что Федерация ведет упорные бои с чужаками и поэтому не может послать ни один корабль на планету чувствователей для выяснения причин молчания.

Они взяли курс на Майо. Перейдя на нижнюю палубу, Вилдхейт встретил Ветку.

— Настало время нам поговорить, — вместо приветствия сказал он.

— Мы уже это сделали, Джим. Нужно только оформить наше соглашение.

— Сделаем это сейчас. Ты же знала, что не нужно было освобождать Майо от Федерации. И знала также, что если бы в этой битве победили Ра, они без промедления уничтожили бы всех вас! Что же все-таки склонило тебя к сотрудничеству с ними?

— А почему бы мне не следовало делать этого? Я сотрудничала с тобой, хотя от Федерации мы ничего не ждали, кроме угрозы.

— Ты говоришь странные вещи, девочка!

— Это правда, Джим. Ты не знал этого, но Федерация уже тогда выработала план уничтожения ясновидящих. Спроси у Сарая и Дабрия, Федерация утверждает, что не намерена терпеть нас ни минутой дольше, чем Ра. Так что, и вы, и они являетесь нашими врагами. Чтобы выжить, мы должны были столкнуть вас друг с другом.

— Во имя чего, Ветка?

— Во имя освобождения ясновидящих с Майо — настоящей свободы, которой не может нам дать Дабрия. Нам нужен космос, Джим, чтобы развивать свои способности. Именно поэтому я согласилась лететь с тобой. Косвенно я добралась до цели. Мне удалось ослабить и Федерацию, и Ра. Ясновидящим не нужны сильные враги, чтобы развиваться и становиться сильнее.

— Но зачем все это, Ветка?

— Вселенная должна принадлежать нам, Джим. Мы люди будущего!

— Боюсь, что это не так, девочка. Вселенная принадлежит тем, кто достаточно силен, чтобы овладеть ею и держать под своим кулаком. Если вы будете строить планы, исходя из личных амбиций, то у вас ничего не получится.

— Мы ничего не упустили. Ты знал, что, делаясь, выставив меня против троих головорезов Ра. Чтобы была борьба честной, нужно было предложить врагу выставить против меня не менее десяти борцов. Но ты почему-то не пошел на это. Так что будь уверен, мы сможем удержать в своих руках все, что захватим в этой вселенной. Ты это хорошо знаешь, так зачем делать вид, что не веришь в это?

— Это ты так считаешь. Ты надеешься, что освободив своих соотечественников из неволи одной планеты, дашь им прекрасное светлое будущее. Ты фальшивый пророк, девочка. Все, что ты сможешь им дать, это война, напрасный труд и окончательное крушение всех идеалов.

— Что тебе надо, инспектор?

— Из всех своих соотечественников ты лучше всех читаешь рисунки Хаоса. Так используй свой дар! Загляни в будущее. Станет ли мир подвластен вам? Превратится ли искра в пламя? Начнется ли цепная реакция? Возгорится ли пламя или будет только тлеть, не оставляя даже пепла?

— Знаю...

— Что ты видишь в узорах, Ветка?

Она закрыла глаза и улыбнулась.

— Ты сам знаешь, что там, — печально произнесла она. — Искра... пламя... взрыв! Но нет большого пожара! Да, мы не сможем сделать этого. Ты оказался прав, старый негодяй! Но как ты смог узнать такое?

— Сарайя как-то подал мне мысль, что интуиция является проявлением естественной чувственности на Хаос. Это можно было бы назвать действием, основанным на догадках.

— Да...

— Это имеет солидные основы. Ясновидящие стараются держаться вдалеке от других, чтобы сконцентрироваться на развитии своих способностей. Физики и химики очищают вещество, так как знают, что чистота придает ему редкие свойства. Свойства энтропии однако возрастают со временем. Элементы создают связи, в свою очередь те распадаются в беспорядочную мешанину. Тоже самое происходит с людьми. Ясновидящие с момента отбытия с Майо никак не могут избежать смещения генов с другими расами. И их гены перейдут в другие расы.

— Горький фатализм!

— Нет! Ясновидящие как раса почти не отличаются от человечества. Их гены являются обычными генами, с некоторыми разве что изменениями, которые произошли в результате Большого Исхода. Только в результате этого, они приобрели способности. Но что произошло, без сомнения, заслуживает внимания, хотя и не является чем-то исключительным, невероятным. Никто не отсекал ясновидящих от человеческого корня. Останьтесь с нами или будете уничтожены! Третьего не дано, Ветка! Верни обратно своих соотечественников. Я уверен, что только на службе всего человечества их удивительные свойства могут быть применены с максимальной эффективностью.

— Ты говоришь так, словно они уже покинули Майо.

— Думаю, что некоторые это сделали. Я имею в виду корабли-лаборатории и ремонтник, которые были на вашей равнине. Куда намсрываются отправиться на них ясновидящие?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь!

— Ты прекрасно знаешь. Куда они двинулись?

— Не имею понятия!

— Думаю, что ты говоришь неправду. Во время этих приключений тебе удавалось поддерживать с ними теплотическую связь. Важно, чтобы ты помогла мне найти их и остановить.

— А зачем я должны делать это?

— Поскольку они попали в ловушку, Ветка. Они попали в неприятное положение, которое создано опытными специалистами. Они нужны нам, девочка, поверь этому!

* * *

Сражение за корабли оставило на равнине неизгладимые шрамы. Полеты на бреющем не дали никакого результата. Людей не было обнаружено. Вилдхейт допускал, что, оставшись в живых, они должны были вернуться в город. Поэтому был отдан приказ посадить крейсер неподалеку от одного из мостов.

Вскоре через мост двинулась процессия, во главе которой шли Дельфан, Сарайя и Дабрия. За ними вразнобой шли ясновидящие из города попеременно с техниками и ремонтниками, и стражниками. Вилдхейт и Ветка встречали их у шлюза корабля.

— Я рад видеть тебя, Джим! — откровенно произнес Дельфан. — Мы попали в большую неприятность. Нас атаковала армия ясновидящих и

похитила корабли. Не осталось ни одного ФТЛ передатчика, чтобы вызвать помощь. Твоя помощь будет вполне своевременной, Джим.

— Минутку, субинспектор! — Вилдхейт не отошел в сторону, пропуская Дельфана в корабль. — Если Космические Силы пришлют помощь, что ты намереваешься предпринять?

— Уничтожить всех оставшихся чувствователей! — резко бросил Дельфан. — Все они виновны! И мы уничтожим их, даже если для этого придется лететь на край света! Ясновидящие более опасны, чем Ра. Хорошо, что ты захватил девчонку. У меня уже готово обвинение в ее измене.

— Нет! — покачал головой Вилдхейт. — Она не подданная Федерации! И у нас перед ней большой долг. Она была частью катализатора Хаоса, обнаруженного Сарая. Катализатор выполнил свою роль. Разве Оружие виновато в том, что оно стреляет в людей?

— Когда-нибудь я поразмыслю над этим, — пообещал Дельфан. — А сейчас убирайся с дороги, Джим!

Вилдхейт пожал плечами и отошел в сторону, но вход был заблокирован стоящим на трапе Гессом Ховером. За ним стояли двое командос, дальше уже из шлюза выглядывали четверо Ра с решительными лицами.

— Выслушайте меня, сэр, — начал Вилдхейт. — Пока мы не надевали глупостей нужно решить, кто есть кто. Перед прибытием Дабрия на эту планету чувствователи были отдалены, но не изолированы от остального человечества. По-моему, изоляция началась с того момента, когда Дабрия придумал сделать из ясновидцев Оружие мести. Это оружие должно было стать могущественным, чтобы защититься от своих врагов. Не дай им использовать нас для своих целей, субинспектор!

Дельфан внимательно выслушал Вилдхейта, а потом обратился к Дабрия:

— Насколько это верно?

— Боюсь, что инспектор где-то в глубинах космоса подхватил вирус болезни мозга, — произнес Дабрия, пожимая плечами.

— В самом деле? — рассмеялся Вилдхейт. — Я скажу даже больше. Думаю, что когда ты нажал на спуск, давая начало катастрофе Ра, то понял, что сила ясновидящих становится весьма опасной. Поэтому ты позволил им бежать с этой планеты, создав такую ситуацию, которая в конечном итоге должна гарантировать их полную гибель.

— Нет смысла слушать эти бредни! Этот человек сошел с ума!

— Я напомню как работали твои подручные, — спокойно произнес Вилдхейт. — Способ, которым ты гипнотизировал всех вокруг, таков, что вряд ли даже вся армия ясновидящих могла бы сделать хоть шаг без твоего на то позволения.

— Ты стоишь на зыбкой почве, инспектор!

— Если уж говорить до конца, то скажи, чья это мысль была заняться ремонтом нашего корабля на Майо? Разве не проще было бы осуществить его ремонт на одной из верфей Федерации?

— Сарайя согласовал это с Дабрия! — пальцы Дельфана соскользнули к оружию на поясе.

— Этот факт таит в себе странное совпадение случайностей, — продолжал дальше Вилдхейт. — Согласно моей информации все было заранее согласовано.

— Что ты пытаешься доказать, инспектор? — черный плащ Сарайя угрожающе зашелестел.

— Все было давно рассчитано, — грустно усмехнулся Вилдхейт, — манипулирование человеческой расой для достижения собственных целей. Вначале ты подбил нас на войну с Ра, а сейчас пытаешься раздразнить нас, чтобы мы сцепились друг с другом. Ты не можешь согласиться с тем, что твоя молодая колония уже выросла. Ты стараешься по-прежнему манипулировать чувствователями, дергаешь за ниточки, строишь из себя бога, пытаешься сделать все, чтобы по-прежнему контролировать ситуацию.

— Ты кончил? — Сарайя побелел от бешенства. — Ты забыл об одном. Когда животные подвергаются селективной обработке, их никто не спрашивает, кем бы они хотели стать!

В воздухе внезапно запахло резким ароматом. Некоторые из стоящих людей стали вести себя странно. Даже Дельфан почувствовал, что с трудом улавливает суть разговора.

— Думаю, что ты допустил ошибку, друг, — сказал Дабрия, обращаясь к Сарайе. — Боюсь, что именно это и нужно было инспектору...

Больше Дельфан уже не слышал. Его ноги подкосились и он рухнул на землю.

В воздухе послышался тонкий пронзительный звук.

Несколько человек упали.

Однако экипаж полицейского крейсера продолжал уверенно держаться на ногах.

— Все напрасно, Дабрия! — засмеялся Вилдхейт.

Уже все люди, пришедшие из города, без памяти лежали на земле.

На лице Дабрии появилось недоуменное выражение. Но тут он понимающе кивнул, так как заметил, что люди Вилдхейта применили для ушей и ноздрей фильтры.

Сарайя успокаивающе положил руку на плечо Дабрия.

— Похоже на то, что мы проиграли, старая обезьяна, — горько произнес он. — Хотя может так и должно было быть? Мы сделали свою работу и больше не нужны. Будущее покажет, насколько они выросли, чтобы отвечать за свое развитие. Думаю, что нам пора уйти.

Было что-то торжественное в том, как Сарайя и Дабрия медленно уходили, внезапно лишённые всякой власти. Вилдхейт с сочувствием глядел им вслед.

— Ты не собираешься задержать их? — Гесс Ховер стал рядом с ним.

— Мы им многим обязаны, Гесс. Если бы не они, Земля до сих пор была бы в диком состоянии, а о Федерации нельзя было бы и думать! Пожалуй, у них сохранился где-то их старый корабль. Они скорее всего отправятся в смещенное время и вернуться сюда снова через какое-то время для того, чтобы преодолеть кризисные ситуации.

— Думаю, что нам это удастся!

— Откровенно говоря, не знаю, Гесс. Касдей говорил, что наша молодая культура, чтобы избежать вырождения, нуждается в постоянной селекции. Интересно, это характерно только для переходной фазы или врожденное чувство?

— Я этого совсем не могу понять, Джим.

— Не беспокойся. Когда-нибудь я попытаюсь объяснить тебе это более популярно. — Вилдхейт наклонился над лежащим без сознания Дельфаном. — Прежде всего, Сарайя беспокоился о том, сможем ли мы взять на себя ответственность за свое развитие. Подумай над этим, Гесс. Если человеческая раса начнет вырождаться, кто возьмет на себя ответственность по ее очистке?

20

Полицейский крейсер значительно опередил сопровождающие его корабли и вышел из подпространства в межгалактическое пространство. С того места, где он находился, можно было оценить огромный контраст между пылающими звездами и Млечным путем, который они оставили позади себя, и пустотой пространства, раскинувшегося впереди них. Здесь начинались гигантские океаны пространства с разбросанными кое-где островками. Это зрелище всегда завораживало Ховера. Его неотступно преследовала мысль, что несмотря на то, как далеко проник человек в космос, он никогда не достигнет края вселенной, границы которой расширялись быстрее, чем повышалась общая интеллектуальность человеческой расы.

Пара молодых ясновидящих с Майо, которые были на борту корабля, также были очарованы зрелищем. Девушка, которая много путешествовала, наблюдала внегалактическое пространство. Парень обладал большими знаниями, но был тоже восхищен зрелищем. Он вытягивал свои невидимые уши, чтобы уловить шепот идущий пять миллиардов лет с ближайшего звездного скопления.

Однако прилетели они сюда не ради любования этим зрелищем. Поступила информация, что где-то в пустоте находится эскадра кораблей чужаков, готовая напасть на человеческие поселения в Ста Мирах. В то время, как войска Федерации были задействованы в операции по очищению Галактики от Ра, целый сектор пространства был отдан на милость неприятелю, который проводил политику уничтожения, а не захвата. Ховер, наблюдавший за экранами, облегченно вздохнул, когда заметил, что возле его корабля материализовались еще три корвета Космических Сил Федерации.

Хотя находящийся перед ними противник численно превосходил их, а три легких корабля были всем, чем располагали сейчас люди, чтобы отразить атаку, субинспектор не походил на испуганного человека.

— Алло, "Поиск", ты слышишь меня? — вызвал корвет.

— Здесь "Поиск", капитан. Говорит инспектор Ховер. Приветствую вас!

— Что новенького?

— Долговременные прогнозы Хаоса с Майо говорят о том, что эскадра неприятеля подлетает к Ста Мирам. Мы преградим им путь в глубоком пространстве. Думаю, что ты знаешь, что делать, капитан!

— А как же, мы всегда готовы! Данные на компьютеры уже поступили! Автоматы для огня готовы, можешь принять над ними контроль. Хотя я и сомневаюсь, как ты это сможешь осуществить. Если наши

приборы не смогут локализовать вражеские корабли, как ты сможешь сделать это, ведь на твоём патрульном корабле даже их нет?

— Нужно признать, что ты трезво мыслишь, — засмеялся Ховер. — Разверни на нас антенны и приготовься. Начинаем поиск. Я сам сообщу тебе, каким оружием воспользоваться и когда.

— Понимаю. Я много хорошего слышал о твоём Слухаче. Теперь вышла оказия увидеть это в бою.

Ховер осмотрелся в рубке.

— Я к твоим услугам, малышка. Что-нибудь придумала?

Девушка очнулась от легкого транса и отбросила волосы с лица.

— Хаос рассказал мне о шестнадцати Больших взрывах. Они настолько сильны, что вряд ли это действие оружия. Настало уже время событий, однако эти данные очень слабо выражены, чтобы могли быть применены нами. Хотя... Нужно держать этот курс, а корветам зарядить торпеды дальнего действия. Там впереди происходит что-то странное.

— Насколько точно ты сможешь прицелиться?

— Думаю, что ты не будешь жалеть. Я принимаю будущее за несколько микросекунд перед большими взрывами. Они мощностью в двести мегатонн с нарастанием ядерного излучения. На корветах есть расщепляющие материалы?

— Да. — Ховер наклонился к микрофону, чтобы отдать приказ о подготовке оружия. — Никак не могу привыкнуть к тому, чтобы вести бой на основании предсказаний. А что могло бы быть, если бы на кораблях не оказалось ядерного оружия?

— Тогда даже я не могла бы предсказать точный результат, поскольку изменение энтропии вызвало бы какую-то другую реакцию. Откровенно говоря о Хаосе даже мы знаем так мало.

— Но быстро учитесь! — засмеялся Ховер и обратился к парню.

— А что у тебя?

Молодой человек сидел, опершись о пульт управления. Он был настолько сосредоточен, словно обычные человеческие уши могли воспринимать звуки, передаваемые космическим пространством.

— Я слышу их... Их много...

Пальцы Слухача стали манипулировать рукоятками пульта, чтобы определить позицию неприятельского флота. Он делал спокойные движения, следуя постоянно меняющейся ситуации. Компьютеры Ховера реагировали на эти поправки, выдавая информацию о координатах и скорости.

Субинспектор немедленно передал эти данные на корветы. Капитан одного из них сделал корректировку в пространстве и радостно закричал:

— Мы засекли их! Надо было просто знать, куда смотреть!

Девушка встала с кресла, подошла к пулту управления и прицелилась:

— Торпеды готовы?

— Готовы, можно стрелять! — последовал ответ. — Но мы находимся от противника на расстоянии, превышающем дальность действия нашего оружия!

Но она не обратила на это замечание никакого внимания. Манипулируя торпедными аппаратами, она выстрелила в пространство шестнадцать торпед, одну за другой, целясь не в корабли, а в совершенно

удаленные точки от них. Пространство вокруг земных кораблей окрасилось длинными хвостами ионных выхлопов от вылетающих торпед.

На экранах Ховера появилось изображение подлетающей эскадры противника. Она находилась так близко, чтоб камера могла различить отдельные яркие точки боевых кораблей.

— Мы промазали! Корабли противника не могут встретиться с нашими торпедами! — донеслось из микрофона сообщение командира корвета.

Но тут случилось невероятное. Вся эскадра противника внезапно изменила направление и направилась в точку, куда стремились все шестнадцать торпед Федерации. Даже без помощи компьютеров можно было предсказать, чем это кончится. И вот на фоне космического пространства начали распускаться гигантские цветы взрывов.

— К черту! — из динамиков донесся голос удивления. — Я готов присягнуть, что ты знала об этом еще до того, как они решили выполнить этот маневр перемены своего курса!

Странно было увидеть на лице столь милой девушки торжествующую улыбку победы.

— Так собственно, действует вся эта система! — торжественно произнес Ховер в микрофон. — Удивительно, не правда ли? Но не расстраивайся, капитан! Не думаю, что это все.

Девушка подняла медленно руку вверх, призывая к молчанию.

— Что такое? — настороженно проговорил Ховер.

— Что-то там в пространстве не так... Да, я прочитываю реакцию Хаоса, и все подтверждается. Однако, что было бы, если эскадра насчитывала кораблей больше, чем у нас было торпед? Еще несколько и спроектированных так, чтобы не проявлять свое присутствие изменениями энтропии.

Ховер присмотрелся но ничего не обнаружил.

— Слухач, что ты можешь сказать?

— Думаю, что кораблей было больше, чем шестнадцать, что-то около двадцати. Я все время слышу, что там что-то происходит. Понимаете, там нет живых существ. Это звуки кораблей без двигателей!

— Что-нибудь происходит с энтропией? — Ховер обернулся к девушке.

— Я не могу точно утверждать, — ответила та, пытаясь отыскать в пространстве хоть какие-нибудь следы высвобожденной энергии.

— Капитан! — обратился Ховер к командиру одного корвета. — Будем считать, что обнаружены еще четыре корабля. Похоже, что эти корабли-призраки, у них нет двигателей! На рисунке Хаоса нет ничего, чтобы указывало на возможность применения оружия.

— Мы можем уничтожить их в ближайшем бою! Так что?

— Отставить! Должна существовать какая-то причина, по которой они оказались здесь, и ее нужно узнать. Ты можешь подойти ближе и зафиксировать их на пленке? Только без ненужного риска! Нельзя отрицать, что это может быть ловушкой!

— Понимаю. Мы начинаем маневрирование.

Экипаж крейсера принял к экранам, наблюдая, как корветы стремительно рванулись к неприятельским кораблям. Первый корвет

пролетел на приличном расстоянии, не вызвав этим никакой враждебной реакции. Второй прошел ближе, но и на этот раз противник безмолвствовал. Третий приблизился почти вплотную. На экранах появилось четкое изображение громадных кораблей, и тут же начало стремительно уменьшаться. Земные корабли уходили прочь от противника.

Из монитора посыпались фотографии чужих кораблей.

— Что там? — поинтересовалась девушка.

— Что в этих кораблях может быть особенного? — обратился Ховер, передавая ей несколько фотографий.

— Все это выглядит довольно странно, — ответила она, осматривая неприятельский корабль.

— Да, — согласился Ховер. — Даже чужаки не летают в космосе с раскрытыми люками.

Вновь ожила связь.

— Алло, "Поиск", ты обнаружил то, что искал?

— Даже больше. Спасибо, капитан! Возобновите за ними наблюдение. Будьте готовы сориентировать корабль-лабораторию для проведения исследований, если мы раздобудем какую-нибудь.

— Понял! Я все сделаю! Спасибо за помощь!

— Не меня благодари. Скажи спасибо Джиму Вилдхейту. Это он уговорил ясновидящих, чтобы они присоединились к нам. Именно он и его жена обучают группы специалистов по обнаружению чужих кораблей. Если будешь вблизи Майо, поймай его. Ему всегда приятна любая информация.

— Ну, каков результат исследований, Джим? — спросил Гесс неделю спустя у своего друга.

— Это довольно странная история. Эти корабли-призраки можно истолковать только однозначно. Они оставлены в пространстве в качестве музеев.

— Не понимаю.

— Мы тоже не понимали. На палубе не было чужаков, зато было множество предметов и снаряжения, свидетельствовавших о том, что корабли оставлены там специально, чтобы мы могли понять характер пользовавшихся ими существ, узнать их обычаи, манеру поведения, познать их науку, искусство. Это как миниатюрный срез общества, с которым мы воевали, но так никогда с глазу на глаз не сталкивались.

— Да, такое возможно. Однако зачем они оставили корабли в пространстве?

— Можно только догадываться. Мы предположили, что они перскинули первый мостик через недоверие, разделявшее нас. Они хотят подготовить почву для взаимопонимания, пытаются начать диалог.

— Диалог? Зачем?

— Ради мира, Гесс. Думаю, что они ищут мира так же, как и мы.

— После стольких лет?

— Не забывай, времена изменились. С тех пор как мы начали операции по выявлению их кораблей, они не выиграли ни одного сражения. Темп, с которым они теряют свои боевые звездолеты, превышает их технические возможности постройки новых.

— И что же мы собираемся ответить?

— Нам ведь терять нечего. Пока мы не обнаружили их музеи, мы даже не знали, как они выглядят. Сейчас тайны уже не существует. Корабли Федерации перевозят экспонаты в наши музеи. Взаимопонимание может устранить львиную долю страха, который толкает наши расы на войну, в то время как существует более мирный путь разрешения этой проблемы.

— Я не верю в это, — покачал головой Ховер. — Сомневаюсь, что надотак мало, чтобы уладить столь трудное дело. Без помощи ясновидящих на протяжении столетий мы не могли победить, а без Ветки не смогли бы добиться сотрудничества ясновидящих. И если бы ты и Ветка...

— Нет гвоздя — нет подковы, нет подковы — нет коня...

— Это цитата?

Они разговаривали в саду официальной резиденции Вилдхейта, чей статус представителя Федерации на Майо приравнивался к рангу межпланетного посла. На этой планете он выполнял, по соглашению с ясновидящими очень важное задание — формировал спецгруппы по обнаружению и распознаванию кораблей чужаков. Таким образом было достигнуто использование способностей ясновидящих и технологии Федерации как единого целого. Благодаря этому, позиции Вилдхейта как человека весьма влиятельного, были крепки. Но несмотря на это, он совершенно не изменился. Хотя Майо почувствовала влияние его личности. Ясновидящие не были замкнутым обществом. На равнине за рекой началось строительство космодрома.

Через калитку в стене они увидели Ветку, которая шла к ним по дороге, держа за руку маленькую копию самой себя. Ховер еще издалека заметил, что в этом ребенке есть что-то от решительности Вилдхейта, связанное с диковатыми глазами, унаследованными от матери.

— Вот, наконец, та, которую так ждал Гесс — маленькая Ветка Вилдхейт собственной персоной.

Ховер поздоровался с ясноглазой девушкой. Его сразу же удивило то, что она словно угадывала каждое его движение еще до того, как он намеревался его сделать.

— Кажется, это ты мне говорил, — обратился он к Вилдхейту, — что дети от смешанных браков утрачивают способность к ясновидению. А что здесь я вижу?

— А как же природа, Гесс? Мы еще до конца не разобрались, но должен сказать тебе, что в маленькой Ветке такие способности, которых мы не могли даже ожидать. Да и не только мы, о которых даже не могли мечтать и чувствовали. Например...

— Ничего не говори! — Ховер поднял руку. — Иначе мой комплекс исполненности будет постоянно напоминать о себе. Мне только интересно, задумывались ли вы оба над тем, что создали?

— О чем ты, Гесс?

— Когда маленккая Ветка начнет чувствовать свое превосходство над людьми, кто поможет нам защитить вселенную?

ИГРА С МОНСТРОМ

Это была машина-крепость, машина-корабль, стальное космическое существо, построенное в незапамятные времена с одной целью — уничтожить любую жизнь. Такие машины достались земным исследователям в наследство как последствия древней межзвездной войны, кончившейся в такие далекие времена, что ни один земной календарь не годился для исчисления. Подобная машина-крепость, зависнув над освоенной планетой, за два дня превращала поверхность в слой пыли и пара.

В войне с людьми эти машины постоянно варьировали тактику, причем самым непредсказуемым образом. Их древние создатели снабдили машинное сознание фактором случайности. Машины выбирали варианты наугад, но подчиняясь общему принципу — уничтожить как можно больше живых существ. Как считали ученые, план битвы выбирался специальным блоком случайности, работавшим на энергии распада одного из долгоживущих изотопов. Этот блок был спрятан в самом сердце машины, в ее самых тайных недрах. Поэтому человек или компьютер не могли прогнозировать действия этой машины.

Люди называли их берсеркерами.

Дел Мюррей, в прошлом специалист по компьютерам, часто называл берсеркеров словом похуже. Но сейчас ему было не до этого. Он метался по тесной кабине своего одноместного боевого корабля, вставляя запасные схемы, блоки и платы вместо поврежденных последним залпом берсеркера. Ракета едва их не накрыла: в кабине Дел был не один, его товарищем было животное, размерами и внешним видом похожее на собаку, но с передними конечностями, как у обезьяны. Этими лапами собакообезьяна сейчас держала пачку гермозапат. Кабина, словно легким туманом, наполнялась дымкой. Там, где движение тумана выдавало течь в корпусе, собакообезьяна прилепывала гермозаплату.

— "Наперстянка", "Наперстянка!" — начал громко вызывать Мюррей.

— Мюррей, это "Наперстянка"! — Кабину наполнил неожиданно громкий голос. — Ты далеко от него?

От усталости Дел даже не обрадовался тому, что связь работает.

— Через минуту сообщу. По крайней мере, он больше не стреляет. Отойти, Ньютон.

Собакообезьяна, бывшая в самом деле инопланетным животным, которое на родной планете называлось "айан", верный друг и помощник Мюррея, отодвинулась в сторону, продолжая с завидной настойчивостью искать прорехи в корпусе.

Дел пристегнулся к большому амортизационному креслу управления. На это ушла целая минута. Теперь перед ним был пульт. Последний залп берсеркера наполнил кабину мелкими опасными осколками, но человеку и айану повезло: они даже не были ранены.

Когда включился радар, Дел сказал:

— "Наперстянка", от меня до него примерно девяносто миль. С противоположной относительно вас стороны.

Эту позицию Дел стремился занять с самого начала боя. Два земных корабля и берсеркер висели в пространстве на расстоянии в половину светового года от ближайшей звезды. Пока корабли находились рядом, машина смерти не могла совершить подпространственный прыжок к звезде и ее беззащитным планетам-колониям. "Наперстянка" была больше корабля Дела, на ее борту находилось двое людей и оборудования у них было больше. Все равно оба земных корабля казались диллупутами рядом с громадой берсеркера.

На экране радара Дел видел древнюю металлическую гору, в поперечнике не уступающую штату Нью-Джерси. Удары людей оставили свои следы на поверхности гиганта: шрамы, кратеры величиной с остров Манхеттен, застывшие озера металла.

В результате горьких поражений люди разработали тактику боя с берсеркером. Она требовала одновременного нападения тремя кораблями. "Наперстянка" и Мюррей — пока их было только два. Третий корабль спешил к ним сквозь подпространство на сверхсветовой скорости, но был еще в восьми часах пути. Оставалось, сдерживая берсеркера, тянуть время. И гадать, какой очередной непредсказуемый ход сделает смертоносный колосс.

Может, он атакует корабли поодиночке. Или попыбует отступить. Или будет выжидать, предоставляя людям сделать первый ход. Берсеркеры изучили язык землян-космопроходцев, поэтому машина могла с ними заговорить. В любом случае цель одна — уничтожить, уничтожить все живое на своем пути. Такова была программа, вложенная в берсеркеры древними воинственными Создателями.

Детекторы неожиданно отметили появление силового поля позади корабля Дела. Подобно медвежьим лапам, они охватили корабль в кольцо, отрезая путь к отступлению. Дел атакует замер, ожидая последнего смертельного удара. Его рука повисла над красной кнопкой — нажатие на нее запускало ракеты с ядерными боеголовками. Нет, для атаки нужны три корабля: если Дел сам или с "Наперстянкой", берсеркер распылит их на атомы и двинется уничтожить колонии. Красная кнопка была последним отчаянным средством.

Дел сообщал о появлении силовой ловушки, когда почувствовал признак новой атаки.

— Ньютон! — громко позвал он, не выключая связи. На втором корабле услышат и поймут, что происходит.

Айан шариком выкатился из собственного боевого кресла и замер перед хозяином, как загипнотизированный. Все его внимание было обращено на человека. Дел любил иногда похвастаться: "Если показать моему Ньютону картинку с разноцветными огоньками, убедить его, что это панель управления, он будет нажимать кнопки пульта, пока настоящая панель не приобретет тот же вид, что и на картинке"

Но айаны не имели человеческой способности мыслить абстрактно и не могли этому обучиться. Вот потому Дел и намеревался передать Ньютону командование кораблем.

Он выключил компьютер — пользы от машины было не больше, чем от его собственного мозга в условиях надвигающейся атаки, — а потом приказал айану:

— Режим "зомби"!

Айан среагировал мгновенно. Он ухватил Дела за запястья и аккуратно завел его руки за спинку кресла, где были устроены специальные наручники.

Принципы нового ментального орудия берсеркеров были еще непонятны людям, но горький опыт научил их мерам предосторожности. Во-первых, атака начиналась постепенно, достигала пика воздействия не сразу. Во-вторых, пиковое воздействие можно было поддерживать только в течение двух часов. После этого берсеркер прекращал атаку на примерно такое же время. Но в течение двух часов ментального воздействия луч берсеркера начисто лишал человеческий мозг или компьютер способности планировать и прогнозировать. Хуже всего, что в подобном состоянии человек ничего неправильного не замечал и думал, что все идет нормально.

Так и сейчас Делу казалось, что все это происходило уже неоднократно. Ньютон, смешной чудак, пожалуй, зашел слишком далеко со своими выходками: он бросил коробочки с разноцветными бусинами — свои любимые игрушки — и принялся нажимать на клавиши пульта. Панель подмигивала разноцветными индикаторами. Поскольку играть с Делом ему не хотелось, он привязал Дела к креслу. Негодяй! Это просто недопустимо, учитывая, что происходит сражение. Дел, попробовав освободить руки, позвал Ньютона.

Ньютон в ответ заворчал и остался у пульта.

— Ньютон, хорошая собачка, а ну, отпусти мои руки. Я знаю, я должен сказать "Четыре и семь..." Эй, Ньютон, где твои игрушки? Я хочу посмотреть на твои бусины.

На корабле было несколько сот маленьких коробочек с бусинами — остатки какого-то груза. Ньютон любил их сортировать. Дел, довольный собственной находчивостью, усмехнулся. Он отвлек внимание Ньютона, а потом... идея незаметно растворилась в хаосе, наполнявшем сознание Дела.

Ньютон, повизгивая и подвывая, не покидал как его и учили пульта: корабль совершал сложные маневры, создавая иллюзию, что им продолжает управлять человек. Лапы Ньютона не приближались к красной кнопке. Он нажмет ее только, если будет смертельно ранен сам или обнаружит, что Дел мертв.

— Вас понял, Мюррей, — сказал передатчик голосом с "Наперстянки", словно подтверждая получение сообщения. Иногда "Наперстянка" добавляла несколько цифр или слов, которые могли что-то означать, но Дел только удивлялся — о чем это они там толкуют?

Наконец до него дошло, что "Наперстянка" старается поддержать иллюзию, будто бы кораблем Мюррея управляют надежные руки его капитана. Он почувствовал страх. Это был первый признак конца ментальной атаки, и значит, он пережил еще одну. Зловещий полугений-полубезумец, берсеркер прекратил работу ментального луча как раз в тот момент, когда успех был близок. Возможно, машина была введена в

заблуждение или следовала стратегии избегать предсказуемых действий любой ценой.

— Ньютон!

Айан, услышав перемену в тоне, повернул голову. Теперь Дел мог произнести условную формулу-пароль, которая заставит Ньютона освободить хозяина, показав, что последний больше не подвергается воздействию мозгового оружия. Пароль был достаточно длинным, чтобы человек не смог его повторить во время ментальной атаки.

— "... не исчезнет с лица Земли!" — произнес он финальную фразу. Радостно взвизгнув, Ньютон освободил запястья капитана от пут. Дел тут же повернулся к передатчику.

— Атака пошла на убыль, "Наперстянка"! — раздался голос Дела в кабине управления второго корабля.

Капитан "Наперстянки" облегченно вздохнул.

Вдруг заговорил сам берсеркер. Его радиоголос наполнил тесные рубки обоих кораблей.

— У меня есть предложение, малютка! — У голоса был необычный, какой-то квакающе-детский оттенок. Он был синтезирован из обрывков радиопередач, из голосов мужчин, женщин, детей, рассортированных и словно наколотых на булавки, как бабочки в коллекции. Наверняка пленных он убивал, получив всю нужную информацию.

— Ну? — Голос Дела казался во сто раз более уверенным и мужественным.

— Я придумал игру. Сыграем в нее? Если ты будешь играть хорошо, я не стану убивать тебя сразу.

— Что-то новенькое, — пробормотал помощник.

Три секунды глубокомысленного молчания. Потом капитан ударил кулаком по подлокотнику боевого кресла.

— Он хочет просканировать сознание Дела, чтобы откалибровать ментальный луч, испытать разные модуляции и их воздействие на человека. Как только берсеркер убедится, что луч оказывает нужное воздействие, он немедленно атакует. Спорю на что угодно, металлический монстр задумал именно это!

— Я обдумал твоё предложение, — хладнокровно ответил берсеркеру Дел.

— Он спешит начать, — заметил капитан. — Раньше двух часов берсеркер луч не включит.

— Но двух часов не хватит!

Голос Дела:

— Опиши правила игры.

— Это упрощенная версия вашей игры "шашки".

Капитан и помощник переглянулись. Они не могли представить Ньютона, играющего в шашки, и не сомневались, что если Ньютон с игрой не справится, они будут мертвы через два с чем-то часа, а их планеты окажутся под неминуемой угрозой уничтожения.

Минуту спустя голос Дела произнес:

— Чем мы заменим доску?

— Будем передавать ходы по радио. — Берсеркер принялся описывать похожую на шашки игру, только на доске меньших размеров и с меньшим количеством шашек. На первый взгляд ничего сложного в игре

не было. Просто играть в нее мог только человек или машина с процессором, способным планировать и прогнозировать.

— Если я соглашусь играть, — сказал Дел, — кто будет ходить первым?

— Он тянет время, — сказал капитан, грызя ноготь большого пальца. — И мы не можем посоветовать, эта тварь тут же перехватит передачу. Держи ухо востро, Дел, мой мальчик.

— Для простоты, — сказал берсеркер, — в каждой партии первым буду ходить я.

Когда Дел закончил оборудовать доску для игры, у него оставался еще час нормальной работы сознания. Для игры использовались фишки со штырьками. Перемещение фишек автоматически передавалось берсеркеру. Огоньки на клетках показывали Делу ходы фишек противника. Дел заготовил запись разных многозначительных реплик типа "Продолжаем игру!" или "Сдаешься?" на случай, если берсеркер заговорит с ним во время работы ментального луча.

Противнику Дел не спешил сообщать о готовности: только что придуманная система должна была позволить Ньютону играть в этот вариант шашек.

Не бросая работы, Дел тихо засмеялся и взглянул на Ньютона: айан отдыхал на кушетке с любимыми коробочками в лапах. Чтобы осуществить задуманное Делом, айану придется напрячь все свои умственные способности до предела. Но Дел не видел причин, по которым его помощник мог бы не справиться.

Дел тщательно проанализировал игру в упрощенные шашки и составил диаграммы всех возможных позиций, с которыми мог столкнуться айан. Так как первым всегда будет ходить берсеркер, айану нужно дать лишь четные ходы. Эти позиции Дел нанес на маленькие карточки. На каждой карточке Дел указал наилучший возможный ход — в виде стрелки. Оставалось научить айана играть с помощью карточек, смотреть на них, сопоставлять позиции на доске и диаграммах, выбирать лучший ход...

— Ай-ай-ай! — сказал вдруг Дел и застыл, глядя в пространство. Ньютон тревожно заворчал.

Капитан "Наперстянки" вдруг громко и внятно выругался.

— Что случилось? — удивленно спросил помощник.

— Кажется, мы влипли. Я думал, Мюррей изобретет систему, чтобы Ньютон мог играть вместо него во время ментальной атаки. Ничего не выйдет. Ньютон всегда будет делать тот же самый ход в одинаковых позициях. Может, система и идеальная, но люди так не играют. Они делают ошибки, меняют тактику, стратегию. Более того, человек учится играть по ходу самой игры! С каждой партией он играет лучше и лучше. Именно это выдаст Ньютона, именно на это рассчитывает бандит-берсеркер. Наверное, он знает об айанах. И как только убедится, что его противник — глупое животное, а не человек или компьютер...

Некоторое время спустя помощник сказал:

— Они начали передавать сигналы ходов. Игра уже идет. Может, и нам стоит смастерить доску, чтобы мы могли следить за игрой?

— Лучше подготовимся действовать, — и капитан с тоской посмотрел на красную кнопку ядерного залпа, потом на часы: до появления третьего корабля оставалось часа два, не меньше.

Помощник вскоре сказал:

— Кажется, сигнал конца первой партии. Если я правильно понял, Дел проиграл... — Сэр, берсеркер включил ментальный луч! Теперь Дел под его воздействием...

Капитан промолчал, говорить было нечего. Двое космонавтов молча ждали атаки врага, надеясь, что в последние секунды жизни успеют нанести противнику ощутимый урон.

— Вторая партия, — озадаченно сказал помощник, — "Поехали дальше!" Это был голос Мюррея!

— Он мог приготовить запись. Наверняка он придумал какой-то план, и сейчас за него играет Ньютон. Но берсерксер ему не обмануть. Рано или поздно он поймет...

Время ползло, как улитка.

— Первые четыре партии он проиграл, — сказал помощник. — Но ходов не повторяет. Жаль, что мы не смастерили доску...

— Да отстань ты с этой доской! Мы бы тогда вместо пульта смотрели на нее. Будь внимателен, не теряй бдительности.

Несколько минут спустя помощник прошептал:

— Будь я проклят...

— Что?

— Дел свел партию вничью.

— Тогда он не под лучом... Ты уверен?

— Ментальный луч работает! Вот, такая же индикация, как и во время прошлой атаки. Берсеркер бомбардирует Дела уже почти час, и мощностр растет.

Капитан смотрел на пульт, не веря своим глазам. Но он доверял компетентности помощника и индикаторам на панели.

— Тогда кто-то или что-то, не имеющее аналитического состояния, учится сейчас играть вместо Дела. Ха-ха, — раздельно сказал капитан, будто вспоминая, как нужно смеяться.

Берсеркер выиграл еще партию, потом снова была ничья. Потом три ничьи подряд.

Голос Дела хладнокровно произнес:

— Сдаешься?

И ход спустя он проиграл партию. Но следующая опять завершилась вничью. Делу явно требовалось больше времени на один ход, чем берсеркеру. Но он все равно играл достаточно быстро, чтобы не вызывать у машины подозрений.

— Он меняет модуляции ментального луча, — взволнованно доложил первый помощник. — И мощностр поднял...

— Ага, — пробормотал капитан.

Он несколько раз порывался связаться с Делом, передать пару ободряющих слов, чтобы хоть как-то разрядить напряжение пассивного ожидания. Но он не решился рискнуть, опасаясь разрушить чудо.

Он все еще не верил, что это возможно, даже когда фантастический матч превратился в цепочку ничьих, естественный результат единобор-

ства двух игроков равной силы. Капитан, несколько часов назад уже прощавшийся с жизнью, ждал теперь фатального мгновения.

— "...не исчезнет с лица Земли!" — произнес Дел Мюррей. Ньютон поспешил освободить его руки из ремней.

Позиция на доске представляла прекращенную несколько секунд назад игру. Одновременно был выключен ментальный луч. "Хитрая штучка" ворвалась в нормальное пространство точно в нужной позиции и всего пять минут позже назначенного срока. Берсеркер был вынужден обратить всю энергию на последовавшую атаку "Хитрой штучки" и "Наперстянки".

Компьютер Дела, придя в себя после ментальной атаки, уже поймал в экранний прицел вздутую, покрытую шрамами серединную секцию берсеркера. Рука Дела метнулась к пульту, рассыпая по пути фишки.

— Мат! — рывкнул он, опуская кулак на большую красную кнопку.

— Хорошо, что он не выбрал шахматы, — сказал Дел, сидя в рубке управления "Наперстянки". — Если бы он выбрал шахматы, мне пришлось бы туго.

Но капитана интересовало другое.

— Дел, ты научил Ньютона играть по диаграммам. Это я понимаю. Но как получилось, что он играл все лучше и лучше? Как он мог учиться играть? Дел усмехнулся.

— Он учиться не мог. Но его игрушки — могли. Погоди, я не шучу.

Он позвал айана и взял из лапы животного коробочку. На крышке была наклеена карточка с диаграммой одной из возможных позиций, со стрелками разного цвета, указывающими вероятные ходы фигур Дела.

— Понадобилось около двух сотен таких коробочек. Вот эта из группы четвертого хода. Найдя в этой группе диаграмму, подходящую для позиции на доске, Ньютон брал коробочку, вынимал наугад бусину, — сказал Дел, демонстрируя операцию.

— Вот, я вытаскил голубую. Делаем ход, указанный голубой стрелкой на диаграмме. Смотрите, на слабую позицию всдет оранжевая стрелка. Видите? — Он вытряхнул бусины на ладонь. — Оранжевых бусин не осталось. Хотя в начале игры было по шесть бусин каждого цвета. Вынимая бусину, Ньютон обратно ее не клал до конца игры. Если табло показывало проигрыш, он выбрасывал все неудачные бусины. Постепенно были исключены все неудачные ходы. Через несколько часов Ньют и его коробочки научились играть не хуже берсеркера.

— Да, — сказал капитан, нагнулся и почесал Ньюта за ухом. — Мне бы ничего подобного в голову не пришло.

— А я, честно говоря, мог бы и побыстрее сообразить. Самой идеей лет двести. А компьютеры — моя профессия.

— Ведь это может оказаться полезнейшим изобретением, — задумчиво сказал капитан. — Оно пригодится всем передовым отрядам, имеющим дело с ментальным лучом.

— Правильно, — сказал Дел. — Только...

— Что?

— Я вспомнил одного парня по имени Бланкеншип. Интересно, а если я попробую...

МАСКАРАД В КРАСНОМ СВЕТЕ

Обнаружив предостаточно свободного времени, Фелипе Ногара принял решение взглянуть получше на объект, ради которого забрался в такую даль, дальше самого края Галактики. Покинув роскошь личной каюты, он перешел в личную обсерваторию. Здесь, под куполом невидимого стекла, легко было вообразить, что находишься вне корпуса "Нирваны", флагманского корабля Фелипе.

"Внизу" — относительно направления искусственной гравитации на "Нирване" — сверкал накренившийся диск родной Галактики, включая и тот единственный рукав скоплений, который успело исследовать и освоить человечество. Но куда ни кинь взгляд, во тьме мерцали яркие пятнышки и световые точки. Это были другие галактики, в парадном великолепии шествовавшие за оптический горизонт со скоростями удаления десятки тысяч миль в секунду.

Ногара почти не обратил внимания на далекие туманности, он пришел в обсерваторию посмотреть на другой феномен, на нечто новое и впервые наблюдаемое человеком со столь небольшого расстояния.

Увидеть этот феномен стало возможным благодаря иллюзии сгущения галактик и потокам пылевой материи, каскадом устремлявшимся в него. Звезда в центре феномена была невидима из-за мощи собственного поля тяготения. Чудовищная масса этой звезды, в несколько миллиардов раз превосходившая массу Солнца, так искривляло пространство вокруг, что ни один атом не имел шансов убежать на воспринимаемой глазом длине волны.

Пылевой мусор глубокого космоса, падая в недра сверхмассы, раскалялся до люминесцентного свечения, накапливая статический заряд. Вспышки гигантских молний сместились в красный конец спектра, чтобы вскоре исчезнуть на дне гравитационной пропасти. Едва ли корабль мог приблизиться к "черной дыре" ближе, чем сейчас находилась "Нирвана".

Сигнал коммуникатора призвал Ногара обратно в роскошь его каюты, и Фелипе быстро спустился, довольный, что появился повод снова увидеть нормальный потолок над головой.

Он ткнул пальцем в пластинку коммуникатора.

— В чем дело?

— Мой господин, прибыл корабль-курьер. Из системы Фламланда. У них на борту...

— Ближе к делу. У них на борту тело брата.

— Да, мой господин. Шлюпка с гробом уже в пути, приближается к "Нирване".

— Я хочу видеть капитана курьера в Большом Зале. Без церемоний. Пусть роботы в шлюзе сделают анализы эскорта и оболочки гроба. Нам не нужна инфекция.

— Слушаюсь, мой господин.

Упоминание об инфекции было уловкой. Йохан Карлсен оказался в криогенном саркофаге не по причине фламландской эпидемии чумы. Это был лишь официальный вариант истории. Врачи, якобы, заморозили героя битвы у Каменного Края в качестве крайней меры, дабы предотвратить неминуемую смерть.

Официальная ложь была неизбежной необходимостью. Даже сам Фелипе Ногара не мог устранить с пути человека, спасшего людей от берсеркеров. После победы у Каменного Края жизнь в Галактике получила шанс на выживание, хотя война с берсеркерами еще шла, конца ей не было видно, и борьба оставалась крайне жестокой, уносящей новые и новые жизни.

Йохан Карлсен — то, что сейчас было им, — покоем под толстой стеклянной крышкой тяжелого автономного саркофага, оснащенного собственной системой замораживания и оживления. Системы контролировались волоконно-оптическим ключом, теоретически не поддающимся копированию или подделке. Фелипе Ногара жестом потребовал у капитана курьера этот ключ.

Ключ висел на шее, на золотой цепочке, которую капитан медленно снял и отдал Ногаре. Только после этого он вспомнил, что нужно поклониться — в конце концов, он был космонавт, а не придворный. Фелипе не обратил внимания на оплошность, его в первую очередь волновало, насколько расторопно и понятливо подчиненные выполняют его приказы.

Сжав в ладони оптический ключ, Фелипе бросил взгляд на прозрачную крышку, под которой лежал замороженный брат. Врачи-заговорщики обрили голову и лицо Йохана, обнячно носившего короткую бородку. Губы Карлсена были, как мрамор, открытые глаза — как лед. Но все равно лицо, несомненно, принадлежало Йохану, в нем было нечто, что не поддавалось холоду.

— Оставьте меня, — сказал Ногара.

Услышав звук затворившейся двери, он повернулся и... столкнулся нос к носу с Оливером Микалем, невысоким мужчиной, которого Фелипе назначил заместителем Карлсена на посту управляющего Фламландом. Очевидно, Микаль вошел как раз в тот момент, когда Зал покинул капитан. Символическое совпадение, решил Ногара.

Фамильярно облокотившись о саркофаг, Микаль, как было ему свойственно, чуть вздернул седеющую бровь, выражая усталое любопытство, и немного пухлое лицо расплылось в чересчур сочувственной улыбке.

— Как там у Браунинга? — пробормотал Микаль, взглянув на тело Карлсена. — "Он волю короля свершал с зари и до зари" — и вот награда за труды и преданность.

— Оставь меня, — сказал Ногара.

Микаль участвовал в заговоре вместе с фламландскими врачами.

— Я решил возникнуть и разделить твой траур, — объяснил он, но, взглянув на Фелипе, больше ничего не сказал. Отвесив поклон, Микаль энергично зашагал к двери. Дверь тихо затворилась.

"Итак, Йохан... Если бы ты строил заговор против меня, я мог бы убить тебя открыто. Но ты был слишком честен и слишком успешно мне служил. Мои друзья и мои враги начали слишком восхищаться тобой. Теперь ты здесь, во льду. Моя замороженная совесть. Ты все равно

поддался бы честолюбию, раньше или позже, и выбор был бы один: или вот этот ящик, или смерть.

Теперь я тебя спрячу в надежное место, и кто знает? У тебя, быть может, еще будет шанс. Как странно — наступит день, и ты будешь задумчиво стоять над моим гробом, как я над твоим сейчас. Не сомневаюсь, ты будешь молиться за мою душу, хотя не знаю, что это такое... Молиться за тебя я не могу, но желаю приятных снов. Пусть тебе приснится твой вождьсленный рай, а не ад."

— Я не могу рисковать властью, Йохан. — Эти слова он прошептал вслух. — Или вот так, или смерть.

И он снова отвернулся к панорамному иллюминатору.

— Наверное, 33-й уже доставил тело этому Ногарс, — сказал второй помощник эстильского курьера номер 34, бросив взгляд на корабельный хронометр. — Очень мило — объявить себя императором и гонять людей через всю Галактику.

— Особенно, если это тело брата, — сказал капитан курьера Терман Хольт, изучая шар астронавигационной карты. Сверхсветовые генераторы курьера уносили корабль все дальше от системы Фламланда. В любом случае Хольт был рад убраться из системы, где политическая полиция Микаля рьяно взялась за дело.

— Хотел бы я знать, — усмехнулся помощник.

— В смысле?

Второй помощник оглянулся по сторонам — привычка, необходимая на планетах Фламланда, — и спросил:

— Слышал такое: "Ногара — бог, но половина космонавтов у него атеисты"?

Хольт исхотя улыбнулся.

— Но его не назовешь безумным тираном. Эстил — еще не худшее правительство в Галактике. И восстания подавляют жесткие парни, таково правило.

— Карлсен с этим тоже неплохо справлялся.

— Это верно.

Второй помощник поморщился.

— Конечно, могло бы быть и хуже. Но Ногара — политик, и мне не нравится команда, за пару последних лет собравшаяся вокруг него. Образец их работы — у нас на борту. Если хочешь правду, то я начинаю побаиваться — теперь, когда Карлсена нет.

— Ну ничего, мы их скоро всех увидим, — зевнул Хольт и потянулся, хрустнув суставами. — Пойду проверю кутузку. Мостик в твоих руках, второй.

Минуту спустя, глядя сквозь одностороннее стекло в тесную корабельную камеру для арестованных, Хольт искренне пожалел узника. Лучше было бы ему умереть.

Вождя повстанцев звали Яанда, его поимка стала последним успехом службы безопасности Фламланда под руководством Карлсена, практически положив конец восстанию. Яанда был высоким мускулистым мужчиной, храбрым вождем и жестоким бандитом. Он совершал набеги, диверсии, боролся с Эстильской империей до последнего. Загнанный в угол, он сдался Карлсену.

Если пойманный бунтарь и был высокого роста, Хольту еще не пришлось в этом убедиться лично. Кандалы, сковывающие его запястья и лодыжки, были из пластика, не ранящего кожу, но смысла в них Хольт никакому не видел и, если бы мог, он бы их снял.

Рядом с Яндой сидела Люсинда, кормившая пленника. Посторонний мог принять девушку за дочь бунтаря, но в действительности она была его сестрой, всего на пять лет младше. К тому же она отличалась редкой красотой, и у полиции Микаля могли быть иные — кроме милосердия — мотивы оставить ее сознание в нормальном состоянии. Ходили слухи, что спрос на развлечения определенного рода был высок среди придворных Ногары, любивших при этом частую смену участников.

Хольт старался не думать о подобных вещах. Открыв замок камеры (он закрывал дверь, чтобы уберечь Яанду от какого-нибудь несчастного случая или чтобы он не заблудился, беспомощный, как ребенок), Хольт вошел.

В глазах Люсинды, когда она ступила на борт курьера, была только чистая ненависть ко всем эстильцам без исключения. За дни полета Хольт, стараясь быть максимально мягким и всхливым, изменил отношение Люсинды, и сейчас ее лицо оставалось спокойным. Ему показалось, что в ее глазах мелькнула надежда, которой она рада была поделиться хоть с кем-нибудь.

— По-моему, он только что назвал мое имя, — сказала она.

— Правда?

— Возможно... — Хольт замолчал.

— Что? — Она даже немного подалась к нему.

Боги Космоса, он не имеет права! Он не может с ней связываться. Лучше бы она его продолжала ненавидеть.

— Возможно, — мягко сказал он, — твоему брату лучше не поправляться. Ты же знаешь, куда мы его возем.

Его последние слова окончательно задушили слабую надежду, ожившую в ней. Она молча смотрела на брата, словно видела впервые.

Загудел наручный интерком.

— Капитан слушает, — Хольт нажал кнопку приема.

— Сэр, обнаружен корабль, они вызывают нас. Примерно на 16-м градусе к нашему курсу. Небольшой корабль, внешне все нормально.

Последнее означало, что обнаруженное судно не было гигантской крепостью-берсеркером. У останков фламландских бунтарей для глубокого космоса транспорта не было, и Хольт не видел причин для особой осторожности.

Вернувшись на мостик, он взглянул на экран детектора. Очертания корабля были незнакомы, но при огромном количестве верфей на орбитах множества обитаемых планет это было неудивительно. Но чего они хотят?

— Чума?

— Нет, не чума, — ответил радиоголос, пробиваясь сквозь треск помех. Видеосигнал тоже был плохой, изображение прыгало, лица говорящего не было видно.

— В последнем прыжке поймали микрометеорит, теперь все поля шалят. Можете принять несколько пассажиров на борт?

— Конечно.

Столкновение корабля на пороге сверхсветового прыжка с микро-частицей была редким, но иногда происходящим событием. Хольт был спокоен.

Шлюпка незнакомца причалила к воздушному шлюзу. Изобразив ободряющую улыбку, Хольт открыл люк, и в следующую секунду он и поддюжины человек его команды оказались в водовороте ледяного металла. Это была абордажная команда берсеркера, безжалостная, как ночной кошмар.

Машины взяли курьер под контроль так стремительно, что не было и речи об организованном сопротивлении, но пока что никто из людей не пострадал. Выдрав с мясом тяговые модули из шлюпки курьера, роботы загнали в кабину шлюпки Хольта, команду и пленников.

Звякнул люк, вошли два робота-андроида, с автоматической точностью пробрались среди наполнявших тесноту кабины пленников и остановились рядом с нужным.

— Нет, он не говорит! — вскрикнул Люсинда. — Не трогайте его!

Но машины не слушали или не слышали. Они подняли Яанду на ноги и повели. Девушка пыталась уйти с ними, умоляла машины оставить брата. Хольт боялся, что ее убьют, но роботы только лишь не дали Люсинде покинуть шлюпку, оттолкнули от люка. Металлические руки были неумолимы. Люк захлопнулся, Люсинда непонимающе смотрела на крышку. Она не шевельнулась, когда Хольт сочувственно обнял ее за плечи.

Прошла, казалось, вечность, но люк открылся снова. Машины вернулись без Яанды, им был нужен Хольт.

Корпус курьера звенел и сотрясался — кажется, роботы его перестраивали. В небольшой кабине в новой части корпуса берсеркер смонтировал себе электронные глаза, уши, установил динамик. Сюда Хольта привели на допрос.

Допрос продолжался весьма долго, и почти все вопросы касались личности Йохана Карлсена. Берсеркеры, как известно, считали Карлсена врагом номер один, но данный конкретный берсеркер вообще страдал какой-то карлсеноманией. Он не верил, что Карлсен мертв.

— Я проник в ваши информационные банки, к картам и расчетам курса, — напомнил берсеркер Хольту, — и я знаю курс к кораблю "Нирване", где якобы находится нефункционирующее тело Карлсена. Опиши эту "Нирвану", принадлежащую жизнеединице Фелипе Ногаре.

До сих пор Хольт спокойно давал прямые ответы — машину интересовал мертвый. Флагманский корабль — другое дело: Хольт колебался. Но если бы он и хотел что-то сказать о "Нирване" ему мало что было известно. К тому же он и его собратья по несчастью не выработали общего плана обмана берсеркера — ведь машина наверняка слушала все его разговоры.

— Я этот корабль никогда не видел, — сказал он, и это была чистая правда. — Логически рассуждая, это мощный военный корабль. Ведь на нем путешествуют самые влиятельные вожди людей.

Все сказанное машина и сама могла вывести, поэтому никаких секретов Хольт не открывал.

— Видишь ли, — сказал берсеркер, — не получается имитация жизнеединиц. Их сразу распознают. Поэтому помочь мне должен ты, настоящая жизнеединица. Ты поможешь мне убедиться в том, что Карлсен в самом деле мертв.

Хольт ничего не ответил.

— Берсеркеры, объединив усилия, создали меня. Я специальное устройство; мое назначение — удостовериться в гибели Карлсена. Если ты поможешь мне, я освобожу тебя и остальных жизнеединиц, взятых в плен. Если откажешься, я начну прилагать к вам всем самые неприятные стимулы-раздражители, пока не передумаешь.

Хольт не верил, что берсеркер их освободит. Но терять было нечего, и, в конце концов, он может выиграть себе и остальным смерть без "отрицательных раздражителей". Берсеркеры — практичные убийцы, а не садисты.

— Что я должен делать?

— Когда я закончу перестройку курьера, мы направимся к "Нирване". Управлять курьером буду я. На "Нирвану" ты должен был доставить пленных. После встречи с вождями людей пленных доставят на Эстил, не так ли?

— Так.

Снова открылась дверь, и, волоча ноги, в каюту вошел Яанда.

— Может быть, его мы избавим от вопросов? — предложил Хольт. — Бедняга все равно ничего не соображает.

Ответом была тишина. Хольт ждал. Наконец, посмотрев на Яанду, заметил перемену в облике узника.

Из правого глаза больше не сочились слезы. Хольт почувствовал приступ подсознательного страха, как бы предугадывая следующие слова берсеркера.

— Эта жизнеединица была модернизирована и перестроена, — сообщил берсеркер. — Кость заменена металлом, вместо крови в венах и артериях текут специальные консервирующие жидкости. Внутри черепа вмонтирован компьютер, глаза стали камерами. Через них я получу нужные мне доказательства гибели Карлсена. Имитировать поведение человека со стертым сознанием вполне в пределах моих возможностей.

— Капитан курьера? Говорит губернатор Микаль по поручению его величества Фелипе Ногары. Доставьте пленных на борт "Нирваны" немедленно.

— Слушаюсь, сэр, — подтвердил получение приказа Хольт.

Когда курьер-берсеркер вышел из сверхсветового прыжка в пределах видимости "Нирваны", Хольт и Люсинда были вызваны из шлюпки. Шлюпка с пленной командой дрейфовала возле корпуса курьера, как если бы экипаж проводил наружный осмотр и синхронизацию полей. Пленный экипаж стал заложником и живым щитом берсеркера. Кроме того, позиция шлюпки была наглядной иллюстрацией возможного освобождения заложников.

Хольт не сразу смог собраться с силами и рассказать Люсинде о гибели брата. Она проплакала минуту, потом вдруг совершенно успокоилась.

Хольт и Люсинда находились в кабине шлюпки, готовой к старту на "Нирвану". Машина, облаченная в тело брата Люсинды уже ждала в углу кабины, безжизненная, как тряпичная кукла.

Увидев этот манекен, Люсинда замерла, потом сказала спокойно:

— Машина, спасибо. Ты оказалась добрее людей. Наверное, если бы не ты, я сама нашла бы способ убить Янду, чтобы враги не могли его больше мучить.

Шлюз "Нирваны", как и весь корабль, был надежно бронирован, оснащен защитной автоматикой, способной отбросить любую abordажную команду. Тяжелая артиллерия и ракеты "Нирваны" легко справились бы с нападением корабля класса курьера или даже десятка подобных. Берсеркер все это предвидел.

Хольта и его спутников встретил офицер.

— Сюда, капитан, мы все ждем.

— Все?

У офицера был упитанный, довольный вид, говоривший о легкой и безопасной службе. Взгляд его оценивающе скользил по Люсинде.

— В Большом Зале идет банкет. Все предвкушают появление пленных.

Когда Хольт и пленные вошли в зал, на миг наступила тишина, все головы повернулись в сторону двери. За тишиной последовал всеобщий радостный вопль. Во взглядах пировавших Хольт читал все, что угодно, только не милосердие.

— Добро пожаловать, капитан, — приятным голосом сказал Ногара, когда Хольт вспомнил, что нужно поклониться. — Какис-нибудь новости с Фламланда?

— Ничего важного, сэр.

Пухлолицый человек, сидевший по правую руку от Ногары, подался вперед.

— Не сомневаюсь, население оплакивает покойного губернатора!

— Конечно, сэр, — Хольт узнал Микаля. — И предвкушает правление нового.

Микаль откинулся на спинку кресла, цинично усмехнулся.

— Особенно бунтари-повстанцы. Эй, красавица, ты рада познакомится со мной? Иди-ка сюда, ко мне. — Девушка повиновалась, хотя и не сразу. — Роботы, принесите стул для этого человека, поставьте в центре зала. Капитан, вы можете вернуться на корабль.

Фелипе Ногара пристально смотрел на старого врага, Янду, и едва ли кто-то мог угадать, что за мысли вертелись в его голове. Но он ничего не добавил к приказам Микаля.

— Сэр, — обратился Хольт к Микалю, — я бы хотел увидеть тело Йохана Карлсена.

Просьба привлекла внимание Ногары, он кивнул. Роботы-лакси раздвинули тяжелые занавеси, открывая альков в конце зала. Перед большим иллюминатором стоял саркофаг.

Хольт не был удивлен — на многих планетах было принято пировать в присутствии усопших. Он отдал честь Ногаре и пошел к алькову, слыша за собой шаркающие шаги скованного бунтаря. За столом зашептались, вдруг утихла музыка, повисла напряженная тишина. Очевидно, Ногара

жестом разрешил пропустить пленника, чтобы посмотреть, как будет себя вести жертва мозгостира.

Хольт остановился перед саркофагом. Но он едва ли замечал покрытое инеем лицо под прозрачной крышкой, зловеще рдеющую гипермассу за иллюминатором; едва ли он слышал шелот и смехи участников банкета. Словно наяву встали перед ним лица товарищей, беспомощно ждавших в плену силовой ловушки берсеркера.

Шаркая, подошел Яанда — вернее, замаскированная в его плоть машина, — и глаза стеклянных объективов заглянули в ледяные глаза под крышкой. Фотоснимок узора сетчатки, переданный на берсеркер, станет неопровержимым доказательством — этот человек был ни кто иной, как Карлсен.

Гневный крик заставил Хольта обернуться. Люсинда отбивалась от Микаля, тянувшего к ней руки. Микаль и его друзья покатывались со смеху.

— Нет, капитан, я совсем не Карлсен, — крикнул Микаль, заметив выражение лица Хольта. — Думаете, я жалею, что мы разные? Перспективы Йохана мрачны. Он пленник твердой скорлупы и больше не король пространства!

— Шекспир! — восторженно завопил один из подхалимов, лстя эрудиции Микаля.

— Сэр, могу я... — Хольт сделал шаг вперед, — доставить пленника обратно?

Микаль неверно его понял.

— Ого! Я вижу, вы цените *маленькие радости существования*, мой друг, капитан! Но, как известно, высший чин даст нам привилегии. Девушка останется у нас.

Хольт предвидел подобный поворот событий: Люсинде лучше остаться здесь, чем возвращаться на берсеркер.

— Тогда, сэр... со мной вернется ее брат. В тюремной больнице на Эстиле он может поправиться...

— Капитан, — сказал Ногара тихо, но заглушая одним словом остальные голоса, — здесь не спорят.

— Слушаюсь, сэр.

Микаль покрутил головой.

— Сейчас к врагам я милость проявлять не расположен, капитан. Возможно, когда-нибудь позднее... там посмотрим. — Он лениво обхватил рукой Люсинду. — А знаете, капитан, что ненависть — единственная специя любви?

Хольт растерянно взглянул на Фелипе. Холодный взгляд безмолвно сообщал: еще одно слово, и ты окажешься в кутузке, капитан, и я два раза не предупреждаю.

Хольт знал, что берсеркер следит за каждым шагом и звуком в Зале. Его машина могла бы уничтожить всех гостей в мгновение ока.

— Я... я возвращаюсь на корабль, — пробормотал он. Ногара отвернулся, никто уже на Хольта внимания не обращал. — Я... вернусь сюда... немного спустя. До отправления на Эстил.

Хольт замолчал, видя окруживших Яанду участников пира. Они освободили руки и ноги пленника от кандалов и сейчас облачали его в маскарадный костюм: рогатый шлем, мохнатый плащ, копье и щит.

Костюм витязя-викинга, старинного норвежского воина. Именно они придумали слово "берсеркер".

— Заметьте, капитан, — хихикнул Микаль, — на нашем маскараде мы не страшимся рока, постигшего принца Просперо! Мы не боимся напоминания об ужасе космических пространств!

— Эдгар По! — зашелся в восторге подхалим.

Имена Просперо и По ничего не говорили Хольту, и Микаль был разочарован.

— Покиньте нас, капитан, — приказал Ногара.

— Покиньте нас, капитан, — твердо сказала Люсинда. — Мы знаем, вы хотели помочь тем, кому грозит опасность. Фелипе Ногара, будет ли капитан Хольт в какой-нибудь мере виноват в том, что здесь произойдет в его отсутствие?

В глазах Ногары мелькнул вопрос. Но он чуть наклонил голову в знак согласия.

Теперь, получив заочное прощение, Хольт мог сделать одно: уйти. Он попытается выпросить у берсеркера жизнь себе и команде. Берсеркер был терпелив, очевидно, он еще не собрал достаточно доказательств. Если с Яндой будут нормально обращаться...

Хольт ушел. Ему и в голову не пришло, что Карлсен был лишь заморожен.

Люсинда стояла рядом с креслом Микаля, который обнимал ее за бедра, воркуя:

— О, как ты трепещешь, крошка! Как это трогательно! Такая красавица дрожит от моего прикосновения! Я польщен. Ведь мы больше не враги, правда? Если мы враги, мне придется сурово обойтись с твоим братом.

Пока Яанду усаживали, Микаль повернулся к Люсинде.

— Но я в самом деле был намерен отправить вашего брата в тюремный госпиталь, — сказал он как ни в чем ни бывало.

— Врешь, дерьмо собачье, — тихо сказала Люсинда, очаровательно улыбаясь.

Микаль в ответ только усмехнулся.

— Проверим искусство моих ментотехников, — предложил он. — После этого, готов спорить на что угодно, ему уже не понадобятся кандалы, чтобы усидеть на стуле. — Он помахал рукой в сторону стеклянно блестящих глаз Яанды. — Да. Но сознавать происходящее он будет каждым нервом, смею вас заверить.

Люсинда рассчитывала на нечто подобное, но сейчас почувствовала, что предел близко. Она уже не могла дышать воздухом этого собрания, напоенного злом и жестокостью. Ей казалось — еще немного и она упадет без сознания.

— Нашему гостю наскучил его костюм. — Микаль обвел взглядом собравшихся. — Кто позаботится о его развлечении?

Хлопки, смех, с соседнего места поднялся хихикающий юноша женственной внешности.

— А, Джейми! Джейми славится изобретательностью, — пояснил светским тоном Микаль Люсинде. — Теперь смотрите внимательно. Начинаем!

Сидевший по другую сторону от Микаля Фелипе Ногара проявил интерес к происходящему, словно отвлекшись от тяжелых дум. Он нехотя повернул голову, ожидая продолжения.

Джейми хихикал, поигрывая маленьким инкрустированным ножом. Сверкали драгоценные камни инкрустации.

— Только не глаза, — предупредил Микаль. — Ему обязательно предстоит еще увидеть кое-что интересное.

— Ах, конечно! — прощелбетал Джейми. Он с большой осторожностью снял рогатый шлем с головы Янды, вытер затем ладони о салфетку.

— Начнем со щечки. Маленький кусочек кожи...

Лезвие нежно коснулось плоти, но и этого было слишком много для мертвых тканей. После первого же нажима вся маска лица, мокрая и кровавая, сползла вниз, открывая ухмыляющийся стальной череп берсеркера.

Люсинда еще успела увидеть, как от удара стальной руки Джейми полетел через весь зал. Потом двое, державшие Люсинду, обратились в бегство, и она нырнула под стол. Разразилось подлинное светопредставление. Несколько секунд спустя стол отлетел прочь от удара робота. Машина, видя, что первоначальный план провалился, занялась простым прямым избиением жизнесидниц.

Убивала она эффективно, зигзагами и прыжками перемещаясь по залу. Руки работали, как косы смерти, собирая щедрый урожай окровавленных неподвижных тел.

В дверях из-за паники образовалась пробка, и здесь механический убийца нашел самую выгодную позицию, круша, ломая кости, дробя черепа, разрывая мышцы, связки и артерии. Покончив с этим делом, робот вернулся к опрокинутому столу, где на коленях стояла Люсинда. Машина остановилась на мгновение, направив на нее объективы, но не тронула — возможно, робот узнал в ней помощника. Он помчался за другой жертвой.

Это был Ногара. Он с трудом сохранял равновесие, правая рука была сломана. В левой он сжимал тяжелый пистолет и вовсю палил по мчавшемуся на него роботу. Разрывные пули попадали в друзей Ногары, разносили в щепки мебель, но не причиняя вреда роботу.

Наконец, одна пуля попала в уязвимое место. В последнем броске поврежденный робот сбил Ногару с ног.

В разгромленном Зале повисла тишина, как после взрыва бомбы. Люсинда поднялась на плохо слушавшиеся ноги. Кто-то стонал, кто-то плакал, но встать, кроме нее, кажется, никто не мог.

Но живые сейчас значили больше мертвых... Живые? Ну конечно, заложники берсеркера! Как она могла забыть! Они были добры к брату и к ней, эти космонавты. Нужно попытаться обменять тело Карлсена на их жизни.

Роботы-лакси, запрограммированные справляться с неожиданностями вроде пролитого вина, суетились в пародийной механической панике. Люсинде они только мешали, но ей удалось выкатить тяжелый саркофаг почти до середины Зала, когда ее остановил чей-то слабый голос. Ногара сидел на полу, прислонясь к ножке перевернутого стола.

— ... Живой, — прохрипел он снова.

— Что?

— Йохан живой. Здоровый. Понимаешь? Он только заморожен.

— Но мы сказали берсеркеру, что он умер.

События сменялись слишком быстро: Люсинда чувствовала, что мысли начинают путаться. Она только сейчас взглянула на снежно-белое лицо Карлсена, как загнипнотизированная.

— Но у берсеркера заложники. Ему нужно тело.

— Нет, — покачал головой Ногара. — теперь я вижу. Не выйдет. Я его не отдам берсеркеру.

Ногара был ранен и не мог даже подняться на ноги, но аура мощной личности, привыкшей и умеющей повелевать, еще не покинула его. Слово силовое поле, его магнетическая сила сковала Люсинду. Она уже не чувствовала ненависти.

— Но там семеро космонавтов, они погибнут, — запротестовала она.

— Берсеркер похож на меня, — усмехнулся Ногара сквозь сжатые зубы. — Он не отпускает пленных. Вот ключ... — Он с трудом снял цепочку с шеи сквозь разодранную тунику.

Замок саркофага имел несколько позиций, и Люсинда переставила маркер на "СРОЧНОЕ ОЖИВЛЕНИЕ". Внутри саркофага вспыхнул свет, что-то мощно и гулко запульсировало.

Стеклянная крышка саркофага затуманилась.

Люсинда метнулась к иллюминатору, чуть не споткнувшись о тело Микаля. Глядя под углом, прижавшись щекой к пластине иллюминатора, она могла видеть корпус курьера, розоватый в мерцающем красном излучении гипермассы. Рядом с курьером на прежнем месте была розовая точка шлюпки.

Как долго будет ждать берсеркер, прежде чем убьет заложников?

Когда она опять повернулась в сторону саркофага, крышка устройства уже была поднята и в саркофаге сидел человек. На миг их взгляды встретились. Глаза Карлсена были, как у беспомощного ребенка, но только мгновенье — и это мгновенье навсегда осталось в памяти Люсинды. Потом энергия жизни начала возвращаться к Карлсену, становясь сильнее с каждой секундой. Сила его личности не уступала силе личности брата, наверное, была даже сильнее, но совсем другого рода.

Карлсен окинул взглядом разгромленный Зал, кровь, обломки, потом посмотрел на саркофаг.

— Феликс, — печально прошептал он.

Люсинда подошла к нему и вдруг начала рассказывать обо всем, что случилось с момента, когда в камере фламандской тюрьмы она услышала новость о смерти Карлсена от чумы.

Он только один раз перебил ее.

— Помоги мне выбраться из этой штуки и найти бронекостюм.

Его рука была сильной, но когда оказался на полу рядом с Люсиндой, она увидела, что он на удивление небольшого роста.

— Продолжай. Что было потом?

Она поспешила завершить рассказ, а роботы тем временем облачали Карлсена в космические латы.

— Но почему вас заморозили? — вдруг спросила она, удивленная здоровым и энергичным видом Карлсена.

Он не ответил.

— Иди в боевую рубку. Мы должны спасти заложников.

Карлсен уверенно направился в центр управления "Нирваны", занял кресло дежурного офицера, уже, очевидно, убитого. Панель перед Карлсеном ожила разноцветными огнями, и он отдал приказ:

— Свяжите меня с курьером.

Через несколько секунд ответил монотонный голос с курьера. Лицо на видеозэкране было плохо освещено, и не очень внимательный наблюдатель вполне мог принять это создание за обычного дежурного по связи на курьере.

— Говорит главнокомандующий Карлсен. — Карлсен использовал титул, который носил в тот великий день битвы у Каменного Края. — Я сейчас прибуду к вам на борт. Мне нужно поговорить с вашими людьми.

Сумеречная фигура шевельнулась.

— Понял вас, сэр.

Карлсен тут же отключил связь.

— Это даст некоторое время. Так, теперь мне нужен... мне нужна шлюпка, самая скоростная. Роботы погрузят на нее саркофаг. Сейчас я под воздействием пробуждающих стимуляторов, но вскоре мне может понадобиться небольшой отдых в морозильнике.

— Вы отправитесь на курьер?

Карлсен уже встал из кресла.

— Я хорошо изучил поведение берсеркеров. Если назначение этого устройства — преследовать меня, он не станет тратить секунду на выстрел по заложникам, если на прицеле буду я.

— Нет, — прошептала Люсинда. — Вы ведь нужны всем нам... всем людям...

— Я пока не собираюсь совершать самоубийство. У меня в запасе имеется пара трюков. — Вдруг его тон изменился. — Ты говоришь, Фелипе жив?

— Кажется.

Карлсен закрыл глаза, губы его беззвучно шевелились. Потом, взглянув на Люсинду, он схватил стилус и листок с консоли дежурного офицера.

— Передай это Фелипе, — сказал он, что-то записывая. — Он освободит тебя и капитана курьера. Вы для сего власти не угроза, не то что я...

Он кончил писать, свернул листок и передал Люсинде.

— Пора. Хранит вас Бог.

Люсинда, оставшись в боевой рубке, видела старт кристального кораблика Карлсена. Капсула покинула ангар "Нирваны" и по плавной дуге устремилась к берсеркеру, где зависла на некотором расстоянии от шлюпки с заложниками.

— Берсеркер, — услышала Люсинда голос Карлсена. — Ты видишь, что это в самом деле я, не так ли? Ты уже запелсенговал мою передачу? Ты уже сфотографировал через камеру видеоканала рисунок моей сетчатки?

И на максимальном ускорении капсула шлюпки понеслась прочь, совершая резкие зигзаги, уходя от залпов берсеркера, открывшего огонь из всех орудий и ракетных установок. Карлсен не ошибся. Берсеркер не истратил зря ни одной секунды. Он оставил в покое заложников и бросился в погоню за капсулой Карлсена.

— Огонь по курьеру! — отчаянно закричала Люсинда.

— Уничтожить корабль-курьер!

Но залп ракетных установок "Нирваны" не достиг удаляющуюся цель. Скорее всего, помешали искажения в ткани пространства — курьер уже достиг границы воздействия гипермассы.

— Догони их! — приказала Люсинда.

Звезды по курсу немедленно стали голубее, но тут же автопилот блокировал приказ. Голос компьютера объяснил Люсинде, что ускоряться далее данного предела опасно для жизни экипажа, гипермасса была слишком близко.

Пойманный в гравитационный водоворот, против которого бессильны любые двигатели, шлюпка Карлсена неслась к гипермассе. И прямо за шлюпкой мчался берсеркер, поглощенный стремлением убедиться в гибели врага номер один.

Две ярко-красные точки неслись вместе с огромным облаком падающей в гипермассу пыли, словно улетаая к горизонту закатного неба какой-то планеты. А потом красное смещение гипермассы проглотило блестящие пылинки, и они исчезли из обычной Вселенной.

Некоторое время спустя роботы доставили на борт "Нирваны" заложников берсеркера. Хольт обнаружил Люсинду одиноко стоящей у панорамного иллюминатора.

— Он пожертвовал собой ради вашего спасения, — сказала она. — Он вас даже никогда не видел.

— Я знаю. — Помолчав, Хольт добавил: — Я говорил только что с лордом Ногарой. Не знаю почему, но вас приказано освободить. И меня за помощь берсеркеру тоже не станут судить. И это при том, что Ногара нас явно ненавидит...

Она не слушала, только смотрела в иллюминатор.

— Когда-нибудь ты мне все о нем расскажешь, — сказал Хольт и обнял плечи Люсинды. Она, словно отмахиваясь от назойливой мухи, повела плечами. Хольту пришлось убрать руку.

— Понятно, — сказал Хольт, помолчав. И пошел проверить, как дела у его команды.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Дорогие читатели!

В издательство продолжает приходить множество писем по публикуемому нами сериалу «Звездные войны». Хочу внести ясность и ответить на некоторые заданные нам вопросы. Во-первых, весь сериал «Звездные войны» разбит нами на последующий цикл книг, из которых уже опубликованы:

1. «Звездные войны» Э. Гамильтон.
2. «Вторые звездные войны» Дж. Лукас.
3. «Третьи звездные войны» Г. Гаррисон, К. Капп

В настоящее время в наборе находятся «Четвертые звездные войны», в которых мы познакомим вас с творчеством писателя-фантаста носящего псевдоним Мак Анн, а также Дугласа Хилла и Джо Холдемана. Все они представлены «крутыми» космическими боевиками, не публиковавшимися ранее на русском языке.

Далее мы планируем выпустить в свет 5-е, 6-е, 7-е и т. д. «Звездные войны». Все они разбиты нами на последовательный ряд эпизодов, ничем не связанных между собой. Весь вышеуказанный сериал входит в нашу серию «Библиотека зарубежного криминального и приключенческого романа», которую мы основали еще в 1990 г. «на заре книгопечатания в России». Книжный рынок был совершенно пуст, конкуренции не существовало, а помимо нашей серии в СССР была только латышская серия сборников Чейза. С момента выхода первых наших книг прошло значительное время и теперь достать первые тома серии практически невозможно, но тем не менее, в редакцию приходят и приходят письма с просьбой их выслать. Мы можем успокоить наших читателей, сообщив что нами собираются Ваши заявки на недостающие тома. Когда будет набрано требуемое количество желающих, мы небольшим тиражом, чтобы не обесценить серию, допечатаем их.

Дорогие читатели, можете спокойно продолжать собирать нашу серию, хотя некоторые тома на данный период времени у Вас отсутствуют!

По вопросам оптового приобретения книг серии просим обращаться:

тел. в г. Смоленске: (08122) 9-95-80 (представитель издательства).

тел. в г. Смоленске: (08122) 3-10-97, 3-92-48 (фирма «Русь»).

С уважением

А. САЯПИН.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУНКТ ВТОРЖЕНИЯ — ЗЕМЛЯ (восьмой эпизод)	3
АГЕНТ ГАЛАКТИКИ (девятый эпизод)	105
ОРУЖИЕ ХАОСА (десятый эпизод)	215
ИГРА С МОНОСТРОМ	331
МАСКАРАД В КРАСНОМ СВЕТЕ	338

Г. Гаррисон, К. Калп

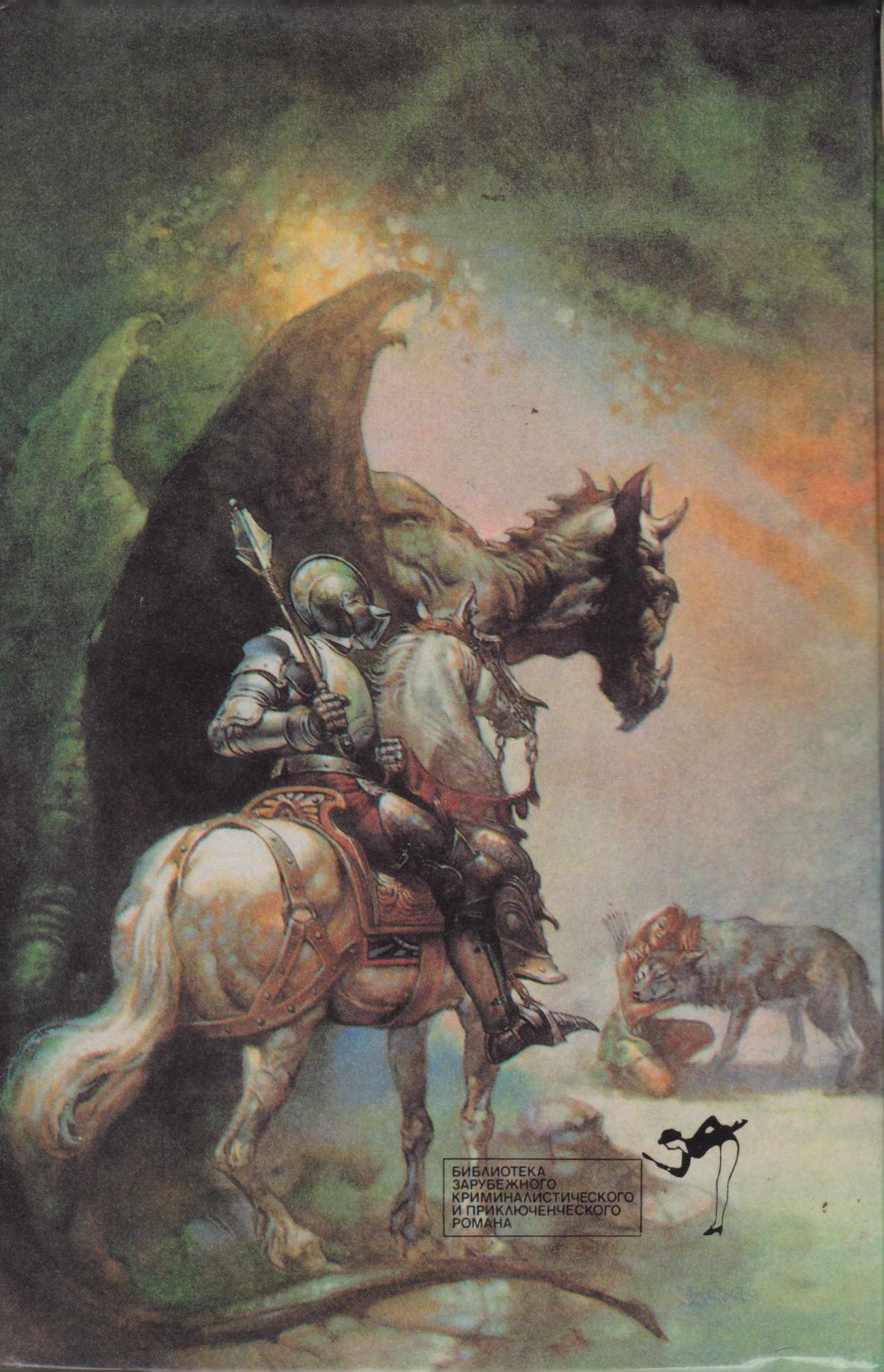
«Третьи звездные войны». / «Библиотека зарубежн. крим. и прикл. романа». Выпуск 9. Издано при содействии производственной фирмы «Мелор».

Художественный редактор *А. Саяпин*
Технический редактор *Л. Заичкина*

Сдано в набор 3.11.92. Подписано в печать 5.01.93. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Ул.-печ. л. 22,8. Заказ № 3673. Тираж 100 000 экз. Заказное. «Библиотека «Ломоносов» НБ0001. Эстония, г. Таллинн, ул. Харью, 4.

Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Качество печати соответствует качеству представленных издательством диапозитивов.

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

9